

A knight in full chainmail armor is shown from the waist up, holding a sword in his right hand and a shield in his left. The knight is positioned in the center of the frame, facing slightly to the right. The background is a misty, forested landscape with tall, thin trees and a hazy sky. The lighting is soft, creating a somber and atmospheric mood. The knight's armor is detailed, showing the texture of the chainmail and the structure of the surcoat. The sword is held in a ready position, and the shield is held up to protect the knight's body.

Андрей Астахов
ЧЕЖЗЕР

Странные вещи происходят со студентом Сашей Мезенцевым. Он внезапно узнает, что недавно умерший профессор Кузнецов был его предком и военным разведчиком, раскрывшим в годы второй мировой войны одну из тайн Третьего Рейха — проект перехода в иную реальность. Теперь прошлое находит Сашу. Ему предстоит отправиться в мир Десятигорья, где давняя война магов может привести к катастрофе. Стать Преследователем, призванным найти волшебное наследие таинственного Пророка.

Глава первая. Вначале была легенда

Безлюдье, тревога и наползающий мрак близкой ночи — вот что меня окружало. И еще тишина, такая неестественная и потому оглушительная. Вокзал был пуст, его окна, частью разбитые ударной волной рвавшихся тут не так давно бомб, частью целые и заклеенные бумажными полосами, были темны и безжизненны; замершие на путях искореженные взрывами и обгоревшие остовы вагонов и платформ казались черными тенями на фоне темнеющего хмарного неба. Ключья осенних облаков плыли над моей головой, порывами налетал холодный ветер. Большие часы на столбе у края перрона во время последней бомбардировки города союзниками остановились, их циферблат треснул, и теперь они постоянно показывали четверть пятого — в это самое время трое суток назад у вокзала начали рваться бомбы, сброшенные "либерейторами". Каждый раз, когда я смотрел на них, сразу возникала потребность проверить время, и я лез в карман за своими часами. Наверное, я слишком часто это делал, это могло вызвать подозрения. В последний раз это случилось минут пять назад, и стрелки показывали без семи семь. Ждать осталось совсем немного, потому что встреча с Лотаром назначена на семь.

Я узнал о ней два дня назад, в кафе "Луна" от Марии. Мы с Лотаром прежде никогда не встречались, хотя в разведке слово "никогда" лучше не использовать, под псевдонимом Лотар может скрываться кто угодно — даже твой сосед или одноклассник. Мария сказала мне, что Лотар уже год работает с местным Сопротивлением, и ему удалось получить информацию огромной важности, которая очень интересует Центр. Так что командованием приказано встретиться с ним на перроне городского вокзала в пятницу в семь вечера, и на встречу отправлюсь я. Условным знаком для Лотара будет журнал "Пари-Матч", который я должен держать в левой руке. Все подробности Лотар мне сообщит при встрече — так сказала Мария.

— За удачу! — шепнула она, поднимая бокал с вином. — И да хранит тебя Бог, Андре!

Мария знает мое настоящее имя, но всегда использует псевдоним, который мне дали в разведке — Андре Форжерон. Так-то я Андрей Кузнецов, уроженец Москвы, недоучившийся студент журфака МГУ — война помешала. А Мария родилась во Франции, в Париже. Ее отец — французский коммунист, воевал в Испании в тридцать шестом году, а мама русская, из эмигрантов. Мы познакомились в разведшколе в Саратове, куда меня направили в октябре сорок первого, в самые тяжелые дни обороны Москвы. Я тогда просился на фронт, написал несколько заявлений, но в военкомате нашли мне другое применение. Сочли, что работая под руководством специалистов из Пятого Управления РККА, я принесу Родине больше пользы....

Часы в моем кармане издали мелодичный звон. Я вздрогнул, достал часы, открыл крышку. Ровно семь. Лотар вот-вот появится. Поежившись и поправив шляпу, я медленным шагом направился к остановившимся вокзальным часам. Осколки стекол, усыпавшие перрон, противно хрустели под моими подошвами. А потом слышал шаги нескольких человек.

Они вышли из здания вокзала — не армейцы и не эсэсовцы, "кеттенхунде", офицер в чине гауптмана и два солдата фельджандармерии. Крепкие, рослые, откормленные, с до

зеркального блеска начищенными горжетами, в новенькой форме. И тут же направились в мою сторону.

— Ире папирен битте! — бросил мне офицер, вцепившись в меня наглым, господским и одновременно подозрительным взглядом водянистых голубых глаз. Господи, какая противная у него морда, настоящий нацист. Такой застрелит и не поморщится.

Я достал свой аусвайс, подал жандарму. Тот взял документ брезгливо, кончиками пальцев, затянутых в лайковые перчатки. В голове вспыхнула мысль, от которой меня жаром обдало: как объяснить этому лощеному фрицу, что я делаю в семь вечера на перроне полуразрушенного вокзала, на который уже четвертый день не приходят поезда?

— Очень предусмотрительно носить с собой удостоверение личности, герр Форжерон, — сказал немец на чистом французском языке, возвращая мой документ. — Здесь опасное место для прогулок, не стоит оставаться на вокзале. В городе орудуют банды маки и английских диверсантов.

— Благодарю за заботу, герр гауптман.

Офицер не ответил мне. Быстро, отработанным за годы движением, извлек из кобуры "Люгер" и выстрелил в своих солдат. Они даже не поняли, что случилось. А потом схватил меня за руку и крикнул:

— Я Лотар! За мной!

Я был так ошеломлен, что не сразу сообразил, что Лотар говорит со мной уже не по-французски, а на чистейшем русском языке. И не мог оторвать взгляда от двух еще вздрагивающих тел в растекающихся лужах крови.

— Быстрее, черт!

Лотар потащил меня на пути, и мы побежали прямо по разбитым рельсам, мимо разбомбленных вагонов и оставленных взрывами воронок, мчались, не разбирая дороги, пока хватило дыхания. Наверное, мы отбежали от здания вокзала не меньше, чем на километр, когда Лотар, наконец, остановился.

— А ты дохляк, зема, — сказал он с насмешкой глядя на меня. — Совсем задохся. Куришь?

— Нет, — выдохнул я, пытаюсь прийти в себя. — Что... что вообще тут такое.... творится?

— Потом. Давай за мной!

На этот раз мы не бежали, а шли быстрым шагом. Миновали застывшие мертвые паровозы, вагоны и платформы, потом вышли к сортировочной станции. Само здание станции было сильно разрушено бомбардировкой. Лотар вошел первым, через секунду жестом позвал меня внутрь.

— Отдышался? — спросил он. Его глаза загадочно поблескивали в пахнувшей гарью полутьме. — Давай, приходи в себя. У нас мало времени.

— Ты что, нащ, советский? — спросил я, опустившись на уцелевший стул.

— Советский, — он протянул мне руку. — Будем знакомиться — Константин. Можно без звания. Вот ты значит какой, лейтенант. Мария тебя очень точно описала. Оружие есть?

— Никак нет.

— Держи, — Лотар-Константин протянул мне свой "Люгер". — Вот еще обойма. Перезаряди.

Я попытался вытащить обойму из рукояти, но защелка была слишком тугая, и еще, у меня дрожали пальцы. Сильно дрожали. Константин наблюдал за мной, а потом потерял

терпение.

— Дай сюда! — буркнул он, выхватив у меня оружие. — Сиди здесь, я сейчас.

Он вышел из комнаты и вернулся минуты через три с большой тяжелой сумкой, измазанной землей и пеплом. В сумке оказался комплект полевой формы вермахта, пистолет-пулемет МР40 и подсумок с магазинами.

— Быстро надевай это, — велел Константин, показывая на сумку.

— Что за дело, ептыть? Объясни толком, что творится.

— Сейчас четверть восьмого, — сказал Константин, глянув на часы. — Представление начинается в восемь, так что успеваем.

— Какое представление?

— Ты одевайся, одевайся... Ну вот, хорошо, — протянул он, оглядев меня, — форменный фриц, аж руки чешутся. Снаряженных магазинов всего два, поэтому стреляй короткими очередями и не мажь. Дело такое, что промахиваться никак нельзя. Ты как стрелок, хреновый или ворошиловский?

— Слушай, ты, — разозлился я, — долго еще выживаться будешь? Притащил меня сюда, маскарад устроил. Что вообще...

— Ладно, ладно, охолопись. Хочешь правду — вот тебе правда. Засаду мы с тобой устроим, зема. На крупного зверя, крупнее не бывает.

— Языка брать будем, что ли?

— Нет, не языка. Про "Анненербе" слышал когда-нибудь?

— Не приходилось. А кто это?

— Интересные люди. Я б сказал, с изюминкой люди. Это особое подразделение СС, которое занимается разной чертовщиной. И придется нам с тобой познакомиться с ними сегодня.

— Чертовщина, да? А если без красивых слов?

— А если без, то вот тебе факты. Был недалеко от города до войны химический завод компании Рон-Пуленк. В сорок третьем немцы устроили на этом заводе концлагерь. Пригнали сюда несколько тысяч узников из Натцвайлера и других лагерей. Сами фрицы называют этот новый лагерь "Объект 43". И наша, и английская разведки давно до этого "Объекта" добивались — уж больно он их интересовал. Подозревали, что там какое-то новое секретное оружие делают. Только вот лагерь очень сильно охранялся, подхода к ним никакого не было. Почти год мы за ними наблюдали, но без толку.

— И что дальше?

— Дальше? Появилась у нас одна зацепка. Когда на севере Франции союзники высадились, фрицы занервничали. Начали специальными конвоями с Объекта 43 что-то вывозить. Не так давно такой вот конвой под бомбовый удар союзников попал — все в кашу, но один фриц выжил и оказался у партизан. Звали его Пауль Райхманн, он на этом Объекте инженером по гидросистемам работал, причем имел высокий доступ. У Райхманна еще и документы кое-какие интересные оказались. Словом, выяснилось, что немцы на Объекте 43 монтировали какую-то хитрую машину, которую называли Flucht — по-нашему "Прямая линия". Принцип ее действия и назначение Райхманн описать не мог, только упомянул, что каждый этап проекта согласовывался с высшим командованием СС и "Анненербе". Сам Зиверс неоднократно приезжал на объект и интересовался ходом работ. Отвечал за реализацию проекта правая рука Зиверса, штандартенфюрер Удо Энгель, а научным консультантом была штурмбаннфюрер санитарной службы СС Ева Хаан. Она, по словам

Райхманна, лично отбирала заключенных для экспериментов, связанных с проектом. Что уж они с этими беднягами там делали, Райхманн не знал, но клялся, что потом отобранных Хаан людей никто больше не видел. Вообще, в блок, где была смонтирована машина, даже комендант лагеря не имел права входить. Вот так мы получили первую информацию об этой конторе. Ну, а потом удалось завербовать одного парня-француза, который работает ремонтником в гараже на объекте. Он сообщил, что в гараже в постоянной готовности стоят два автомобиля "опель-адмирал" с одинаковыми номерами. Четыре дня назад, как раз перед налетом союзников оба автомобиля с пассажирами были готовы покинуть Объект 43. Причем один автомобиль должен был сопровождаться конвоем, а вот второй почему-то нет. Интересное кино получается.

— И каковы наши действия?

— Нам поставлена следующая боевая задача — в случае эвакуации перехватить автомобиль с высокопоставленными нацистами. Сегодня в восемь англичане начнут налет — в числе целей значится и Объект 43. В Центре сделали так, что информация о будущем налете попала к немцам. За дорогами следят наши люди. В принципе, немцы могут ехать либо через город, либо по дороге Страсбург — Сен-Лазар. Думаю, интересующие нас персоны поедут по ней. Второй маршрут не так приметен, да и не станут с воздуха бомбить одинокую машину. — Константин еще раз оглядел меня с головы до ног. — А мы по ней слегка постреляем. Как, готов?

— Так точно.

— Тогда выдвигаемся. Времени осталось совсем немного.

Последующие полчаса мы пробирались по узким улочкам старого города, скрытые сгустившейся темнотой. Я сильно волновался, мне еще ни разу не доводилось участвовать в такой операции. Но Константин был спокоен. Так мы добрались до францисканского монастыря, и здесь увидели огни.

— Спокойно, — сказал Константин, — это свои.

"Свои" оказались группой французов, одетых в камуфлированную эсэсовскую форму и окруживших бронетранспортер "Ханомаг". Их командир поприветствовал нас и заявил, что все готово, и что они ждут только приказа перекрыть дорогу.

— Превосходно, — сказал Константин. — Тогда начинаем.

Маки полезли в машину, бронетранспортер завелся и пополз в сторону дороги, хорошо заметной за деревьями. Я немного успокоился — с такой поддержкой предстоящее боевое задание уже не казалось таким рискованным. Впрочем, чего это я? Я ж комсомолец, мне бояться не положено...

БТР выкатился на обочину, взяв дорогу под прицел пулемета. Французы быстро извлекли из кустов оплетенную колючей проволокой рогатку и перекрыли дорогу. Все, теперь ждем. Интересно, что бы сказала Мария, увидев меня в этой форме?

Едва я подумал о Марии, как до нас донесся далекий звук сирены, на него отозвалась другая, и вскоре сигналы предупреждения о воздушном налете были уже по всему городу. В небо уперлись световые столбы зенитных прожекторов, шаря в нем, будто призрачные пальцы. Я посмотрел на Константина — он негромко беседовал с командиром партизан, кряжистым мужиком с квадратным лицом и пышными драгунскими усами. Мне не хотелось, чтобы он заметил мою нервозность.

— Ну-ка, подойди! — вдруг позвал он меня.

Я подчинился. Француз кивнул, отошел. Константин взял меня под локоть, отвел в

сторону.

— Начну я, — зашептал он, — ты стой и не кипиши, понял? Как упаду на землю, тогда стреляй. И точно стреляй, чтобы ни один не опомнился. Французы нас подстрахуют, конечно, но и нам самим оплошать никак нельзя. Понял, зема?

— Понял.

— Понял он, — передразнил Константин. — Надо отвечать "Так точно", деревня. А теперь слушай приказ, на тот случай, если меня... если я не смогу дальше действовать. Французы не знают, а ты обязан. В машине наверняка будут какие-то интересные вещи. Документы, чертежи, планы, карты — ну, ты разведчик, должен понимать. Так вот, все, что найдешь на месте операции, доставишь Марии. Она знает, что с этим делать. Приказ ясен?

— Так точно. — Я сделал паузу. — Только ты уж под пули не подставляйся, не стоит.

— И тебе могу сказать то же самое. Все, ждем. Скоро начнется....

Вдалеке заухали взрывы, окрашивая ночное небо зарницами. По самолетам били зенитки — я отчетливо слышал их стрельбу. Мне вдруг стала понятной простая вещь: вряд ли эсэсовские шишки поедут через город, там попасть под случайную бомбу левое дело. Константин все правильно придумал. Надо ждать тварей тут. Только вот от ожидания этого прямо дрожь по спине пробирает...

Уж не знаю, сколько времени прошло — может десять минут, может, больше. А потом из-за поворота дороги показалась легковушка. Одна, без охраны.

— Стоять! — крикнул Константин, обращаясь ко всем сразу. — Не стрелять!

Он шагнул на дорогу, и свет фар легковушки упал на него. Я видел, как Константин поднял руку. Машина — теперь я разглядел ее, это был роскошный черный "опель-адмирал", — взвизгнула тормозами, видимо, водитель не ожидал, что кто-то вот так внезапно выскочит на дорогу. Хлопнула дверь, кто-то в кожаном плаще выскочил из машины, подскочил к Константину и разразился непечатной немецкой руганью. Мол, знаешь ли ты, такой-растакой, кого останавливаешь? А я будто в гипнозе смотрел в салон — в нем оставались еще трое, молодой белобрысый офицер со злым лицом на сидении рядом с водителем, и крашенная блондинка сзади — ее лицо было бледным, будто гипсовым. Или это в машине свет такой?

Константин прервал поток брани, выстрелив немцу прямо в лоб, и сам упал на дорогу, рядом с убитыми. Миг спустя "Ханомаг" включил фары, и по легковушке заработали не меньше десятка стволов, включая МГ-34. "Опель" немедленно осел на простреленных шинах, безупречно чистый сверкающий корпус в мгновение стал похож на решето. Лобовое стекло разлетелось градом осколков, содержимое головы белобрысого нациста забрызгало всю кабину, водителя прошило пулями вместе с сидением.

— А-а-а-а, сволочи! — заорал я и нажал на спуск, присоединяясь к расстрелу машины.

Я расстрелял весь магазин. Вряд ли хоть кто-то мог остаться в живых под таким градом пуль. Но я ошибся. В тот момент, когда я менял магазин на полный, задняя дверь расстрелянной машины распахнулась, и блондинка в эсэсовской форме вывалилась из салона на дорогу. Изо рта у нее толчками выплескивалась темная кровь, глаза остекленели, но в правой руке она продолжала сжимать пистолет, а в левой — небольшой чемоданчик из серебристого металла.

Я вскинул автомат, чтобы добить ее, но эсэсовка меня опередила — судорожным отчаянным движением сунула ствол пистолета в рот и нажала на курок. Все, финита ля комедия.

— Кажись, все! — услышал я голос Константина. — Чемодан возьми!

Я не сразу смог вырвать чемодан из пальцев мертвой женщины. Константин, видя, что меня вот-вот вывернет наизнанку, сам обыскал карманы убитых, собирая документы и прочую важную мелочь. А потом мы бежали в ночь, стремясь побыстрее уйти с места операции и унося наши трофеи, пока не оказались у какого-то неприметного дома на окраине, в дверь которого Константин долго стучал, пока, наконец, нам не открыли. Хозяин провел нас на второй этаж. Я даже не удивился, когда увидел сидевшую за столом Марию.

— Оба живы! — обрадовалась она. — Как все прошло?

— Андре, давай-ка наш трофей на стол, — велел мне Константин.

Мы встали кругом — Мария, Константин, я и хозяин дома, который каким-то специальным инструментом ловко открыл замок. В чемоданчике оказался металлический футляр с винтовой крышкой. Свинтив ее, Константин осторожно извлек из футляра стеклянный флакон с бесцветной жидкостью.

— Духи? — удивленно спросила Мария. — Похоже на флакон от духов.

— Нет, дорогая моя, это не духи, — Константин поднес флакон к лампе. — Ради этого сотни людей отдали свои жизни. — Тут он глянул на меня. — Закрой дверь, быстро!

Я понял, что сейчас узнаю что-то невероятно важное. Нечто такое, что в жизни разведчика можно узнать только один раз. Я подошел к двери, прикрыл ее, но насмешливый голос за моей спиной сказал:

— Эй, Мезенцев, ты чего? Проснись! Эй, не спи!

Я открыл глаза и не сразу сообразил спросонья, что вся группа смотрит на меня. Мгновение спустя я услышал негромкий и будто обиженный голос доцента Михаила Львовича Виленского, нашего преподавателя по культуре речи:

— Нет, натурально бывает, что студенты засыпают на лекции. Но в первый раз слышу, чтобы так храпели!

***

Ну заснул и заснул — чего башку пеплом посыпать? Со всеми бывает. Тем более у Виленского на лекции. Его на факультете так и называют — Кот-Баюн. Лекции он читает тихо и монотонно, будто со своим галстуком разговаривает. Убаюкивает, зараза, не хочешь, а заснешь. Не в первый раз кто-то у него засыпает. Да еще и погода морит, в такую погоду всегда спать охота. А то, что сокурсники поржали, так плевать. Они с любой фигни ржут. Чихнул кто на паре — смеются, сморкнулся — тоже. Не беда, переживем. Лишь бы Виленский на меня обидку не задавил, а то припомнит мне на зачете. Так-то по словам знатоков факультетской жизни Львович мужик не злопамятный, но все же...

А сон-то, сон! Ну прямо тебе кино про войну, блин. Никогда мне таких ярких и реалистичных снов не снилось. И ведь как все связно! Еще и цветной. Ночью мне таких снов сроду не снилось, а тут нате, на лекции. Крепко меня сморил Виленский своим плетением словес....

Я умылся холодной водой, вытер лицо бумажным полотенцем, показал язык своему отражению в зеркале, и вышел из туалета. Слава Богу, одна пара осталась, английский, и домой.

— Мезенцев, стой!

Это Наташка Архипова, наша староста. Странная девица, манерная вся из себя, чопорная, как семидесятилетняя англичанка, совершенно завернутая на учебе, кошаках и

смурных опусах Мураками и без малейшего чувства юмора. Я подумал было, что она за мою спячку на лекции зудеть начнет, но ошибся.

— Тебя Резниченко вызывает, — заявила она с выражением лица принцессы, отдающей приказ последнему из холопов. — Он на кафедре.

Олег Анатольевич Резниченко — заведующий кафедрой романских языков и наш куратор. Мужик с феноменальной памятью, меня всегда поражало и сейчас поражает, сколько он всего знает. Поисковик Гугл, а не человек. Назови ему любую цитату, и он тут же скажет, из какой она книги. Всю мировую литературу, особенно иностранную, знает вдоль и поперек. И еще на пяти языках свободно разговаривает. Наши серые мышки, вроде той же Архиповой, поголовно и насмерть в него влюблены и в своем кругу называют его Олежеком. Вообще его на факультете любят — преподаватель хороший, толковый, не подлючий, на экзаменах никого не валит и зачеты ставит автоматом. С ним у меня как-то забавный диалог на экзамене по зарубежной литературе случился. Резниченко был ассистентом экзаменатора. Мне достался не самый лучший билет — первый вопрос "Макбет" Шекспира, а второй ранняя американская проза — Готорн там, Вашингтон Ирвинг, прочие. Сказать по правде, ни "Макбета", ни американцев я особо не читал, так глазами пробежал. Ну ничего, прорвемся, уж на тройку расскажу по-любому. Накатал на листке что вспомнил, сажусь отвечать, и в этот момент экзаменатор наш, Игорь Рудольфович Винтер, встает и выходит, оставив нас с глазу на глаз с Резниченко. Ну, я начинаю ему рассказывать про "Макбет", что там да как, говорю про сцену с ведьмами, — единственную, которую более-менее помнил, — а Резниченко мне так с выражением говорит: "Будь здрав, Макбет, будь здрав, Гламисский тан!" Я не догнал сразу, смотрю на него, как панк на салют. А он мне: "Будь здрав, Макбет, будь здрав, Кавдорский тан!". Ну, тут у меня соображалка включилась, и я ему в ответ: "Будь здрав, Макбет, будь здрав, король в грядущем!" Резниченко улыбнулся, расписался в моей зачетке и сказал: "Молодец, Мезенцев, память у вас феноменальная. Знаю, что не читали "Макбета", так, пробежались по страницам, но выкрутились. И до новых встреч". Вот так я за одну минуту сдал экзамен на "отлично". Короче, свой человек. Со студентами всегда на "вы", ни разу не слышал, чтобы он орал на кого-то. Только вот непонятно, на кой хрен я ему понадобился?

Наверное, про мой сон на паре ему уже успели настучать. А, плевать, как-нибудь вынесу маленькое начальничье порицание. Идем на кафедру.

Резниченко был не один — рядом с ним стояла старенькая преподавательница испанского Надия Фазыловна, "баба Надя", как ее называли на факультете. Я поздоровался. Резниченко кивнул мне, показал на стул. А баба Надя тихо, как-то бочком, ускользнула в соседнюю комнату. Я успел заметить, что в руке у нее платочек, и тушь потекла, будто плакала она.

— Вызывали, Олег Анатольевич? — спросил я.

— Вызывал. Хочу вас, Мезенцев, попросить помочь в одном деле.

— Не вопрос. Конечно, помогу.

— Дня два-три придется после занятий поработать. Книги перевозить будем в библиотеку.

Из смежной комнаты послышались всхлипывания бабы Нади. Резниченко как-то безрадостно глянул на меня, кашлянул в кулак.

— Андрей Антонович, наш бывший завкафедрой умер, — сказал он, опустив глаза. — Необыкновенный был человек, Царство Небесное. Умница, интеллигент, преподаватель от

Бога. У нас половина преподавателей у него училась. Библиотека после него огромная осталась, очень ценная. Андрей Антонович одинокий был, бездетный, все свои книги завещал родной альма матер. Вот и надо эти книги из квартиры забрать и сюда перевезти.

— Хорошо, Олег Анатольевич, — ответил я.

— Андрей Антонович на улице Коммунаров жил, а вы там, как мне помнится, где-то по соседству живете.

— Да, на Фестивальном проспекте. Совсем рядом.

Резниченко кивнул, быстро написал пару строчек на листке из блокнота и отдал мне.

— Вот вам адрес, — сказал он. — Подходите сегодня в четыре. И возьмите с собой матерчатые перчатки.

— Понял, Олег Анатольевич, — я сунул листок в карман рубашки.

— Все, свободны. — Тут Резниченко на меня так внимательно посмотрел. — Не выпались что ли сегодня?

— Да нет, все нормально, — я понял, что куратору уже стукнули про мой храп на паре у Виленского. — Отлично все.

— Идите, Мезенцев.

— До свидания.

В коридоре я вытащил бумажку из кармана и прочел адрес. Улица Коммунаров, дом 8, корпус 1, квартира 12. Реально в двух кварталах от моей хаты, хоть через весь город не надо ехать. Занятия кончаются в два часа, успею поточить чего-нибудь вкусненькое и еще "ВКонтакте" заглянуть.

Звонок на пару прервал мои мысли. Аудитория 224, в которой у нас будет английский, в другом крыле, надо спешить. Я прошел по коридору, вышел в вестибюль. И увидел группу людей, преподавателей и студентов — они в молчании стояли у накрытого красной тканью стола, приставленного к стене. На столе я увидел вазу с красными гвоздиками и большую фотографию в траурной рамке. С фото на меня смотрел поверх старомодных роговых очков умными немного печальными глазами незнакомый мне пожилой человек. Под фотографией было написано следующее:

"КУЗНЕЦОВ АНДРЕЙ АНТОНОВИЧ
17 февраля 1924 г. — 19 апреля 2014 г."

Стоп, Андрей Кузнецов? Это ведь...

Я почувствовал, что ладони у меня вспотели. И лицо начало гореть, будто температура поднялась. Быстро, чтобы никто не заметил моего состояния, я отошел от стола и поспешил в аудиторию. Почему-то мне совершенно расхотелось идти на английский. Я понял, что всю пару буду думать совсем не о тонкостях перевода оборотов с there и употреблении перфекта. Что-то странное происходит. И я пока не могу понять, что именно.

А, наплевать и забыть! Все это игра воображения. Просто совпало, в жизни так бывает. И вообще, надо шевелиться — наша англичанка Алла Игоревна не любит, когда опаздывают на занятия...

***

Хорошо, когда дома никого нет. Просто душой отдыхаешь. Первое, что я куплю, когда

сделаю карьеру и начну прилично зарабатывать — это квартиру. Пусть маленькую, пусть в не престижном районе, но свою. Чтобы сам себе хозяин. Без отца и Ленки.

Уже то хорошо, что батя сейчас на вахте. Он работает по схеме "две на две" — две недели на Севере, две дома. Когда он дома, это для меня настоящий вынос мозга. Во-первых, все эти его расспросы — как учеба, с кем дружишь, куда ходишь, не появилась ли у меня девушка и тэ дэ и тэ пэ. Да хрен бы с ними, с вопросами (хотя следует на них отвечать немедленно и подробно), но потом и еще каменты начинаются типа "А вот я в твоё время...." Никакая психика этого занудства не выдержит. Во-вторых, ненавижу телевизор, а отец может смотреть его сутками, особенно люто настаивавшие мне сериалы про бандитов и ментов и футбол, от которого у меня зуд по всему телу. И постоянно пиво бухает, каждый день литра по четыре минимум, потом пивным духом прет по всей квартире. Когда мама была жива, такого не было...

Ленка тоже не подарок. Сестрица старше меня на четыре года, но решила заменить мне мать. Может, замуж выйдет (поскорее бы!), будет мужа воспитывать, но пока отрывается на мне. Заколебали ее постоянные замечания и придирки — помой руки, джинсы на кресле не оставляй, смартфон на кухонный стол не клади, приходи домой вовремя и т. д. и т. п. Спасает дело тот момент, что она с девяти до шести на работе, потом еще полчаса добирается. Так что мы только по вечерам и выходным видимся. В больших количествах Ленку выносить тяжело. Общаемся через записки, которые она оставляет на моем компьютерном столе (это если отца дома нет). Вот и сегодня для меня была записочка:

"В холодильнике суп — разогрей и ешь. Посуду после себя помой. Убери у себя в комнате. Мусор вынеси".

— Лол! — пробормотал я, скомкав записку и кинув ее в мусорное ведро. — Главное, мусор вынеси. исполни супружеский долг!

Суп был вкусный, как раз такой, какой люблю — куриный с домашней лапшой. Ленка, может, и зануда, но готовит классно. И хлеб успела купить свежий. Я съел две тарелки. Будь у меня сегодня другие планы, я б завалился часика на два в счастливую послеобеденную спячку, но меня в четыре Резниченко будет ждать, так что придется ограничиться кратким серфом в сети.

Не люблю просматривать почту в смарте — глаза устают. Только в случае крайней необходимости. В транспорте, или если на парах приспичило. А вот на большом дисплее, да удобно усевшись в кресле, да с чашкой кофе — это тема. Комфорт все-таки великая вещь.

Писем была полна почта, но все какие-то левые, не от тех, кто мне интересен. Удалив все это, я зашел на свою страницу "ВКонтакте", посмотрел, чем живет народ, а потом, глянув на часы, обнаружил, что уже половина четвертого. Пора собираться как бы...

Перед самым выходом из дома на смарт пришло сообщение от Сыча — "Меня тоже припахали, встретимся на Коммунарах". Не скажу, чтобы меня это сообщение сильно обрадовало, но и не расстроило. Мне было как-то параллельно, если честно. Славик Сыч — мой однокурсник, но особой взаимной симпатии у нас нет — так, мужская солидарность, поскольку в группе у нас на двадцать три девчонки только четверо парней: я, Сыч, знойный армянин и любимец всего женского населения филфака Вова Мовсесян и странный картавый очкарик Юра Лисовских, от которого постоянно пахнет валерьянкой и нафталином, как от ветхого деда. Сыч всегда раздражал меня своими тупыми шутками. Однажды на семинаре по штилям Ломоносова кто-то из девчонок задал вопрос, был ли Ломоносов верующий, и Сыч загнул примерно следующее: "Ага, верующий был, но

покемонов в церкви любил половить". Напряг у чела с чувством юмора. А еще у Сыча есть одна черта характера, которая мне очень не нравится — он лезет ко всем со своей дружбой и пытается каждому понравиться. Со мной это не прошло, так что мы просто сокурсники. А с другой стороны, если книг действительно много, лишняя рабочая сила ну никак не помешает. Быстрее все сделаю и освобожусь.

***

Двухкомнатная квартира в доме-сталинке на Коммунаров 8 была довольно-таки запущена — кругом слой пыли, дешевые бумажные обои выгорели, покрылись пятнами и местами отклеились, давно небеленый потолок был в ржавых разводах. И запах специфический, такой в давно непроветриваемых нежилых помещениях бывает. Дело понятное — одинокий девяностолетний старик тут жил, царство ему Небесное. А еще, она была просто забита книгами. Я никогда прежде не видел столько книг. Их тут были тысячи. Они заполняли старые массивные шкафы со стеклянными дверями, лежали стопками в углах комнат, у дивана, под кроватью, на кухне и даже в чуланчике в прихожей. А еще здесь были подшивки советских и иностранных газет и журналов на самых разных языках, просто кипы бумаг, перевязанных шпагатом, тетради, блокноты, какие-то листочки и прочая макулатура. Квартира покойного Кузнецова была царством книг. Кроме них тут и не было ничего, ну разве только древний диван с кожаной спинкой и письменный стол с допотопной пишущей машинкой и опять же стопками книг в гостиной, стол и пара полок с посудой на кухне и сработанная при царе Горохе кровать с панцирной сеткой в спальне. Да, еще не столе стоял доисторический ламповый радиоприемник "Телефункен". Такая вот обстановка.

Оглядываясь вокруг, я заметил две старые черно-белые фотографии в рамках на столе. На одной была совсем юная, очень миловидная темноволосая и большеглазая женщина с восточными чертами лица, одетая в платье в мелкий белый горошек. На второй фотографии был юноша в военной форме, фуражке и с погонами младшего лейтенанта. Хорошее лицо, открытый взгляд, лихой чуб, падающий из-под околыша фуражки на лоб. На гимнастерке красовались ордена Славы и Красной Звезды.

— Таким вот он был, наш Андрей Антонович, — вздохнул Резниченко. — Военный разведчик, ни больше, ни меньше. В восемнадцать лет уже на фронтах воевал.

— А девушка? — спросил я, продолжая смотреть на фото. — Его жена?

— Не знаю. Сколько помню эту квартиру, всегда эта фотография у Андрея Антоновича на столе стояла. И никогда он про эту девушку никому не рассказывал... Ладно, молодцы, давайте к делу. Шкафы сегодня не трогаем, в деканате велели разобрать книги в зале, чтобы можно было тело из больницы до семи вечера домой привезти и поставить в гостиной, чтобы все по-божески, — Резниченко издал странный звук, словно застрявший в горле комок проглотил. — Программа следующая: из машины во дворе берем картонные коробки, аккуратно укладываем в них книги, выносим и ставим коробку в кузов. Только не друг на друга, а рядышком. С книгами бережно, некоторые из них очень старые. Все ясно?

— Ага, — протянули мы с Сычом.

— Тогда начинаем.

Работы оказалось больше, чем мы думали: к пяти часам мы расчистили только один угол комнаты, где было навалено особенно много всего. Резниченко через каждые пять минут выходил поговорить по телефону, ну мы и пользовались минуткой, чтобы немножко

передохнуть.

— Гляди! — Сыч показал мне какой-то старый журнал, то ли чешский, то ли польский. На развороте был постер, с которого улыбалась смазливая блондинка топless. — Вот почему дедушка не женился, гы-гы.

— Дрочи поменьше, Сыч, — ответил я. — Сразу девчонка появится, ага.

— Дурак ты, Саня, это ж искусство! — Сыч бросил журнал с блондинкой в кучу забракованной Резниченко макулатуры.

— Ага, высокое. Выше некуда.

— Слушай, Сань, а что у тебя с Элиной Авдеевой — любовь?

— Не твое дело, — буркнул я.

— Да ты не злишь, я ведь просто спросил.

— А я просто ответил. Еще вопросы?

— Просто рад за тебя, — заявил Сыч. — Только придется тебе соответствовать, Саня. Авдеева у нас отличница, о как!

Я хотел съязвить, но не успел.

— Из больницы позвонили, — сообщил нам Резниченко, входя в гостиную. — Тело скоро привезут, так что живенько все разбираем.

— Так мы уже коробку набрали, — заявил Сыч.

— Тогда несите в машину. А вы, Мезенцев, на столе все разберите.

— Понял, Олег Анатольевич.

Книги на столе в большинстве своем были старинные, в красивых, украшенных тиснением переплетах, и все на немецком языке. Мне почему-то подумалось, что Кузнецов привез эти книги с собой из Германии после войны. Я не удержался и открыл одну из них. Это был "Фауст" Гете, изданный в Лейпциге издательством Филиппа Реклама. Сразу привлекла внимание дата издания книги — 1850 год. Плотная желтоватая бумага страниц еще больше пожелтела от времени, а готический шрифт казался особо таинственным. Иллюстраций, как ни странно, не было. Я аккуратно положил книгу на дно коробки, продолжил разбирать книжный завал на столе. Быстро глянул на фотографии и почему-то мне показалось, что и девушка, и сам молодой Кузнецов смотрят на меня осуждающе — мол, какого ляда ты лазаешь в наших книгах?

Или я ошибаюсь — они смотрят куда-то МИМО меня?

Точно, их взгляды направлены в одну точку. Куда-то в другую часть комнаты. Я обернулся, пытаюсь понять, куда именно. Вроде бы на стеллаж с книгами.

Полное собрание сочинений Ленина. Господи, и это старик хранил у себя дома? Или же....

Я решился. В комнате я был один, так что можно немного посвоевольничать. Быстро посбрасывал пыльные серые книги классика коммунизма на пол. За сочинениями Ленина был еще один ряд книг. И среди них — большой старый том в тяжелом, окованном потемневшим металлом переплете.

Я взял книгу в руки, открыл. Латынь. Тщательно выписанные черной краской на желтом, покрывшимся пятнами от старости пергаменте готические буквы. " Liber veneficus Augustus Wurtemberg de mundi ignota, de vita aeterna, et in transmigratione animarum, scriptum a se anno regni Imperatoris Sigismundus, Deus benedicat eum. Originale testimonium transitus ad alias mundi descriptio et add transitionum carmine protegens. Scriptum est anno 1412 in nativitate Christi in Bohemia."

Я не силен в латыни, но кое-что изучал на первом курсе. Спасибо нашей преподавательнице латинского Лидии Рувимовне Хейфиц, вбила она таки кое-что в мою башку. Примерный перевод должен звучать как-то так: "Книга волшебника Августа Вюртембергского о мирах неведомых, о жизни вечной и о переселении душ, написанная в правление императора Сигизмунда, да хранит его Бог. Подлинные свидетельства перехода в иные миры с описанием и заклинаниями оные переходы защищающими. Написано в год 1412 от Рождества Христова в Богемии."

Ага, какая-то оккультная книженция. Чертовски дорогая и ценная, надо думать, если выпущена еще до начала эпохи книгопечатания. Надо Резниченко показать.

Я бережно положил фолиант на стол, и тут мне на глаза попалась потертая папка из коричневой кожи, прямо возле пишущей машинки. Я взял ее в руки, чтобы переложить в коробку, но тут папка вдруг выскользнула из моих пальцев, упала на пол, раскрылась, и из нее выпали старая общая тетрадка в коленкоровом переплете и какой-то потемневший от времени и обтрепанный на углах лист бумаги. Я выругался, поднял папку, положил на стол, потом подобрал с пола тетрадь и листок. Не удержался, заглянул в тетрадку — она была от корки до корки исписана мелким аккуратным почерком. Записи перемежались весьма неплохими рисунками, сделанными тонким пером — люди в старинной одежде, странные фантастические существа, старинные постройки, холодное оружие, какие-то механизмы, неизвестные мне символы и прочее. Видимо, это были какие-то личные заметки покойного, не предназначенные для чужих глаз. Потом я осмотрел листок. Бумага была очень необычной: плотная, кремово-золотистая, с сетчатой структурой и хорошо заметными водяными знаками. Кажется, такая бумага называется верже. На одной стороне листа черной тушью была начертана карта, эдакий антик в духе первых карт Нового времени, но вот только все надписи на карте и в легенде были сделаны не латиницей, не кириллицей, а неведомыми письменами. Никогда прежде не видел таких знаков. На обратной стороне листа было написано следующее:

Десятигорье

Север — Ватарские горы с вершинами Арг и Дулет.

Запад — Мрачные горы с вершинами Ассхейм, Скъяванберг и Оленфюдль

Восток — Руат с вулканами Адова Глотка и Ведьмин котел и пиком Хрустальный.

Юг — Златогория с вершиной Ошар

Волчьи горы — разделяют Висланд, Вулафторн и Орандур. В центре Двуглавая гора — мистический центр мира. Место, где находятся Санктур и Тойфельгартен.

Я, конечно, не спец в географии, но прежде никогда не слышал таких названий. Сомневаюсь, что Ватарские или Волчьи горы существуют в действительности. Ну, Волчьи может и существуют, а вот Ватарские... Мне вдруг стало ужасно интересно. Стоп, а не писал ли покойный Андрей Антонович книжку в стиле фэнтези? Исписанная тетрадка вроде как черновик книжки, а карта — придуманный сочинителем сеттинг. Если так, неплохо было бы прочитать. Люблю такие вещи. И вряд ли эти записи покойного профессора представляют ценность для университета. Тэк-с, что у нас тут? "Вначале была легенда". Неплохое начало. Надеюсь, концовка будет не хуже...

Вначале была легенда.

Знаешь ли, никто и никогда не скажет тебе, когда и кем она была сложена, где была впервые рассказана — в придорожной корчме, в гостевой зале дворца, в трапезной знатного лорда или в лачуге отшельника. И уж тем более неведомо было, что в ней правда, а что вымысел. Только вот по всему Десятигорью, от Инковарна до Снежных Марок, от Фарагии до Вальзерата люди заговорили о таинственном даре казненного пророка и человеке, который наследовал великую тайну. Я расскажу тебе ее так, как слышал сам от странствующих сказителей.

Другие легенды быстро забывались — уж слишком суровые времена настали, не до сказаний было жителям королевств Десятигорья. Никто не мог быть уверен в том, что проснется поутру, а проснувшись — доживет до вечера. Ибо много лет не знала эта земля ни мира, ни спокойствия. Непримируемая вражда некогда разделила два сообщества магов, Санктур и Тойфельгартен, а позже переросла она в настоящую войну, и принесла эта война Десятигорью великие бедствия. Плодородные угодья превращались в пустоши, чистые воды рек и озер — в отравленные болота, неведомый ужас наполнял ночи, злобные чудовища, порожденные магией, подстерегали людей на дорогах и в лесах. Гонимые страхом жители некогда цветущих земель бросали свои жилища и искали спасения за стенами городов и крепостей, но и там не находили покоя. Правители королевств Десятигорья, такие же надменные и своекорыстные, как маги, вели войны с соседними владыками за землю и воду, за золото и власть, а следом за войнами шли голод и болезни. Именно тогда, в это темное и страшное время, когда жизнь человеческая потеряла свою цену, и все чаще звучали речи о приближающемся конце времен и гибели мира, появилась легенда о Пророке.

Сказывают, что еще до начала Войн Двух Вершин между магами, в землях дальней Фарагии, захваченных пришедшими с юга кочевниками-торкарами, в древнем городе Эсана, объявился человек, называвший себя посланником истинного Бога-Творца — не предавших род людской древних богов, жестоких и никчемных, а настоящего Создателя, давшего этому человеку свое Откровение. Поначалу жители Эсаны, люди практичные, алчные и недоверчивые, не верили пришельцу и насмехались над ним, называя чудаком и безумцем, но только странный человек не обращал на это никакого внимания — он продолжал свои проповеди, призывая людей жить в мире и любви. Постепенно все больше людей приходили послушать странного пророка; слухи о посланнике Создателя распространились далеко за пределы Эсаны, и из прочих городов Фарагии шли в Эсану люди, желающие послушать речи Посланника. Так продолжалось одиннадцать месяцев. В конце первого Года от начала Проповеди в Эсане начался лютый мор, и Пророк отправился в нищие кварталы и бесплатно лечил бедняков. Это вызвало ненависть Гильдии врачей. Гильдия обвинила Пророка в том, что это он наслал заразу на город. Пророк был арестован, и лекари Эсаны лжесвидетельствовали в суде против него, говоря, что Пророк превращал злыми чарами воду в городском водопроводе в мертвый гной, отчего и пошла чума. Так Пророк был приговорен к смерти. Его повесили как разбойника над центральными воротами города, и те самые люди, что еще недавно слушали его проповеди, радовались его мучениям.

В предместье Эсаны в то время жил виноторговец по имени Джозеф Джаримафи. Он никогда не слушал проповедей Пророка и почти не верил в богов — его богами были деньги, которых ему всегда не хватало. У него не было семьи, потому что много лет назад его жена

умерла, и больше он не женился. В день казни он привез в город свой товар и стал невольным свидетелем того, как умер Пророк. На следующий день он вновь повез вино в город и увидел, как тело Пророка терзают вороны и стервятники, и нищие, собравшись у ворот, швыряют в казненного камнями и сухим навозом. Джозеф выбрал их и прогнал, и тут увидел недалеко от ворот горько плачущую девушку. Он спросил ее, почему она плачет, и девушка ответила, что ей жаль Пророка — он вылечил многих людей от чумы, а теперь эти люди смеются над ним и оскверняют его останки. Призадумался Джозеф над словами девушки, но ничего не сказал ей и отправился домой. А ночью ему приснился странный сон, будто его умершая жена продает свои свадебные украшения, чтобы выкупить тело Пророка и предать его земле. "Помоги ему", — сказала жена, и Джозеф проснулся. Решив выполнить волю покойной, он отправился к правителю города и попросил отдать ему тело казненного. Правитель, алчный, как все торкары, потребовал с Джозефа огромную плату за тело Пророка — сто золотых монет. И Джозеф согласился. Он отдал торкарскому наместнику все свои сбережения, которые собирал десять лет, выкупил тело и собственноручно похоронил мученика на кладбище для бедняков. После похорон Джозеф заснул и увидел во сне Пророка. "- Я благодарю тебя за твою жертву, мой друг, — сказал Пророк, улыбаясь. — Скажу тебе, что вечная жизнь достижима, и ты первый, кто убедишься в этом. Тьма опустилась на этот мир, но ты станешь в ней лучом света и надежды. Я многого не успел — теперь ты будешь помогать людям вместо меня. Начни прямо завтра: в доме близ Скотного рынка тяжело страдает бедная женщина. Ступай и напои ее водой из твоей фляги. " Когда Джозеф проснулся, он сделал так, как сказал ему во сне Пророк. Он нашел дом, о котором ему было сказано во сне, а в доме умирающую женщину, вокруг которой плакали трое ее малолетних детей. Джозеф влил в рот женщины глоток воды из фляги, и она выздоровела. Пораженный случившимся, Джозеф поспешил к могиле Пророка, но не нашел ее — она исчезла.

С тех пор бывший виноторговец обрел бессмертие и, навсегда покинув Эсану, странствует по землям Десятигорья, исцеляя больных и прогоняя смерть. Говорят, ему было еще одно видение, в котором Пророк указал ему источник живой воды, и только Джозеф знает, где этот источник находится. Многие пытались найти Джозефа и разгадать тайну волшебного источника, но никому это не удалось. И еще говорят знающие люди, что в одной из скрытых от мира волшебных книг записано, что Джозеф откроет себя миру в самое тяжелое время, когда великое зло будет угрожать всем живущим в Десятигорье. Так говорит легенда...

— Мезенцев!

— А? — очнулся я. Резниченко стоял в дверях гостиной с телефоном в руке.

— Ага, вот так нормально, — одобрил он. — Машинку тоже надо убрать. В спальню унесите, хорошо?

— А? Да, конечно, — я незаметно сунул тетрадь в карман моей толстовки. Пустую папку положил на стол рядом с фотографиями. Взял со стола приготовленную стопку книг, опустил в коробку — она была почти полная.

— Олег Анатольевич, тут книга какая-то древняя, — сообщил я и тут осекся: найденного мной фолианта на столе не было! Исчез, проклятуший, будто черт языком слизнул. И карта исчезла. Только что тут была, прямо на середине стола...

— Что вы сказали, Мезенцев? — Резниченко будто не слышал меня.

— Да так... ничего.

— Коробку, коробку несите!

— Будет сделано, — отрапортовал я, поднял тяжелую коробенцию и понес к дверям.

Щеки у меня горели.

Сыч стоял возле "Газели" и курил.

— Смотри не заработайся, — заявил он.

— Быстрее сделаем, быстрее свалим, — ответил я, втолкнув коробку в кузов. — У меня еще дела.

— Конечно, конечно. Хотя куда торопиться — Элиночка твоя уехала на соревнования.

— Иди в жопу, Славик, — сказал я и пошел в подъезд.

Резниченко опять говорил с кем-то по телефону. Я так понял, это коллеги ему названивали, сообщали, как продвигаются дела в больнице.

— Все, они выезжают, — сказал он, заметив, что я смотрю на него. — И мы успеваем. Еще одна коробка осталась? Давайте, забирайте.

Я подхватил последнюю коробку, еще раз краем глаза глянул на фотографии. Мне вновь показалось, что Андрей Кузнецов смотрит на меня с упреком — я выносил из дома его главное богатство, его книги, которые прожили здесь, в этих стенах, целую жизнь рядом с ним. А еще я похитил его тетрадку и карту. Аж извиниться захотелось.

Правильно говорят, что в фотографиях частичка души живет. Поэтому я свои фотки никогда нигде не выкладываю. Не в соцсетях, ни в Инстаграмме. И правильно делаю...

"Я верну ваши записи, Андрей Антонович, только прочитаю и верну. Не сердитесь, пожалуйста!"

Сыч все еще стоял у машины, уставившись в дисплей своего айфона. Я втолкнул коробку в кузов, стянул перчатки. И увидел, как во двор медленно въезжает микроавтобус в сопровождении двух легковушек. Одну я узнал — это был "ниссан-кашай" нашего замдекана.

— Андрея Антоновича привезли, — вздохнул я. И почему-то сразу захотелось бежать со двора, чтобы не увидели меня тут.

— Валор моргулис, — заявил Сыч с самым идиотским видом. — Все там будем. Чего посмурнел, Сань?

— Меньше сериалы смотри, ёба, — зло бросил я и отошел к деревьям под окнами.

— Мезенцев, Сычев! — Резниченко вышел из подъезда, помахал мне рукой. — Все, свободны ребята. Теперь уже после похорон встретимся.

— До свидания, Олег Анатольевич! — Я быстрым шагом, чтобы Сыч не догнал меня вышел со двора на улицу и направился к трамвайной остановке. Больше всего мне хотелось побыть одному.

***

В семь позвонила Ленка — сказала, что у подружки и приедет поздно. Опять про суп, который надо доест и посуду, которую потом следует вымыть. И еще про мусор. Короче, поговорив с ней, я понял, что прежде чем включить компьютер и спокойно посидеть в сети, на помойку все-таки придется сходить.

Во дворе у нас горят два фонаря — один сразу у нашего подъезда, второй ближе к

стоянке. А вот помойка находится в самом темном углу, поэтому я захватил с собой фонарик. Швырнул мешок с мусором в контейнер и потопал обратно, освещая себе дорогу. Дошел до угла своего дома и в очередной раз понял, что сегодня со мной происходят очень странные вещи.

Сова. Здоровенная серая сова. Уселась на турник детской площадки и смотрела на меня, совсем по-свойски так подмигивая то одним глазом, то другим.

Я почувствовал, как холодные мурашки забегали у меня по спине. И в животе стало как-то нехорошо. Сова в центре города — это необъяснимо. Нет, наверное, так бывает, но я никогда не слышал о подобных вещах. Да еще сидит, красотка, в каких-нибудь пяти метрах от меня, таращится и даже не собирается улетать...

— Тыфу на тебя! — крикнул я и направил луч фонаря на птицу.

Сова бесшумно сорвалась с турника и исчезла в темноте. А я поспешил домой. У меня было странное чувство, что кто-то смотрит мне в спину.

Нервы чего-то у меня расшалились. Да и день странный какой-то. Сон, который я видел, исчезнувшая со стола книга. Сова опять же.

Поднявшись на свой этаж, я быстро скользнул в квартиру, зажег свет во всех комнатах, умылся холодной водой и, усевшись на диван, попробовал не думать о происходивших со мной странностях. Вспомнил, что Виталик Лычин мне двести рублей с прошлой недели должен и не отдаст никак. Начал перебирать в памяти ники своих друзей в соцсети. Почувствовал, что волнение и тревога постепенно проходят, и аж вздохнул с облегчением.

Да, замотался я что-то. Надо поменьше сидеть в сети и больше отдыхать.

Мой смарт мелодично проиграл сигнал, оповещающий о новом СМС. Я глянул на дисплей и улыбнулся. Элина, Элиночка, Мурлыка моя красивая.

"Доехала хорошо, место просто улетное. Такая красота, что не верится. Жаль, что ты не со мной. Целую".

Сразу как-то душа встала на место, забылись все сегодняшние заморочки и странности. Тепло стало на душе, хорошо. Она обо мне помнит, пишет. Жаль, конечно, две недели мы не увидимся, но потом...

"Рад за тебя, солнышко. Люблю, целую много-много раз!!!" И еще куча смайликов...

Блин, повезло мне. Хотя первое время я сомневался, что она на меня западет. Такая девушка, такая прелесть... И вроде бы все у нас складывается. Как нельзя лучше складывается.

Мою эйфорию прервало щелканье замка входной двери. Ленка пришла. Все, сейчас будет воспитывать.

— Привет! — Ленка изучающе посмотрела на меня. — Как жизнь?

— Нормально, — я демонстративно уставился в дисплей своего смарта. — Просто супер.

— Суп поел? Посуду помыл?

— Поел и помыл. Еще вопросы?

— Чего загадочный такой? — Ленка поставила сумку на пол, стянула курточку. — И кроссовки все в грязи. В прихожей свинарник. Я что, буду за тебя твои кроссовки мыть?

— Да помою, помою, отстань!

— Быстро, — в голосе Ленки появляются начальственные нотки. — Тебе сколько лет? Скоро свои дети появятся, а ты как маленький. Опять в телефоне сидишь.

— Ладно, все, хватит, — я понял, что спокойно пообщаться с Мурлыкой не

получится. — Не бесись.

— Олеська тебе пирог передала. С мясом. Хочешь, разогрею.

— Да нет, я не хочу. Еще посижу децл, конспекты поучу и спать лягу. День был колготной.

— Как хочешь. — Ленка пожала плечами, надела на лицо маску обиженной холопом принцессы и прошла в гостиную. А мне вдруг стало легко на душе. Все хорошо, Ленка ведет себя как обычно. И больше ничего странного не происходит. Тревога отпускает, в самом деле, надо принять душ и на боковую.

Тут мой взгляд упал на тетрадь, что я забрал из квартиры Кузнецова. Почитать, что ли? Включу комп, Ленка сразу найдет мне занятие. А так решит, что я занимаюсь и не будет выносить мне мозг.

— "Спокойной ночи, любимая. Не пропадай, жду сообщений и звонков!"

И еще куча смайликов. Как представляю, как улыбается Мурлыка, читая это, так аж сердце замирает от счастья.

Нет, не буду читать. Может быть, завтра. Лучше философию повторю, завтра семинар у Калягина, опять будет со своим Фейербахом доставать. А беллетристику оставим на потом. Еще будет время.

Глава вторая. Младший из рода Стормов.

Полная и рослая женщина-охранник (из серии "коня на скаку и в горящую избу") посмотрела на меня с недоверием. Она сидела за столом, но у меня было чувство, что она смотрит на меня сверху вниз.

— А вы по какому делу к Юрию Александровичу? — спросила она.

— По личному, — ответил я, стараясь сохранить максимум уверенности в себе. — Так можно пройти, или нет?

— Здесь подождите, — ледяным тоном заявила секьюрити-леди и достала мобильник.

Я пожал плечами. В конце концов, правила есть правила. Да и Герчиков не заставил себя ждать, появился буквально через минуту. Сухой, подтянутый, аккуратный, наглаженный, весь из себя безукоризненный — словом, типичный учитель еще той, советской школы.

— Вы ко мне? — осведомился он, разглядывая меня поверх очков.

— Да. Моя фамилия Мезенцев. Я хотел поговорить с вами об Андрее Антоновиче Кузнецове.

— Вот как? — Герчиков был удивлен. — Вы его родственник?

— Нет, я просто студент филфака. Вы, наверное, знаете, что Андрей Антонович недавно умер...

— Да, уже в курсе, — Юрий Александрович вздохнул. — Жаль, уходит легендарное поколение... Последние уходят.

— Да, это очень печально. — Я сделал паузу. — Понимаете, я хочу написать доклад о

Кузнецове. Конечно, наши преподаватели могут помочь, но я не хочу им докучать. А вы, насколько я знаю, интересовались его биографией, даже встречались с ним несколько раз. Я видел ваши материалы в сети, на ваш сайт заходил.

— Верно, встречался, — взгляд Герчикова стал дружелюбнее. — Вас как звать-величать, юноша?

— Саша... Александр.

— Давайте поднимемся ко мне в кабинет, Саша. У меня сейчас "окно", так что я смогу вам уделить время.

— Спасибо, Юрий Александрович.

Мы поднялись на второй этаж школы. Второй слева кабинет по коридору оказался кабинетом истории: Герчиков отпер дверь и предложил войти. Кабинет был вполне себе респектабельным — новенькие столы, красивые стенды, шкафы с книгами, интерактивная доска, компьютер, живые цветы, жалюзи на окнах. Нормальная такая школа. Нам бы на филфак такую роскошь.

— Уютно у вас, — сказал я, осмотревшись.

— Да, школа сейчас меняется в лучшую сторону, — согласился Герчиков. — Вы в какой школе учились?

— В двадцать восьмой.

— Историю у вас Андрей Павлович Хомяков преподавал?

— Ага. И еще Анна Дмитриевна.

— Ладушкина? Умница, красавица, — Герчиков совсем растаял. — А в университете кто у вас историю ведет?

— Максим Борисович Юхтин.

— О, матерый человечик! Он и у нас в пединституте лекции читал. С учителями вам повезло, юноша. Да вы присаживайтесь. Значит, Андрей Антонович вас интересуется.

— Интересует.

— А про меня откуда узнали? Из Интернета?

— Все верно. Про вас пишут, что вы самый известный в нашем городе краевед.

— Льстите, молодой человек, — Герчиков шутливо погрозил мне пальцем. — Но если серьезно, я рад, что мои труды оказались не напрасными. Я ведь еще со студенческой скамьи краеведением занимаюсь. И с Андреем Антоновичем где-то в вашем возрасте впервые встретился. В гостях у него побывал, так и познакомились. А потом я всерьез его судьбой заинтересовался. Очень интересная и трудная у него судьба.

— Он ведь разведчиком был, верно?

— Верно. Правда, недолго он в разведке прослужил. Круто с ним жизнь обошлась.

— Расскажите, пожалуйста.

— Знаете, Саша, дело в том, что имена удачливых разведчиков, как правило, остаются неизвестными до момента рассекречивания архивов. Специфика работы. А вот если разведчик провалился, или, как говорится, смертью храбрых...

— Вы хотите сказать, что Андрей Антонович...

— Сам он мне ничего не рассказывал. — Герчиков помолчал. — Я из других источников узнавал, были у меня хорошие связи... Словом, в октябре 1941 года попал Андрей Антонович в разведшколу. В военное время умели кадрами распоряжаться — Кузнецов учился в МГУ, был из семьи, где с языками были на "ты". Его отец, Антон Яковлевич, известный в Москве языковед и специалист по старинным книгам, преподавал

до революции древние языки в Императорском Московском лицее памяти Цесаревича Николая, мама, Евгения Андреевна, тоже преподавала, свободно говорила по-французски и по-немецки. В числе друзей семьи был сам Анатолий Васильевич Луначарский, представляете? Первые уроки французского Андрей Антонович у матери получил, а к восемнадцати годам знал французский в совершенстве, немецкий чуть хуже, но тоже на уровне. Так что неудивительно, что военная разведка им заинтересовалась.

— Продолжайте, пожалуйста, Юрий Александрович.

— После разведшколы Андрей Антонович служил во фронтовой разведке. Храбро сражался под Сталинградом, за проявленную отвагу получил орден Красной Звезды. Летом сорок третьего при выполнении боевой задачи захватил немецкого офицера, за что был награжден Орденом Славы. Был ранен, пролечился в госпитале, осенью 1943 года снова направлен в разведшколу. Был заброшен во Францию, где входил в состав действовавшей в Страсбурге агентурной группы Константина Баранова... Что с вами?

— Что?

— Вы что-то побледнели сильно.

— Нет-нет, ничего. Просто душно здесь.

— Может, окно открыть?

— Не стоит. И что было потом, Юрий Александрович?

— В ноябре 1944 года группа выполнила очень важное задание центра, но во время эвакуации попала в засаду. Отстреливались до последнего патрона. Баранов и радистка Мария Кассель были убиты в бою, Андрей Антонович пытался застрелиться, но неудачно — пистолет дал осечку. Так что Кузнецов был взят в плен. Сначала тюрьма гестапо, потом концлагерь, был освобожден американцами в марте 1945 года. По возвращении в СССР оказался под следствием — времена были суровые, побывавший в плену разведчик казался подозрительным. Еще и родители из "старорежимной интеллигенции". Пока война шла, все эти классовые огрехи не вспоминали, а тут припомнили. Пять лет лагерей дали. Впрочем, по состоянию здоровья Кузнецов был в начале 1946 года помещен в психиатрическую лечебницу, где провел три месяца. Немецкий плен, сами понимаете — не сахар. Да и попытка самоубийства...

— Очень интересно. А дальше?

— В Москву Андрей Антонович вернуться не смог — запретили. Так что осел в нашем городе. Перевез сюда из Москвы то немногое, что осталось от родителей, в первую очередь, уникальную библиотеку — второй такой во всей нашей области нет. В конце 50-х был полностью реабилитирован. Сделал блестящую академическую карьеру, защитил кандидатскую, потом докторскую, почти пятьдесят лет преподавал в университете. Вот, собственно и все. Остальное, думаю, вам ваши преподаватели смогут рассказать лучше меня.

— Спасибо, очень интересно. Память у вас, однако...

— Да, пока не жалею, слава Богу. У вас все? Если все, то извините, мне надо к уроку готовиться.

— Да, конечно. Еще раз спасибо, Юрий Александрович. — Я встал, сунул блокнот и ручку в сумку. — Я пойду.

— Погодите, я тут еще одну интересную вещь вспомнил, — спохватился Герчиков. — Последний раз я общался с Андреем Антоновичем пять лет назад — как раз в тот год ему к 85-летию присвоили звание почетного гражданина нашего города. Сидели у него на Коммунарах, пили чай с пирожными — Андрей Антонович очень сладкое любил. Говорили

о всякой всячине. Кузнецов вспоминал свою жизнь — память у него несмотря на возраст была дай Бог каждому. Засиделись мы с ним тогда допоздна. Ну, засобирался я домой — извините, мол, Андрей Антонович, пора мне. И тут Андрей Антонович уже в дверях сказал мне: "Знаешь, Юра, если бы мне предложили прожить жизнь заново, я ничего не стал бы менять. Потому что мне очень повезло. Я видел в своей жизни то, чего никто не видел. Испытал такое, что и не опишешь. Однажды я напишу об этом книгу. Непременно напишу. И ты ее прочитаешь." — Герчиков покачал головой. — Где она теперь, эта книга?

Сам не помню, как спустился на первый этаж. Волновался я страшно — ну не может быть таких абсолютных совпадений! Человека в моем сне звали Константин, действие происходило во Франции — черт, аж волосы на голове шевелятся! А тут еще мои находки в квартире старика. И книга пропавшая. Колдовская книга, между прочим.

Что-то нехорошо мне. Надо отдохнуть, взять себя в руки. Все это просто совпадения. Ничего больше. Это только совпадения.

И вообще, чего я лезу во все это? У меня свои дела есть. Больно нужно мне разбираться с прошлым покойного профессора только потому, что где-то в информационном поле земли остался записанным кусок его прошлого, и это прошлое я увидел во сне. Выбросить весь этот вздор из головы — и дело с концом.

И еще — надо вернуть тетрадь Резниченко. Не стану ее дочитывать. Не хочу. Прямо завтра и отнесу в университет. Хватит с меня. Есть вещи поприятнее.

Вот так.

***

Все, закончил я "Масс Эффект-2". База Коллекционеров уничтожена, никто из сопартийцев не погиб, командор Шепард герой со всех сторон. Теперь загружу сохраненку в "Масс Эффект-3" и...

Смарт оповестил о новом сообщении. О. Мурлыка! "Привет, как ты?" Ну как, отлично "Ждал твоего СМС. Люблю-люблю. Как ты?" Еще пару смайликов обязательно. И кофейку надо сделать, совместить полезное с приятным.

Ленка пьет кофе в зернах, а я растворимый. Но в этот раз захотелось молотого. Позаимствовал я малость у Ленки, размолот, заварил в турке. Запах обалденный. Просто грех пить такой кофе без большого бутерброда с сыром и ветчиной...

Пока я мастерил себе образцово-показательный, восхитительный, чудесный, нагоняющий голодную слюну сэндвич, снова пиликнул мой "Экспириа". Это Мурлыка, сто пудов, подумал я — и ошибся.

"МЕЗЕНЦЕВ, У МЕНЯ К ВАМ ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР. СРОЧНО."

Номер отправителя был мне незнаком. Возможно, кто-кто с факультета. Попробую перезвонить.

— Алло, это Мезенцев. Вы мне звонили.

— Александр, здравствуйте! — Мужской голос в трубке был мне незнаком. — Как хорошо что вы перезвонили. Вам удобно говорить?

— Да, удобно. Вы хотели поговорить?

— Очень хотел. У вас найдется полчаса?

— Сначала объясните, что вам от меня нужно. Мы с вами знакомы?

— Нет, незнакомы, но непременно познакомимся. Кстати, позвольте представиться —

меня зовут Роман.

— Саша. Что вы мне хотите сказать?

— Не по телефону. Нам нужно встретиться. Я сейчас нахожусь недалеко от вашего дома, напротив кафе "Шахерезада". Не могли бы вы подойти?

— А зачем? — У меня вдруг возникла мысль, что неизвестный чел по имени Роман как-то связан с моей сестрицей. — Что за дело?

— Очень важное. Не беспокойтесь, у меня самые честные намерения.

Точно, все дело в Ленке. Не иначе этот Роман ее ухажер. Может быть даже там все серьезно, и я сейчас говорю с будущим зятем. Ай да тихоня, а ведь прикидывалась — я у подружки, задержусь, бла-бла-бла!

— Ладно, сейчас выйду, — лениво протянул я и завершил вызов.

Что-то не вставляет меня эта ситуация, подумал я, спускаясь по лестнице. Сейчас этот Роман начнет рассказывать, как он любит мою сестру, какая она замечательная и все такое. Ну что ж, пусть женится. Поживет с ней с месяцок, запоем по-другому.

Чтобы дойти до кафе "Шахерезада" мне нужно выйти из подъезда, свернуть за угол и перейти на другую сторону улицы. Я не дошел до кафе метров пять, когда от остановки маршрутки в мою сторону направился среднего роста тощий и длинноволосый брюнет лет двадцати пяти в хорошем костюме и стильных солнцезащитных очках.

— Александр! — поприветствовал он меня, протянул руку для рукопожатия. Кисть у него была узкая и мягкая как у женщины. — Я Роман. Это я вам звонил.

— Я так и понял. — Я несколько секунд разглядывал его. Парень как парень, таких миллион, ничего примечательного. Хлипкий какой-то. Если я прав, и это Ленкин ухажер, моя сестрица явно на полголовы выше. Чего это ее на дрищей потянуло? Вообще-то Ленка могла выбрать кого-нибудь повыше ростом, поспортивнее что ли. — Чего вы хотите?

— Нам очень нужно поговорить. Давайте сядем в мою машину.

Ого, у него есть машина! Интересно какая...

— Сюда, — Роман подвел меня к новенькому белому "Тахо" (однако!), отключил сигнализацию, предупредительно открыл дверь. — Садитесь, пожалуйста.

— А что это мы на "вы"? — спросил я, забираясь на сидение. — Мы вроде как почти ровесники.

— Ну, почти, — улыбнулся Роман. Сел за руль, захлопнул дверь, снял очки и посмотрел на меня. — Простите, но я буду на "вы".

— Это почему?

— Потому что такова моя работа. Я нашел вас и теперь должен ввести в курс дела.

— Какого дела?

— С вами хочет поговорить мой начальник. Это очень важно.

— Слушай, чего тебе надо? — Я посмотрел на Романа тяжелым взглядом.

— Вы все скоро узнаете. Прокатимся?

— Я не езжу с незнакомыми людьми. Так что адьос, компаньеро!

— Не бойтесь, я хорошо умею водить.

— А я умею хорошо посылать людей, которые мне не нравятся, — заявил я, потянув ручку дверцы, но она не открылась. — А ну открой дверь, быстро!

— Погодите, Саша, — взмолился он, — не делайте ложных выводов! Я всего лишь...

— Открой дверь, не то...

— Ладно, — он сдался, видимо, сравнив шансы на успех своих метра семидесяти роста

и шестидесяти кил веса против моих метра восьмидесяти трех и девяноста пяти килограммов. — Но вы же хотите узнать, куда делись книга и карта?

— Что? — Я вздрогнул. — Откуда ты...

— Могут быть самые ужасные последствия.

— Угрожаешь мне?

— Нет-нет, нисколько! У меня даже в мыслях не было причинить лично вам вред, поверьте. Просто карта... она очень необычная. Словом, вам надо поговорить с Владимиром Константиновичем.

— Да провались вы! — Я подумал, что эти ребята подозревают, что это я стибрил старинный фолиант и карту. — Я сам положил книгу на стол, а потом она исчезла. И карта пропала. И я никого не видел в квартире!

— Конечно. Вы просто не могли увидеть похитителя. Это не простой вор.

— Ага, ага. — Так, уже хорошо. Парень проговорился, они считают, что книгу и карту взял кто-то другой, не я. — И кто же этот похититель?

— Кто бы он ни был, ничего хорошего это не сулит. Когда-то очень опасные люди использовали записанные в ней магические формулы для открытия прохода между мирами. У них почти получилось — почти. Если бы не мужество и героизм вашего родственника, они добились бы своего.

— Родственника? Какого еще родственника?

— Что? — Роман перестал улыбаться. — Вы разве не знали, что Андрей Антонович Кузнецов ваш родственник?

— Погодите, постойте, — я с трудом подбирал слова, так у меня спутались мысли, — что значит "родственник"? Я... я не понимаю.

— По линии вашей прабабушки, Галины Андреевны Барецкой. Фотографию на столе Кузнецова видели?

— Это что, моя прабабка?

— Да, именно так. Они познакомились в 1950-м, Кузнецову было двадцать шесть, а Гале Барецкой восемнадцать. Это была настоящая любовь. В 1951 году у Гали родился сын Александр, ваш дедушка по матери.

— И они...это, расстались?

— Барецкие считали, что Андрей Антонович плохая партия для их дочери. Отец Гали, Андрей Ефимович, был офицером НКВД — мог ли он допустить, что его зятем станет человек, получивший срок по антисоветской статье? Так что молодым не позволили жениться, хотя Галя была беременна. Она умерла вскоре после родов. Молниеносная пневмония, таков был диагноз. Мальчика забрали родители Гали, лишив отца возможности видеться с ним. Личная неприязнь — кажется, так это называется. А Кузнецов... После Гали он так и не женился, всю жизнь хранил ей верность.

— Печально. Откуда вы это знаете?

— Работа обязывает. Теперь понимаете, почему я нашел вас?

— Я вам не доверяю, — резанул я. — И мне трудно поверить в то, что Кузнецов мой прадед. Почему об этом у нас в семье никто не знает?

— Мне трудно это объяснить. Я думал, вы в курсе.

— Но вы все знаете. Вы из спецслужб?

— Нет. Никакого отношения к ним не имею. И зла вам не хочу. Однако ситуация такова, что только вы можете нам помочь. Это очень, очень важно.

— Слишком много слов. Пожалуй, у меня нет желания иметь с вами дела.

Прощайте, и не доставайте меня больше.

— Последний вопрос — вы читали записи Кузнецова? Тетрадку, которую забрали?

— Да верну я ее, верну! — У меня начали гореть уши. — Пристебались вы с этой тетрадью. Мне было интересно, вот и все. Люблю фэнтези.

— Это не фэнтези, — Роман помолчал. — Это правда.

— Что? — Я засмеялся. — Десятигорье, Ватарские горы, Пророк, Джозеф-целитель — это все правда? И в какой стране все это происходило, в каком мире?

— Вам надо кое с кем поговорить, Саша, — предложил Роман. Я заметил, что у него дрогнули губы. — Здесь совсем недалеко, пара минут езды. И если вас не удастся убедить, значит, мы ошиблись в выборе.

***

Старый неухоженный двухэтажный дом барачного типа, к которому мы подъехали, выглядел совершенно чужеродным рядом с щеголеватыми многоэтажными новостройками, окружившими его с трех сторон. Какой-то рудимент старого города, да еще здесь, в самом центре. Табличка справа от входа сообщала, что в здании расположилась консалтинговая компания "ЦКМ-Аврора".

— Нам сюда? — спросил я Романа.

— Входите, входите! — улыбнулся тот.

Внутри здание было таким же зачуханным, как и снаружи. Очень странно, в наши дни любая уважающая себя контора старается сделать в своем офисе приличный ремонт. Здесь же просто экскурс в советскую эпоху — скрипучие деревянные полы, грязные двери, люминесцентные лампы на потолках. Похоже, тут с момента постройки даже стены не белили. Ужас какой-то. Видимо, дела у компании, в которой работает Роман, идут совсем неважно...

— Сюда, — Роман толкнул дверь с цифрой "5" и отступил в сторону, пропуская меня в комнату.

Она была почти пустой и такой же унылой, как и все здание — обшарпанные стены с зелеными крашеными панелями, большой письменный стол, четыре офисных стула, сейф в углу и старый компьютер. За столом сидел ничем не примечательный человек лет пятидесяти в очках и темном костюме.

— А, Александр Мезенцев! — произнес он и слабо улыбнулся. — Входите, присаживайтесь. Рома, ты тоже садись.

— Ну как бы да, я Мезенцев, — сказал я, выбрав из стульев наименее хлипкий и усевшись на него. — А вы кто будете?

— Ильин Владимир Константинович, к вашим услугам.

— Это ваше настоящее имя или псевдоним? — Я решил, что не буду строить из себя простачка. — И эта консалтинговая компания всего лишь прикрытие?

— Начитались шпионских книжек? — Ильин усмехнулся. — Не беспокойтесь, вам ничего не угрожает. Я просто хочу с вами поговорить.

— Тогда давайте к делу. Чего вам от меня нужно?

— Наверное, Роман Игоревич по своему обыкновению был слишком велеречив и

тактичен, — Ильин бросил быстрый взгляд на своего помощника. — Я его понимаю. Что ж, попробую говорить конкретно. На сначала позвольте мне предложить вам один маленький тест, — Ильин достал из ящика стола фотографию и показал мне. — Мне говорили, что вы обладаете феноменальной памятью, совсем как ваш прадед Андрей Антонович Кузнецов.

— Дался вам мой прадед! Я только сегодня узнал, что он мой предок.

— И вы должны этим гордиться, — Ильин перестал улыбаться, протянул мне фотографию. Это был снимок разных разложенных на столе мелких предметов, обычного содержимого карманов среднестатистического гражданина. — У вас пять секунд, чтобы рассмотреть фото. Начали!

— И что дальше? — Я вернул фотографию.

— А теперь скажите, какие предметы есть на фото.

— Мобильный телефон Нокиа 3310, связка ключей — два ключа маленьких, один большой, вроде как от замка железной двери, — пачка сигарет "Кент", красная зажигалка "Крикет", начатая пачка мятного "Дирола", монеты — два пятирублевика и три десятирублевика. Две монеты лежат решками вверх, три орлом. Еще банковская карта Сбербанка, последние цифры 1213. Вроде все.

— Точно, — Ильин кивнул. — Действительно, память у вас — можно только позавидовать. А теперь такой вопрос. Вы взяли из квартиры Андрея Антоновича тетрадь с его... сочинением. И еще там была карта.

— Да. И карта пропала.

— Вместе с книгой Августа Вюртембергского, не так ли?

— Да, все так.

— Карту помните? Какие-нибудь особые пометки на ней?

— Нет. Я бегло на нее глянул. Прочитал только текст на обороте про какое-то Десятигорье. Про какие-то Ватарские и Волчьи горы, Двуглавую гору. Я подумал, что профессор решил фентези написать. — Я хмыкнул. — Толкиен же написал!

— Если бы!

— Послушайте, Роман сказал мне, что книгу и карту украли, так? Но вы же не на меня думаете!

— Нет, ни в коем случае.

— Уже хорошо. И кто тогда похититель? Почему же только сейчас это случилось? Ведь вор мог сделать это тысячу раз — чего уж легче украсть пару предметов у девяностолетнего старика, который вряд ли помнил, куда что положил. Почему так совпало?

— Совпадений не бывает, молодой человек. Все всегда случается в свое время.

— В свое время? — Я окончательно растерялся. — Слушайте, о чем вы вообще толкуете? У меня сейчас голова взорвется. Короче, надоело мне все. Пойду я домой. Счастливо оставаться.

— С вами ничего странного в последние дни не происходило? — Ильин будто не слышал моих слов, даже позы не изменил. — Видения, сны, необъяснимые встречи?

— Это вас не касается, — буркнул я. — Все, или еще вопросы будут?

— Все, — Ильин хлопнул ладонями о столешницу. — Всего вам хорошего, Александр. Было приятно пообщаться.

Это было неожиданно, но я не стал дожидаться повторного приглашения. Вышел из комнаты номер пять со странным чувством. Недоумение, непонимание происходящего — и радость, что мне так легко и безболезненно удалось отделаться от этих странных людей. В

самом деле, что Рома, что его начальник какие-то мутные оба. Точно спецслужбисты, только шифруются умело. Очень надеюсь, что я их больше никогда не увижу.

Или я слишком самоуверен?

Ясный закат и живое апрельское тепло на улице заставили меня забыть о странном разговоре. Я глубоко вдохнул вечерний воздух, закрыл глаза. И еще почувствовал, что очень хочу есть. Из-за этого придурочного Романа я так и не съел приготовленный сэндвич и не выпил кофе. Ничего, никогда не поздно насладиться маленькими радостями чревоугодия. А потом поспать часок и после посидеть в сети, пока Ленка с работы не вернулась.

***

В "ВК" сегодня было особенно скучно. Никакой движухи, пустой треп ни о чем. А Ленка опять задерживается. Скинула мне, что много работы в офисе, что приедет после восьми, и я должен сам позаботиться об ужине. Опять же "не забудь помыть за собой посуду". Да я уже как бы позаботился — нет ничего лучше на ужин, чем яичница с колбасой, да еще салат из помидорчиков с огурчиками к ней.

Выйдя из чата, я некоторое время пытался найти себе занятие, а потом вдруг вспомнил про старый мамин фотоальбом, который должен храниться где-то на антресолях в кладовке. Со дня маминой смерти его никто не трогал, он весь пылью зарос. А ведь в детстве мама часто показывала нам с Ленкой фотки. Альбом оказался именно там, где я и предполагал. Оттерев с обложки пыль, я уселся в кресло и начал рассматривать фотки. Переворачивал страницу за страницей, и странно, меня захватило это занятие. Старых снимков было много — некоторые еще на плотном картоне, выцветшие и пожелтевшие, с которых на меня смотрели усаые и бородатые важные мужчины, застывшие в чинных позах и серьезные дамы со сложными прическами. Фотографии второй половины прошлого века со штампами фотоателье, где моя мама совсем еще девочка с косичками и удивительным лучистым взглядом. Черно-белые и цветные любительские фотки. Моя родня, какие-то знакомые мамы, мои и Ленкины детские фотографии. Кстати, надо бы их оцифровать, пока они еще качественные. Но я так и не нашел фотографии женщины, похожей на ту, что видел в квартире Кузнецова.

Короче, все это чушь собачья. Роман наврал мне. Кузнецов мне такой же прадедушка, как Чарльз Дарвин. И еще, комок к горлу подкатил — не могу спокойно смотреть фотки, где мама...

Смартфон сыграл мне входящий вызов в тот момент, когда я перевернул последнюю страницу альбома. Высвеченный на дисплее номер был мне незнаком.

— Алло, это Саша? — Голос женский, негромкий и слегка манерный. — Саша Мезенцев?

— Я Саша Мезенцев. Слушаю внимательно.

— Вам удобно говорить, Саша?

— Да, удобно. (Похоже, опять какой-нибудь банк проводит акцию по поиску лохов).

— Меня зовут Кристина. Мы незнакомы, но я много слышала о вас от Элины. Я хотела бы поговорить с вами. Это очень важно для вас.

— Ну так говорите, я слушаю.

— Не по телефону. Нам надо встретиться.

— Ну хорошо. Давайте завтра в любое время после обеда.

— Нам надо встретиться сегодня, Саша. Прямо сейчас.

— Елки-моталки, что за спешка! А подождать ваше дело не может?

— Нет, не может, — голос Кристины приобрел металлические тона. — Я же сказала, это важно для вас.

— Вопрос жизни и смерти, ага. А если я скажу, что не хочу встречаться?

— Ладно, я намекну тебе, дураку, в чем дело. Ты в курсе, что у Элины есть парень?

— Парень? — Меня бросило в жар, и сердце застучало. — Какой еще парень?

— Что, не знаешь, какие парни бывают? — Кристина нервно засмеялась. — Это мой брат, и они друг друга очень любят. А ты путаешься у них под ногами, понял?

— Врешь, — я вдруг ощутил бешеную злобу и ревность.

— Вру? Ничего ты вообще олень. Тебе доказательства нужны? Могу доказать.

— Гляди, если ты меня разводишь, я ведь с тобой по-другому поговорю.

— Ой-ой-ой, супермен какой! Обделаться как страшно. — Она сделала паузу. — Короче, если захочешь узнать, куда на самом деле уехала Элина, подходи к "Магниту" напротив твоего дома. Я буду тусоваться у входа. Темноволосая девушка в сиреневой курточке, усек?

Я отшвырнул от себя трубку, как гранату без чеки, и почувствовал, что мне не хватает воздуха. Господи, ну и денек! Вот всего ожидал, но только не такого. С минуту я пытался овладеть собой, потом схватил телефон — у меня появилась мысль позвонить Элине и все выяснить. Сразу, немедленно. Мне осталось только нажать кнопку вызова, и тут я подумал, что могу все безвозвратно разрушить. А вдруг эта Кристина просто из зависти или ревности наговорила мне сейчас все это? Если все это пустой гон?

Нет, не буду пока звонить Элине, подумал я, натягивая джинсы. Лучше сперва встречусь с этой чиксой. Посмотрим на ее доказательства...

Из подъезда я выскочил успокоившийся, злой и вполне мотивированный на самой серьезный разговор. Дошел до угла дома, свернул на тропинку, ведущую к дороге и....

***

Голос звал меня откуда-то издалека, из темноты.

— Александр! Александр, вы слышите меня?

Я хотел ответить, но не мог — язык меня не слушался. Будто кляп во рту.

— Он, кажется, приходит в чувство, мастер, — сказал другой голос.

— Что? Да, в самом деле, ты прав.... Александр!

— А-а-а-а-а-а, — только и смог ответить я. Темнота перед глазами заколыхалась, вызывая тошноту, мир стал понемногу наполняться неярким светом, источником которого был висевший под темным сводчатым потолком белый светящийся шарик. И еще я увидел лица склонившихся надо мной людей, встретился с ними взглядом.

— Ильин? — с трудом произнес я, узнав старшего из них, перевел глаза на второго — Роман?

— Вы в порядке? — В глазах Ильина была тревога. — Онемение в теле прошло?

— Не...знаю.

— Пошевелите пальцами руки. Так, хорошо. Кажется, вы отделались легким испугом.

— Я... что случилось?

— На вас напали. Мы предвидели такую возможность.

— Кто на меня напал? — Я повернул голову, пытаюсь осмотреться. Место, где я находился, было мне совершенно незнакомо — какой-то подвал, скорее всего. Низкий потолок, стены из темного кирпича, каменный пол. И источник света под потолком вовсе не лампа, провода у нее нет, и вообще непонятно, как он может светиться. У меня появилось чувство страха. — Где я?

— Вы у людей, которые не желают вам зла, напротив, пытаются вам помочь, — успокоил меня Ильин. Я заметил, что он больше не носит очки. — Но сначала выпейте это.

Ильин подал мне стакан с кисловатым напитком, напоминающим по вкусу клюквенный морс. Я выпил его и сразу почувствовал, как неприятное, похожее на тяжелое опьянение состояние проходит, как наступает ясность в голове.

— Получше? — Ильин одобрительно кивнул, услышав мое "Да". — Готовы к разговору?

— Вы сказали, кто-то напал на меня. Кто именно?

— Мы предполагаем, что это агент Тойфельгартена.

— Тойфель... чего?

— На вас наложили заклинание временного паралича. Интересно, как ей удалось такое в вашем мире. Впрочем, ваша реальность технологическая, а не магическая, так что, возможно, вас атакowali мощным шокером. — Тут Ильин усмехнулся. — Все случилось так, как я предвидел. Думаю, у вас пропали ключи от дома.

— Ключи? — Я судорожно ощупал карманы куртки, потом джинсов. Телефон на месте, бумажник, ручка, флэшка на месте. А вот ключей нет. — Эээ...а где мои ключи?

— Она забрала их. Для того и напала на вас, чтобы получить ключ, войти к вам домой и забрать тетрадь Кузнецова. Это плохо, очень плохо.

— Да шут с ней, с тетрадью, — я сел на жестком кожаном матрасе, брошенном прямо на деревянный топчан, единственный предмет мебели в этом странном подвале. — Стойте, вы сказали "она"? Это что, женщина была?

— Да, мы так считаем, — подтвердил Ильин.

— Мне звонила какая-то Кристина, — начал я. — Сказала, что знает мою любимую девушку, наговорила мне про нее всяких гадостей и предложила встретиться, чтобы... Слава Богу!

— Вижу, вы нашли в этой истории что-то хорошее, — сказал Ильин. Я услышал в его голосе иронию.

— Просто я подумал, что Элина ни при чем. — Я встал с лежака. — И как я теперь попаду домой?

— Никак, — сказал Ильин. — Постойте, дайте мне договорить. С вами случилась действительно очень неприятная вещь — агент Тойфельгартена по имени Кристина украла у вас записи Кузнецова. По этим записям они вычислили и уничтожили его, а это значит, что вы не родились, Александр. Ваш предок погиб в Десятигорье, не вернувшись обратно. В вашем мире вас больше не существует.

— Вы что, пугаете меня?

— Мне меньше всего хочется вас пугать. Законы мироздания незыблемы. Гибель вашего прадеда в прошлом делает невозможным существование его потомков. Вас в том числе. Вы как бы не родились — в своем мире, конечно.

— Что вы несете? — Я сжал кулаки. — Пытаетесь припахать меня не мытьем, так катаньем. Не прокатит. Все, я ухожу.

— У вас есть телефон, попробуйте позвонить вашей сестре и отцу, — вдруг предложил Ильин.

У меня внутри что-то дрогнуло. В лице, во взгляде Ильина было нечто такое, что я подсознательно не хотел принимать. Телефон дважды сообщил мне, что я звоню по несуществующим номерам. Меня охватило страшное, ни с чем не сравнимое чувство обреченности.

— Я... я вам не верю! — прошептал я, отшатываясь от Ильина.

— Думаю, пора открыть карты. Мое настоящее имя Гаттскон, я мастер Синклита, — сообщил Ильин, — а моего молодого собрата зовут Рун Джерах. И вы теперь в одной команде с нами. Это единственная возможность что-то изменить. Когда мы встретились в первый раз, у вас еще был выбор — теперь его нет.

— Хорошенькое дело! — Я вытер ладонью лоб, с ненавистью посмотрел на собеседника. — А мне вот кажется, вы просто гребаный сумасшедший.

— Просто не желаете принять очевидное. Да и так ли безумны мои слова? В вашем мире любят истории о людях, попавших в чужой мир.

— Это фантастика! — взорвался я. — Фантастика, выдумка, чтоб вас! Вы хотите, чтобы я поверил в эту чушь — не дождетесь.

— Мы понапрасну теряем время. Это не в ваших интересах.

— Да мне плевать! — Я вздохнул. — Я хочу домой.

— Дорога домой для вас теперь пролегает через Десятигорье. Очень неприятно говорить это, но другого варианта просто нет.

— Вы не понимаете, — начал я, с трудом сдерживая накатившее отчаяние, — я не могу помочь вам! У меня учеба, у меня девушка! Я все потеряю, черт бы вас.... Нет, я не стану играть в ваши игры!

— Это не игра, юноша. Это единственная возможность спасти вашего прадедушку, себя самого и два мира, которые невольно оказались связанными между собой. Я понимаю, у вас шок. Он пройдет, поверьте.

— А если найти шпионку, укравшую тетрадь? Здесь, в моей реальности. Может, еще не поздно.

— Увы, она уже перешла границу миров. Прошлое изменено, мы знаем это наверняка. Ковен обманул нас. Теперь колесо Цикла совершило полный поворот. — Ильин-Гаттскон приложил ладонь к сердцу. — Вы наша последняя надежда.

— Я ничем не смогу вам помочь. Я простой парень и...

— Видимо, вы так и не успели прочитать рукопись своего предка, — Гаттскон покачал головой. — Семьдесят лет назад он не по своей и не по нашей воле оказался в Десятигорье. Я уже говорил, что ваша реальность технологическая, а не магическая, но так было не всегда. Некогда рожденный в вашем мире чернокнижник по имени Август Вюртембергский сумел овладеть искусством открывать пространственно-временные порталы в другие миры. Прошло более пятисот лет, и опыт Августа использовали оккультисты из организации, которую вы называете СС. Они смогли соединить технологии и магию, создали мост между мирами.

— Проект "Прямая линия", — я вспомнил свой сон. — Ну и что?

— Возникла угроза, равной которой еще не было. Пришельцы заключили союз с ведьмами Ковена, разрушив баланс сил. Гибель грозила не только нам — ваш мир тоже оказался в великой опасности. К счастью, мы обрели союзника и друга. Им был ваш прадед

Андрей Кузнецов. Тогда нам удалось остановить вторжение и спасти оба мира, и все это совершил мэтр Андре.

— Это все хорошо, но причем тут я?

— Наш мир снова в опасности. Мало нам было войны магов, так теперь еще пришла беда, откуда не ждали. А поскольку книга Августа Вюртембергского теперь у ведьм Ковена, под угрозой и ваша реальность.

— Ладно, ладно, я все понял! — Я чувствовал, что моя голова вот-вот разорвется. — Чего вы от меня хотите?

— Вы отправитесь в Десятигорье и поможете нам победить Ковен. Только так вы сможете переиграть прошлое и вернуться к себе домой.

— Вы, конечно, сволочи хорошие, но у меня, как я понял, нет выбора. Черт с вами, давайте попробуем. Только не думайте, что я делаю это ради вас. Я делаю это ради отца, Ленки и моей Мурлыки. — Я помолчал. — И прадедушки тоже.

***

Небольшой ярко освещенный зал был полон самой разнообразной техники, от компьютеров до плазменных панелей на стенах, а прямо по центру зала располагалась подковообразная конструкция из зеленоватого металла — воздух над ней колебался, будто марево в жаркий день. Гаттскон предложил мне сесть в кресло напротив конструкции, сам уселся за компьютер. Роман протянул мне включенный планшет.

— Нажмите кнопку "Пуск", — велел он.

— Это еще зачем?

— Мы должны подготовить вас к миссии, — пояснил Гаттскон. — Как я уже говорил, ваша реальность технологичная, поэтому мы будем использовать технологии, а не магию. Ранее в разговоре вы подали отличную мысль. Мы решили стилизовать систему взаимодействия с вами в нашей реальности под популярные в вашем мире компьютерные игры. Начнем с определения ваших исходных параметров. В нашей реальности все выбранные вами параметры будут активированы.

— Похоже на РПГ, — сказал я. — Конструируем персонажа, верно?

— Пожалуй. Только этот персонаж вы сами. Поэтому выбирайте с умом, ваш выбор будет окончательным.

— Ладно, давайте попробуем, — сказал я и запустил программу. На дисплее планшета появилась следующая информация:

МИССИЯ: ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ.

ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ: 21 апреля 2014 года.

ИМЯ: Александр Андреевич Мезенцев.

ВОЗРАСТ: 19 лет.

ТИП ПЕРЕХОДА: первый приоритетный.

ЗНАЧИМЫХ ТАЛАНТОВ И ОСОБЫХ ТАЛАНТОВ: два частично присутству
(Образованность, Знатор языков).

НЕОБХОДИМО ОПРЕДЕЛИТЬ КЛАСС ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЯ.

ПЕРЕЙТИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВОЗМОЖНОГО КЛАССА: Да?

— Нажмите кнопку "Да". - велел мне Гаттскон. — Система обработает ваши данные и предложит вам несколько специализаций.

— Ну точно РПГ, — хмыкнул я. Система предложила мне следующие возможные классы: рыцарь, стрелок, младший сын, солдат, агент, монах, наемник, паломник, вагант и страж.

— Видите, система сразу забраковала для вас развитие по всем линейкам, связанным с магией, — пояснил Гаттскон. — Это потому, что вы не обладаете магическими способностями. Вы можете выбрать только Путь воина.

— Монах — и Путь воина?

— Тот, кто ведет тайную войну — тоже воин. Запомните, от того, выберете вы Тайный или Явный путь, будут зависеть ваши таланты, социальный статус и общее отношение к вам людей. Все классовые качества и таланты можно посмотреть, нажав кнопку "Выбор".

Я нажал. Планшет тут же выдал мне такую таблицу:

1. РЫЦАРЬ:

Боец Явного пути.

Базовые качества: Репутация +10, сила +10, здоровье +10, харизма +10, ловкость +10.

Штраф: Интеллект -10

Особый талант: Благородное происхождение.

Таланты класса: Холодное оружие, Жокей, Ношение доспехов, Крепкий парень, Стихосложение, Милый собеседник.

Описание: Рыцарь — образец благородства и воинского искусства, предмет восхищения дам и простолюдинов. В любом доме они желанные гости, их любят и стараются им угодить. Они умеют сражаться пешими и конными, владеют тактикой боя и умело используют любое оружие для победы над врагом.

2. СТРЕЛОК:

Боец Тайного пути.

Базовые качества: Ловкость + 10, скорость +10, удача +10, здоровье +10, хитрость +10.

Штраф: Харизма -10.

Особый талант: Знаток капканов.

Таланты класса: Дальнобойное оружие, Следопыт, Маскировка, Плавание, Мастер на все руки, Травы и корни.

Описание: Главное оружие Стрелка — его умение понимать тайны природы и использовать их в своих целях. Он одинаково хорошо ориентируется в залах дворца и заброшенных подземельях, в лесу и в пещерах. Стрелок умеет изготавливать и обезвреживать ловушки и метко стреляет.

3. МЛАДШИЙ СЫН:

Боец Явного пути.

Базовые качества: Ловкость +10, интеллект +10, удача +10, здоровье +10, харизма +10

Штраф: Сила — 10

Особый талант: Благородное происхождение.

Таланты класса: Холодное оружие, Ношение доспехов, Знаток языков, Травы и корни,

Маскировка, Милый собеседник.

Описание: В Десятигорье есть пословица: "Старшего сына любит отец, среднего мать, а младшего боги". Жизненные невзгоды только закалили Младших Сыновей, а ум, отвага и удача позволяют им добиваться всех поставленных целей. Они отличные бойцы, настоящие искатели приключений, способные преодолевать любые трудности.

4. СОЛДАТ:

Боец Явного пути.

Базовые качества: Сила +10, ловкость +10, скорость +10, здоровье +10, репутация +10

Штраф: Интеллект -10

Особый талант: Сила духа.

Таланты класса: Холодное оружие, Дальнобойное оружие, Жокей, Ношение доспехов, Крепкий парень, Мастер на все руки.

Описание: Солдаты славятся своей несокрушимой стойкостью и боевым мастерством. Отвага и сила воли позволяют им справиться с любой боевой задачей.

5. АГЕНТ:

Боец Тайного пути.

Базовые качества: Ловкость +10, скорость+10, интеллект+10, удача +10, харизма+10.

Штраф: Репутация -10

Особый талант: Образованность.

Таланты класса: Холодное оружие, Травы и корни, Знатоки языков, Мастер по замкам, Милый собеседник, Маскировка.

Описание: Их главный талант — умение добиваться своих целей, не привлекая внимания. Их таланты позволяют им добывать сведения и проникать в места, недоступные для других.

6. МОНАХ:

Боец Тайного пути.

Базовые качества: Репутация+10, ловкость +10, интеллект+10, скорость+10, хитрость +10.

Штраф: Удача -10

Особый талант: Сила духа.

Таланты класса: Кулачный боец, Крепкий парень, Мастер на все руки, Знатоки языков, Травы и корни, Милый собеседник.

Описание: Монахи предпочитают добиваться поставленных целей мирным путем, но в случае опасности могут отлично постоять за себя. Их уважают за образованность и охотно приходят им на помощь. Обширные знания помогают монахам справляться с любыми трудностями.

7. НАЕМНИК:

Боец Явного пути.

Базовые качества: Сила +10, ловкость+10, удача+10, хитрость+10, здоровье+10

Штраф: Репутация-10

Особый талант: Мастер боя.

Таланты класса: Холодное оружие, Кулачный боец, Ношение доспехов, Жокей, Крепкий парень, Мастер на все руки.

Описание: Наемники не пользуются особой любовью обывателей, но никто лучше них не преуспел в искусстве войны. Наемники в одиночку справляются с заданиями особой сложности и при этом получают выгоду для себя. В королевствах Десятигорья наемники считаются лучшими солдатами и не остаются без работы.

8. ПАЛОМНИК:

Боец Тайного пути.

Базовые качества: Репутация +10, ловкость+10, харизма+10, интеллект+10, хитрость+10

Штраф: Здоровье -10

Особый талант: Сила духа.

Таланты класса: Холодное оружие, Травы и корни, Маскировка, Следопыт, Стихосложение, Мастер по замкам.

Описание: Паломники — мастера находить нужную информацию, не возбуждая ничьих подозрений. Никто лучше них не умеет маскироваться в толпе и обманывать бдительных врагов.

9. ВАГАНТ:

Боец Тайного пути.

Базовые качества: Интеллект+10, ловкость+10, харизма +10, скорость +10, хитрость+10

Штраф: Репутация-10

Особый талант: Образованность.

Таланты класса: Кулачный боец, Крепкий парень, Маскировка, Стихосложение, Милый собеседник, Мастер по замкам.

Описание: Артистический темперамент, наблюдательность и хитрость позволяют Вагантам добиться нужной цели без особого риска, а их образованность и талант неизменно располагают к ним людей, чем Ваганты умело пользуются.

10. СТРАЖ:

Боец Явного пути.

Базовые качества: Репутация +10, сила+10, здоровье +10, харизма+10, удача+10

Штраф: Хитрость -10.

Особый талант: Сила духа.

Таланты класса: Холодное оружие, Ношение доспехов, Мастер на все руки, Жокей, Крепкий парень, Знаток языков.

Описание: Это настоящие паладины. Стражи владеют как навыками великолепного бойца, так и особыми знаниями, помогающими им при выполнении самых трудных заданий. В Десятигорье говорят, что один опытный Страж стоит трех солдат, и это правда.

Нет, ну я говорил, что это РПГ! Самая настоящая. Неделю назад я точно так же выбирал для себя класс моего героя в "Масс Эффект-2". Да и прежде в разных играх делал то же самое. Может, все это и впрямь какая-то компьютерная игра? Или я действительно сошел с ума?

— Позвольте, я кое-что поясню, — предложил Гаттскон, заметив мои колебания. —

Выбор действительно нелегкий. От того, какую специализацию вы выберете, зависит ваша исходная легенда, условия начала вашей миссии и то снаряжение, которое у вас будет изначально. Сначала о базовых качествах классов — их всего девять в разных комбинациях: ловкость, скорость, репутация, харизма, здоровье, интеллект, хитрость, сила и удача. Ловкость определяет вашу подвижность, умение избегать ловушек и уклоняться от атак. От скорости зависит быстрота вашей реакции. Репутация показывает, насколько хорошо к вам относятся окружающие. Харизма определяет степень вашего обаяния и успешность контакта с другими людьми. Здоровье отражает вашу физическую форму, устойчивость к спиртным напиткам и иммунитет. Интеллект, естественно, связан с вашими умственными способностями и эффективностью принимаемых решений. Хитрость влияет на выбор модели поведения, успешность вашей маскировки и помогает влиять на людей. Сила связана с возможностью носить доспехи, обращаться с оружием и поднимать массивные предметы. Удача повышает для вас вероятность успеха во всех смыслах. Чем выше ваша удача, тем больше шанс встретить нужного человека, обзавестись уникальным предметом, артефактом или разжиться деньгами, например. Кроме качеств есть еще таланты и особые таланты. Если хотите, могу пояснить вам, что какой талант вам даст.

— Мне в принципе понятно, но я бы хотел уточнить. Вот, например, "Благородное происхождение" — что это?

— Все буквально: благородное происхождение это титул, кое-какие исходные средства и определенное положение в обществе.

— Ясно. Теперь "Милый собеседник" — это дар хорошо подвешенного языка, не так ли?

— Да, умение разговаривать с людьми, убеждать их и располагать к себе. Талант "Травы и корни" — умение изготавливать различные лекарства и яды из природных компонентов, единственный алхимический талант, доступный тому, кто не обладает магическими способностями. Азы алхимии, как бы... Талант "Крепкий парень" добавляет здоровья и устойчивости к физическим нагрузкам. Талант "Маскировка" позволяет вам лучше прятаться, красться, использовать тени и укрытия, а также частично защищает от магического сканирования. Талант "Стихосложение" наделяет вас умением слагать стихи, что совсем нелишне, если вы хотите заработать денег или сделать себе имя. Талант "Жокей" — это искусство верховой езды, как вы понимаете. Ну, "Кулачный боец" и "Мастер по замкам" говорят сами за себя.

— А "Мастер на все руки"?

— Умение чинить и ремонтировать снаряжение самостоятельно, плюс изготавливать разные полезные вещи, например, бомбы. Очень экономит ваши средства.

— Да, неплохо. А что значит "Сила духа"?

— Это степень вашей устойчивости к физическим и психическим воздействиям, таким, как боль, голод, жажда, усталость, страх и прочее. Также немного защищает вас от боевой, сканирующей и манипулирующей магии. Полезный талант, должен сказать. Вы уже определились?

— Нет пока.

— Тогда думайте. Помните, что вы сейчас делаете важный выбор.

— Да понял уже, — я посмотрел на перечень классов и вновь задумался. Какой выбрать? Наемник, Рыцарь и Солдат что-то меня совсем не вставляют — слишком уж заточены на грубую силу, а мне, как я понял из туманных объяснений Гаттскона-Ильина, предстоит воевать с ведьмами. Тут одного меча и накачанных бицепсов мало, знания нужны.

А у них с интеллектом слабовато, у Рыцаря и Солдата вообще штраф по интеллекту.

— Скажите пожалуйста, — произнес я, не отрывая взгляд от дисплея, — а какой класс был у моего... у Кузнецова?

— В его случае система не требовала выбрать класс. Мэтр Андрэ был сразу определен как Агент. Хотите выбрать Агента?

— Нет-нет, еще думаю...

Тэк-с, смотрим дальше. Вот Монах неплох, но по Удаче у него штраф. И оружейных талантов нет. Кулачный бой это неплохо, но как драться с рыцарями в доспехах, например, или с магами, которые кидаются файерболлами? Будет, как в анекдоте про Чапаева: "Куда ты, бедолага, на шашку босыми ногами полез!" Это только в гонконгских боевиках шаолиньские монахи всех штабелями укладывают и щелбанами танки переворачивают, а в реальности это вряд ли сработает. Не, не пойдет. И Ваганта туда же — слабоват будет. К тому же нет у меня желания веселить разных синчеров по тавернам. Черт, как же трудно выбрать!

— Помните, от вашего выбора будет зависеть ваша жизнь, — подлил масла в огонь Гаттскон.

— Понял уже, — огрызнулся я. — Дайте подумать.

Гаттскон кивнул, и я опять углубился в изучение классов. Стрелок неплох — хорошие у него таланты. И Страж красива. Но только у первого нет Знания языков, а второй маскироваться не умеет. Может, выбрать Паломника или Агента? Нет, все-таки лучше Страж, или...

— Младший Сын, — сказал я. — Боевые навыки, маскировка и знания. Гремучая смесь. Вот его и возьму.

— Отличный выбор, — одобрил Гаттскон. — Уверены?

— Страж хорош, но у него хитрость понижена и маскировки нет. Уж очень прямолинеен. Агент и Паломник чистые разведчики — не мое. По-моему, в прямом бою они слабоваты. Стрелок дальнобойщик и таланта, связанного с доспехами, у него нет. Хотя... Нет, все-таки Младший Сын!

— Принято! — Гаттскон, казалось, был доволен. — Поздравляю вас, Преследователь.

— Не с чем поздравлять, — возразил я. — Это все?

— Вы можете также изменить свою расу, пол, возраст и внешность, если хотите.

— Расу? — Я решил поерничать немного. — Кем мне стать? Эльфом? Гномом? Или орком?

— О чем вы? — удивился маг. — У нас в Десятигорье нет таких рас. Есть айслинги, яруджа, кан и амару.

— Это все объясняет, — сыронизировал я. — Нет уж, я останусь европейцем, с вашего позволения.

— Аналог европеоидной расы Земли в Десятигорье — айслинги, — объявил Гаттскон. — Принято. Остальные параметры менять не будете?

— Нет. Я вполне доволен своим полом, внешностью и возрастом.

— Хорошо. Осталось выбрать вам имя. Посмотрите принятые в Десятигорье имена, близкие вашему, которые я предлагаю.

На дисплее моего планшета появились три варианта — Лекстер, Эльсен и Элессар. Я поморщился.

— Не, не пойдут, — сказал я категорично. — Дурацкие имена. Элессар вообще

смахивает на "комиссар". Отстой. Пусть остается Александр. Или нет, лучше Сандер. Да пускай Сандер, мне нравится.

— Эрл Сандер вообще-то звучит, — одобрил Гаттскон. — Все, мы закончили. Теперь несколько слов напоследок. С этого момента вы Преследователь, и ваша миссия определится уже в нашей реальности. Скажу только, что она опасная и непростая. Началу миссии будет предшествовать короткий период обучения, без этого нельзя. Вы должны вжиться в новую реальность. Но если вы добьетесь успеха, вас ждет награда.

— Вот-вот, давайте поговорим о награде. Что именно вы мне собираетесь предложить?

— Пока только еще одну жизнь. Жизнь Младшего сына, если хотите.

— Странная награда. Но выбора у меня нет, не так ли?

— Нет, мой друг, — с подкупающей прямоотой ответил Гаттскон. — Хотя, маленький подарок я могу сделать вам прямо сейчас. Рун, отдай ему прибор.

Маг-помощник тут же подал мне мой телефон.

— Мы понимаем, что вы привыкли пользоваться этим устройством, и не хотим создавать вам неудобства, — пояснил Гаттскон. — Пусть он останется с вами в нашей реальности и помогает вам. Правда, он слегка изменит свой вид, но сути это не изменит. Это пока все, что мы можем вам дать.

— И на том спасибо, — я сунул трубку в карман куртки, встал с кресла. — Что теперь?

— Войдите в портал. — Гаттскон улыбнулся. — Спасибо тебе, Саша. И пусть силы Света помогут тебе!

Я ничего не ответил. С решимостью самоубийцы (а что мне терять, если я даже не родился!) шагнул вперед, встал между искрящихся разрядами дуг. Все, крышка мне. Или это только начало?

Ответить самому себе я не успел, потому что рухнул в Пустоту.

***

— Он в порядке?

— Да, отец Дроммард. Горячка прошла, но он еще очень слаб.

— Бедный мальчик! Оставь нас, Бенел, я хочу поговорить с ним.

— Но отец Дроммард...

— Ступай, мой друг, ступай. Настоятель мне позволил. Да благословят тебя Высшие силы!

Холодная сухая рука коснулась моего лба, и это прикосновение заставило меня вздрогнуть. Я открыл глаза. Одетый в темное пожилой, очень худой человек с узким изможденным лицом и добрыми глазами стоял возле моей постели и смотрел на меня.

— Мир тебе, эрл Сандер! — сказал он с теплотой в голосе.

— И вам мир, — ответил я, не совсем понимая, что происходит.

— Ты меня узнаешь, мальчик мой? — спросил старик. — Я отец Дроммард.

Я вновь вздрогнул, но не слова старика были тому причиной — совсем рядом с моим ухом раздалась переливчатая трель моего смартфона. Я повернул голову и увидел, что возле моей подушки лежит нечто, похожее на массивное прямоугольное зеркало из темного полированного металла. Я не мог ошибиться — это табличка тренькнула. Я схватил ее, поднес к глазам. На зеркальной поверхности немедленно побежал светящийся зеленым текст:

"По некоторым причинам мы не можем постоянно опекать тебя, Преследователь. Впоследствии ты поймешь, почему. Мы держим свое обещание — магический Наставник будет информировать тебя, сообщать полезные сведения и в экстренных случаях связывать нас с тобой.

Твоя миссия начинается в центре Вальзерата, в монастыре Грейвул. Ты Сандер Сторм, третий, младший сын барона Джернона Сторма, пэра Россарта. В возрасте одиннадцати лет ты был отправлен в монастырь. Свой матери ты не знал — еще в детстве тебе сказали, что она умерла при родах. Монахи заботились о тебе и обучали, но теперь пришло время покинуть свое убежище. Послушай, что скажет тебе отец Дроммард — семейный капеллан Стормов, который служит им больше сорока лет. Был исповедником Джернона Сторма-старшего и барона Джернона Сторма, умершего восемь дней назад. "

Ага, понятно, у меня есть персональный информатор, снабжающий меня полезными сведениями. Отлично, просто великолепно. Теперь я, по крайней мере, не буду похож на героя дешевого сериала, страдающего амнезией. Или же я просто сошел с ума, и у меня глюки?

Нет, комната, в которой я находился, выглядела слишком готично для палаты психолечебницы. Стены из темного камня, сводчатый потолок, опирающийся на крестообразные арки, стрельчатые окошки с витражами-гризайлями, тяжелая, несомненно старинная мебель, тускло горящий светильник на столе, и рядом с ним — глиняный кувшин и пиала с отколотым краешком. Все выглядит, как декорация исторического фильма — или же подлинный интерьер средневековой спальни.

— Я узнаю вас, — сказал я, и старик улыбнулся.

— Вот и славно, — ласково сказал он. — Отец настоятель сказал, что ты был тяжело болен. Но теперь, слава Высшим силам, ты в порядке. Надеюсь, тебе хватит сил выслушать меня.

— Конечно, святой отец. — Я попробовал встать, и мне это удалось без особых усилий. Вообще, для человека, который в мгновение ока перенесся из одной реальности в другую, я чувствовал себя совсем неплохо. — Видите, я совершенно здоров.

— Прекрасно, рад это слышать. — Тут он окинул меня долгим внимательным взглядом. — А ты вырос и возмужал. Настоящий наследник дома Стормов!

Сколько мы не виделись с тобой — пять лет?

— Наверное. Как вы поживаете, отец Дроммард?

— Удел стариков — терпение. Мои застарелые болезни все чаще напоминают о себе. Особенно болезнь желудка — скоро она сведет меня в могилу, я знаю. Путь в Грейвул стал для меня настоящим испытанием.

— Мне очень жаль, святой отец.

— Я привез тебе печальные вести, сын мой. Твой батюшка, Джернон Сторм, шестнадцатый барон Россарт, покинул нас ради вечной жизни. — Тут капеллан сложил ладони вместе и коснулся ими своих губ. — Давай помолимся о его душе. Повторяй за мной: "О Высшие, всевидящие и всезнающие, к слуху вашему обращаюсь я со смиренной молитвой — примите и даруйте вечное блаженство душе отца моего, слуги вашего Джернона, да живет он вечно в царстве света и добра!"

Я повторял вслед за капелланом слова молитвы, а сам думал о другом. Как странно, что

со мной такое происходит! Это не может быть правдой, хотя это не галлюцинация, нет — я чувствую запах горелого масла от светильника, исходящий от священника тяжелый дух давно немытого старого тела, а ноги мои зябнут, потому что я стою на голом каменном полу босиком. Я не спец в психиатрии, но галлюцинации не могут быть такими детализированными и правдоподобными, охватывать сразу все чувства. И еще — я понял, что ужасно хочу есть.

— Он ушел легко, — сказал священник, когда мы закончили молиться. — Высшие были милостивы к нему. До последнего своего часа он сохранял трезвость ума и здравый рассудок.

— Я скорблю о нем, святой отец, — сказал я, не зная, что толком говорить.

— Это похвально. Я думаю, ты простишь своего отца за то, что он так несправедливо обошелся с тобой, Сандер. За все, что он сделал, да простят его Высшие силы. Я должен сказать тебе, что присутствовал при оглашении последней воли барона. Наследником замка Россарт и всех земель стал твой брат Пьерен.

— Правда? А...я?

— Смирись, сын мой — отец не оставил тебе ничего.

Я едва не ляпнул "Не больно-то и хотелось", но видя, как сокрушен старый капеллан, сдержался. Какое-то время мы молчали.

— Видишь, я не стал вестником радости для тебя, — наконец, заговорил отец Дроммард, — но я хочу помочь тебе. Теперь, когда старый барон мертв, я свободен от клятвы, которую меня когда-то вынудили дать. Я должен рассказать тебе о твоей матери, Сандер. Это печальная история, но я не могу уйти, не поведав ее тебе.

— Отец говорил, что моя мать бросила меня.

— Это не так. Твоя мать любила тебя, поверь. Она была красавицей. Не было в нашем повете девушке, могущей сравниться с ней красотой и прелестью. Она не могла похвастаться знатным происхождением, но юный Джернон Сторм даже не задумывался об этом. Твой отец так влюбился в нее, что обвенчался с ней, вызвав ярость отца, который едва не проклял его за непослушание. Сторм сыграл свадьбу, даже не дождавшись окончания траура по первой жене. Он был без ума от своей милой Глены. Но их счастье омрачила ревность. Барон стал похож на скрягу, обладающего редким драгоценным камнем — сначала он не позволял жене покидать замок, потом сделал все, чтобы соседи не посещали Россарт с визитами. Когда родился ты, барону было уже сорок девять лет, и ревность совсем помрачила его разум — он начал думать, что ты не его сын, что жена изменила ему с кем-то из челяди. Я знаю, откуда пошел этот мерзкий слух: это Пьерен, твой недостойный брат, заронил в сердце отца эти гнусные подозрения. Пьерен задумал сделать все, чтобы остаться единственным наследником эрлинга Россарт после кончины вашего старшего брата Леона, благородного и добродетельного человека. Не сомневаюсь, что барон диктовал свое завещание, будучи отравлен наветами этого низкого человека. Я хочу, чтобы ты это знал. У меня нет доказательств, но это так.

— Вы говорили о моей матери, — напомнил я.

— Да, прости... Пришел день, и она исчезла. Барон говорил всем, что она сбежала из замка, но это не так. Он убил ее — да помилуют его душу Вечные!

— Он убил мою мать? И вы заставили меня прочесть молитву за упокой его души?

— Прости меня, сынок, но по-другому я не мог. Старый барон уже предстал перед судом Высших, и его душе будет нелегко. Даже самый ужасный преступник заслуживает сострадания и поминальной молитвы.

— Он убийца.

— Теперь когда старый барон предстал перед судом Высших, я не могу далее скрывать правду. — Отец Дроммард опустил глаза. — Твоя мать была ведьмой, Сандер. Барон случайно узнал об этом. Прости, что вынужден сказать тебе об этом.

— Она была моей матерью, — ответил я. — Остальное неважно.

— Да, конечно... Вот, — старик подал мне серебряный медальон на цепочке. Я взял его, рассмотрел — сам медальон был сделан в виде цветка шиповника, с маленьким красным камнем в центре. — Это все, что осталось от Глены. Он твой.

— Вы хранили его все эти годы?

— И хранил бы еще тысячу лет, — с жаром ответил старик и осекся, будто сказал что-то лишнее, не предназначенное для моих ушей. — Мне он больше не понадобится, пусть тебе напоминает о матери. Я сохраню память о Глене в своем сердце, которому недолго осталось биться.

— Спасибо вам, святой отец.

— Тебе не следует больше оставаться в Грейвуле, — сказал отец Дроммард. — Это небезопасно, Пьерен знает, где ты. Он может подослать к тебе убийц. Ты не получил ничего по завещанию, но по-прежнему остаешься сыном барона Сторма.

— И куда мне идти?

— В Донкастер. Там есть школа военных капелланов...Погоди, постой, не делай такое лицо — военный капеллан больше солдат, чем монах, и стать им большая удача. Это очень уважаемая в армии должность. Начальствует в Донкастерской школе мой давний друг Брен Неллер. Когда-то мы были неразлучны, а потом жизнь развела нас — я стал монахом, а Неллер продолжил службу герцогу Вальзератскому. Кажется, все это лишь вчера было. Печально быть стариком. — Отец Дроммард вздохнул, извлек из своей плечевой сумки маленький свиток. — Это рекомендательное письмо для Неллера, покажешь его, и он поможет ради нашей старой дружбы. И вот еще, возьми, пригодится, — старик протянул мне отличный обоюдоострый кинжал с оплетенной кожей рукоятью в черных ножнах с серебряными накладками. — Это фамильный корд Стормов, до тебя его носил твой благородный брат Леон. Я подумал, что наследнику дома Россартов негоже ходить без оружия.

Я взял кинжал, вытащил лезвие на треть из ножен — сталь посверкивала в свете лампадки серебристыми искорками. На лезвии был черненый узор и какие-то неведомые мне письмена. Видно было, что кинжал не дешевая штамповка, наверняка штучная работа, судя по отделке и качеству стали. Я почувствовал, как забилося сердце, когда смотрел на этот клинок. Почему, когда берешь в руки оружие, всегда испытываешь волнение? И неважно, что именно — меч, нож, автомат, пистолет? Видимо, это у любого мужчины в крови...

— Вы просто задарили меня сегодня, — ответил я. Мне захотелось обнять старика.

— Увы, мои дары слишком ничтожны для наследника эрлинга Россартов. Может, однажды ты и войдешь в дом своих предков полноправным хозяином, но я вряд ли это увижу.

— Когда мне отправляться?

— Чем быстрее, тем лучше. Пьерен мог догадаться, куда я поехал. Я говорил с настоятелем, он поддержал мою идею. Да и тебе, сынок, хватит сидеть в этих стенах. Пришла пора увидеть мир и занять в нем достойное тебя место.

— Тогда я отправлюсь немедленно.

— Погоди, тебе надо подкрепиться и получить благословение аббата. Добраться до Донкастера будет несложно — дойдешь до Эммена, это деревня в пяти милях от монастыря, там есть постоянный двор, где почти всегда можно встретить отправляющихся в Донкастер купцов. За небольшую плату они охотно довезут тебя до города. — Отец Дроммард сделал паузу. — Я бы отправился с тобой, но сил у меня не хватит. Поэтому прости меня, сынок, и помни, что Пьерен способен на любую подлость. Будь осторожен.

***

Сборы были недолгими. После скромного завтрака из овсяной каши, мягкого сыра, хлеба и травяного чая в монастырской трапезной, я вернулся в свою комнатку и собрал вещи. Сложил в сумку все свое имущество — две полотняные рубахи, пару штанов, деревянную миску и ложку, маленький ножичек, полотенце и коробочку с лекарственным сбором, помогающим от лихорадки и простуды. Оделся, привесил кинжал на пояс, полученный от старого капеллана медальон повесил на шею (хоть эта вещица осталась от совершенно чужой мне женщины, но я по легенде как бы ее сын получаюсь, так что пусть напоминает мне о моей собственной маме!), положил за пазуху странный предмет, в который превратился мой смартфон, закинул сумку на плечо, в последний раз осмотрел комнату и вышел во двор монастыря.

Отец Дроммард и добрейший аббат Ульфилла, настоятель Грейвула, ждали меня. Аббат вручил мне узелок с провизией и, виновато опустив взгляд, сунул мне в ладонь четыре серебряных монеты — видимо, все деньги, которые у него были.

— Я буду помнить о вас, святой отец, — сказал я, опустившись перед аббатом на колени. — Вы навсегда останетесь в моем сердце.

— Помни, что двери Грейвула для тебя всегда открыты, сын мой, — сказал аббат и напоследок вручил мне маленькую книжку в лоснящемся переплете из темной кожи. — Эту книгу написал некогда мой учитель, приор Арденаль. В ней ты найдешь много мудрых и полезных мыслей. Пусть мудрость и добро ведут тебя по дорогам нашего беспокойного мира!

— Прощай, Сандер, пэр Россарта и барон Сторм! — напутствовал меня отец Дроммард. — Когда-то я растил тебя, как собственного сына, и вижу, что ты вырос храбрым, сильным и благородным человеком. Да пребудет с тобой милость Высших!

— Спасибо за все, — сказал я и, поклонившись добрым старикам, начал свое путешествие.

За воротами монастыря начиналась грунтовая дорога, довольно широкая и обсаженная по сторонам высокими деревьями, на которых уже распустилась молодая листва. Лучи солнца, пробиваясь сквозь эту листву, бросали на дорогу замысловатый узор из сплетенных теней. Иногда налетающий ветер раскачивал ветки, и узор начинал двигаться на коричневатой земле. За деревьями раскинулись зеленеющие луга и поля, небольшие буковые, дубовые и березовые рощицы, залитые теплыми весенним солнцем, а небо было повесенному синим и ясным. Едва я отошел от монастыря метров на сто, как за моей спиной звучно и радостно ударил главный колокол на монастырской звоннице, то ли оповещающая о каком-то важном событии в монастыре, то ли провожая меня в неизведанное. Волосы на

моей голове зашевелились, во рту вдруг стало сухо: все происходящее со мной вновь показалось мне невероятным сном, галлюцинацией, впрочем, пока слишком мирной и прекрасной, чтобы напугать меня. И вот еще что — несмотря на всю шизофреничность происходящего, я совершенно не испытывал страха, только любопытство и желание со всем разобраться. Происходящее со мной слишком напоминало стандартное начало компьютерной игры — протагонист выходит в большой игровой мир, в котором будет действовать, развиваться и выполнять разные задания. Так что повторяюсь, происходящее меня не пугало. Добавлю еще то, что окружающая меня действительность была совершенной копией земной: трава и деревья ничем не отличались от своих земных собратьев, порхающие над дорогой воробьи и ласточки выглядели вполне по-земному, и ничего особенного я пока в окружающем меня мире не заметил. Так что я шел по сельской дороге, и колокол монастыря продолжал звенеть, пока не затих.

Тут меня пронзила неожиданная и показавшейся мне чрезвычайно важной мысль — а имя-то я себе выбрал ну очень удачно! Я, Александр Андреевич Мезенцев, теперь Сандер из семейства неких Стормов, попросту Сандер Сторм. Звучит практически как английское Thunder Storm, то есть буря, гроза. Случайно так получилось, или намерено, я не знал, но подобное созвучие показалось мне очень примечательным. Моряки говорят:: "Как назовешь судно, так оно и поплывет". В моем новом имени есть что-то brutальное, звучное и благородное, так что попытаемся ему соответствовать.

И в этот момент пропел свою трель смартфон (я буду по привычке так его называть) у меня за пазухой. Я остановился, достал его и прочитал следующее:

Деньги: у тебя четыре серебряных кварта — монеты, которая чеканится в великом герцогстве Вальзерат. Четыре кварта составляют один золотой денарий. Эта сумма сопоставима с месячным жалованием герцогского чиновника. Кварты и денарии имеют хождение по всему Десятигорью, как и монеты прочих государств, и охотно принимаются торговцами, менялами и купцами во всех городах и деревнях.

— Неплохо, — резюмировал я. — Да я богач!

Немедленно пришло второе сообщение от неведомого провайдера. На этот раз речь шла о географии и политике:

Великое герцогство Вальзератское, или просто Вальзерат расположено между Орандуром и Монхэмом, в самом центре Десятигорья. Территория герцогства около двадцати тысяч квадратных миль, население пятсот сорок тысяч человек. Основное население — вальзератцы и ораны. Столица герцогства город Данмут, близ которого расположен замок Вальзерат, резиденция великого герцога. Правителем герцогства является великий герцог (в настоящее время Вальзератом правит герцогиня Ульрика-Индигерда де Сассен-Деррик, вторая дочь Румальда Второго Вальзерата, умершего год назад.) Крупные города — Донкастер, где расположен один из старейших в Десятигорье университетов, и Эттбро. Герцогство славится своими мастерами-оружейниками, сырами, винами, вальзератской породой лошадей и древними руинами, привлекающими искателей приключений со всего Десятигорья.

Запомни, что законами герцогства запрещены дуэли, приставание к женщинам в общественных местах, публичное использование магии и непочтительные высказывания о

правлящем доме и герцогстве в целом.

Ну что тут сказать — здорово. Если магический Гугл и дальше будет снабжать меня такой информацией, мне будет несложно разобраться в специфике окружающей меня действительности. Можно только поблагодарить магов — хотя нет, это их стараниями я тут очутился, и...

Черт, а ведь понятия не имею, придется ли мне заряжать мой смартфон, ведь зарядника к нему у меня нет. Да и на корпусе, как я определил после быстрого осмотра, нет никаких клемм. Значит ли это, что мой универсальный подсказчик будет работать неограниченное время? Было бы здорово вообще-то...

Солнце (назовем местное дневное светило именно так) поднималось все выше, начало припекать. Я продолжал свой путь и очень скоро добрался до перекрестка, где на деревянном столбе красовались две указательные стрелки — одна указывала на Эммен, вторая на монастырь Грейвул. Так что я шел правильно и, судя по всему, до нужной мне деревни идти осталось совсем немного.

И вновь я вернулся мыслями ко всему, что предшествовало моему попаданию в эту реальность. Теперь я не сомневался, что все странные события последних дней — до жути правдоподобный сон на паре у Виленского, найденная в квартире Кузнецова тетрадь, книга и карта, увиденная мной сова, встреча с Романом, а позже и с Ильиным, — были прелюдией к тому, что происходит со мной сейчас. Меня самого поражало то спокойствие, с которым я воспринял все, что со мной происходит, но есть ли у меня альтернатива? Кричать, паниковать, посыпать голову пеплом — много ли толку будет от такой эмоциональной реакции? Идем дальше и наслаждаемся пейзажем, тем паче, что он очень красив.

Я дошел до поворота дороги, перебрался через большую лужу, оставленную, видимо, недавним дождем, и тут увидел расположенную в низине группу домов — по всей видимости, это и была деревня Эммен, главная цель моего путешествия. И еще я обратил внимание на большую рощу справа от дороги. Деревья в этой роще были старые, узловатые, лишенные листвы, окруженные уродливыми, торчащими из голой бурой земли пневматофорами. Мертвые деревья, одним словом. Целая роща мертвых деревьев. Она совершенно не вписывалась в тот пасторальный пейзаж, которым я наслаждался до сих пор. Плотный сизый туман, клочьями плававший между деревьями, придавал странной роще еще более зловещий вид. Естественно, у меня появилось желание подойти поближе и рассмотреть это чудо природы.

Я сошел с дороги и двинулся к мертвой роще. И вот тут вновь тренькнул мой смартфон, порадовав меня очередным, очень странным сообщением:

Внимание, Преследователь! Ты наткнулся на Адову Пасть, особую территорию, возникшую в результате сильнейшего магического воздействия. Адовы Пасти возникают в местах поединков магов из-за действия магических энергий, или же создаются искусственно с целью защиты объектов, в которых скрыты уникальные предметы, выходы на Тропы Посвященных или важная информация. Определить Адову Пасть можно по искаленным магией деревьям и другим растениям, бесплодной земле, разрушенным и опаленным строениям, или стойкому туману, появляющемуся в Адовой Пасте в любую погоду. Обитающие в Адовой Пасте существа агрессивны и очень опасны. Будь осторожен — в

настоящий момент у тебя нет необходимой защиты, позволяющей проникнуть внутрь Пасти или даже находиться вблизи от нее!

Игнорировать такое предостережение было бы глупо тем более, что у меня внезапно появился звон в ушах и ощущение страха, как только я подошел к странной роще метров на пятьдесят. Еще я заметил, что свежая зеленая травка, густо покрывшая луг, совершенно не росла за некоей невидимой мне границей: дальше из влажной земли торчали лишь сухие уродливые кустики, такие же мертвые на вид, как и деревья рощи. Звон в ушах усилился, начался озноб, плюс медальон на шее начал ощутимо греться. Какие-то непонятные энергии явно воздействовали на меня. И еще мне показалось, что я услышал со стороны рощи негромкий звук, похожий на тихое угрожающее рычание. Это было предупреждение, которым совсем не стоило пренебрегать. А еще у меня появилось ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Я не стал искушать судьбу, вернулся на дорогу и направился в сторону деревни. Звон в ушах и чувство опасности тотчас исчезли, и я добрался до околицы Эммена без всяких приключений.

Глава третья: Адова Пасть

Деревня Эммен оказалась ухоженной и выглядела совсем как благополучные европейские городки — аккуратные, выбеленные нежно-салатовой, кремовой и белоснежной известью дома-фахверки под красными и коричневыми черепичными крышами, чистые улочки, ухоженные сады и цветники при каждом доме. Загляденье, а не деревушка. Вокруг небольшой мощеной площади в центре Эммена располагались храм — массивное здание из серого камня со стрельчатым порталом и двумя башенками-колокольнями, — кузница, мастерские шорника, портного, сапожника и плотника, и несколько лавок. Здесь же был колодец и небольшой рынок, где с дощатых прилавков под навесами опрятно одетые женщины разного возраста, от совсем еще юных девушек до ветхих старушек, торговали молоком, куриными яйцами, творогом и сушеными фруктами. Завидев меня, они пустили в ход все свое обаяние и красноречие, чтобы заставить меня купить их товар, но я не поддался на их чары. Таверна "Под раскидистым дубом" находилась сразу за храмом: это было крепкое двухэтажное деревянное здание с коновязью и навесами для повозок во дворе. Я прошел через двор, поднялся на крыльцо, оглянулся — мне опять показалось, что за мной следят, — и, не заметив ничего подозрительного, толкнул дверь.

Внутри таверна выглядела так, как и должна выглядеть средневековая корчма — земляной посыпанный тростником пол, длинные массивные похожие на козлы столы и лавки, резные деревянные стойки, подпирающие стропила. Народу в корчме не было совершенно. Я закашлялся — дым от разожженного в большом камине огня шел не столько в трубу, сколько в зал, отчего помещение было ощутимо задымлено. Темноту в корчме слегка рассеивали несколько прикрепленных к столбам мазниц, добавлявших свою лепту в наполнивший трапезную чад. Правый дальний угол корчмы был отделен от зала крепкой стойкой из темного дерева, за которой стоял, по-хозяйски опершись на стойку руками, пузатый широкоплечий дядька с черной окладистой бородой. Поскольку зал был пуст, то я сразу стал объектом его внимания.

— Добро пожаловать, добрый мастер, добро пожаловать! — пробасил он, отвечивая

мне поклоны. — Милости просим под наш скромный кров! Странникам и гостям мы всегда рады.

— Благодарю, — сказал я, подойдя ближе. — У вас тут уютно.

— Все к услугам господ путешественников! Не смотрите, молодой мастер, что зал сейчас пуст. Ближе к вечеру тут яблоку негде упасть. Не угодно ли чего? Поесть, попить, комнату?

— Я направляюсь в Донкастер. Хотел вот узнать, не едет ли туда сегодня кто из Эммена.

— Нынче нет, молодой мастер. — Корчмарь засопел. — У нас сегодня вторник, верно? Это ближе к пятку торговые да мастеровые люди направляются в Донкастер, потому как в субботний день большая ярмонка там. А уж в этот раз ярмонка особая будет, поелику эта суббота на День Великомучеников выпадает. Так что, коли собрался молодой господин в Донкастер, надобно до завтрашнего вечера подождать, тогда и уедете без помех.

— До завтрашнего вечера? А раньше никак?

— Никак нет, молодой мастер. Разве только коня купить, альбо пехом, но это двадцать миль с гаком топать — оно вам нужно? Остановитесь у меня, моя таверна по всему повету славится.

— Дело в том, что спешу я.

— Дык все спешат, — возразил корчмарь. — А спешка вещь плохая. От спешки много всего скверного случается. Издалека ли путь держите?

— Из Грейвульского монастыря.

— О как! Мнится мне, милсдарь и на монаха вовсе не похож. Скорее, на знатного господина.

— Я как бы и есть дворянин.

— О, великая честь для меня, молодой мастер! Так не побрезгуйте нашим гостеприимством, прошу. У меня в корчме гостевые комнаты есть, отдохнете, выпитесь, как сама герцогиня Вальзератская, да хранят ее Высшие, в своей опочивальне не спит! В моих комнатах чисто, ни клопов, ни запахов дурных. И кухня у меня самая лучшая в округе. Жареное-пареное-копченое всегда к столу найдем, да и пряностей для дорогих гостей я не жалею. И выпить с меня будет. За все про все возьму с вас полкварта.

Смартфон тут же отозвался мелодичной трелью. Я достал его из-за пазухи и прочитал следующее:

Трактирщик завысил цену минимум в два раза, каналья.

— Полкварта? — спросил я. — А скидки?

— Чего, простите покорно?

— Скидки. Четверть кварта дам, а больше нет.

— Дык только из великого уважения к вам... — Тут трактирщик настороженно посмотрел на меня. — А твоя милость случаем не маг будет?

— Нет, не маг. А с чего ты взял, любезный?

— Штука у вас больно странная, — трактирщик глазами показал на мой смартфон. — Магическая, истинно.

— Ну это так, подарок от святых отцов, — сочинил я на ходу. — Так как насчет скидки?

— Ваша воля, ваша власть, соглашусь на четверть кварта себе в убыток, доброму гостю

на радость. — Тут трактирщик шутливо погрозил мне пальцем. — Горазды вы торговаться, твоя милость.

— Так иначе я отсюда с пустыми карманами уйду, — ответил я. — Словом, договорились.

— Знамо дело. Так, выходит, твоя милость не маг?

— Сказал ведь уже, что нет, — с легким раздражением бросил я. — Чего привязался?

— Да так, подумалось кое-что.

— Ну ты говори, не мямли!

— Да барынька тут у меня в корчме остановилась со служанкой своей. Видно что благородных кровей, и денег у нее немало будет. Третий день как гостит. Спрашивала меня, нет ли в Эммене мага или кого-нибудь, кто с магами якшается. И погрустнела шибко, когда я сказал, что нет у нас этих, прости Высшие....

— А причем тут я?

— Дык барынька эта искала охотника некую работенку для нее сделать. И плату сулила хорошую, аж пять золотых монет. Вот я и подумал — коли твоя милость маг, так и денжат бы заработал, и мне, убогому, с сей прибыли толика перепала бы за посредничество.

Так, интересно. Надо бы узнать поподробнее, что за работа. если я застрял в Эммене на сутки, можно будет хотя бы заработать.

— А где эта дама остановилась? — спросил я.

— У меня, в гостевых комнатах. Это во дворе, в гостинице. Три дня сидит со служанкою своей у себя в номере, носа на улицу не кажет. И уезжать вроде не собирается. Странная какая-то.

— Ладно, спасибо за разъяснения. Попить у тебя есть чего?

— А что господин мой прикажет, то и подам. Сидр есть, медовуха, пиво, вина разные. Или ключевой воды угодно?

— Пиво какое у тебя?

— Светлый маскер и гаусбургское. Свежее, только вчера мой приказчик из Эттбро доставил.

— Дай мне кружку гаусбургского.

— С превеликим удовольствием. А покушать чего желаете?

— А что есть?

— Из закусок сардельки по-вальзератски, копченые свиные ребрышки, колбасы разные, хорошие твердые и мягкие вальзератские сыры, щука в чесночном соусе. А коли добрый мастер желает, можем и горячее приготовить — , сырную похлебку, рагу из баранины, или яичницу с ветчиной.

— Яичницу с ветчиной давай. И гаусбургское твое.

— Гражина! — Трактирщик рявкнул так, что я вздрогнул.

Из скрытой в глубине зала двери — видимо, это была дверь на кухню, — выглянула средних лет полная женщина в белом чепце и переднике.

— Гаусбургского мастеру подай и сковороду на плиту поставь! — велел женщине корчмарь. — Сам гостю яичницу пожарю.

— Спасибо, — поблагодарил я и сел за один из столов.

Сильного голода я не испытывал, но поел с удовольствием — яичница из настоящих деревенских яиц с отличной нежной ветчиной была отменна. Да и перцу трактирщик не пожалел, сдержал слово. Вот только соли было маловато. На столах солонок я не увидел, а

потом вспомнил, что в старину соль ценилась чуть ли не на вес серебра. Пиво тоже оказалось превосходным, холодное, свежее, чуть горьковатое, чем-то напоминавшее мне чешское великопоповицкое. Я вообще-то не любитель пива, но пару кружек могу выпить с превеликим кайфом, да в хорошей компании, да под душевный разговор.... Глиняная кружка, которую мне принесла Гражина, вмещала целый литр, так что в голове у меня приятно зашумело.

— Еще чего подать, твоя милость? — осведомился трактирщик, наблюдая за мной.

Я хотел ответить, что пока ничего не нужно, но тут дверь в глубине зала открылась, и в трапезную вошла молодая женщина очень необычной внешности. Во-первых, она была темнокожей, и черты ее лица говорили о сильной примеси негроидной крови. Во-вторых, незнакомка обладала великолепной фигурой и была одета в мужское платье, жемчужно-серый приталенный дублет, подшитые кожей штаны и высокие сапоги без каблуков. Мельком глянув на меня, она подошла к трактирщику и спросила:

— Что скажешь, Гаспар? Ни с кем не разговаривал?

— Да вот только что с молодым господином гутарил малясь, да только он не маг, — извиняющимся тоном ответил корчмарь, показывая на меня глазами. — А более у нас никого нетути, говорил уже вам, милая мазелька. Одни землепашцы да ремесленники.

Темнокожая красотка на этот раз адресовала мне куда более долгий и внимательный взгляд. Я встретился с ней глазами, пару секунд поиграл в гляделки, а потом сделал вид, что остатки пива в моей кружке интересуют меня больше, чем возможное знакомство. Впрочем, женщина тут же подошла ко мне.

— Путник? — спросила она.

— Разве это важно? — ответил я, прекрасно понимая, что отвечать вопросом на вопрос невежливо. Барышня нахмурилась.

— Чего ты весь такой загадочный? — с раздражением произнесла она.

— Так надо. Потому я и зовусь Мистер Энигма.

— Мистер...что?

— Загадка я ходячая. Пивка?

— Ты не похож на фермера, — внезапно заявила дамочка. — И на торговца тоже.

— Это почему еще?

— Куртка у тебя из очень дорогого сукна. Такое сукно делают только в Орандуре, и торговцы просят за аршин аж девять копперов. Фермеру такая куртка не по карману. И кинжальчик у тебя отличной работы.

— Текстильный институт заканчивала?

— Чего?

— А ты наблюдательная, говорю. Люблю внимательных девушек.

— Ты ведь рыцарь, верно?

— Ну, это с какой стороны посмотреть. Я вот рыцарей иначе как в латах и с мечами себе не представляю.

— Хватит мне голову морочить. Ты рыцарь, клянусь Ошей.

— Допустим, ты права, — я спокойно допил пиво. — Что дальше?

— А это что у тебя на шее? — На лице девицы отобразилось неподдельное удивление. — Знак Дикой Розы?

— Слушай, родная, тебе чего от меня нужно? Или ты себе жениха с титулом ищешь?

— Глупый ты, — мулатка сердито сверкнула глазами. — Я всего лишь хотела

предложить тебе кое-что. Есть работа для настоящего мужчины.

— Буфетчик говорил мне кое-что, — сказал я. — И еще он сказал, что ты готова заплатить пять золотых.

— Не я. Моя госпожа.

— Значит, ты служанка. Так что за работа?

— Этого я не могу сказать. Тебе надо поговорить с госпожой. Ей очень нужна помощь. Даже не представляешь, как нужна.

— Пять золотых, конечно, деньги хорошие, — заявил я, — но откуда мне знать, что твоя хозяйка задумала? Может, она меня впутает в такую историю, что от меня рожки да ножки останутся?

— Э, да ты трус! — с презрением протянула девица. — Ладно, демоны с тобой. Доедай свою яичницу.

— погоди, — я положил вилку на стол, вытер рот ладонью. — Где твоя госпожа?

— Здесь, в гостинице, — лицо моей собеседницы сразу просветлело. — Идем со мной.

***

Гостевые комнаты таверны "Под раскидистым дубом" находились в аккуратном двухэтажном домике, а сам домик — в огороженном глухим забором заднем дворе таверны. Комната, в которую меня вели, находилась на втором этаже. Служанка велела мне оставаться в коридоре, вошла в комнату, плотно прикрыв за собой дверь, чтобы я не мог подслушать и подглядывать. Вышла она меньше чем через минуту.

— Входи, — велела она.

Я вошел. В комнате стоял тонкий и очень приятный запах духов. Большая кровать у окна была разобрана, на полу у кровати лежал тюфяк — видимо, постель служанки. Прикроватный столик украшали пузатая винная бутылка и два стеклянных фужера с остатками красного вина. Однако, такие бокалы для средневековья роскошь неслыханная, если я что-нибудь помню из истории. Правый угол комнаты закрывала большая расписная ширма. Слева от ширмы, у большого камина, стояли два стула со спинками: на спинке одного из них висело великолепное платье для верховой езды из темно-вишневого бархата, расшитого серебряными узорами.

— Салима, подожди в коридоре, — велел мелодичный женский голос из-за ширмы.

Служанка поклонилась и вышла, напоследок глянув на меня с недоверием.

— Кто вы? — спросил голос.

— Меня зовут Сандер, я младший сын барона Джернона Сторма, — ответил я, продолжая стоять на пороге. — Как мне к вам обращаться, сударыня?

— Возьмите стул и присаживайтесь, эрл, — сказала она, проигнорировав мой вопрос. — Вы слишком благородный человек, чтобы слушать меня стоя.

— Благодарю, я постою. Ваша служанка сказала, вам нужна помощь.

— Нужна — не то слово. Это вопрос жизни и смерти, — голос дрогнул. — Именно потому я торчу в этой проклятой дыре четвертый день, хотя давно должна быть в другом месте. Если вы мне поможете, я буду признательна вам до конца жизни.

— Трактирщик сказал, вам нужен маг. Но я не маг.

— Увы, это так. Помощь мага была бы предпочтительнее. — Тут голос сделал паузу. — Но я вижу у вас на шее знак Дикой Розы! Откуда он у вас?

— Это подарок близкого мне человека.

— Вам делают необычные подарки, эрл. Впрочем, вернемся к делу. Откуда вы пришли в Эммен?

— Со стороны Грейвула, сударыня.

— О, значит вы видели ЭТО?

— Что именно?

— Адову Пасть. Вы наверняка должны были заметить ее по дороге в Эммен.

— Я видел какую-то странную рощу с мертвыми деревьями, окутанными туманом.

— Это она и есть. Я эксперт по магическим проявлениям из Донкастерского университета. Занимаюсь природой Адовых Пастей, изучаю механизм их воздействия на людей. Две недели назад я отправила своего помощника в Эммен исследовать появившуюся здесь Адову Пасть и дала ему очень дорогостоящий артефакт. Мы условились, что он будет ждать меня в этой гостинице после того, как выполнит задание. Однако я жду его уже три дня, а он все не появляется. Я беспокоюсь о нем. С ним могло случиться несчастье в Адовой Пасти. Понимаете. о чем я?

— Кажется, да. Вы хотите, чтобы я нашел вашего помощника. Или артефакт, принадлежащий вам.

— Я верю, что он жив, но моя вера тает с каждым часом. — Тут женщина за ширмой явно всхлипнула. — Он может быть ранен... лежит беспомощный в этом ужасном месте! Вы поможете ему, и если он будет спасен, я утрою вашу награду.

— Где мне его искать?

— Разве я неясно выразилась, эрл? Он должен быть вблизи этой ужасной Адовой Пасти или внутри нее. Вот почему я искала мага.

— Еще раз повторяю — я не маг. Я только подошел к этому месту на пятьдесят шагов и почувствовал, что моя голова вот-вот взорвется. Как же я найду вашего приятеля?

— Я вижу, что вы не робкого десятка, поэтому помогу вам. Есть один способ проникнуть в заколдованное место. Откройте ларец, что стоит на каминной полке.

Я кашлянул в кулак, шагнул к камину и взял в руки изящной работы ларчик из черного дерева, отделанный искусными инкрустациями. Открыл крышку и увидел три керамические бутылочки с притертыми пробками — красную, черную и белую.

— Это магические эликсиры, — пояснила незнакомка за ширмой. — В них соответственно Красносок, Черносок и Белосок. Первые два выпиваются перед тем, как входить в места, пораженные магическими энергиями — они защитят вас от всех воздействий. Они действуют три часа, и все это время ваш организм будет исцелять себя сам. Как только вы покинете опасное место, вам будет необходимо выпить Белосок, иначе вы получите смертельное отравление первыми двумя эликсирами.

— Что-то мне все это не очень нравится, — заметил я, с подозрением глядя на флаконы.

— Поверьте, вам ничто не угрожает. От вас требуется лишь вовремя выпить Белосок.

Мой смартфон тренькнул. Новое сообщение касалось как раз темы разговора:

Красносок и Черносок — волшебные эликсиры, применяемые ведьмами Тойфельгартена для защиты от элементарной и психомгии. Нейтрализуют магические воздействия, исцеляют раны, нанесенные магическим оружием, ожоги и обморожения. Обладают длительным действием. Белосок — сильное противоядие, используемое для нейтрализации токсических побочных эффектов боевых и защитных эликсиров. Секрет

изготовления данных эликсиров и их состав являются тщательно оберегаемым секретом Ковена.

— Откуда у вас эти зелья? — спросил я.

— Их приготовил мой знакомый алхимик. Я снабдила Лекса такими же эликсирами, но он, вероятно, что-то напутал с ними.

— Вашего друга зовут Лекс?

— Александер, если полностью.

— Тезка, — пробормотал я. — А если он мертв?

— Не хочу об этом думать, но если случилось худшее... Я понимаю ваши опасения, задание действительно рискованное. Но вы же мужчина, вы же рыцарь! В этой гнусной деревне одни огородники и козопасы. Все они трусы, ни один не отважится пойти на риск, чтобы помочь людям, попавшим в беду. Конечно, я могла бы вызвать помощь из Донкастера, но на это уйдет несколько дней, а сейчас каждая минута дорога. — Тут она вновь всхлипнула. — Я и так потеряла массу времени. Как представляю, что Лекс лежит сейчас в этом ужасном месте раненый, отчаявшийся, беспомощный, так сердце разрывается! И артефакт — он ведь является собственностью университета и стоит больших денег. Мне придется объяснять ученому совету, почему он пропал и что случилось с моим коллегой.

— Я постараюсь помочь вам, сударыня.

— Благослови вас Высшие силы! Если вы найдете Лекса живым, я уплачу вам пятнадцать золотых. Если же он... словом, принесите мне артефакт.

— Хорошо, я попытаюсь вам.. — Тут я осекся. Мне вдруг померещилось, что я уже однажды слышал этот голос. Но где, когда, при каких обстоятельствах?

— Что-то не так? — озабоченно спросил голос.

— Нет, ничего... Просто подумал, почему вы прячетесь от меня за этой ширмой.

— Во-первых, я не одета. Во-вторых, мое положение в обществе обязывает меня соблюдать определенные меры предосторожности, когда я путешествую инкогнито. Вы удовлетворены, эрл?

— Извините, я просто спросил, — мне и самому показалось, что я веду себя бестактно. — Я пойду.

— Поторопитесь, мой друг. При любом исходе дела я буду ждать вас, и вы убедитесь, что я могу быть благодарной, — голос внезапно перешел на томный шепот. — Высшие вам в помощь! Салима!

— Да, госпожа, — темнокожая служанка возникла за моей спиной.

— Отправишься с этим рыцарем до места и поможешь ему, — распорядилась дама за ширмой. — Вдвоем вы лучше справитесь. Но сначала помоги мне одеться...

***

Пока я ждал Салиму, много всего разного передумал. Понятное дело, что я иду на очень большой риск, согласившись помочь неизвестной дамочке — черт его знает, что в этой Адовой Пасти меня ожидает. Очень подозрительно и то, что женщина вначале искала мага, а потом вдруг моя кандидатура ее устроила, и защитные эликсиры сразу появились. Предположим, они и впрямь защитят меня от всяких там воздействий (хотя не факт), но в проклятой дыре может оказаться какая-нибудь хищная тварь, охочая до человеческого мяса.

А у меня из оружия только кинжал. Так что я, похоже, сильно сглупил, согласившись помочь. С другой стороны, никогда не поздно отказаться. И мой смартфон молчит. Никаких предупреждений. О чем это говорит? Правильно: вот к бабушке не ходи, но задание, полученное от загадочной дамы, входит в курс обучения, о котором меня предупреждал Ильин. Или же оно непосредственно запускает главную линейку заданий, связанных с Ковеном — собственно, тех самых, что я непременно обязан выполнить и ради которых меня заманутили в эту реальность.

Смартфон будто прочел мои мысли. Тренькнул и сообщил мне вот что:

Ковен — одно из двух магических сообществ в Десятигорье, объединяющих ведьм, следующих Темным путем в магии. Исторических свидетельств о времени создания Ковена, как и создании Синклита нет — считается, что оба сообщества возникли одновременно во времена, которые ныне принято называть Легендарными или Первоначальными. Есть немало историй о происхождении ведьм, ведовства и Ковена, однако все они не могут быть признаны достоверными. Главной резиденцией Ковена является цитадель Тойфельгартен, расположенная на одной из вершин Двуглавой горы.

Следом за первым пришло второе сообщение следующего содержания:

Темный путь — школа магии, практикуемая ведьмами Тойфельгартена. Противоположна школе Светлого пути, к которой принадлежат маги Санктура. Основы Темной школы изложены в так называемой "Книге Грядущей Ночи" — таинственном гримуаре, написанном легендарной основательницей Ковена Элией Марджаной. Как пишет преподобный приор Арденаль: "Темные ведьмы из своих пороков и черных мыслей для ворожбы и лиходейства силы извечно черпали, недобрые помыслы и нечистые желания в волшбу воплощая". Магия Темного пути объединяет четыре искусства — Оборотничество, Воздействие, Зельеварение и Управление стихиями.

Ха, да тут упомянут автор книжки, которую мне на прощание подарил аббат! А я ведь сунул ее в сумку и даже не глянул, о чем она. Убрав смартфон, я достал книжку, раскрыл и прочитал заглавие: "Подлинная и подробная история великой войны магов Синклита и ведьм Ковена, сочинение Арденалья Гетты, милостью Высших настоятеля монастыря Святых Великомучеников в Лестаре". Судя по всему, эта книга должна стать моим обязательным чтением. Почитаю, но не сейчас.

И еще одна мысль пришла в голову — поручившая мне задание незнакомка не отправилась сама в Адову Пасть спасти своего приятеля. Почему? То ли действительно не сильна в магии, то ли хитрит, ищет дурачка, который рискнет головой за ее интерес. Может, и в самом деле зайти сейчас и послать ее куда подальше?

Тут дверь открылась и вышла Салима.

— Все, я свободна, — заявила она. — Можем идти.

Когда мы пришли на место, солнце уже начало склоняться на закат. Салима велела мне выпить эликсиры, что я и сделал. Зелья оказались отвратными на вкус и по запаху, даже не знаю с чем это пойло можно сравнить. Однако буквально через минуту я ощутил необычайный прилив сил и уверенности в себе. "Какой-то допинг, — подумал я, — да еще с защитным эффектом". Тут я заметил, что Салима встала на обочине дороги.

— Ты не со мной? — спросил я.

— У тебя есть защита, а у меня нет, — возразила она.

— Герои всегда геройствуют в одиночку, так?

— Задание получил ты, а не я, — заявила девица.

— Понятно, — протянул я и зашагал в сторону Пасти. По пути набрал с земли горсть мелких камешков, они могли пригодиться внутри чертовой аномалии.

С этого момента попробую максимально точно описать все, что видел и чувствовал в этом странном месте. Начать с того, что эликсиры действительно давали определенную защиту — звона в ушах, озноба и страха я на этот раз не чувствовал. Как только вошел в клубившийся под деревьями туман, раздался металлический звук, похожий на удар гонга, и я с удивлением увидел, что уродливых загубленных неведомой силой деревьев вокруг меня больше нет, я стою у начала вымощенной камнем дорожки, по обочинам которой располагались высокие спиралевидные колонны из серого камня. По всей видимости, подумал я, Адова Пасть оказалась чем-то вроде пространственного перехода в совершенно неизвестное мне место. И еще я увидел впереди, за пеленой тумана источник яркого голубоватого свечения. Дорожка странно подавалась под моими шагами, будто я шел не по плотной земле, а по натянутому полотнищу, из-за чего я дважды терял равновесие и только чудом удержался на ногах. Вообще, все окружающее меня было каким-то призрачным, нереальным, будто сон. Колонны из камня, о которых я упоминал, двигались и изгибались, я не мог определить расстояние до предметов. Возможно таков был эффект преобразования реальности в Адовой Пасти, может быть, такое искажение восприятия вызвали выпитые мною эликсиры. Чем дальше я шел по пружинящей под ногами дорожке, тем сильнее становилось у меня ощущение, что я вхожу в какую-то наполненную клочьями тумана трубу, в конце которой продолжал пульсировать таинственный голубой свет. Шел я медленно, осторожно, бросая вперед камешки, и такая перестраховка была совершенно оправдана — некоторые из камней, падая на дорожку, исчезали в голубоватой вспышке. Страх я больше не испытывал, только интерес. Мне хотелось разгадать тайну странного места, я совершенно забыл о задании, которая мне дала женщина в гостинице. Меня тянул к себе загадочный свет. Было в нем что-то манящее, что-то многообещающее. Охваченный непонятным радостным волнением, я перешел на быстрый шаг, потом на бег, и вот уже неправильной формы испускающий яркий голубоватый свет кристалл на большом неправильной формы валуне был прямо передо мной, оставалось только протянуть руку и коснуться кристалла пальцами. И еще я увидел распростертое у подножия полуколонны иссохшее, похожее на мумию тело мужчины, лежавшее ничком — правая рука была выброшена вперед в последней отчаянной попытке дотянуться до кристалла. Я еще успел подумать, что бедняге Лексу уже ничем не поможешь, и тут световое щупальце вытянулось из кристалла в мою сторону и поползло к моим ногам. Мгновение спустя будто весь мир рухнул мне на голову, и все провалилось во тьму.

***

Голоса были тихие, вкрадчивые, но каждое слово крепко впечатывалось в память.

— Он мертв?

— Еще жив, госпожа, но без чувств. Прикажете добить его?

— Не стоит, магия Синей звезды все равно очень скоро прикончит его. Проверь его

сумку. И сними с него знак Дикой Розы.

— Госпожа, у этого простачка был зачарованный кинжал.

— Это не простачок. Это очень опасный враг, Салима. Радуйся, что нам удалось так легко избавиться от него. И агент Санктур мертв. Все получилось как нельзя лучше. Сразу два идиота попались в нашу ловушку. Сестры будут довольны. Кинжал тоже заberi, это хороший трофей.

— Конечно, госпожа.

— Второй труп тоже обыщи. Может быть, найдешь что-нибудь интересное. И поторопись — мне все время кажется, что за нами кто-то следит.

***

Обрывки мыслей понемногу соединялись в нечто осмысленное, я снова возвращался к реальности. Только вот голубая звезда, сиявшая в кристалле, стала красной — или нет, это угли костра.

Точно костер. Ярко горит, весело, выбрасывая языки пламени в звездное небо. Ой, черт, да как же голова болит!

— Оооох!

— Очнулся, джочи? — Темная тень, говорившая приятным женским голосом, склонилась надо мной, мягкая и теплая ладонь легла на лоб. — Тебе плохо?

— Голова раскалывается.

— Это от магических эликсиров. Я дала тебе Белосок. Еще немного, и было бы поздно. Ты очнулся. Это хорошо.

— Я вошел в Адову Пасть... — вспомнил я.

— И едва там не погиб, — закончила тень. — Хорошо, я успела изменить Вектор силы.

— Чего? — Я приподнялся на локте, попытался разглядеть свою собеседницу. — Ты кто вообще будешь?

— Я Эплбери, — ответила она. — А как тебя зовут, джочи?

Интересная девушка, подумал я, разглядывая ее в свете костра. Тоненькая, изящная, длинноногая, очень миловидная. Глазищи огромные, с искорками. Длинные и прямые темные волосы, расчесанные на прямой пробор, красиво обрамляют лицо с мягкими, как у ребенка чертами. Одета в мужской дорожный костюм из тонкого нубука и бархата со множеством шнурков и пряжек и высокие гетры из шкуры какого-то пятнистого зверя, вроде как леопарда.

— Сандер, — представился я. — И долго я был без сознания?

— Несколько часов. Магия Синей звезды едва не выпила из тебя жизнь. Твое счастье, что у меня с собой оказался...

— Как ты меня нашла?

— Следила за тобой. Ты мне показался... примечательным.

Понятно, вот почему я ощущал в Эммене, что за мной кто-то наблюдает. Эта красotka положила на меня глаз и....

— Ах ты, дьявол! — Я обнаружил, что кинжал, подаренный мне Дроммардом, исчез. И медальон Глены тоже. И книга. И деньги. И письмо отца Дроммарда к Бреннеру. — Да будьте вы прокляты!

— Что-то не так? — осведомилась Эплбери.

— Да все не так! — Я был в отчаянии, аж запрыгал на месте от злобы и досады. — Значит, эти голоса мне не помережились. Проклятые ведьмы обобрали меня подчистую.

— Сожалею, что я не смогла им помешать, — ответила Эплбери.

— Вот уж попал, так попал! — Я схватился за голову. — И что мне теперь делать? Погоди, погоди...

Я сунул руку за пазуху и вздохнул с облегчением — смартфон был на месте. Для меня было сообщение, которое, надо думать, пришло, пока я был в отключке:

"Задание "Адова Пасть" провалено.

Задание Дроммарда остается в силе. Ступай в Донкастер и найди Брена Неллера."

— Проклятые бабы! — буркнул я. — Чего уставилась на меня?

— Ты такой смешной, когда злишься, джочи.

— Почему ты зовешь меня "джочи"?

— Это на языке кан. Значит — "друг".

Я хотел было спросить, что означает "кан", но мой смартфон опередил меня — тут же выдал мне следующее сообщение:

"Кан — одна из четырех рас Десятигорья. Считается, что кан являются потомками таинственного племени Шен-Шен или "детей Света", населявших в глубокой древности весь континент. В настоящую эпоху владения кан сократились до нескольких небольших княжеств в отрогах Руатских гор. Кан неохотно покидают свои родные земли, поэтому в королевствах Десятигорья их встретишь нечасто. Кан обладают особыми способностями к магии, кроме того, они славятся как искусные воины."

— Значит, ты из народа кан? — произнес я, пряча смартфон. — И что тебя занесло в Вальзерат?

— У каждого из нас свой путь, — уклончиво сказала она, опуская взгляд.

— Спасибо, что спасла меня.

— Это случайность. Я рада, что успела вовремя.

— Случайность или нет, я все равно тебе очень благодарен, — я протянул ей руку. — И искренне рад знакомству.

— Ты должен быть очень осторожен, Сандер, — сказала она. — Ведьмы коварны.

— Поздно осторожничать. Чертовы стервы обобрали меня, и это бесит.

— Почему вы, айслинги, такие дураки? — с нескрываемым раздражением спросила Эплбери. — Ты радоваться должен, что остался жив, а ты о потерянных вещах думаешь.

— Ладно, не сердись, — я осмотрелся. — А где это мы сейчас находимся?

— Там, куда перебросила нас Сила. Это Монхолмский лес рядом с Донкастером.

— Надо же, как кстати! — проворчал я, потерев пальцами подбородок. — Ты что предлагаешь делать?

— Я иду в Донкастер. Только утром: ночь не лучшее время, чтобы шастать по лесу.

— У меня выбора нет, — вздохнул я. — Чтоб этих ведьм разорвало! Будем ждать утра. Хотя, может, тебя моя компания напрягает, так я...

— Нет, вовсе не напрягает, — тут Эплбери улыбнулась смущенно. — Вдвоем веселее.

— Это точно, — сказал я. Блин, а может эта девчонка ко мне равнодушна? Я,

конечно, не красавец писанный, но уж точно не урод. А вдруг я ей понравился, и она не прочь продолжить знакомство. Учтем, учтем...

— Помечтай, это полезно, — вдруг сказала она. — Я вообще-то не уличная девка, первому встречному на шею не вешаюсь.

— Ты... да как ты поняла?

— У тебя все на физиономии написано. — тут Эплбери снова улыбнулась. — Ты спи, я подежурю. А когда устану, разбужу тебя, хорошо?

Глава четвертая: Тест на профпригодность

От Монхолмского леса до Донкастера оказалось и впрямь недалеко — час полтора ходьбы неспешным шагом. То ли нам повезло, то ли моя спутница хорошо знала эти места, но Эплбери вывела нас из леса прямо на широкий тракт, по которому мы дошли в аккурат до грязного, кишащего сварливыми собаками, хаотично застроенного бедными домами городского предместья. У въезда на ведущий в город каменный мост несмотря на ранний час собралась большая толпа собравшихся в Донкастер селян обоего пола с детьми, узлами, корзинами и разной домашней живностью в клетках и на поводках. Я обратил внимание, как быстро и испуганно они расступились, едва мы с Эплбери подошли к ним.

— Ведьма! — шептали в толпе. — Ведьма, чтоб ее!

Эплбери не обратила на это шушуканье никакого внимания, гордо продефилировала мимо настороженных крестьян, и мне оставалось только следовать за ней по мосту до самых ворот. Тут нас ждал наряд городской стражи. Реакция стражников меня удивила: я ожидал, что командир этих церберов начнет доставать нас расспросами, но нет — он учтиво поклонился сначала Эплбери, потом мне, после чего приказал пропустить нас в город.

За стенами Донкастера я не увидел ничего такого, что обогатило бы мои знания о средневековом городе, или заставило бы их пересмотреть. Все, как в фильмах из средневековой жизни — узкие немощенные улицы, щедро унавоженные скотом и загаженные людьми, дымный зловонный воздух, совершенное отсутствие зелени и чахлые худосочные горожане в замурзанной темной одежде, шарахавшиеся от нас, как от зачумленных. Облупленные двух- и трехэтажные дома с какими-то мутными пленками в оконных рамах и дырявыми крышами, лепились друг к другу как сиамские близнецы. Глядя в оба под ноги, чтобы не уйти по колено в зловонные лужи, которых на нашем пути встретилось ну очень много, мы дошли до небольшой квадратной площади — на нее выходил обшарпанный, изъеденный непогодой фасад возвышавшегося над домами каменного храма: вся паперть была усеяна нищими в лохмотьях, которые ползали по грязным ступеням, стенали и хныкали на разные голоса, выклянчивая милостыню. На другом конце площади был маленький рынок, где с длинных, дощатых и от сотворения мира немытых прилавков торговали кожами и рыбой, и оттуда напахивало такой густой и удушающей вонью, что волосы заворачивались в кучеряшки. Я был просто счастлив, когда мы миновали это ужасное место и двинулись по новой улице, которая, впрочем, совершенно не отличалась от предыдущей. Вдобавок ко всему испортилась погода: набежали тучи, поднялся не по-весеннему холодный ветер, и начал накрапывать дождь, заставивший меня надеть на голову капюшон куртки. Нарисовалась неприятная перспектива еще и промокнуть. И вот тут я понял, что просто иду за Эплбери, хотя у меня в Донкастере есть свое дело.

— Послушай, — спросил я, — а куда мы идем?

— Здесь недалеко есть неплохая гостиница, — пояснила Эплбери. — Я всегда в ней останавливаюсь. Потерпи, осталось совсем немного идти.

— Ты, наверное, хорошо знаешь этот городок, верно?

— Более-менее. А что?

— Мне нужен Брен Неллер из школы военных капелланов. Слышала о нем?

— Есть тут школа военных капелланов, но тебя туда не пустят. Можно, конечно, дожидаться этого Неллера на улице под дождем, но лучше спросить в гостинице, где он живет и потом сходить к нему домой. Хозяин гостиницы, дядюшка Парис, знает в городе всех жителей.

— Пряма-таки и всех, — проворчал я. — Ладно, веди!

Гостиница, о которой говорила Эплбери, оказалась в конце улицы и называлась "Добрый покой". Странное какое-то название, хорошо, хоть не "Вечный покой". Судя по внешнему виду, это заведение даже на одну хиленькую звездочку не тянуло: один из углов здания заметно осел, отчего между крышей и верхним краем стены образовалась заметная щель. Перед входом стояла огромная лужа, покрытая масляными разводами — правда, какой-то креативный ум догадался перебросить через лужу широкие доски, по которым мы и добрались до дверей. Нижний этаж гостиницы представлял собой один большой зал, темный, закопченный, чадный и пропахший самыми радикальными запахами. Народу, слава Богу, было немного — человек пять от силы, однако они тут же оторвались от кружек с пивом и брагой и уставились на нас с уже знакомой мне настороженностью. Хозяин, огромный детина с плечами, широкими как классная доска и кудлатой бородой, рубил большим секачом куриные тушки и раскладывал куски на противне.

— Святые Высшие, да кого я вижу! — выпалил он, заведя нас. — Это же дамзель Эплбери, выпей золотуха мои старые глаза!

— Давненько не видела вас, дядюшка Парис, — ответила Эплбери с кокетливой улыбкой. — Как поживаете?

— Хорошо поживаю, благодарение Высшим и ее светлости герцогине! Давненько тебя не видел, красотка. Совсем забыла про меня, ветреница ты эдакая. — Тут бородач соизволил и на меня обратить внимание. — А это кто с тобой?

— Это Сандер, мой друг, — заявила Эплбери, опередив меня. — Он впервые в Донкастере и хочет найти одного человека. Знаете ли вы Брена Неллера?

— Да кто ж его не знает! — Дядюшка Парис вытащил из ведра очередную курицу, приговоренную к четвертованию. — Почтенный человек, весь город его знает. Сейчас он в школе, будущих капелланов премудрости учит.

— Мне надо с ним встретиться, — сказал я.

— Школа недалеко туточки, если по Шорной улице идти враз и придете. Только без специальной гербовой бумаги тебя туды не пустят, парень.

— А если домой к нему сходить?

— Тоже можно, но это до вечера ждать надо. Так-то милсдарь Неллер у Собачьего рынка живет, там всяк тебе его дом покажет, другого такого дворца окрест не найти. — Дядюшка Парис полюбовался на противень с разложенной на нем курятиной, вытер измазанные кровью и жиром руки о передник. — Лучше вам непогоду у меня переждать. Пива, вина гретого подам, а то и покрепче чего. Колбаски могу предложить, сырку, каперсов, холодной свининки, а чуть апосля отведаете моей печеной курочки с чесноком. —

Тут трактирщик изучающе так на нас посмотрел. — Или комнату вам надобно?

— Комнату, — заявила Эплбери и положила на прилавок серебряную монету.

Ого, вот это я понимаю — взять быка за рога! Я даже сказать ничего не успел: трактирщик мигом смахнул монету в ладонь, и сделка была заключена.

— Я вам в гнездышко глентвейну прикажу снести, — заявил он с ухмылкой, которая показалась мне мерзкой. — Ступайте наверх, комната первая справа по коридору.

Эплбери сделала мне приглашающий жест и направилась к лестнице, ведущей на второй этаж. Я, гадая, что все это может означать, потопал за ней. Комната оказалась под стать всей гостинице, но у нее имелась дверь, окно было плотно закрыто, в камине оказались приготовленные к растопке дрова, и пол был чистым. Когда мы вошли, Эплбери затворила дверь на засов и сказала:

— Теперь нам никто не помешает.

— Да? — Я ошалело посмотрел на нее. — А ты не любишь терять время на разговоры.

— Как раз я хочу с тобой поговорить, — заявила магичка. — Да так, чтобы никто уши не грел.

Она вытянула руку к камину, произнесла заклинание, и дрова, сложенные в топке пирамидкой, вспыхнули разом. Потом Эплбери так же заклинанием зажгла две свечи на столе, и в комнате стало вполне уютно. Бросив на кровать свой посох, магичка предложила мне сесть.

— Можешь даже лечь, — добавила она. — Но разговор у нас будет долгим, так что не засни.

— О чем ты хочешь поговорить со мной?

— О тебе. Хочу узнать тебя получше.

— Ну, это не так страшно, — пошутил я и протянул к ней руки. — Я бы тоже познакомился с тобой поближе.

— Это не то, что ты думаешь, — с самым серьезным выражением лица заявила Эплбери. — Если ты про секс, ничего не получится. У меня чисто деловое предложение.

— В самом деле? — Я почувствовал разочарование. — Ладно, говори, что там у тебя.

— Я все думаю над тем, что случилось в Эммене.

— Случилось то, что случилось. Мне неприятно об этом говорить. Развели меня эти гадюки.

— Я не об этом. Меня интересует другое — откуда ты вообще взялся?

— Я же сказал, я пришел из Грейвильского монастыря.

— А в монастырь как попал?

— Как? — Я с подозрением посмотрел на магичку. — А тебе-то что?

— Я сразу почувствовала, что ты особенный. Маскировка может обмануть кого угодно, но только не мага.

— И в чем моя особенность?

— Я ведь оказалась в Эммене не случайно. Меня послали узнать, по какой причине в окрестностях Эммена дважды за последнее время возникал пространственный разлом. Я нашла место, где был открыт первый портал — ту самую Адову Пасть, в которую ты сунулся, не разобравшись, что к чему. С ним было все очевидно: его открыли ведьмы из Ковена при помощи Синей звезды — другой вопрос, зачем? А вот следов второго портала я не нашла. И он, как мне кажется, связан с тобой.

— Ты что, сыщик?

— Я свободный маг. Или. как нас называют на Двуглавой горе, маг-ренегат. Такие как я не желают иметь дела ни с Санктуром, ни с Тойфельгартеном.

— Интересно. И кому же ты служишь?

— Тем, кто желает спасти Десятигорье. Наши земли в огромной опасности.

— Да, я что-то слышал о войне магов.

— Прочитал книгу Арденалья Гетты? — Эплбери хмыкнула. — Да вообще там все верно написано. Две официальные корпорации магов, Санктур и Тойфельгартен, враждуют не одно столетие, это так. Но страдает от этого весь наш мир. Выпущенная на свободу магия несет великие беды, только двум грызущимся псам с Двуглавой горы этого не объяснить. Что ты знаешь о магии, Сандер?

— Ну, это волшебство, — неуверенно начал я. — Сила, заклинания, волшебные палочки там всякие.

— Волшебные палочки! — Эплбери посмотрела на меня, как на идиота. — Если бы так... Магия — зло. Она очень легко превращается в стихию, над которой породивший ее маг уже не имеет никакой власти. Она оборачивается огненными бурями, которые выжигают посевы и леса, моровыми болезнями людей и животных, нашествиями восставших мертвецов и массовым безумием. Вырвавшаяся на свободу магия несет смерть и уничтожение. И в Санктуре, и в Тойфельгартене прекрасно знают об этом, но все равно используют самые смертоносные виды магических энергий в своей бессмысленной бесконечной войне. Чем дольше продолжается эта война, тем страшнее ее последствия. До сих пор только чудо спасало нас от гибели.

— Какое чудо?

— Я недостаточно доверяю тебе, чтобы говорить об этом, — холодно сказала Эплбери. — Мне еще нужно разобраться, на чьей ты стороне.

— Ну и не доверяй. черт с тобой, — разозлился я. — Только не я затеял весь этот разговор, сечешь? У меня свои планы. И вообще, с чего ты взяла, что я имею ко всей этой байде какое-то отношение?

— Твой прибор. Ты говоришь, что не маг, а сам пользуешься магической вещью. И почему-то ведьмы ее у тебя не забрали. Как ты это объяснишь?

— Просто не нашли. Он был у меня за пазухой, и стервозины не догадались меня раздеть.

— А мне кажется, ты лжешь.

— Слушай, иди-ка ты корове в гости! — Я окончательно потерял терпение: мало того, что я остался без денег, без снаряжения, так еще эта мартышка учиняет мне тут допрос! — Не обязан я перед тобой оправдываться. И вообще, через пару часов мы расстанемся, и каждый пойдет своей дорогой.

— Хорошо, скажу тебе откровенно — я примерно догадываюсь, кто ты. Мне кажется, второй пространственный разлом был связан с тобой. И открыли его маги Санктура. Эту тебя они призвали.

— Догадчица какая! А если и так, что из этого?

— Да ничего, — тут Эплбери внезапно расхохоталась. Весело, заразительно, до слез.

— Ты чего?

— Прости, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть, — она вытерла слезы, постаралась взять себя в руки. — Просто... нет, не могу!

— Ладно, счастливо оставаться, — не выдержал я, встал и направился к двери. Рванул

засов так, что дверь чуть не слетела с петель.

— Погоди! — окрикнула меня Эплбери. — Если что-то изменится в твоих планах, ступай на улицу Праведных Дев, здесь, в Донкастере. Там есть лавка Окана, где торгуют лечебными травами и декоктами. Скажешь хозяину, что ты хочешь купить пояс из змеиной кожи, и он объяснит тебе, что делать дальше.

Я ничего не ответил. Спустился вниз и вышел из гостиницы на грязную и сырую улицу. Настроение было самое поганое. Почему-то больше всего злило то, что с самых первых часов пребывания в этой реальности, все запросто угадывают, кто я такой. Сначала ведьма в Эммене — я хорошо запомнил ее слова " Это не простачок. Это очень опасный враг, Салима." Теперь вот Эплбери догадалась, что я пришелец из другого мира, и организовали мне вояж в Десятигорье именно маги Санктур. Мой смартфон сдал меня с потрохами, а я так радовался, что у меня есть хороший источник информации...

Смартфон будто почувствовал, что я о нем подумал, тут же разродился новым сообщением:

"Маги-ренегаты — сообщество магов, не признающих Синклит и Ковен. Сами себя называют друидами или свободными магами. Возникло после вторжения Черного Ордена. Считают, что официальные магические сообщества Двуглавой Горы (Санктур и Тойфельгартен) нарушают древнюю этику магов и необоснованно присвоили себе функции "живых богов", управляющих судьбами Десятигорья, тем самым обрекая мир на бесчисленные бедствия и неминуемое уничтожение. Скрываются от властей. Предположительно сообщество возглавляет верховная жрица друидов Бодика."

Так, отлично, вполне своевременная инфа. Зануда Эплбери, выходит, друидка. Но это ее проблемы. Жаль, что так все закончилось — я-то думал, что нашел в этом мире друга. Хотя я должен быть ей благодарен, она спасла меня от смерти. Начиналось все куда как романтично...

Ничего, все будет хорошо. Я в этой реальности только второй день. Будет и на моей улице праздник. А пока надо найти место, где можно переждать дождь и отсидеться до вечера. Пообщаюсь с Неллером, а там видно будет, что делать дальше.

***

Собачий рынок Донкастера был прелюбопытным местом — здесь в самом деле торговали щенками, причем некоторые щенки были такими няшками, что я даже пожалел об отсутствии денег. Дом Неллера находился сразу за рынком. Настоящий каменный особняк с флигелем, башенками и разбитым перед фасадом аккуратным парком, окруженный ажурной железной оградой, с двустворчатыми металлическими воротами, украшенными вензелем владельца. На мой стук явился пожилой слуга, который, выслушав меня, заявил, что "господин Неллер меня не примут", но я показал ему сообщение в смартфоне, и слуга отпер ворота. Он провел меня сначала в огромный холл, потом по лестнице мы поднялись на второй этаж в библиотеку.

Брен Неллер, маленький хрупкий старичок в черном, сидел за столом, держа в пальцах раскрытую книгу. Выслушав слугу, он знаком велел ему уйти, а потом долго смотрел на меня, словно изучал.

— Садитесь, — наконец, сказал он.

— Благодарю, — я придвинул стул со спинкой и сел напротив хозяина.

— Вы сказали Жоакену, что вас прислал отец Дроммард, — начал Неллер. — Что вы, младший сын барона Россарта.

— Все так, сударь.

— Дроммард говорил мне о вас. Только мне непонятно, почему он не передал хотя бы пару слов для меня.

— У меня было рекомендательное письмо от отца Дроммарда, — начал я, чувствуя себя так, как, наверное, чувствовал себя д'Артаньян на первой встрече с де Тревилем, — но это письмо у меня украли в Эммене.

— В Эммене? И когда это случилось?

— Вчера, сударь. Меня... обманули.

— Обманули и украли рекомендательное письмо, да, — протянул Неллер, и я с тоской понял, что он мне не верит. — А что еще у вас украли?

— Все, сударь. Деньги, оружие и книгу, которую подарил мне аббат Ульфилла.

— Хорошо, пусть так. Письмо — всего лишь письмо, поэтому не будем придавать случившемуся особого значения. Как ваше имя, юноша?

— Сандер.

— Так вот, Сандер, глядя на вас, я сомневаюсь, что вам судьбой предназначено быть военным капелланом. Не спорю, должность почетная, но она более подобает монаху, а не младшему сыну дворянского рода. Кроме того — буду с вами откровенен, — есть некоторые серьезные препятствия, с которыми мне приходится считаться.

— Я не понимаю вас, сударь.

— Хорошо, давайте говорить начистоту, — Неллер открыл ящик стола, извлек лист бумаги и подал мне. Это было письмо следующего содержания:

"Вы знаете, милостивый государь Брен, с каким уважением я отношусь к вам и к тому делу, которому вы посвятили последние двадцать лет своей жизни. И мне известно, с какой готовностью вы берете под свою опеку одаренных молодых людей, оказавшихся в затруднительной ситуации. Однако на этот раз хочу уведомить вас, что один из очень влиятельных сеньоров, с которым мы вынуждены вести дела, проявил интерес к судьбе своего родственника — до него дошли слухи, что некая духовная особа хлопочет о приеме в школу военных капелланов вышеупомянутого родственника. При встрече со мной этот влиятельный господин с прискорбием сообщил, что в случае приема молодого человека в Донкастерскую школу будет вынужден убедить своих друзей (а связи у него обширные) оставить ваше предприятие без тех сумм, которые расположенные к вам знатные семейства прежде охотно жертвовали на благое дело воспитания армейских духовных наставников. Я знаю, что вы человек мудрый и примете верное решение."

Письмо было без подписи, но на сломанной печати из красного сургуча был коронованный лев. Я уже видел этот герб на знаменах над воротами на въезде в Донкастер. Поэтому я ничего не стал говорить, просто положил письмо на стол перед Неллером.

— Вы все понимаете? — спросил Неллер, глядя на меня из-под приопущенных век. — Я к тому, что наличие у вас рекомендательного письма все равно ничего не изменило бы.

— Да, сударь. — Я встал и поклонился. — Простите за беспокойство.

— Погодите. Экий вы резвый... Я не могу принять вас в школу, но это не значит, что не готов помочь вам.

— Я не хочу, чтобы вы помогали мне из жалости.

— Слова, достойные дворянина, но всего лишь слова... Во-первых, примите это, — Неллер положил на стол несколько золотых монет. — Не смотрите на меня так, это не подачка, а аванс. Вам нужны деньги. Во-вторых, я попрошу вас поработать на моего хорошего друга. Он недавно столкнулся с одной загадкой, которую не в состоянии разрешить.

— Что я должен сделать?

— Отправляйтесь в Донкастерский замок и найдите капитана стражи по фамилии Эббот. Скажите ему, что это я вас прислал. Эббот объяснит вам, что делать. Согласны?

— Да, сударь.

— Превосходно. Я не ошибся в вас. И отец Дроммард тоже.

Смартфон пикинул, оповещая о новом сообщении. Оно было лаконичным и не без подколки:

"Встреча с Неллером: задание выполнено.

Добавлено задание: Тайна "Белых буков".

Активные задания: Обучение.

Бонусы к базовым качествам и талантам: нет (учись, парень!)"

— Вы позволите мне удалиться? — спросил я, прочитав сообщение.

— Одну минуту, — Неллер встал, подошел к дальней стене библиотеки, на которой между книжными шкапами красовались в полированных дубовых пирамидах великолепные экземпляры разнообразного холодного оружия — прямые и изогнутые мечи, топоры, палаши, перначи, кинжалы. Постоял в недолгом размышлении, потом снял с подставки длинный меч с крестообразной гардой и массивным шестигранным оголовником и протянул его мне рукоятью вперед. — Возьмите, это подарок.

— Мне? — Я аж задохнулся.

— Ваш батюшка барон Джернон однажды спас меня в бою. Это было во время битвы при Перрале почти сорок лет назад. У меня сломался меч, и висландский кавалерист уже готовился раскроить мне череп, но барон Джернон опередил его. Мы тогда были очень молоды, и благодаря вашему отцу я получил возможность прожить очень долгую и счастливую жизнь. Я помню об этом и буду помнить всегда. В том, что ваш брат оказался негодяем, нет вашей вины. Вручая вам этот меч, я всего лишь плачу свой долг. У этого меча есть имя — Солер. Он вам прекрасно послужит, не сомневайтесь.

— Тысяча благодарностей, сударь. — У меня от волнения и радости начал заплетаться язык. — Это просто королевский подарок.

— Это самое малое, что я могу сделать для сына такого славного и благородного человека, как Джернон Сорм. Носите этот клинок с честью. И помните, что мы с вами на одной стороне. А сейчас ступайте, и пусть Высшие помогают вам.

***

Капитан Эббот оказался весьма колоритным парнем. Рослый, плечистый, все лицо в

шпрамах, левый глаз закрыт бельмом, зато взгляд правого будто сверлил меня насквозь.

— Говоришь, милорд Неллер прислал? — протянул он. — Ты вроде не из его кадетов.

— Нет, сэр. Я сам по себе.

— Вижу, что из благородных. Породу не скроешь, даже если камзол насквозь мокрый и башмаки в грязи. Пойдем, потолкуем.

Он привел меня в кордегардию, зловонную и темную, разжег висевший под сводом светильник и велел сесть за стол.

— Выпьешь? — предложил он.

— Нет, спасибо.

— А я глотну немного, — Эббот приложился к своей фляге, крякнул, вытер ладонью рот. — Впрочем, дело такое. Про Лектурский лазарет слышал?

— Нет, сэр. Я в Донкастере человек новый.

— Лектурский лазарет "Белые буки" еще при дедушке нынешней нашей герцогини открыли. Свозили туда поначалу военных инвалидов, тех кто за честь и герб Вальзерата руки-ноги потерял, либо разума лишился. А где-то двадцать годов тому назад туда всех душевнобольных из Донкастера и окрестных поветов стали определять. Последние лет пятнадцать возглавляет лазарет отец Эммерих, один из первых учеников милорда Неллера и его бывший оруженосец. Хороший человек, благослови его Высшие, доброе у него сердце. И до последнего времени все в Лектуре было спокойно и хорошо, как в царствии Небесном, да только с месяц назад вдруг ни с того ни с сего начали больные умирать. Оно и раньше было, что умирали, в таком месте смерть дело обычное, но так, чтобы за одну неделю сразу семеро, по одному в день — такого никогда не случалось. Отец Эммерих, ясное дело, разбираться начал, а больные ему и говорят, что бедолаг этих Черный Человек убил, который по ночам в лазарете ходит. Оно, конечно, безумным что хочешь почудиться может, но только говорившие от страха сами еле живые были. С тех пор и творится в Лектуре эта чертовщина: каждую ночь по больному умирает, никаких следов, и конца этому не видно. Отец Эммерих милорда Неллера попросил о помощи, а тот меня, но неофициально, чтобы слухи нехорошие по городу не поползли. А у меня времени в обрез, служба. Вот и попросил я милорда Неллера помощника мне найти, чтобы на месте разобрался. Возьмешься?

— Не вопрос, сэр. Помогу, чем смогу.

— Отлично, — взгляд капитана Эббота сразу потеплел. — Есть где остановиться в Донкастере?

— Нет, сэр.

— Тогда оставайся тут. Найдем тебе в казарме свободную койку, выступишься, а утром отправишься в Лектур — это совсем рядом с городом, полмили от Северных ворот. — Эббот потрепал меня по плечу. — Пошли, молодой лорд. Вижу, глаза у тебя совсем осоловели.

Я и сам чувствовал, что адски хочу спать — вчерашние испытания в Эммене, ночь в лесу и полный суеты день в Донкастере совсем меня измотали. Так что я отправился вслед за капитаном в казарму стражи и там, завалившись на одну из кроватей, провалился в глубокий сон без сновидений.

Разбудил меня пожилой сержант, который заявил, что меня ждут к завтраку. Сидя за столом, я несколько раз ловил направленные на меня любопытные взгляды стражников. Видимо, ребята решили, что я новенький. Подкрепившись, я встретился с Эбботом, и капитан, еще раз объяснив мне, как добраться до Лектура, сказал напоследок, что сам обязательно прибудет в лазарет в ближайшее время.

От Донкастера до Лектура я добрался до полудня и без всяких приключений. Лазарет "Белые буки" находился в бывшем монастыре на окраине деревни. Я постучался в ворота и сказал привратнику, что мне нужен отец Эммерих. Пока привратник бегал за настоятелем лазарета, я стоял на теплом весеннем солнышке и любовался окрестностями — места тут были райские, прямо тебе средняя полоса России поздней весной. В такую чудесную погоду только гулять и гулять, даже не верилось, что вчера было так холодно и пасмурно.

Отец Эммерих, одетый в сутану степенный благообразный мужчина лет пятидесяти с длинной окладистой бородой выслушал меня самым внимательным образом и сразу предложил следовать за ним. Мы прошли по обсаженной розовыми кустами мощеной дорожке через обширный двор, где земля уже покрылась свежайшей зеленой травкой. Я не удержался и спросил, почему во дворе нет ни одного больного, хотя погода хорошая.

— Сейчас пациенты в своих палатах, — отвечал настоятель. — Им нужен покой.

Дорожка привела нас к массивному мрачному трехэтажному зданию с узкими окнами, и мы вошли в него. Внутри было темно и холодно, а коридоры оказались такими низкими, что я испытал нечто вроде клаустрофобии. Поднявшись вслед за настоятелем по узкой каменной лестнице на второй этаж, я оказался в небольшом холле — в его дальнем конце располагался кабинет отца Эммериха.

— Вы новичок, — сказал старик, когда мы вошли в кабинет. — Сразу видно, что вы не занимались подобными делами. Вы стражник?

— Нет, просто воспитанник одного из друзей лорда Неллера, — ответил я. — Лорд Неллер и капитан Эббот попросили меня помочь вам.

— Помочь! — Отец Эммерих развел руками. — Если бы я знал, как нам быть! Сегодня ночью в восточном крыле умер еще один страдалец. Сестры слышали крики больных, а когда прибежали в палату, он был уже мертв. По правде сказать, мы даже не представляем, что происходит.

— Капитан Эббот сказал, что ваши пациенты видели какого-то Черного Человека, — сказал я.

— Да, они все это говорят. По их словам, он появляется в самый глухой час ночи и проходит по коридорам. Они описывают его как высокую безликую черную фигуру, которая движется бесшумно, будто призрак. Однако работающие в клинике сестры и помогающий мне врач никого не видели, хотя специально дежурили по ночам, рискуя жизнью. Так что заслуживающих доверия свидетельств, что призрак действительно появляется в лазарете нет. Вы же понимаете, что наши больные по разуму сущие дети.

— Кто-нибудь из персонала умер?

— Никто. Только пациенты.

— Как вы объясните такую массовую галлюцинацию, святой отец?

— У меня нет объяснения. Я знаю, что такое возможно. Сто пятьдесят лет назад в одном из женских монастырей Валь-Ардана случилось что-то похожее. У пяти монахинь начались непонятные припадки, а их сестры заявляли, что видят летающих по коридорам монастыря жутких призрачных существ с горящими глазами. Демонов, как они утверждали. В итоге одна из монахинь умерла во время припадка, у двоих помутился рассудок, но объяснение всему удалось найти. В то время шла очередная война между Санктуром и ведьмами Ковена, и монастырь подвергся магическому воздействию одной из сторон.

— Может, и вашем случае все дело в магии?

— Не исключено. Вот почему я предпочел бы видеть на вашем месте хорошего мага —

уж извините за прямоту, сын мой.

— Я понимаю. Капитан Эббот сказал, что все началось месяц назад.

— Да, около того. За это время умерло больше тридцати пациентов. В большинстве своем это пожилые люди, их у нас две трети от общего числа больных, но есть и молодые.

— А причина смерти?

— Внезапный сердечный приступ — так считает мой помощник доктор Тибериус. Однако многие из умерших никогда не жаловались на сердце.

— Я бы хотел взглянуть на тело последнего умершего, — сказал я.

— Разумеется. Несчастный сейчас в мертвецкой, доктор Тибериус как раз готовит его к вскрытию. Пойдемте, я вас провожу.

Мертвецкая располагалась в подвале — жуткое мрачное место, хотя я представлял, что оно будет еще страшнее. Никаких ужасных атрибутов средневекового морга, вроде расчлененных плавающих в лужах крови тел, подвешенных к потолку скелетов и заспиртованных в банках органов тут не было, но тусклый свет, резкий запах серы, немного перебивающий вонь разложения и распростертое на деревянном столе голое изможденное тело последней жертвы вызвали у меня самые мрачные впечатления. Доктор Тибериус, костлявый седой тип с лицом кинематографического злодея, раскладывал на столике свой инструментарий. Он отвесил мне самый почтительный поклон, и я ответил тем же.

— Даже не знаю, стоит ли вскрывать папашу Оттона, — признался он. — У него был *vicum cordis*, как вы знаете. Я и сам удивлен, что он прожил почти восемьдесят лет. Картина совершенно типична. Бьюсь об заклад, это был фатальный сердечный приступ.

— А что могло вызвать приступ, доктор? — спросил я.

— Да что угодно. Сильная радость, страх, испуг, даже щекотка. А вы, простите, врач или маг?

— Я воин, — ответил я. — Прислан помочь вам разобраться со слухами о Черном Человеке.

— Помилуйте, и вы туда же! — Тибериус рассмеялся. — Мало ли что померещится нашим беднягам! Они испуганы, это очевидно, вот и выдумывают разные небылицы.

— Вы считаете, что всем им мерещится одно и то же?

— Они безумны, юноша. Без-ум-ны. Одно это все объясняет. — Тибериус со вздохом посмотрел на тело. — Пожалуй, я займусь этим беднягой. С вашего позволения, отец Эммерих.

— Пойдите, — я подошел ближе, пригляделся. — У него на левом предплечье татуировка. Смотрите, цифры — 1135.

— Да, действительно, — Тибериус застыл с поднятым в руке ланцетом. — Это в самом деле татуировка.

— Она у него была раньше?

— Конечно, была, — небрежно ответил врач. — Уж не хотите ли вы сказать, молодой мастер, что это я ее наколол уже мертвому Оттону?

— Нет, конечно нет... — Я повернулся к Эммериху. — Вы не помните, у остальных погибших были такие татуировки?

— Не помню, — признался настоятель, растерянно глядя на меня. — А разве это важно?

— Сейчас любая мелочь может быть важна. Из ваших слов я понял, что своим пациентам вы подобные татуировки не делаете, верно?

— Разумеется. — Отец Эммерих попробовал улыбнуться. — У нас не каторга, а лазарет.

— Было бы неплохо взглянуть на другие тела, — предложил я. Отец Эммерих помрачнел.

— Это невозможно, — категоричным тоном заявил он. — Несчастные уже похоронены, а раскапывать могилы смертных грех.

— И я совершенно уверен, что не замечал ничего такого в предыдущих случаях, — вставил Тибериус.

— Возможно, доктор, вы просто не обратили внимания на такую мелочь.

— Я обращаю внимание на все, — ледяным тоном отвечал Тибериус и склонился над умершим. Я понял, что разговор закончен.

— Очень странно, — сказал я, когда мы покинули мертвецкую. — Могу я поговорить с вашими пациентами?

— Обычно я не позволяю гостям беседовать с больными, — ответил отец Эммерих, — но дело действительно крайне важное, потому сделаю для вас исключение. Только оружие вам придется снять, это может испугать больных.

Я согласился. Оставил меч в кабинете Эммериха, надел поверх куртки длинную и очень неудобную сутану из плотного сукна и отправился в палаты лазарета. Посещение сумасшедшего дома — процедура крайне неприятная. Отец Эммерих предупредил меня, что опасности никакой нет, в главном здании "Белых буков" содержатся только тихие больные, несколько буйных помещены в отдельный флигель, где за ними следят специально обученные монахи-санитары. Тем не менее моя экскурсия получилась психологически очень тяжелой.

На первом этаже размещались шесть палат, четыре большие и две маленькие. Я говорю "палаты" — именно так их назвал добрейший отец Эммерих, — но ничего общего с больничной палатой в современном понимании слова они не имели. Это были тесные и темные комнатки-кельи с неоштукатуренными стенами и земляными полами, больше похожие на тюремные камеры. Из мебели только грубо сколоченные топчаны, на которых эти несчастные спали. Плюс совершенно невыносимое зловоние, которое не выветривалось оттуда годами. В первой палате содержались пациенты с церебральным параличом — не приведи мне Бог еще раз в жизни увидеть такой ужас! Данте Алигьери с его картинами ада нервно курит в уголке. Я пробыл в этой "палате" меньше минуты и вылетел оттуда пулей, мне казалось, что все мое тело покрыто насекомыми, которые жрут меня заживо. Примерно то же самое я увидел и в прочих палатах. Я не хочу описывать, как выглядели сами больные, скажу только, что отец Эммерих сказал правду — большинство из этих людей были пожилыми людьми, многие с последствиями инсульта или старческим слабоумием. Я в смятении подумал, какой же светлой душой, каким мужеством нужно обладать, чтобы, как отец Эммерих и его помощники, посвятить себя заботе и уходу за этими несчастными. Воистину, святые люди! Разговор с больными не получился: едва я заговаривал о Черном Человеке, больные тут же уходили в молчанку или начинали нести какую-то околесицу. Некоторые вообще пребывали в ступоре и не обращали на меня никакого внимания. Так что разговора определенно не получилось. Но одну важную подробность я все же выяснил: ни у кого из пациентов, которых я повидал, не было татуировок с номером. Во всяком случае, я их не заметил.

К концу обхода я чувствовал себя совершенно измотанным — не физически, морально. Отец Эммерих заметил мое состояние.

— Вам нехорошо? — спросил он с тревогой.

— Не то слово. Никогда не думал, что увижу ад еще при жизни.

— Да, это действительно тяжелое зрелище, сын мой. Мы стараемся сделать все возможное для этих бедняг. Ее светлость лично патронирует наш лазарет, и многие богатые люди делают щедрые пожертвования на "Белые буки". Все знают, что у многих наших пациентов нет близких, или родные отказались от них. — Настоятель вздохнул. — Да воздадут Высшие каждому по делам его!

— Аминь, — я вытер со лба пот, руки у меня дрожали. — Почему они не хотят говорить со мной?

— Наверное, они напуганы. Не думаю, что вам удастся что-то от них узнать.

— Да, это была дурацкая идея, — пробормотал я.

— Умерший сегодня старик Оттон жил здесь, — заметил отец Эммерих, показывая на последнюю дверь в коридоре. — Не хотите поговорить с его соседями по палате?

— Наверное, в этом тоже не будет смысла. Но давайте попробуем.

Соседи Оттона находились в палате — высохший как мумия старичок с белоснежной козлиной бородкой лежал на своем топчане, скрестив тоненькие, почти детские руки на груди, а второй пациент стоял у окошка, покачиваясь на пятках. Он даже не повернулся, когда лязгнул засов и мы вошли в палату.

— Мир вам, дети мои! — сказал отец Эммерих. Дедушка никак не отреагировал на слова настоятеля, продолжая смотреть умильными слезящимися глазами в черный от копоти и грязи потолок. А вот стоящий к нам спиной широкоплечий мужчина ответил.

— Да чтоб ты сдох, старая крыса! — отчетливо произнес он.

— Кто вы? — спросил я, понимая, что сейчас, скорее всего, буду послан этим грубияном куда подальше.

К моему удивлению, мужчина сразу повернулся. Лицо у него было грубое, одутловатое и покрытое шрамами, сивые волосы торчали пучками на лысеющей голове. Я вздрогнул: левая сторона черепа от виска до макушки была закрыта металлической пластиной.

— А тебе-то что, чертов молокосос? — гаркнул мужчина. — Ты кто такой?

— Больше почтения, Элвин, — сказал отец Эммерих. — Молодой господин прибыл узнать о Черном Человеке.

— Да мне поссать, зачем он прибыл, — ответил Элвин. — На деревьях уже листья, так что самое время ему тут гулять. Погода хорошая, тепло. Уже освеживали старого дурака Оттона? Бьюсь об заклад, внутри него не оказалось ничего, кроме дерьма.

— А вы не любили беднягу, — заметил я.

— Ненавидел. Как и всю эту хренову лечебницу и всех вас, проклятые крысы. Меня, воина и героя, заперли в этом каменном мешке, держат здесь против моей воли, да-да! Эх, если бы не эта проклятая боль!

— Элвин был гвардейцем, и в бою получил тяжелейшее ранение в голову, — шепнул мне отец Эммерих. — С тех пор он страдает от ужасных припадков и порой нам даже приходится его связывать, чтобы он не покалечился.

— Ничего я не знаю про этого Черного Человека, — заявил Элвин, обращаясь будто не к нам, а к некоему невидимому для нас собеседнику. — Только вот готов поспорить, что это он утащил душу засранца Оттона. Я этому рад — никто больше не будет портить воздух в палате и лапать мое сахарное печенье. Еще бы этого забрал, — Элвин показал на расслабленного старика.

— Нельзя так говорить, сын мой, — с укоризной сказал отец Эммерих.

— Плевать на приличия. Не во дворце. — Элвин скрестил руки на груди, важно надул губы. — Я бывал во дворце, не то, что вы, чертовы костоправы. Вас туда не пустили бы. Туда только приличных людей пускают. Значит, этот головастик хочет услышать про Черного Человека? Так я скажу — я видел его. Вот как вас сейчас вижу обоих. Он ходит тут по ночам, да-да, ходит. Старый пердун Оттон почувствовал, что он идет, и сразу хрипеть начал. А у меня голова сразу заболела. Остальное вы знаете.

— Как он выглядит? — спросил я.

— Никак, — Элвин осклабился, показав редкие коричневые зубы. — У демонов нет облика. А это демон, головой клянусь. Только мимо двери прошел, а Оттон усрался и помер. Еще будут расспросы?

— Спасибо, что рассказали, — ответил я.

— Тут про этого Черного Человека все знают, — заявил Элвин. — И все ждут, что он придет и заберет душу. Я ведь тоже в него не верил, а теперь верю. Все говорят, что он вернулся, это еще старая ворона Гиерлинда предсказывала. Теперь вы посмейтесь. За вами он тоже придет, да-да. А мое печенье я ему не отдам.

— Гиерлинда?

— Так зовут одну пациентку, — пояснил отец Эммерих. — Она в нашем лазарете как живая легенда.

— Идите, идите отсюда, — добавил Элвин, глядя на нас без малейшего дружелюбия. — Устал я от вас. Вы у меня силы забираете. И деньги. Да-да, вас мой кошелек интересует. Но только вам его не украсть. Дулю вам, а не деньги Элвина Бонне.

Отец Эммерих взял меня под руку и вывел в коридор.

— Элвин не буйный, но лучше оставить его в покое, иначе у него припадок начнется, — пояснил он.

— Он говорил о матушке Гиерлинде. Могу я с ней поговорить?

— Конечно, идемте, сын мой.

***

По дороге на второй этаж отец Эммерих сообщил мне, что Гиерлинда самая старая обитательница "Белых буков", ей почти девяносто лет, и все эти годы они прожила в этих стенах, чуть ли не с первых дней основания лазарета. Признаться, мне стало жутко. Вот как раз тот случай, когда долгая жизнь становится не благословением, а проклятием.

— Не хотел бы я так прожить жизнь, — сказал я.

— Самое удивительное, что у матушки Гиерлинды отличная память, — заметил Эммерих, — и она помнит историю этого места в мельчайших подробностях. Это поразительная женщина.

— Не сомневаюсь.

Палата Гиерлинды располагалась на втором этаже, и тут я был приятно удивлен — она оказалась полной противоположностью того, что я видел на втором этаже. В чистой и достаточно светлой, хоть и очень маленькой комнатке, была приличная мебель, камин и даже цветы в ящиках у окна. Сама же хозяйка, аккуратная старушка, чистенькая, белая и хрупкая, как фарфоровая статуэтка, сидела в кресле лицом к двери, и наше появление

заставило ее улыбнуться, но я понял, что она не увидела, а услышала нас. Матушка Гиерлинда была слепа.

— Я чувствую твой запах, Эммерих, — сказала она. — Доброго тебе утра. А кто с тобой?

— Доброе утро, сестра. Это молодой мастер Сандер, посланник от лорда Неллера. Помогает мне разобраться с Черным Человеком..

— Он необычный, этот мальчик. — Она протянула мне иссохшую руку в коричневых старческих пятнах. — Подойди ко мне, юноша.

Я подошел, не без трепета взял в ладони изуродованные артрозом пальцы женщины. Ее рука была сухой и холодной. На лицо старушки будто легла тень, она перестала улыбаться.

— Эммерих, оставь нас наедине, — вдруг сказала она.

Настоятель как-то странно глянул на меня, замешкался на пару мгновений, а потом нерешительно, как-то бочком выскользнул из комнатки и закрыл за собой дверь. Я остался рядом со старушкой, продолжая держать ее пальцы в ладонях.

— Ты как он! — шепнула Гиерлинда, и мне послышались в ее голосе радость и удивление. — Ты так похож на него!

— На кого, сударыня?

— На моего возлюбленного. На единственного человека, которого я любила всем сердцем и люблю до сих пор.

— Сударыня, мне жаль, но...

— Постой, — она подняла свободную руку, провела пальцами по моему лицу. — Удивительно! Значит, это все-таки случилось.

У меня вдруг шевельнулась странная и пугающая мысль — а вдруг бабушка собралась объясняться мне в любви? Чур меня, чур. Я уже собрался выпустить ее руку, но тут она добавила:

— Это было семьдесят лет назад. Два месяца прошло с тех пор, как открылись "Белые буки", и месяц, как я попала сюда. Еще недавно я была Гиерлиндой де Немрай, дочерью знатных родителей и счастливой невестой, готовившейся к свадьбе, но меня настигла тяжелая болезнь. Из-за нее я стала очень плохо видеть, и мой жених оставил меня. Ему не нужна была калека. И мои родители отправили меня сюда. Они отказались от меня. Самые близкие и дорогие мне люди меня предали. Я думала, что моя жизнь кончилась. Но потом появился этот человек...

***

— Он был очень молод — лишь немногим старше меня. Наверное, лет двадцать ему было. И он был красив. У него были удивительные глаза. Умные, понимающие, внимательные и немного печальные. Я поняла, почему у него такой взгляд — он видел слишком много зла.

Я хорошо помню день, когда мы впервые увиделись. Это был шестнадцатый день последнего месяца осени: зима не очень-то торопилась приходить в наши края, и было тепло. Я гуляла в парке и заметила, как тогдашний настоятель лазарета ведет этого юношу к дверям. Из-за слабости глаз я не могла разглядеть его лица, он был далеко от меня, но я почувствовала сильное волнение. А потом они подошли ближе, и он посмотрел на меня. Я всем телом ощутила этот взгляд. И еще, я поняла, что он не такой, как все те, кто меня

окружал все это время. Что он другой.

Весь день я думала об этом юноше. Он понравился мне, мне захотелось поговорить с ним. В то время в лазарете было всего двенадцать больных, и все они были старыми солдатами, потерявшими здоровье. Они не разговаривали со мной, и мне было очень одиноко. Этот юноша был совсем непохож на них. И мне было его очень жаль.

От сестры, которая ухаживала за мной, я узнала, что новенького поместили в пристрой в дальней части парка — этот дом сохранился до сих пор. И еще я узнала имя юноши. Его звали Андре. Красивое имя, правда?

— Продолжайте, матушка Гиерлинда, прошу вас.

— Я очень хотела встретиться с ним, но никак не получалось. Он не выходил к общей трапезе, его кормили отдельно, и во время прогулок в парке я не видела его. Я очень много думала о нем. Однажды я попросила сестру Мири устроить нам встречу. Мири была очень добрая, она поняла меня. Как-то раз после обеда она пришла ко мне в келью и повела в парк. Там на скамейке сидел Андре. Мири представила меня и ушла. Так мы встретились и смогли в первый раз поговорить...

Я сразу поняла, что Андре не сумасшедший. И мне стало интересно, как так случилось, что он оказался в этом печальном месте. Но Андре не хотел об этом говорить. У него было много тайн, которыми он не хотел со мной делиться, потому что не доверял мне. Мы говорили о разных пустяках, о погоде, о птичках, которые летали по парку, о нашей жизни в лазарете. Я рассказала Андре, почему оказалась в "Белых буках". Он предложил мне погулять, и я согласилась — мне было приятно идти рядом с ним. Потом пришла Мири и сказала, что нам нужно идти в свои палаты. И тогда Андре предложил мне встретиться завтра. Надо ли говорить тебе, как я обрадовалась! От волнения и радости я не спала всю ночь. Я думала о том, что Высшие услышали меня, послали мне близкого человека, который прогонит мое отчаяние, избавит от одиночества, поможет забыть о моем недуге и поверить в себя. Это было чудесное сладкое чувство.

На следующий день мы встретились вновь. Гуляли по парку, слушали птиц и разговаривали о разных пустяках. А потом Андре внезапно сказал мне: "Я хочу попросить тебя об одной вещи, Гиерлинда. Никто не должен знать того, о чем мы с тобой разговариваем. Можешь мне это пообещать?" Конечно, я согласилась. И он попросил меня рассказать ему о моей стране, о Вальзерате. Он очень внимательно слушал, и я с удивлением понимала, что он с ходу запоминает все, что я ему рассказываю. У Андре была удивительная память.

Прошел день, потом еще один, потом еще, и все эти дни я рассказывала Андре разные вещи. О Вальзерате, о наших городах, о красивых местах Десятигорья, о моем детстве. Ему было интересно абсолютно все, он задавал очень много вопросов, самых неожиданных.

— Ты такой любопытный! — в конце концов не выдержала я. — Наверное, ты был в школе лучшим учеником.

— Я хочу выжить, Гиерлинда, — неожиданно сказал Андре. — То, что ты мне рассказываешь, очень важно для меня. Очень. Однажды я скажу тебе, в чем дело.

— Я чувствую себя учительницей, — пошутила я.

— Так и есть. Ты мне очень помогаешь, милая. Но ты еще больше поможешь мне, если сможешь достать для меня немного бумаги и чем писать. Сделаешь?

— Я попробую, — Я покраснела: Андре впервые назвал меня "милой", и это было очень приятно. — Конечно, Андре, я буду рада помочь тебе.

Сама судьба помогла нам с Андре: на следующее утро я неожиданно получила из Эттбро письмо от моей давней подруги Шилены — она узнала, что я нахожусь в лазарете и написала мне. Конечно, я тут же попросила у отца Филиберта, тогдашнего настоятеля "Белых буков" бумагу и чернила, чтобы переписываться с Шиленой. Так Андре получил бумагу, перо и чернила, чему был очень рад.

— Никому не говори, что ты мне помогаешь, — предупредил он, — иначе нам запретят видеться.

Мне показалось странной его просьба, но я пообещала хранить молчание. А вот ночью в лазарете было беспокойно. Всю ночь лаяли собаки, а утром я узнала от сестры Мири, что у нас появились новые больные. Их поместили в отдельную палату. Мири сказала, что они очень странные — измученные, голодные и все, как один, не понимают нашего языка. И еще Мири сказала, что Санктур и Тойфельгартен опять начали воевать между собой. Меня встревожили ее слова: живя в лазарете, я совсем забыла о том, что за стенами "Белых буков" остается большой мир. И я подумала о своих близких: конечно, они предали меня, но мне было их жаль. Ведь война могла коснуться их тоже.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Прошло еще несколько дней. Я чувствовала, что люблю Андре, но боялась открыться ему, и потому скрывала свои чувства. Я рассказала ему о войне, но он удивил меня своим ответом.

— Этого надо было ожидать, — сказал он. — Это одна из причин, по которой я оказался тут. Прошу, ни о чем меня не спрашивай, так будет лучше для нас обоих.

— О чем ты говоришь? Ты не доверяешь мне?

— Всего лишь не хочу, чтобы из-за меня ты попала в нехорошую историю.

Меня удивили его слова, но я не стала допытываться, что к чему. Мы продолжали видеться с Андре каждый день, и о большем счастье я не могла и мечтать. Вскоре я получила письмо от Шилены — моя подруга писала, что уезжает в Оссланд, потому что в Вальзерате стало беспокойно. Она пообещала писать мне с нового места, но это было последнее письмо, которое я получила от нее.

Между тем пришла зима, выпал снег, и стало очень холодно. Отец Филиберт сократил время прогулок, опасаясь, что больные простудятся. Теперь мы с Андре могли видеться только полчаса в день, и это было очень и очень скверно. И я решила. Я понимала, что поступаю глупо, недостойно и легкомысленно, но я не могла по-другому.

— Андре, — сказала я ему во время очередной встречи, — я давно хотела сказать тебе, что ты мне очень дорог. Ты стал для меня смыслом жизни, и я поняла, что Высшие даровали мне счастье.

Он сначала растерялся. А потом улыбнулся и обнял меня.

— Родная моя, — шепнул он мне на ухо, и от звука его голоса мое сердце растаяло, — я тоже должен тебе что-то сказать. Я люблю тебя. Я очень тебя люблю, Гиерлинда. И я не хочу разлучаться с тобой ни на минуту.

— И я не хочу с тобой разлучаться — никогда-никогда!

— Это дерево слышало нас, — улыбнулся Андре, показав на старую березу, возле которой мы стояли. — Оно теперь наш свидетель. И если тебе понадобится узнать, о чем я думаю, подойди к нему и спроси. И я тоже так буду делать. Договорились?

Это был лучший день в моей жизни. Я вернулась в свою палату и весь вечер молилась, благодаря Высших за посланное мне счастье. Просила их навсегда соединить нас с Андре. Я

была уверена, что Высшие услышат меня, и теперь мы станем неразлучны. Но я ошиблась.

Ночью меня разбудили стук и яркий свет. Я увидела, что в моей комнате находятся два человека — высокий молодой мужчина в странной черной одежде и головном уборе, и женщина, одетая по-мужски. Лицо женщины скрывала черная вуаль.

— Встать! — скомандовал мужчина, направляя мне в лицо слепящий луч фонаря. — Быстро!

Я была испугана и не смела показаться перед мужчиной в ночной рубашке, поэтому замотала головой и прикрылась одеялом. Тогда мужчина силой потащил меня с постели и заставил встать.

— Смотреть в глаза! — велел он, схватив меня рукой в черной перчатке за подбородок. Черный говорил со странным акцентом. Глаза у него были страшные, бледно-голубые и холодные, как прикосновение смерти.

— Гиерлинда де Немрай, не так ли? — заговорила женщина, шагнув ко мне. — Сама невинность с виду, никогда не подумаешь, что перед тобой враг. Сама расскажешь все, что знаешь?

— Рассказать? — не поняла я. — Что рассказать?

— Не прикидывайся дурочкой. Я хочу знать, что тебе говорил человек, с которым ты крутила любовь весь последний месяц.

— Я... я ни с кем не крутила любовь, госпожа. — тут я вспомнила, о чем просил меня Андре, и мне стало страшно. — Вы ошибаетесь.

— Я так не думаю, — женщина показала мне раскрытую ладонь, над которой плавал призрачный шар, вспыхивающий огненными искрами. — Я ведь могу забраться в твой мозг, и тогда тебе будет очень больно. Очень-очень. Поэтому говори сама, пока я не рассердилась.

Ведьма, подумала я. В детстве я слышала много ужасных историй о ведьмах. Только они могут так околдовать человека, что он станет покорно выполнять их волю, только они могут читать мысли. Цепenea от ужаса, я попыталась выбежать из кельи, но человек в черном ударил меня фонарем по голове, и я упала на колени.

— Говори быстро, дрянь! — зашипела ведьма. — Выкладывай все, что знаешь, иначе я превращу тебя в кучу пепла!

— Я ничего не знаю!

— Ты каждый день виделась с Андре. О чем вы говорили?

— Мы... любим друг друга. Он добрый, хороший, и я очень...

Ведьма расхохоталась.

— Мало того, что он скрылся от нас в таком неожиданном месте, еще и подружку себе завел, — сказала она. — Что он тебе говорил?

— Как любит меня... как мы с ним поженимся... госпожа, прошу вас...

— Я так и думала, — ведьма что-то сказала человеку в черном, а потом больно вцепилась мне в руку. — Он говорил тебе, что собирается бежать?

— Бежать? — Я задрожала всем телом, из глаз у меня хлынули слезы. — Бежать?! Андре... бежал?

— Теперь я вижу, что ты ни демона не знаешь, — с презрением сказала ведьма и выпустила меня. — Твое счастье.

Сказав это, ведьма вновь обменялась с черным парой фразой, и они вышли из комнаты, громко хлопнув дверью. Я была так испугана, что не сразу поняла, что все закончилось, и я осталась жива.

Остаток ночи я просидела без сна, дрожа от страха и плача. Вот, значит как — Андре бежал из лазарета! Бежал, позабыв обо мне, о своих клятвах, предал нашу любовь. Или же у него просто не было выбора? Теперь я понимала, почему Андре не делился со мной своими тайнами, но мне не было от этого легче. Его ищут ведьмы из Ковена, он может погибнуть. Мое сердце разрывалось, мне было одиноко и страшно, и казалось, что моя жизнь кончена.

Между тем наступил рассвет. Я с трудом оделась, села в кресло и стала ждать — сама не знаю чего. Мне было плохо. Мне не хотелось думать о том, что мой Андре меня предал, но печальные мысли сами лезли в голову. Не знаю сколько я так просидела. Потом раздался стук засова моей двери, и на пороге появилась молодая сестра — новенькая, не Мири.

— А где Мири? — спросила я.

— Тсс! — Сестра сделала страшные глаза. — Не спрашивайте про нее! Она исчезла этой ночью, и лучше вам не знать, кто ее забрал.

Ведьмы, поняла я, и холод разлился в моей груди.

— Что случилось? — спросила я. — Почему Мири забрали?

— Ваш приятель Андре сбежал сегодня ночью из лазарета, — сказала сестра с неприятной усмешкой. — Наверное, сестра Мири знала о его планах. Вот так она заканчивается, любовь эта проклятая.

— Андре нашли?

— Поди, его след уже простыл! Только бегать долго не получится. Рано или поздно его поймают.

— Уходите, — сказала я сестре. — Уходите немедленно.

Она ушла, пробормотав что-то презрительное в наш адрес. Никогда я еще не чувствовала себя такой несчастной и одинокой. И тут я внезапно вспомнила слова Андре, сказанные им в тот день, когда мы открылись друг другу.

" — Это дерево слышало нас. Оно теперь наш свидетель. И если тебе понадобится узнать, о чем я думаю, подойди к нему и спроси. И я тоже так буду делать."

Гиерлинда вздохнула, переводя дыхание, подняла на меня свои невидящие глаза, и мне вдруг показалось, что она может видеть меня, мое лицо, и уж совершенно точно заглянуть непостижимым образом мне в душу.

— Я не ошиблась, — сказала она после долгой паузы. — Мне было очень трудно выждать несколько дней, прежде чем улеглась суматоха, вызванная побегом Андре. На пятый день после всех этих событий я вышла в парк и осторожно, пугаясь любого шороха, дошла до той самой старой березы. Осмотрев ее, я увидела небольшое дупло на высоте в три сажени и, встав на цыпочки, смогла до него дотянуться. В дупле оказалась скрученная в трубочку записка от Андре. Прошло семьдесят лет с того дня, но я помню каждое написанное в ней слово:

"Милая моя, родная! Я знаю, что мой поступок причинит тебе много горя, но я вынужден бежать из "Белых буков". Мои враги знают, где я, и завтра будет поздно. Я не буду тебе рассказывать, какое страшное зло пришло на твою родину, потому что это будет очень долгая история, в которую ты вряд ли поверишь. Знай лишь одно — если я останусь жив, то обязательно найду способ вернуться к тебе и уже никогда с тобой не расставаться. Хочу сказать, что я очень многим тебе обязан. Ты помогла мне, и я этого никогда не забуду. Я хочу доверить тебе последнюю мою тайну. Помнишь, ты мне рассказывала о качающихся камнях Иссарты, которые ты видела в детстве? Я оставил в своей темнице кое-какие важные

записи. Твои воспоминания помогут найти их. Если появится человек, который напомним тебе обо мне, поделись с ним воспоминаниями, и пусть он заберет то, что я оставил для него.

Люблю тебя и буду любить всегда. Прости меня и будь счастлива, ненаглядная моя Гиерлинда.

Андре".

— Вы сохранили эту записку? — спросил я.

— Нет. Я боялась, хотя очень хотела сохранить ее. Но я сделала больше — я сохранила память о моем Андре в своем сердце. И храню ее уже семьдесят лет. Через год после случившегося я совсем ослепла, и с тех пор живу во тьме. Лишь воспоминание о моей любви светит мне среди вечной ночи. А сегодня я встретила тебя и сразу поняла, что ты тот человек, о котором говорил мой Андре. Я почувствовала это. Странно, что ждать пришлось так долго.

— А Черный Человек?

— Это призрак из прошлого. Из тех дней, когда мой Андре прятался в "Белых буках" от зла, идущего за ним следом. Я знала, что рано или поздно он придет за мной. За всеми нами.

— Что же нам теперь делать?

— Слушай и запоминай, — матушка Гиерлинда вздохнула и, сделав знак поклониться к ее лицу, зашептала мне в ухо: — Первый камень помечен руной "сей", это значит счастье. Второй камень помечен руной "хат", это значит полет. Третий камень помечен руной "рас", что значит цель. Четвертый камень помечен руной "лай", что значит ласточка. Пятый камень помечен руной "сафир", что значит весна. Шестой камень, как говорит легенда, таит ответ на загадку под луной. Запомнил?

— Да. И что это значит?

— Это виденные мной качающиеся камни Иссарты. Память моего детства. Не забудь мои слова.

— Я запомню.

— Иди, сынок. Будь осторожен. Ты должен опередить Черного. И помни, что старая Гиерлинда молится за тебя...

— Вы очень долго разговаривали, — заметил отец Эммерих, когда я вышел в коридор. — Что-нибудь узнали?

— Ничего, — вздохнул я. — Госпожа Гиерлинда всего лишь рассказала мне о своей юности.

— А про Черного Человека? Она что-нибудь говорила про него?

— Только то, что верит в его существование... Один вопрос, мэтр Эммерих — я могу получить ключи от всех помещений "Белых буков"? Хочу в одиночку побродить по лазарету.

— В лазарете есть только четыре помещения, запертые на ключ, — ответил настоятель. — Это мой кабинет, кладовая с припасами, аптека и старый дом в дальней части парка, который давно отдан под склад разной рухляди. Если вам необходимо, я дам вам ключи.

— Благодарю, это очень важно. — Я ощутил волнение. — Если вас не затруднит, дайте мне в придачу к ключам огниво. И еще, мне нужно забрать мое оружие.

Ужин оказался более чем скромным — овсянка на воде, грубый хлеб и холодный травяной чай. Впрочем, я не ожидал царского пира, да и голод утолил. Отец Эммерих отвел мне для отдыха маленькую комнатку, в которой в обычное время дежурили братья-санитары. Здесь была узкая кровать с жестким тюфяком и заменявшие стол козлы с двумя табуретами, но мне и не требовалось большего. Я снял куртку, растянулся на кровати, пытаюсь расслабить уставшие за день ноги, и это было чудесное ощущение. Нужно было отдохнуть, мне понадобятся силы, когда наступит ночь, и я попытаюсь осуществить задуманное. А задумал я рискованную вещь. Наверное, по-другому разобраться в этом деле никак не получится, а то, что мой смарт молчит, косвенно подтверждает мою правоту. Ну и конечно, я очень надеялся на то, что рассказанная мне Гиерлиндой история реальна, и я не окажусь в положении идиота, разыскивающего черную кошку в темной комнате.

В этой реальности я понял, что отсутствие часов — огромное неудобство. Совершенно не имеешь представления о времени. Я лежал, вытянув ноги и заложив руки за голову, смотрел в потолок и пытался думать о хорошем, но не получалось. Все мои раздумья в конце концов плавно съезжали к главной теме — моему попаданию в этот странный и таинственный мир, в котором я уже успел попасть в очень опасную переделку и едва не лишился жизни, и вот-вот собираюсь опять подвергнуть себя опасности.

Тут я подумал об Эплбери. Не то, чтобы я уж очень на нее запал, но девушка видная. Фигурка, личико, голос приятный. А уж глазищи, глазищи! Но с претензиями, сразу начала меня строить. И что самое скверное, легко и просто меня расшифровала. Догадалась, что я попаданец (тьфу, слово какое противное!) Наверное, надо было попытаться найти с ней общий язык, а я вместо этого в бутылку полез. Да Бог с ней, что сделано, то сделано. И потом, магичка не сказала мне "Прощай". Никогда не поздно заявиться в лавку Окана и спросить про пояс из змеиной кожи...

Наверное, мои раздумья и размышления сморили меня, потому что вздрогнул, будто меня тряхнули. В комнате стало совсем темно. Пришла пора идти за приключениями. И нужно подумать, что мне может в моем поиске пригодиться.

Во-первых, оружие, так оно у меня есть. Я уже почти не вспоминал об украденном у меня кинжале, поскольку паче чаяния стал обладателем куда более существенного клинка. Меч Солер был удобен, отлично сбалансирован и на удивление легок — думаю килограмма полтора, не больше. Я не великий знаток холодного оружия, но мой меч казался мне просто совершенным оружием. Старикашка Неллер сделал мне отличный подарок, что говорить. Надеюсь, он не пожалел о своем великодушии и не станет требовать меч назад, когда я приду к нему с рапортом о выполнении задания. Это было бы свинством.

Приду с рапортом? Ха-ха-ха, а ты самоуверен, брат. Тут тебя неизвестно что ожидает, а ты загодя победу празднуешь...

Еще раз проведя пальцем по лезвию Солера и убедившись, что заточка меча безупречна, и я с его помощью смогу легко организовать винегрет из любого врага, решившего напасть на меня, я стал думать о другом. У меня был ключ от домика, где семьдесят лет назад прятался таинственный Андре, но только от входной двери. А что если записи, которые меня интересуют, находятся в запертом тайнике? Как мне его открыть?

Странно, но мой смартфон тут же среагировал на мои мысли, выдав следующий текст:

Взлом замков любой сложности возможен тремя способами:

— При помощи грубой силы. Кувалдой, ломиком или рычагом можно открыть практически любой замок. Но у этого способа есть недостатки — во-первых, неизбежный при ударе шум может привлечь внимание и выдать тебя, а во-вторых, удар может повредить содержимое контейнера, который ты пытаешься вскрыть.

— При помощи отмычек. Отмычками при известной ловкости также можно бесшумно вскрывать самые сложные замки, но отмычки нельзя встретить в открытой продаже. Кроме того, если отмычка сломается в замке, вскрыть его будет можно лишь первым способом, то есть ломом или кувалдой.

— При помощи специальных заклинаний. Опытный маг способен открыть любую дверь или сундук, а также закрыть их так, что никто не сможет отпереть замок, как бы ни пытался. Но ты не маг, так что тебе доступны только два первых способа. И помни, что есть еще один вариант — найти ключ от замка, который тебе надо открыть.

Напоследок знай, что любая попытка отпереть замок силой, отмычкой или магией является преступлением. Если ты будешь застигнут за взломом замка, тебя привлекут к ответственности по законам государства, в котором ты находишься. Самое мягкое наказание за незаконное отпирание замка в Оссланде — по "Законам короля Беды" застигнутый на месте взлома вор обязан заплатить один золотой хозяину замка и пять золотых штрафа. При условии, конечно, что он ничего не успел украсть. Самое суровое наказание за воровство в королевстве Гинцу — смертная казнь через повешение полагается даже за ношение отмычек, фомок или других инструментов, предназначенных для взламывания замков и дверей.

Ну, вообще ценная информация. Особенно если учесть, что у меня нет ни ключа от возможного тайника, ни ломика, ни отмычек. Но хорошо хоть меня не забывают. Черт, вообще у меня складывается чувство, что за мной наблюдают. Какая-то чертова матрица, а не чужая реальность!

А может, это и есть что-то вроде матрицы. Или все проще, и я всего-навсего сошел с ума. Если так, то в сумасшествии есть определенная прелесть. Но лучше об этом не думать.

Когда комната совершенно погрузилась в мрак, я решил, что мне пора идти на дело. Осторожно вышел в коридор и бесшумно сбежал по лестнице на первый этаж, попутно прихватив подвешенный к вбитому в стену крюку масляный фонарь. Мне послышались какие-то громкие и, как показалось, возбужденные голоса — верно, пациенты отца Эммериха беседовали друг с другом или со своими галлюцинациями. Так же тихо я вышел во двор, в холодную и сырую темноту. Небо казалось совершенно черным, и двор выглядел достаточно зловеще. Набравшись храбрости, я перебежал мимо фасада к углу лазарета и вышел в парк, где и находилась моя цель.

В глубине парка оказался только один дом, выстроенный из серого камня, как и весь лазарет, и больше похожий на маленькую каменную церковь. Запущенный и давно необитаемый, он в этом мраке сам казался призрачным, и в мою душу начал вползать невольный страх. Выругавшись втихомолку, я зашел с торца, нашел вход и, нащупав замок, попытался открыть его ключом. Замок был очень тугим, но в конце концов сухо щелкнул, и дверь скрипнула под моей рукой.

Внутри дома крепко пахло плесенью, мышами, пылью и еще чем-то едким. Я поставил на пол фонарь, открыл крышку и попытался поджечь фитиль при помощи огнива. Не скажу,

что это оказалось просто. Когда я уже начал беситься, искры все же попали на фитиль, он затлел, а потом вспыхнул крошечным огоньком. Дождавшись, когда фонарь разгорится, я шагнул внутрь дома, разглядывая окружающую меня обстановку.

Дом состоял из одной большой, квадратов, наверное, в шестьдесят, комнаты с полом, составленным из каменных плит. Некоторые из них раскололись, сухая трава между плитами кое-где торчала на полметра. Вдоль стен громоздились кучи досок, какие-то старые ветхие ящики, поломанная мебель и тому подобный хлам, и я с тоской подумал, что мне, возможно, придется разбирать эти завалы. Арочный свод опирался на толстые, потемневшие от времени и растрескавшиеся каменные колонны, в промежутках между которыми свисали настоящие занавеси из паутины. На полу и на всех предметах лежал толстенный слой пыли, было видно, что сюда давным-давно никто не заходил.

— Что там старушка говорила про камни Исарты? — пробормотал я, озираясь кругом. — Первый камень помечен руной "сей", это значит счастье. Все это замечательно, но тут нет никаких камней!

Камней действительно не было. Только кирпичи, из которых был сложен полуразвалившийся очаг, но это были самые обыкновенные кирпичи. Я попробовал пошатать их — не вышло, их крепко связывал раствор. Я только измазался в саже и копоти, накопившихся в очаге за много лет. Нет, в очаге определенно не было никакого тайника. Тогда где он может быть?

Так, попробуем рассуждать логически. Вряд ли Андре спрятал свои записи в стенах: для того, чтобы раскачать и вытащить камень из стены нужен инструмент и время, а у Андре не было ни того, ни другого. Тем более из такой стены. Это аббат Фариа в "Графе Монте-Кристо" два года рыл подкоп самодельными железками, чтобы сбежать из тюрьмы. Но это приключенческая литература, а там можно напридумывать чего угодно. Так что стены отбрасываем. Может, Андре закопал записи в землю, под плиты пола? Допустимо, но тогда ему был нужен надежный сосуд для бумаг — кувшин, например, чтобы бумаги не промокли и не испортились в земле. А если под кровлей? И вообще, причем тут история о качающихся камнях?

"Твои воспоминания помогут найти их. Если появится человек, который напомним тебе обо мне, поделись с ним воспоминаниями, и пусть он заберет то, что я оставил для него."

Еще раз вспомним — первый камень помечен руной "сей", это значит счастье. Всего камней шесть. Причем именно шестой таит ответ на загадку "под луной".

Камни... Шесть камней. О черт, а ведь колонны тоже камни. И их шесть!

Захваченный своей догадкой, я начал исследовать поверхность ближайшей ко мне колонны и очень скоро обнаружил то, что искал — глубоко выцарапанную в камне руну, похожую на ключ с тремя бородками. И пошло поехало: через пять минут я отыскал подобные рисунки на всех шести колоннах.

Значит, старая Гиерлинда сказала мне правду. Андре действительно пометил рунами колонны в своем приюте. Но что это мне дает? Ничего. Я понятия не имею, где именно искать.

— Первый камень помечен руной "сей", это значит счастье, — бормотал я, плясая на колонны. — Второй камень помечен руной "хат", это значит полет. Третий камень помечен руной "рас", что значит цель. Четвертый камень помечен руной "лай", что значит ласточка. Пятый камень помечен руной "сафир", что значит весна. Шестой камень, как говорит легенда, таит ответ на загадку под луной. Ага, счастье как полет к цели ласточки весной.

Ласточка весной вьет гнездо в норе. Нора. Что-то похожее на простую дыру.

Ладно, попробуем сосредоточиться и разобраться с долбаными рунами. Их всего пять. Мне нужно найти начало надписи, только вот где оно?

Я вспомнил слова Гиерлинды. И внезапно понял, что разгадка-то совсем простая.

— Ах ты мать твоя чирлидерша! — вырвалось у меня.

Руны, насколько я помнил историю, должны читаться слева направо. Знак на колонне рядом со мной напоминает ласточку — внешний угол как крылья, внутренний, как хвост вилочкой. Значит, на колонне слева будет руна "рас" то есть цель. А какова моя цель? Правильно, найти записи. Руна указывает на колонну за моей спиной.

И на ней астрологический знак Луны, несомненно, оставленный Андре! Короче, именно здесь должен быть тайник.

Самым тщательным образом я осмотрел колонну. Даже не знаю, сколько времени это у меня заняло. Может, минуту, а может, гораздо больше. И мне опять улыбнулась удача — в самом низу колонны, в нескольких сантиметрах от пола я заметил на камне плотную бляшку сухой глины, будто вмазанную в камень. Я обнажил меч и аккуратно ткнул бляшку острием. Глина тут же выкрошилась, открыв отверстие в камне. Я с замирающим сердцем заснул в дырку пальцы и нащупал скрученную в тугую трубку бумагу.

— Йес! — выдохнул я и потянул драгоценную находку из тайника.

Листки были перевязаны веревкой, а это значило, что я вытащил записки Андре целиком. Дело было сделано. И мой смартфон тут же оповестил меня об успехе.

"Поздравляем!

Отыскав неизвестные до сих пор записи Андре, ты выполнил задание и совершенно переиграл ситуацию в прошлом. Так как в реальности Десятигорья остались свидетельства пребывания в ней Андре, акция ведьм по изменению прошлого провалилась. Андре не погиб, смог покинуть эту реальность и вернуться в свой мир. История двух миров не подверглась изменению. Черный Человек в Лектурском лазарете больше не появится.

Задание "Тайна белых буков" успешно выполнено.

Задание "Обучение" завершено.

Тебе присвоен второй ранг в классе "Младший сын"

Увеличена репутация +5

Бонус к таланту Милый собеседник +5

Добавлено задание "Прочитать записки Андре."

Добавлено задание "Найти мага."

Добавлено задание "Ведьмы".

Добавлено задание "Друиды".

Добавлено задание "Поговорить с Эбботом и Неллером."

— Давно бы так! — буркнул я, донельзя довольный собой. — Знай наших.

В тот момент я еще даже не представлял себе, какой ужас мне придется пережить через несколько минут. А пока я засунул бумаги за пазуху, следом запихал смартфон, вышел из дома, запер дверь и, стараясь держаться в тени деревьев, направился к фасаду лечебницы. Мне не терпелось оповестить отца Эммериха о моем успехе. Кроме того, следовало вернуть ключ от пристроя, который мне теперь был не нужен.

Я подошел к углу лазарета, когда внезапно в лицо мне пахнуло таким холодом, что я аж задохнулся. А в следующую секунду я увидел высокую черную фигуру, неторопливо и уверенно идущую по дорожке в сторону входа в лазарет. Нас разделяло не больше тридцати метров.

Если бы я увидел Джека Потрошителя с окровавленным скальпелем в руке, то, наверное, испугался бы меньше. Вжавшись в стену, я затаив дыхание следил за тем, как приближается призрак. Более жутких ощущений я в жизни не испытывал — будто саму смерть увидел. Но одновременно с леденящим ужасом я почувствовал еще и удивление, потому что разглядел, во что одет этот фантом.

Это было невероятно, но Черный Человек был в форме офицера СС.

Он не заметил меня — прошел в каких-нибудь двадцати шагах, толкнул дверь и вошел в лазарет. Я понял, что у меня появилась возможность сбежать. Задержав дыхание, я рванулся вдоль деревьев в сторону забора. Добежал, вцепился в густой плющ, покрывший забор, вскарабкался наверх и сиганул с двухметровой высоты в темноту, а потом быстро и долго бежал, пока совершенно не выбился из сил. И только за воротами Донкастера — мне пришлось отдать целый золотой стражнику, чтобы каналья пропустил меня в город, — я почувствовал себя в безопасности.

Глава пятая: Эдерли

Капитан Эббот был доволен. Долго хлопал меня по плечу, сыпал комплиментами и в конце концов заявил, что он мой должник и немедленно доложит о моем успехе Неллеру.

— Вот, возьми, — капитан вручил мне тяжелый серебряный перстень с изображением герба дома Вальзератов, коронованного льва. — Теперь всякий подданный Вальзерата должен оказывать тебе содействие, если ты покажешь ему этот перстень.

— Ценная вещь, — одобрил я, надев перстень на палец. — Спасибо.

— Можешь отдохнуть в казарме. А я пока отправлю посыльного к Неллеру.

Казарма была почти пуста, только две последние от меня койки занимали сменившиеся с караула стражники. Они спали, похрапывая и распространяя вокруг себя ядреный запах пота, немытых ног и сыромятной кожи. Я был один и потому сразу занялся бумагами своего прадеда.

Они оказались в хорошем состоянии, и хотя чернила сильно выцвели за семьдесят лет, записи были вполне разборчивы. Лишь несколько фрагментов текста оказались подпорченными. Всего записки состояли из восьми листков, исписанных с обеих сторон аккуратным убористым почерком, в котором я не без волнения сразу узнал почерк Кузнецова. Вот что было в записях:

Тем товарищам, которые найдут эти записки:

Я, Андрей Антонович Кузнецов, гражданин великого Советского Союза, член ВЛКСМ с 1940 года и кандидат в члены ВКПб, продолжаю выполнять задание Центра по ликвидации секретного объекта гитлеровцев, известного как "Объект 43". Бумаги у меня очень немного, поэтому сообщаю лишь самое главное.

В ночь со 2 на 3 ноября 1944 года нашей группой в пригороде Страсбурга были ликвидированы штурмбаннфюрер медицинской службы СС Ева Хаан, штурмбаннфюрер СС Климент Шлегер и гауптштурмфюрер СС Отто Данцигер. Все они являлись сотрудниками "Объекта 43", ответственными за секретный проект Flucht, или "Прямая линия". В чемоданчике Евы Хаан мы обнаружили флакон с неизвестной жидкостью (о черт, мой сон один в один!), и папку с отчетами, адресованными генералу СС Зиверсу и подписанными руководителем проекта Flucht штандартенфюрером Удо Ангелем. Ангель сообщал в Берлин, что добился больших успехов в осуществлении проекта. Кроме отчетов в наши руки попали фотокопии средневековых оккультных текстов, взятых из редкой книги немецкого чернокнижника XV века Августа из Вюртемберга. Я сразу узнал их, потому что в нашем доме в Москве.... (текст испорчен).

На следующий день Константин встретился в Страсбурге со связным, передал ему наши трофеи. Одновременно группа получила приказ покинуть Францию, но по дороге попала в засаду в деревне Ла Ванзено. Наш "кюбельваген" был подбит, Константин и Мария погибли смертью храбрых, а я был ранен и пытался застрелиться,

но пистолет дал осечку. Так я попал в плен. Меня приняли за члена французского Сопротивления, и после нескольких допросов отправили в Страсбург, затем, случайно или намеренно, я был помещен в лагерь при Объекте 43.

Десятого ноября я был включен в группу из десяти заключенных, предназначенных для эксперимента на установке Flucht. Из разговоров работавших на объекте немцев я понял, что из Берлина пришел приказ закончить запланированную серию экспериментов к 20-му ноября, объект готовят к эвакуации, и все находившиеся в лагере заключенные будут ликвидированы. Не догадываясь, что я хорошо владею немецким языком, фашисты все время упоминали человека с псевдонимом Verfolger — Преследователь. Одиннадцатого ноября, в пять часов утра, нас отправили в тщательно охраняемую Зону X, расположенную в подземном бункере Объекта 43, где мы по очереди должны были войти в какую-то трубу. Помню резкую вспышку света и удар, после чего я потерял сознание.

Я очнулся.... (текст испорчен), и со мной начал говорить человек, назвавшийся Артобелла. Он рассказал мне поразительную историю. Из его слов выходило, что фашистские гады смогли найти путь между нашим миром и действительностью, которую Артобелла назвал Десятигорьем. Этот мир напоминает земное европейское средневековье, здесь есть волшебство, и в нем уже века идет противоборство между светлыми и темными магами. Конечно, я комсомолец, и не верю в мистику, но Артобелла сказал, что у нас общие враги, и я должен помочь его единомышленникам и друзьям, чтобы вернуться в свой мир. Так я стал агентом сообщества волшебников, к которому принадлежал и сам Артобелла. Моей главной задачей стал поиск таинственного человека по имени Джозеф Джаримафи, обладавшего особым волшебным даром. Я согласился на предложение Артобеллы только потому, что у меня появилась возможность и дальше сражаться с фашистскими убийцами и в случае успеха вернуться на Родину, как он мне и обещал.

Я не могу в подробностях описать все события, которые со мной происходили — я и сам не верю, что такое возможно. Важно то, что я получил возможность вновь сражаться с гитлеровцами, отомстить за Костю и Марию и исполнить свой долг перед Родиной. Важен итог. Мне удалось помешать фашистскому Преследователю захватить Джозефа Джаримафи, но я был раскрыт, и за мной началась настоящая охота. Артобелла погиб. Мои друзья спрятали меня в городке Лектур, в лечебнице для умалишенных. Здесь я встретил Гиерлинду — удивительную девушку, которая стала для меня самым близким человеком. Благодаря ее помощи я смог написать письмо, которое вы сейчас читаете. К несчастью, враги нашли меня и здесь. У меня только один выход — бежать. Это возможно сделать только... (текст испорчен). Я должен помешать фашистским негодяям испоганить своими грязными сапогами еще и этот мир.

Гиерлинда, если ты когда-нибудь прочтешь эти строки, знай, что я тебя люблю. Прости меня за все. Может статься, мы однажды встретимся вновь, чтобы больше никогда не разлучаться.

Любопытный документ, подумал я, складывая последний листок. Теперь нет никаких

сомнений, что Кузнецов побывал в Десятигорье. Что он, как и я был Преследователем, призванным магами Санктура. И смог вернуться в нашу реальность. А если он сумел, значит и я смогу. Отличная новость. У меня совсем не было желания остаться в Десятигорье навсегда.

Смартфон тренькнул, вызывая меня на диалог. Пришло очень короткое и не самое важное сообщение.

Задание "Прочитать записки Андре" выполнено.

Отлично. Теперь подытожим все, что узнали из этих записей. Самое важное: когда-то мой прадед точно так же, как и я оказался в этом мире и противостоял нацисту, ставшему Преследователем у ведьм Ковена — в этом смысле записки Андре полностью совпадали с рассказом Гиерлинды. И Черный Человек в форме офицера СС тоже вписывается в эту странную историю. Наверняка он и был Преследователем. И он собирался уничтожить или вернуть в нашу реальность попавшего в Десятигорье советского разведчика Андрея Кузнецова, после того как Кузнецов расстроил его планы, помешал захватить Джозефа Джаримафи. Я вспомнил, как Гиерлинда рассказывала про ночной визит к ней Черного и сопровождавшей его ведьмы. Все точно, они вышли на след моего прадеда и возможно пытались открыть в Лектуре портал для доставки его в наш мир, даже заключенных сюда перебросили, чтобы их жизнями подпитать этот самый портал. Гиерлинда говорила, что незадолго до бегства Андре, в лазарете появились новые пациенты, не знавшие языка — наверняка узники лагеря "Объект 43", переброшенные в Десятигорье при помощи устройства Flucht. Вот откуда у покойного пациента "Белых буков" взялась татуировка с номером на руке; папаша Оттон, тело которого я видел в мертвецкой лазарета, был одним из этих несчастных. В ту пору он был совсем еще ребенком. Становится понятным, почему Черный Человек убивал в основном стариков — призрак убирал возможных свидетелей, тех, кто мог встречаться с Андре или помнить о нем. Только вот прошло уже семьдесят лет. Значит ли это, что фашистский агент, попавший в этот мир, остался в нем и жив до сих пор? Или это действительно привидение? В самом деле, если в Десятигорье есть магия во всем своем разнообразии, почему тут не водятся призракам, в том числе и чужеземным? Допустим, что так. И то, что этот призрак вернулся, явно связано с моим появлением. Ведьмы знают обо мне и принимают меры, но на этот раз я их опередил. Отомстил за конфуз в Эммене.

Кузнецова прояснили еще одну загадку. Волшебных книг о способах перехода между мирами минимум две. Ничего удивительного в этом нет: в средние века с рукописных книг нередко делали списки. Одна была у нацистов. А вот вторая книга Августа Вюртембергского принадлежала моему прапрадеду. Во всяком случае, так следует из найденных мной записей. Кузнецов задолго до всех этих событий видел эту книгу, возможно, читал ее, потому и узнал тексты из нее. После смерти родителей он вывез библиотеку из Москвы — это мне сказал Герчиков. Все эти годы книга хранилась в его библиотеке, и Кузнецов прекрасно знал о ее магических свойствах, потому и прятал от посторонних глаз. Потом эту книгу случайно нашел я, и ее украли. Почему? Наверное, чтобы помешать мне попасть в Десятигорье. Но ведь Ильин не пользовался книгой средневекового чернокнижника, отправил меня, используя какую-то чудо-машину. Значит, дело не во мне. Тогда есть только одно правдоподобное объяснение краже: ведьмы не владеют пространственной магией. Или не владели ей до того момента, как нацисты смогли открыть проход в Десятигорье. Возможно,

тогда им в лапы и попала книга Августа. Кто его знает, может эсесовская докторша-изуверка Ева Хаан и была одной из этих стерв. И я могу гордиться тем, что именно мой прадед тогда обломал гадюкам весь кайф.

Второй важнейший момент — опять мне повстречалось имя Джозеф Джаримафи. А это значит, что все происходящее и тогда, и теперь связано с ним. Но в чем интрига? И какую роль играет флакон с жидкостью, который я видел во сне? Предположим, что во флаконе была та самая живая вода, о которой говорилось в прочитанной мной легенде о Джозефе — тогда как она попала к нацистам, и зачем она им была нужна? Словом, я еще очень и очень много не знаю. Самое время узнать.

Я даже не заметил как заснул. Разбудил меня стражник, который заявил, что меня ждут в кабинете Эббота. Зевая на ходу, я прошел за стражником и увидел старого слугу Жоакена, который заявил, что готов проводить меня в особняк господина Неллера.

Старик вновь встретил меня в библиотеке. Он выслушал меня с величайшим вниманием.

— Прекрасно, юноша, — похвалил он. — Вы оправдали ожидания. Теперь я могу поручить вам другое дело.

— С вашего позволения, я хотел бы прежде побывать в Лектуре. Мне надо вернуть отцу Эммериху ключ и рассказать о найденных записях Гиерлинде. Она должна узнать об их существовании.

— Ключ можете отдать мне, я передам.

— Мне бы не хотелось вас утруждать.

— Хорошо, это ваше право. — Неллер показал мне на лавку. — Присядьте, нам надо поговорить.

Я сделал, как он просил. Неллер повернулся к Жоакену.

— Постойте за дверью и проследите, чтобы нам никто не помешал, — приказал он.

Старый слуга поклонился и вышел. Неллер не сразу начал говорить, будто сомневался, стоит мне довериться, или нет.

— Видите, я втянул вас в историю, — сказал он с виноватой улыбкой. — Но это было неизбежно. Я знаю, что вы Преследователь.

— Это что-то меняет?

— Ничего. Я знал об этом еще во время первого нашего разговора.

— Могли бы сразу сказать, — проворчал я. — Тогда вы, наверное, объясните мне, ради чего я тут оказался?

— Конечно. Вы знаете о войне, которую ведут между собой Санктур и Тойфельгартен. Сейчас нет смысла говорить о причинах и этапах этой войны: все это было описано в книге Арденалья Гетты, которую у вас украли. Важна суть, а она такова, что победить в этой войне не может никто. Это природа магии, она дуалистична. Она как снадобье, которое может быть и ядом, и лекарством одновременно. Нельзя уничтожить одно ее свойство, не уничтожив другого.

— Туманно, но понятно. Если есть бог, должен быть и дьявол, так?

— В самую точку. Ведьмы Тойфельгартена и маги Санктура порождены одной силой, у них общая мать — магия. Они обречены враждовать друг с другом, пока существует мир.

— Есть еще и друиды, — заметил я.

— Маги-раскольники? — Мне показалось, что в голосе Неллера прозвучало презрение. — Они переоценивают свои силы. Но сейчас мы говорим о вас. Вы

Преследователь, призванный Санктуром. И вы знаете, что случилось семь десятилетий тому назад. Произошло вторжение, которой едва не обернулось гибелью нашего мира. Да и ваш был под великой угрозой.

— Это ведь дело прошлое, не так ли?

— Да. Но война продолжается. И это будет длиться до тех пор, пока один из Домов не получит наследие Пророка.

— Живую воду Джозефа Джаримафи?

— Именно. Для того и нужен Преследователь. Только он способен найти Джозефа.

— Почему вы используете людей из нашего мира? Неужели нельзя найти Преследователя в Десятигорье?

— Люди в нашем мире мало что знают о тайных силах, управляющих им. Светские владыки уверены, что это они вершат судьбы народов. На самом деле за всем стоят маги. Синклит и Ковен — вот кто обладает истинной властью. Это тайна, и открывать ее человеку нашего мира нельзя.

— Однако все в вашем мире знают о магах, — возразил я.

— Знать о существовании магов — это одно. Совсем другое знать об их истинной роли в Десятигорье.

— Прямо Мортал Комбат какой-то! — воскликнул я. — И вы, и Ковен ищете в нашем мире человека, и он становится Преследователем. Ловко. И что будет, если я его найду?

— Вы спасете нас. Если раньше дар Пророка интересовал и Санктур, и Тойфельгартен исключительно как почетный трофей, как средство получить дополнительную магическую силу, то теперь абсолютно ясно, что без него нас ждет гибель. Неминуемая и страшная.

— Конец света?

— Можно и так сказать. Маги пользуются Силой, но одновременно становятся ее заложниками. Это стихия, которую очень трудно контролировать. Освобожденная магия опасна тем, что накапливается в мире и меняет его. И люди посвященные могут видеть эти изменения.

— Вы говорите загадками, сударь.

— Для того, чтобы понять, что может произойти, нужно вспомнить историю Пророка. Не ту, что расскажут вам старики-сказители или бродячие менестрели — настоящую историю. Именно тогда в Десятигорье пришел Великий Мор. Он поразил Эсану, один из самых больших и богатых городов того времени. В одну ночь тысячи жителей города превратились в безумных кровожадных чудовищ, убивавших и пожиравших друг друга. И этот Мор вызвала магия. Сами маги, как и властители города в ужасе бежали из зачумленной Эсаны, а Пророк остался. Он спас город, остановил Мор, за что и был казнен. Торкарские шаманы и маги Эсаны, служившие захватчикам, никогда не признались бы в том, что это их колдовство едва не уничтожило город. Им нужен был виновный, и они его нашли. Теперь история повторяется.

— Звучит жутковато.

— Да уж.

Некоторое время мы оба молчали. Мне было нечего сказать по существу, Неллер, видимо, размышлял, куда и как повести нашу беседу дальше. Наконец, он прервал молчание.

— У вас есть план действий? — спросил он.

— Если честно — никакого. Я пока слишком слабо разбираюсь в ситуации. Но одно знаю точно: этот самый Джозеф Джаримафи не вымышленный персонаж. В записях Андре

есть упоминание о нем. Тогда ему удалось спасти Джаримафи от нацистского Преследователя. Но это все, о чем он написал.

— Значит, вам предстоит долгий и опасный путь, — заключил Неллер. — Я готов оказать вам любую посильную помощь. Вам пока не стоит знать, чьи интересы я представляю. Скажем просто — я ваш союзник. В будущей войне не будет возможности остаться в стороне, соблюсти нейтралитет. Конечно, я бы не желал победы Санктуру, но стократ хуже, если наследие Пророка попадет к ведьмам.

— Спасибо за предложение помощи. Я очень ценю это.

— Тогда договорились, — Неллер с улыбкой коснулся моего плеча. — И уж коль скоро у вас нет готового плана, предложу вам кое-что. В Эттбро живет маг по имени Эдерли. Человек он странный, с характером, из-за этого в свое время его исключили из Синклита. К друидам он тоже не прибился. Но он могущественный чародей, и к его услугам обращаются даже светские владыки — инкогнито, разумеется. Мы с ним хорошо знакомы. Отправляйтесь к нему и попробуйте с ним подружиться.

— Думаете, в этом есть какой-то смысл?

— Несомненно. Магия часть природы нашего мира, и помощь опытного волшебника очень вам пригодится. При условии, конечно, что вы сумеете завоевать расположение Эдерли. — Неллер несколько раз хлопнул в ладоши, и в комнату немедленно вернулся Жоакен. По знаку господина он извлек из своей сумки тяжелый кошель и с поклоном положил на стол передо мной.

— Здесь сто денариев, сумма очень изрядная, — пояснил Неллер. — Вы передадите ее Эдерли от меня. Скажете, что это пожертвование.

— Вы не боитесь мне доверить такую сумму? — Я даже не решался коснуться кошель.

— Нет. Это всего лишь деньги. Если их украдут у вас, ничего ужасного не случится. Только не позволяйте убить себя за них. — Тут Неллер наклонился ко мне и перешел на тихий голос, почти шепот. — Будьте осторожны, мастер Сандер. Есть человек, который пойдет на все, чтобы избавиться от вас.

— Мой брат Пьерен, — догадался я. — Ну, с ним я разберусь.

— Не надо недооценивать его. Простите, что я так говорю о вашем родственнике, но Пьерен, несмотря на молодость, законченный мерзавец, и ему служит немало темных людей в Вальзерате и Орандуре. Поэтому не ходите по городу ночью и старайтесь передвигаться по дорогам в компании. Чем больше будет компания, тем лучше для вас, уж поверьте.

— Спасибо за предупреждение.

— Мне нравится ваша учтивость. Не желаете пообедать со мной?

— Нет, спасибо, сударь. Я немедленно отправлюсь в Лектур к отцу Эммериху.

— Тогда не буду вас задерживать, — Неллер протянул мне руку, и я ее пожал. Пальцы старика были холодными как лед. — Помните, я всегда помогу вам. И постарайтесь подружиться с Эдерли.

***

В Лектур я отправился один. Мне подумалось, что при свете дня мой "братец" Пьерен вряд ли рискнет подослать ко мне своих людей, да и ведьмы пока считают, что я мертв. Попутно пришло сообщение, что задание "Поговорить с Эбботом и Неллером" мной выполнено в лучшем виде и следом за ним — краткое и очень приятное уведомление:

В банке Гуффера на ваше имя открыт счет. Деньги можно получить в любом городе, где есть отделения банка Гуффера. Чтобы воспользоваться средствами со счета назовите клерку в банке пароль — "Маг и воин".

Это была отличная новость. Замантулившие меня в эту действительность маги все же заботятся о том, чтобы я не остался без копейки денег. У меня еще оставались нетронутыми золотые, полученные от Неллера, плюс еще сотня денариев для Эдерли, в случае какого-нибудь форс-мажора можно и позаимствовать децл оттуда. Короче, я при деньгах, и это радует.

Недолгая прогулка до Лектура обошлась без приключений, и я был вполне доволен собой, когда постучался в ворота лазарета и заявил уже знакомому мне привратнику, что хочу видеть отца Эммериха.

— Преподобный сейчас в часовне, там идет заупокойная служба, — ответил привратник. — Идемте, я провожу вас.

Не знаю почему, но при этих словах у меня упало сердце. Предчувствие меня не обмануло. Народу в часовне было немного — только персонал лазарета во главе с отцом Эммерихом. На помосте в центре часовни лежало завернутое в белое тело старой Гиерлинды. Я опоздал.

— Я успел услышать ее последние слова, — шепнул мне отец Эммерих, когда я подошел к нему. — Она сказала: "Он больше не придет". И добавила за мгновение до того, как вздохнула в последний раз: "Мой Андре!". Все закончилось, сын мой. Все закончилось.

— Мне очень жаль, — сказал я, глядя на хрупкую фигурку в белом.

— Она прожила тяжелую, но светлую жизнь. Высшие силы будут милостивы к ней.

— Вот, возьмите, — я подал настоятелю ключ от пристроя. — И еще бумаги, которые я там нашел. Я так хотел, чтобы Гиерлинда услышала, что там написано.

— Оставьте записи себе. Может быть, они вам еще пригодятся. — Настоятель посмотрел на меня с теплотой и благодарностью. — Будьте благословенны, юноша, вы сделали большое дело.

Я не удержался. Подошел и коснулся руки Гиерлинды. Хоть так я мог выразить нахлынувшие на меня чувства. А потом покинул часовню, лазарет и направился в Донкастер, чтобы отдохнуть, прийти в себя и поразмыслить, что делать дальше.

***

Дорога от Донкастера до Эттбро заняла у меня два дня, и я проделал ее вместе с группой купцов, которые везли сукно и сушеные фрукты в столицу. Это не было благотворительностью, купцы взяли с меня обещание защищать их от разбойников в случае чего, да еще и потребовали с меня деньги за пищу и воду. Хорошие ребята, одним словом. Выбора у меня не было, пришлось согласиться.

Путешествие по средневековой дороге занятие малоприятное. Поскольку коня у меня не было, я ехал в одной из трех телег каравана. Рессор у телег, естественно, не имелось, и все неровности дороги — а дорога, казалось, состояла из одних неровностей, — я мог чувствовать всем своим телом. Уже к концу первого дня у меня болели все кости. Переночевали мы в замызганной деревенской харчевне, причем я полночи караулил повозки,

и только под утро меня сменил другой охранник. Так что в путь я отправился не выспавшись. Плюс еще и дождь, который захватил нас в пути. На закате, когда впереди показались башни и стены Этббро, я чувствовал себя совершенно разбитым.

Караван остановился на постоялом дворе "Алые верески" прямо за воротами города. Остаться здесь на ночь мне не хотелось — у меня за пазухой лежал кошель с сотней золотых, и я хотел побыстрее передать их волшебнику. От хозяина постоялого двора я узнал, что Эдерли в городе хорошо знают, и найти его я могу в башне Сакре-Мулен близ городского рынка. Не прощаясь с купцами, я тут же отправился на поиски Эдерли.

Башню я нашел сразу. Судя по всему, тут раньше была мельница, но потом крылья с нее сняли. Окованная железом дубовая дверь в башню была заперта, и на мой стук никто не отвечал. Я с досадой подумал, что Эдерли куда-то ушел или дрыхнет беспробудным сном и уже собирался уходить, как вдруг за дверью загремел засов, и она раскрылась. На пороге стоял низенький длинноволосый человек лет сорока пяти-пятидесяти с узким, бледным и очень недовольным лицом.

— Болтаемся, бездельничаем, стучимся в двери! — выпалил он, сверля меня взглядом. — Мешаем работать, мешаем отдыхать. А ведь уже ночь, да-да, ночь!

— Простите, сударь, — ответил я с самой любезной улыбкой, — я ищу мэтра Эдерли. Не соблаговолите ли...

— Ищут мэтра Эдерли, все ищут мэтра Эдерли! — воскликнул человек. — И никто не задается вопросом, почему мэтр Эдерли никого не ищет. Никого и никогда. Потому что мэтру Эдерли нет дела до вас, бездельников. Я не подаю, юноша, так что...

— Меня прислал лорд Неллер, — перебил я его, теряя терпение. — И подачки мне не нужны.

— Посмотрите только — сам лорд Неллер его прислал! — Человек упер руки в бока. — И я должен растаять весь, да-да, растаять?

— Не надо таять, — ответил я. — Надо выслушать. Так вы Эдерли?

— Джей Эдерли, к вашим услугам, — с высокомерной миной заявил мой собеседник. — Выслушать, понять, проникнуться к вам симпатией — возможно, проникнуться, а возможно, и нет. Или испугаться вашего меча, ха-ха! Хорошо, входите. Попробуем найти общие темы для разговора.

Нижний этаж башни оказался совершенно заброшенным и больше напоминал склад разного хлама. Ящики, доски, балки, кучи поленьев, камни и прочая дрянь занимали две трети пространства. Весь этот хаос освещали несколько тусклых фонарей, подвешенных на вмазанных в стены крючьях. Следуя за хозяином, я поднялся по шаткой лестнице на второй этаж — тут у Эдерли были жилые апартаменты.

Глядя вокруг себя, я подумал, что такое жилище больше бы подошло женщине — большая накрытая цветным покрывалом кровать под балдахином прямо в центре комнаты, полочки вдоль стен, уставленные не столько книгами, сколько разноцветными флаконами разных форм и размеров; весь правый угол занимала высокая этажерка с растениями в горшках. Дощатый некрашеный пол покрывал толстый красный ковер с живописно набросанными по нему подушками в зеленых и синих атласных чехлах с золотой бахромой. Словом, ничего связанного с магией я не увидел, и это было странно.

— Вина и еды у меня нет, — заявил Эдерли, капризно выпятив нижнюю губу. — И второй кровати тоже.

— Я всего лишь хотел передать вот это, — я достал кошель Неллера и бросил на

кровать. — Затем и пришел.

— Деньги? — Эдерли схватил кошель, раскрыл, заглянул внутрь. — Превосходно. Теперь я смогу закончить свой проект.

— Очень рад за вас.

— Это вы так шутите? Вы же даже не знаете, чем я занимаюсь.

— Наверняка чем-нибудь эпохальным.

— Именно так — эпохальным! Самое верное слово. — Эдерли шагнул к одной из полок, взял в руки мятый и потрепанный на торцах свиток и подал мне. — Ознакомьтесь!

На свитке были рисунки, сделанные красными чернилами. Что-то вроде картинок из анатомического атласа, изображающих части человеческого скелета — берцовые и плечевые кости, таз, череп и прочее, — соединенные с металлическими рычагами, шарнирами и непонятными шестеренчатыми конструкциями. Возле каждого рисунка были пометки, но прочесть их я не смог — пометки были написаны шифром.

— Биомеханика? — спросил я.

— Какое верное слово! — Эдерли просиял. — Я все думал, как лучше назвать это направление моей работы. Да-да, именно биомеханика. Хорошо, очень хорошо. Биомеханика, как способ создания принципиально нового типа живого существа. Соединение мертвого и живого.

— Не сомневаюсь, что работа идет успешно, — заметил я.

— Как раз нет. Соединить части человеческого тела и металлические детали сможет любой ремесленник. А вот как оживить уже готовую конструкцию? Можно использовать некромантию, но это неприятно. Очень неприятно. Я пробовал. Эффект ужасающий.

— Один вопрос, мэтр: а зачем все это нужно?

— Вы не догадываетесь? Идеальные работники, идеальные слуги, идеальные солдаты — разве мало? А еще ваше тело получает уникальные возможности. Вы станете сильнее лошади и быстрее оленя.

— Идеальные слуги и идеальные солдаты чаще всего создаются куда более простыми средствами, — заметил я. — И магия почти всегда не нужна. Промывка мозгов куда более эффективна.

— Вы маг? — Эдерли прищурился. — Или союзник?

— Я просто искатель приключений.

— Значит, вы не маг. И при этом смеете судить о вещах, в которых ни пса не смыслите.

— Всего лишь пытаюсь понять, зачем это нужно.

— Ваша тупость непроходима, — Эдерли поморщился. — Хорошо, объясню доступным языком. Вы полководец, и вам следует набрать солдат. Обычного солдата Джона надо кормить, поить, платить ему жалование, он может струсить в бою, перебежать к врагу и выбывает из строя при сильном ранении. Моего солдата — назовем его Железным Джоном — кормить не надо. Денег он не требует, никогда не изменит, выполняет все приказы, в бою почти неуязвим и пойдет за вами в огонь и в воду. А главное, — тут Эдерли многозначительно поднял палец, — он стоит больших денег. Очень больших. Можно хорошо заработать.

— Резонно, — согласился я. — Желаю успехов в вашей работе.

— Спасибо, спасибо... Погодите, вам прислал Неллер, так? Значит, вы работаете на него?

— Неллер предложил мне подружиться с вами и попробовать поработать вашим

напарником. Однако не думаю, что вам понадобится помощь идиота.

— Ну, я не хотел вас обидеть. А что вы умеете делать?

— Пока сам не знаю.

— Вот как? — Волшебник посмотрел на меня исподлобья, потер подбородок. — Не маг, не воин, не опытный вор. И Неллер послал вас ко мне?

— Неллер всего лишь сказал, что я могу рассчитывать на вашу помощь. Возможно, он ошибся.

— Погодите, не надо делать такое лицо. Я не отказываюсь от вашей службы. Просто думаю, как вас лучше использовать.

— "Проклятье, этот заумный придурок еще и раздумывает, как меня использовать, — подумал я, глядя на мага. — Это я еще подумаю, стоит ли связываться с сумасшедшим!"

— Прежде чем я приму решение, я хочу выслушать вашу историю, — внезапно сказал Эдерли. — У вас же есть история?

— Я Сандер из рода Стормов, младший сын барона Россарта. И рассказывать истории не умею.

— Жаль, я бы послушал. Люблю слушать, когда рассказывают о себе. Но мне все равно, кто вы. И если хотите работать со мной, вам придется доказать свою пригодность. Выполните одно простенькое задание, и тогда я пойму, что с вами можно иметь дело. Согласны?

— Что за задание?

— В Орандурской королевской библиотеке есть старинная книга, которая называется "Преображение Хоквуда". Достаньте эту книгу, и я буду работать с вами.

— Вы предлагаете мне украсть книгу?

— Я не вижу другого способа ее заполучить.

— А почему вы сами не попытаетесь ее добыть?

— В Орандуре за мою голову объявлена награда. — Тут Эдерли посмотрел на меня с пренебрежением. — Впрочем, если вы считаете, что задание вам не по силам, не смею задерживать.

— Хорошо, я попробую.

Мой смартфон немедленно отозвался мелодичной трелью. Я получил следующее сообщение:

Задание "Найти мага" выполнено.

Добавлено задание "Не читайте колдовских книг".

— Что это за книга? — спросил я, пряча смартфон.

— Это просто старая книга, — ответил Эдерли, продолжая смотреть мне за пазуху. — Очень старая и ценности не представляющая.

— Однако вы ее хотите заполучить.

— У магов есть свои профессиональные секреты, молодой мастер. Постарайтесь сделать все побыстрее. И будьте осторожны: орандурские законы весьма суровы, за кражу королевского имущества положена пожизненная каторга на Брикингемских золотых приисках. Это все. Второй кровати у меня нет, так что вам придется поискать себе ночлег. Было приятно побеседовать с вами.

Следующие три дня я находился в дороге. В этот раз мне не пришлось путешествовать с купцами: каждый день рано утром в Орандур из Эттбро отправлялась большая дорожная карета, что-то вроде дилижанса. Стоило это удовольствие всего шесть копперов, или одну двадцатую серебряного кварта. Путешествовал я в компании трех паломников, направлявшихся в монастырь Истинных Добродетелей в Альдре, столице Орандура. Поскольку во время путешествия паломники не доставали меня разговорами, а все больше молчали и сосредоточенно читали свои молитвенники, меня их общество не особо напрягало.

Смартфон продолжал снабжать меня полезной информацией. Я узнал, что Орандур (между прочим, моя историческая родина по легенде!) — это маленькое княжество, расположенное в самом центре Десятигорья между Вальзератом, Висландом, Вулафторном, Валь-Арданом и Инковарном, у подножия Волчьих гор, самой высокой вершиной которых является Двуглавая гора — место, где расположены цитадели магов Санктур и Тойфельгартен. Площадь Орандура около двадцати тысяч квадратных километров, крупных городов всего два — Альдре и Маршевель. Княжество славится своими виноградниками, орандурские вина ценятся по всему Десятигорью. Еще здесь производят сукна, хмель, стеклянную посуду, плавят медь и золото и выращивают тонкорунных овец. Уже более трехсот лет Орандуrom управляют князья из династии Маверлингов и последний из них, Брунс Маверлинг занимает престол уже почти сорок лет. У княжеской фамилии более двухсот шестидесяти тысяч подданных: орандурцы отличаются воинской доблестью, гордым нравом и большим жизнелюбием. Еще в Орандуре множество мест, священных для религиозных людей, например, Святая Купель в церкви Гром в Маршевеле, или же Ворота Света близ столицы. И еще, на востоке Орандура, как раз на границе с Вальзератом расположены земли эрлинга Россарт, наследником которых я как бы являюсь.

Забавно.

Итак, наш тарантас доехал до пограничной деревни, там паром перевез нас через реку Лашер, и я оказался на территории княжества. Стражники на пропускном пункте получили по полкварта въездной пошрины, и карета весело покатила дальше по дороге, ведущей прямо в Альдре, где находилась конечная цель моего путешествия, Орандурская королевская библиотека. Пейзаж по обе стороны дороги совершенно не изменился — все те же зеленеющие апрельскими всходами поля с разбросанными по ним рощицами и крестьянскими хуторами, стада овец и пестрых комолых коров, крошечные дорожные часовенки и пирамидки из камней, выполняющие роль верстовых столбов.

Уже смеркалось, когда мы подъехали к стенам Альдре. В воротах города нас вновь остановила стража. Здесь паломников обязали платить, а меня капитан стражи удивил — глянув на меня и задержавшись взглядом на моем мече, лишь поклонился и пожелал приятного пребывания в столице. Нет, я определенно молодец, выбрав класс с особым талантом "Благородное происхождение"!

— Рекомендую гостиницы "Одинокая Сова" и "Пурпур и золото", — добавил капитан. — Там лучшие в городе стол и постель.

— Благодарю, добрый сэр, — ответил я, и процедура допуска в город была окончена.

Карета привезла нас в центр Альдре. Здесь паломники исчезли тихо и быстро, а я еще

погулял немного, пока стража не начала зажигать уличные фонари. Город мне понравился — куда чище, чем Донкастер, дома ухоженные и люди приветливые. От одного из прохожих я узнал, как дойти до гостиницы "Одинокая сова" и через четверть часа уже стоял у ее дверей.

В заведениях такого класса не бывает много народа — цены тут на все высокие. Поэтому в зале гостиницы находилось лишь три человека, не считая хозяина и подавальщицы. Толстый хорошо одетый господин, по виду купец, сидел за столом и что-то писал в большой книге: сидевшая рядом с ним молодая женщина в высоком чепце несколько раз стрельнула в меня глазами, а когда я улыбнулся ей в ответ, сразу опустила взгляд. Еще один человек, закутанный в длинный темный плащ с капюшоном, сидел у пылающего очага ко мне спиной. Хозяин, дородный осанистый мужчина с роскошными усами, немедленно шагнул мне навстречу.

— Добро пожаловать, милорд! — пробасил он, поклонившись. — Я Венсан Скорак, хозяин этого доброго и гостеприимного приюта для путников. Достойным господам в моем заведении всегда рады. Располагайтесь как дома.

— Благодарю. У вас есть комнаты?

— Разумеется, милорд. Обычный гостевой номер обойдется вам в полтора кварта в сутки, княжеские апартаменты в три. Стол и уход на лошадью входят в стоимость номера.

— У меня нет лошади. — Я был удивлен: вальзератские трактирщики не отличались изысканностью речи, этот же господин говорил так, будто всю жизнь проработал дворецким у какого-нибудь герцога. — Я пожалуй, сниму у вас комнату на неделю.

— Два денария, милорд. Расписки банка Гуффера также принимаются.

— Отлично. А где я могу найти отделение банка?

— На Кленовой улице, милорд, это совсем недалеко отсюда.

— Что ж, лучше не придумаешь. — Я положил в широкую как совковая лопата ладонь хозяина два золотых.

— Номер три в вашем распоряжении, милорд. Сейчас прикажу жене, чтобы застелила для вас постель. Подать вам ужин? Имеется говяжье рагу с грибами, каплуны, молодой барашек по-деревенски, карп в сметане, на десерт сливовый пудинг и яблочный пирог. Что прикажете?

— На ваш выбор, — ответил я и сел за ближайший стол.

Чего может пожелать любой человек после утомительной и долгой дороги? Правильно — возможности отдохнуть с комфортом в спокойном и приличном месте. Мне казалось, что я получил желаемое. Женщина в чепце больше не поглядывала на меня, ее спутник был занят своими записями, человек в плаще с момента моего появления в гостинице даже не повернул головы. Подавальщица с улыбкой преподнесла мне на подносе рюмку какой-то зеленоватой крепкой настойки, похожей на ликер-бехеровку, от которой тепло пошло по всему телу и аппетит разыгрался еще больше. Но как только я настроился на идиллический лад, за дверями гостиницы послышался шум, мгновение спустя дверь распахнулась под ударом, и в зал вошли три парня весьма неприятного облика. Судя по тому, как повел себя хозяин, он явно знал этих молодцов и боялся их.

— Старина Гош! — воскликнул один из этой троицы, невысокий крепкий блондин с мускулистыми, сплошь покрытыми татуировками руками и наглым взглядом. — Принимай гостей, заешь тебя демоны!

Трактирщик ничего не ответил, лишь закивал головой угодливо, засуетился. Вид у него

был самый несчастный и испуганный. Блондин между тем окинул взглядом зал, задержал его на женщине в чепце, что-то сказал негромко своим спутникам. Те загоготали.

— Гош! — крикнул блондин. — Помнишь, какой нынче день?

— Ээээ.... суббота, кажется, — промямлил трактирщик.

— Последняя суббота месяца, — поправил блондин. — Ты знаешь, что тебе делать, так ведь?

— Конечно, сударь Лукаш, конечно...

— Стоп, а это у нас кто? — Блондин шагнул к человеку в плаще, продолжавшему сидеть неподвижно и безмолвно. — Да у нас тут кан гостит, чтоб мне сдохнуть! Надо же! Давненько я тут не видывал руатских мартышек. Эй, кан, чего молчишь? Чего морду под капюшоном спрятал?

Человек в плаще ничего не ответил, даже не шелохнулся. Трактирщик подошел к блондину и протянул что-то — видимо, деньги в маленьком мешке, — но Лукаш оттолкнул его.

— Погодь, папаша Гош, не до тебя покамест! — заявил он. — Тут у нас молчуны завелись. Даже поздороваться не хотят.

— Что тебе надо? — ответил человек в плаще, по-прежнему глядя на пламя в камине.

— Чего мне надо? — Рэкетир аж задохнулся от возмущения. — Это что тебе тут надо, рвань канская! Сидишь в моем городе, пьешь мое вино, ешь наш хлеб. Тут не жалуют чужаков, особенно проклятых кан. Понял, чего говорю?

— Понял. Ты все сказал? — Темный плащ все же глянул на Лукаша. — Если все, тогда иди с миром. Не до тебя мне.

— Эй, ты что не понял? — Лукаш схватил приезжего за плечо. — А ну выме...

Договорить он не успел: молниеносный удар локтем в живот свалил его на пол. Еще секунда ушла у темного плаща, чтобы двумя ударами уложить обоих спутников блондина. Однако Лукаш уже поднимался с пола, и в руке у него был нож.

— Сзади! — крикнул я, предупреждая человека в плаще.

Он услышал, обернулся и ногой врезал Лукашу в пах — рэкетир грянулся носом в половицы и взвыл от боли и ярости. Потом отшвырнул носком сапога выпавший нож прямо в камин. Очень вовремя, потому что сбитые с ног бандиты поднялись и пошли в новую атаку. Впрочем, человек в плаще быстро все разрулил: направленный ему в лицо удар первого головореза он перехватил каким-то хитрым захватом, заломил руку, заставив бандита зареветь раненым медведем, швырнул его прямо на второго, и оба они отлетели прямо на шкаф с посудой, которая со звоном посыпалась на пол. Подхватив ошеломленных врагов за шкирки, темный плащ потащил их к дверям зала и выставил их на улицу пинками. Потом вернулся к Лукашу, который корчился на полу, держась за низ живота.

— Иногда приготовление яичницы может причинить боль, — сказал темный плащ. — Сам встанешь, или тебе помочь?

— Я....ааааа....тебя...убьюуююю! — всхлипывал Лукаш. Кровь из разбитого при падении носа залила ему все лицо.

— Многие это говорили, но пока ни у кого не получалось. — Незнакомец схватил Лукаша под руки, подволок к двери и вышвырнул на свежий воздух той же методой, что и пару секунд назад его спутников. Сполоснул руки в кадке у двери, вытер их о плащ и подошел ко мне.

— Я бы одолел этих бандитов без труда, — сказал он. — Но я благодарен тебе за

предупреждение.

— Не стоит благодарности, — ответил я.

Человек усмехнулся и распахнул плащ, продемонстрировав мне мелкого плетения кольчугу и висевшие на широком кожаном поясе два длинных широких кинжала в украшенных чеканками ножнах.

— В Руатских горах без оружия никуда, слишком много медведей и волков, — сказал он. — Города айслингов куда безопаснее.

— Ловко ты их, — произнес я с уважением. — Красиво все смотрелось.

— Я Джи Кей, — представился незнакомец, протягивая мне руку.

— Сандер Сторм, барон Россарт, — я ответил на рукопожатие. — Будем знакомы.

— Позволь, я тебя угощу, — предложил Джи Кей. — Хозяин, пива нам!

Корчмарь, все еще бледный и напуганный, принес две большие глиняные кружки с пивом. Мы чокнулись. Джи Кей наконец-то сбросил с головы капюшон, и я мог его хорошо разглядеть. Сразу вспомнилась Эплбери — этот парень словно ее братом-близнецом был. Совсем молодой, может, мой ровесник, а может, еще моложе. Правильное тонкое лицо, огромные глаза под густыми сросшимися бровями, длинные темные волосы, зачесанные назад и схваченные на затылке в конский хвост. Парня, видимо, смутил мой внимательный взгляд.

— Чего ты меня разглядываешь? — спросил он.

— Да просто подумал, что ты на одну мою знакомую очень похож. У тебя сестры нет?

— Нет, а что?

— Да так, ничего. Чем занимаешься в Альдре?

— Я здесь проездом. Ехал с севера, из Оссланда, решил передохнуть немного. Только сегодня приехал.

— Путешествуешь? Хорошее дело.

— Одного гада ищу, — сказал Джи Кей. — Езекия Борг, не слышал о таком?

— Не приходилось. Что он натворил?

— Убил мою жену и ребенка.

— Сочувствую. Хочешь его убить?

— Сначала найду и в лицо ему взгляну. — Глаза парня потемнели. — А потом решу, что с ним делать.

— Что случилось?

— В нашу деревню приехал этот человек, Борг. Он говорил всем, что великий маг и целитель и продавал волшебный напиток здоровья по денарию за флакон. Рассказывал, что этот напиток приготовлен на живой воде, секрет которой ему открыл сам Джозеф Джаримафи.

— Даже так? — Я насторожился. — И что было потом?

— Альмара в это время носила нашего первенца, была на третьем месяце беременности. Она хотела, чтобы наш малыш родился сильным и здоровым и купила у проклятого мага два флакона этого зелья. Снадобье Борга оказалось ядом. Альмара умерла через два дня у меня на руках.

— Ты уверен, что причиной смерти стало это зелье?

— Уверен, — лицо Джи Кея стало совсем мрачным. — Жидкость из второго флакона я дал попробовать нашей собаке, и она издохла.

— Каков подлец! И что было дальше?

— Дальше? Моя жизнь кончилась. Все, чего я хочу с того страшного дня — это найти Борга и отомстить.

— Я бы наверное этого Борга голыми руками на части разобрал, — искренне признался я. — Очень, очень сочувствую тебе, друг.

— Это еще не все. Самое страшное началось потом.

— Вот уж не знаю, может ли быть что страшнее смерти жены и ребенка.

— Может. Я тебе говорил, что испытал зелье на собаке, и Чарк издох. Я зарыл его в саду. На седьмую ночь после смерти жены меня разбудил вой собаки. Я вышел во двор и увидел Чарка — он сидел у калитки и выл.

— Он... ожил?

— Я не знаю. Я схватил топор и побежал к нему, но пес перепрыгнул через калитку и убежал. Я решил осмотреть место, где закопал собаку и обнаружил, что могила разрыта — просто яма и земля вокруг. Утром я отправился на кладбище, на могилу жены. Знаешь, что я там увидел?

— Могила была пуста, — ответил я, холодея.

— Верно, — Джи Кей одним глотком допил остатки пива в кружке. — Хозяин, еще пива!

— Ужасно. И что ты сделал?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Не рассказал родителям Альмары, старосте — никому. Понял, что нельзя ничего никому говорить. Просто решил подождать.

— Даже боюсь спросить, чем все закончилось.

— Она пришла ночью. — Джи Кей перешел на шепот. — Вся в земле, со следами разложения на лице, и глаза ее горели, как алые звезды. Просила о последнем прощальном поцелуе. От нее пахло смертью, айслинг. И я отрубил ей голову. Одним ударом отрубил. А потом оттащил тело на окраину села и сжег в яме. Она горела, а я сидел над ямой и выл, как волк. Сжег ее, вернулся домой, собрал свои вещи и ушел из деревни. Навсегда.

— Да уж, жуткая история! — Я почувствовал ледяной озноб во всем теле. — И сказать нечего.

— Борг мне ответит за все, — сказал Джи Кей. — Я заставлю эту гадину пожалеть с содеянным. Жаль только, мою любимую не вернуть. Но я знаю, она теперь в Светлых Садах. Ее душа спасена, и я увижусь с ней, когда придет мой час.

— Еще раз прими мои соболезнования, — сказал я и пожал его запястье. — То, что ты рассказал, действительно страшно.

— А тебя что привело в этот город? — внезапно спросил Джи Кей.

— Странствую, смотрю мир, — я решил не откровенничать с ним, не очень-то доверяю случайным знакомым. — Считаю, бездельем маюсь.

— У тебя отличный меч, — заметил Джи Кей. — Такой у деревенского кузнеца не купишь.

— Меч как меч. Еще по одной? Я закажу.

— Нет, не стоит. Я и так отнял у тебя много времени, — Джи Кей протянул мне руку, и я ее пожал. — Удачи тебе в твоих странствиях.

— И тебе того же.

Он запахнул плащ, вновь покрыл голову капюшоном и быстрой походкой вышел из гостиницы. Я проводил его взглядом и подумал, что этот совсем еще молодой человек пережил ужасную трагедию. Развить мысль не получилось — ко мне подошла

подавальщица, которая принесла мой ужин, и горячее приправленное перцем и куркумой баранье жаркое и отличный яблочный пирог заставили меня забыть о недавних событиях и печальном разговоре.

Глава седьмая: Ночь полной луны

Дорога от Грендана до вальзератской границы прошла без приключений. Я даже смог поспать в карете. Отдохнув и осмыслив события минувшего вечера, я был почти уверен, что в Грендане меня "пасли" местные бандиты — от убийц, подосланных ведьмами или Пьереном, я бы так легко не отделался. Но совсем спокойно у меня на душе стало лишь в тот момент, когда дилижанс пересек границу Вальзерата.

Сразу по прибытии в Эттбро, я отправился к Эдерли. Дорога меня сильно утомила, очень хотелось вымыться и поесть, но я решил, что успею заняться собой позже. Чертов волшебник долго не открывал мне дверь и был очень удивлен, увидев меня на пороге.

— С чем опять пожаловали, молодой бродяга? — спросил он самым недовольным тоном. — Снова ходим, мешаем, будим, не даем наслаждаться утренним сном?

— Заткнись и дай войти, — ответил я и шагнул за порог.

— Еще и грубим? — Эдерли упел руки в бока. — Что за...

— Ты просил книгу, вот она, — я достал "Преображение Хоквуда" из сумки и протянул магу. — Работа выполнена, давай мою награду.

Мой смартфон немедленно тренькнул, оповещая о новом послании. Вот что я прочитал:

Задание "Не читайте колдовских книг" выполнено.

Задание "Найти мага" выполнено.

Получено: расположение Эдерли.

Добавлено задание: "Косвенные улики".

— Это она! — Эдерли смотрел на меня округлившимися от изумления глазами. — Клянусь четырьмя стихиями, это она! Как же вам удалось это сделать?

— Удалось, и все тут, — буркнул я. — Так и будем в дверях разговаривать?

— Нет-нет, пойдемте! Всесильные Высшие, это она самая....

Комната, в которой я побывал несколько дней назад, особо не изменилась, только постель была разобрана (я углядел, что простыни на которых спал Эдерли были старыми и рваными), и на маленьком столике в углу стояли бутылка с вином, наполовину наполненный бокал, нарезанный круглый хлеб на дощечке, блюдо с жареной курицей и ваза с фруктами — видимо, Эдерли собрался позавтракать, а я ему помешал.

— Ты говорил у тебя вина нет, — съязвил я.

— Вина? — Эдерли оторвался от книги. — Ах, вина... Угощайтесь!

Он махнул рукой, и на столе появился еще один бокал. Понятия не имею, как Эдерли этот сделал. Я наполнил бокал до краев и пригубил: вино было дешевым, кислым, с неприятным сернистым запахом.

— Если бы вы знали, как я давно мечтал иметь эту книгу! — продолжал изливать свои эмоции маг. — Семнадцать лет я искал способ ее заполучить. И вот она у меня! Это настоящий праздник!

— И что такого особенного в этой книге? — спросил я, отламывая у курицы ножку.

— Ничего. Вы сами читали "Преображение Хоквуда"?

— Я не читаю колдовских книг.

— Это не колдовская книга, — обиженным тоном заявил Эдерли. — Это замечательно написанная биография великого волшебника древности Хоквуда из Элеры. Просто я очень хотел обладать этой книгой.

— Так. — У меня сразу пропал аппетит. — И ради этой книжки я рисковал своей шкурой?

— Я читал ее в юности, будучи учеником мага Аврициуса, был так восхищен прочитанным, что потом дважды перечитывал и...., - Эдерли смолк и с тревогой посмотрел на меня. — Что-то не так?

— Все так. Я в восторге, что оказал вам великую услугу, — я отвесил магу издевательский поклон.

— Теперь я вижу, что могу на вас рассчитывать, мастер Сандер.

— Весьма тронут. И что теперь? Опять предложите украсть для вас какой-нибудь сборник сказок?

— Нет, и еще раз нет. Присядьте на этот стул, да-да, на этот. И все-таки, как вам удалось увести книгу из Орандурской библиотеки?

— Удалось и все тут. Ближе к делу, почтенный, мое время так же драгоценно, как и ваше.

— Как скажете. Я попрошу вас съездить в Кадуорс — это замок недалеко от границы с Валь-Арданским королевством. Тамошний лорд очень влиятельный человек в Вальзерате и родственник самой герцогини. В его владениях происходят нехорошие вещи. Дело несомненно связано с темной магией, поэтому привлекать светские власти нельзя.

— Что за дело?

— Лорд Кадуорса вам все объяснит.

— Почему вы сами не займетесь этим делом?

— Потому что мои исследования еще не закончены. Я должен довести их до конца и не могу рисковать жизнью.

— Восхитительно! — Меня даже восхитила наглая откровенность Эдерли. — А моя жизнь ничего не стоит, не так ли?

— Вы неправильно меня поняли, да-да, неправильно! И я не отказываюсь помочь вам. Вы получите очень хорошие эликсиры моего собственного изготовления.

— А я вот думаю, не послать ли тебя к черту.

— Дело ваше. Только глядя на ваши великолепные мечи, я сейчас подумал, что они просто украшают вашу персону. Как серьги женщину.

— Не нарывайся, маг, — сквозь зубы процедил я, — не то...

— Вы хотели работать со мной, теперь отказываетесь.

— Я хотел работать с вами, а не за вас.

— Вы обещали Неллеру помогать мне. Словом, выполните это задание, а дальше можете посылать меня куда угодно.

— Ладно. — Я хлопнул себя ладонью по ноге. — Еще раз поверю тебе, маг. Как мне добраться до Кадуорса?

— Сначала нужно доехать до Донкастера, оттуда через Данмут на юг. Если ехать верхом, вся дорога займет двое суток.

— У меня нет лошади.

— Так купите, — Эдерли залез в кошель на пояс и подал мне пять денариев. — Лучшие лошади продаются в конюшнях Эмбера возле скотного рынка. Желаю удачи.

***

После визита к Эдерли я снял номер в лучшей в Эттбро гостинице "Роза и единорог", потребовал в комнату горячей воды и, отмывшись и плотно пообедав, завалился спать. Проспал я до рассвета и, проснувшись, почувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Через час я уже был на скотном рынке и без труда нашел конюшни Эмбера. Здесь было много лошадей на продажу, что называется, на любой вкус: лошади для путешественников стоимостью от десяти до пятнадцати квартов и специально выдрессированные кони для рыцаря, стоившие на порядок дороже. После некоторых раздумий я купил спокойного серого мерина-шестилетку по кличке Григ за двенадцать серебряных монет. Еще один золотой ушел на сбрую и седло. Поскольку таланта "Жокей" у меня не было, а в прошлой жизни я ни разу не ездил верхом, я не без опаски забрался в седло. Но Григ оказался умницей — даже не попытался сбросить меня, и через некоторое время я вполне освоил азы верховой езды. Вернувшись в гостиницу, я закупил продуктов и воды в дорогу для себя, и ячменя для Грига, прочитал инструкции Эдерли к эликсирам, которые они мне дал, — первый втрое усиливал силу, ловкость и живучесть, второй назывался "Антиморок" и нейтрализовывал заклинания внушения, — и уже до полудня выехал из Эттбро на широкий тракт, ведущий в Данмут.

Путешествие верхом — незабываемое удовольствие. Единственным недостатком моего четвероногого друга было то, что мерин никак не хотел идти со скоростью больше пятнадцати километров в час, но меня это вполне устраивало. Как говорят в народе: "Тише едешь — шире морда". Так мы добрались до маленькой деревни, где я пообедал купленными в Эттбро хлебом и сыром, а местный кузнец за пару медяков проверил подковы Грига. Заночевал я на одиноком хуторе, хозяин которого за небольшую плату предоставил мне сеновал, а Григу навес во дворе. Утром я добрался до Данмута, в город заезжать не стал и, расспросив людей в предместье о дороге на Кадуорс, направился на юг, в сторону видневшихся на горизонте Мрачных гор. Местность изменилась — теперь я ехал через невысокое, заросшее лиственным редколесьем всхолмье. Пейзаж был самый живописный, однако ближе к вечеру небо начало хмуриться, и я всерьез опасался, что меня в дороге застигнет дождь, но напрасно. Еще до заката я добрался до большой деревни под названием Вилькор.

— Мы люди лорда Грауса, твоя милость, — сообщил мне крестьянин, тащивший на волокуше огромную вязанку хвороста. — Это евошние земли, до самой реки.

— А далеко ли до Кадуорса?

— Лиг пять, не больше, твоя милость. За берегом Шелюза как раз по землям Кадуорсов поедете. Только после заката не ехали бы вы туда.

— Это почему? — поинтересовался я.

— Страшно там, а почему страшно, лучше не спрашивайте, все равно ничего не знаю и не скажу.

Я дал скрытному крестьянину медяк и поехал дальше, раздумывая над его словами. На постоялом дворе Вилькора я получил за четыре медяка крохотную комнатку, где едва умещалась неудобная кровать с периной и подушкой, набитыми соломой, порцию жареной

баранины и кружку кислого водянистого пива. Хозяин постоянного двора, узнав, куда я еду, тоже оптимизма не выказал, напротив, сокрушенно покачал головой и тут же поспешил перейти на другую тему. Спал я плохо, у меня сильно разболелась спина — видимо, сказывались два дня, проведенные в седле. Так что, едва забрезжил рассвет, я собрался, забрал с конюшни Грига и поехал в Кадуорс.

Дорога вывела меня к мосту через широкую, бурную, с коричневой от глины водой и обрывистыми берегами реку Шелюз, и здесь я увидел любопытную картину. Охранявшие мост стражники препирались с каким-то молодым человеком в поношенном бархатном камзоле и шапочке с пером, который требовал пропустить его на другой берег.

— Сказано тебе, твоя милость, поворачивай оглобли! — говорил старший из стражников. — Во владения милорда никому без особой надобности въезжать не дозволено.

— По какому праву меня не пускают? — горячился парень. — Это нарушение всех вольностей и Королевского Статута. Требую пропустить меня в Кадуорс!

— У своей подружки будешь требовать, приятель, — отвечивал стражник, — а у меня приказ его милости лорда Кадуорса чужих в его земли не пущать.

— Чужих? — спросил я, подъехав ближе. — А ежели человек по делу едет?

— Дела, они разные бывают, — стражник посмотрел на меня без малейшей приязни. — Кто будешь, твоя милость?

— Барон Сорм. Мне нужно проехать в Кадуорс. — Для пущей убедительности я показал стражнику вальзератский перстень.

— Покорный слуга твоей милости. Можете проезжать.

— Как же так! — возмутился парень. — Этого пропускают, а меня нет.

— Мне что его благородие милорд приказал? Никого в его земли не пущать без особых на то оснований, — с самым важным видом парировал стражник. — Особливо разную подозрительную голытьбу.

— Это я голытьба!? — У парня аж дыхание перехватило от возмущения. — Да мой род один из древнейших в Валь-Ардане! Семейство де Сарвиль с королевской семьей в родстве, а ты нас голытьбой называешь, хам?

— Ты сначала дырки на штанах зашей, а потом глотку дери, — посоветовал цербер. — Ишь ты, де Сарвиль он будет! Сормов Орандурских мы знаем, а про де Сарвилей и не слыхивали.

— Возмутительное свинство! — Парня буквально трясло от злобы. — Ну погодите, я еще припомню вам все это!

Окончание спора я не слышал, поскольку отъехал уже достаточно далеко от всей честной компании, да и, признаться, не было у меня желания терять время. Сразу за мостом располагалась деревня Болье, куча убогих крытых тесом и соломой домов, облепивших склоны холмов по обе стороны от дороги. Я проехал ее под остервенелый лай множества собак, которые сбежались со всего села и прямо бросались под копыта Грига. Корчмы в Болье не оказалось, да и время было еще раннее, поэтому я решил продолжать путь до замка Кадуорс.

Родовое гнездо Кадуорсов возвышалось на каменистом холме сразу за выездом из Болье. Выглядел замок весьма и весьма внушительно, настоящая крепость, сложенная из серого камня, с высокими башнями и боевыми балконами на стенах, да еще и окруженная рвом. Кстати, мост через ров был поднят, и мне пришлось довольно долго ждать, пока охрана замка не соизволит опустить мост, чтобы я мог проехать к воротам. Встречал меня в воротах

один из оруженосцев лорда Кадуорса, светловолосый малый лет восемнадцати, которого буквально распирало от чувства собственного величия. Уверенности и наглости ему определенно добавлял десяток латников с мрачными рожами, выстроившихся за его спиной.

— Барон Сторм? — переспросил он, когда я представился. — Старый барон Джернон Сторм умер, а эрлингом Россарт сейчас владеет его сын и наследник Пьерен Сторм.

— Я младший сын Джернона Сторма. И приехал сюда по поручению мэтра Эдерли.

— Его светлость милорд Белзон Кадуорс не ждет гостей, — заявил наглец. — Не угодно ли человеку, называющему себя сыном барона Сторма, пояснить, что привело его в замок милорда?

— Что привело? — Я почувствовал сильнейшее желание съездить сопляку по морде. — Повторяю для особо интеллектуальных особей: меня прислал маг по имени Эдерли. Еще раз повторить, или дошло?

— Вам придется сдать ваши мечи и иное оружие, прежде чем вам будет позволено...

— Сдать мечи? — Я спешился, подошел вплотную к оруженосцу. — Нет уж, дружочек. Я лучше развернусь и уеду, а твой лорд пусть сам разгребает свои дела. Такое вот встречное предложение.

— Сеймон, пропусти этого человека! — раздался громкий и властный голос.

Хозяин замка стоял на крыльце донжона, заложив руки за пояс. Рослый, могучего вида мужчина чуть за сорок с бледным лицом и великолепной окладистой бородой, которая вызвала бы зависть у любого хипстера.

— Милорд, — сказал я и поклонился.

— Я Белзон Кадуорс, шестнадцатый барон Орвик, — представился бородач. — Ты сказал, тебя прислал Эдерли, верно?

— Истинно так.

— Клинки у тебя великолепные. Надеюсь, хозяин клинков достоин своего оружия.

— Об этом не мне судить, милорд.

— Слова, достойные воина. Добро пожаловать в замок! Следуй за мной, мои люди позаботятся о твоём коне.

Барон привел меня в большой зал донжона, место весьма примечательное, поскольку роскошь и убожество соседствовали тут самым причудливым образом. Колонны вдоль стен, на которые опирался свод, были из тесаного камня, с вмурованными в них железными поставцами для факелов или фонарей, а вот поперечные стропила были деревянными, потемневшими от копоти и жира: гобелены на стенах в промежутках между колоннами побили время и моль, чугунные решетки и таган в громадном камине были самой грубой работы. Бархатные скатерти на обеденных столах покрывали пятна, сами же столы были сколочены из неструганных досок и брусьев. Убитый земляной пол был посыпан тростником. Кресло лорда на каменном возвышении в центре зала тоже не отличалось изысканной работой, однако стояло на роскошном ковре. Несколько больших собак, разгуливавших по залу, зарычали, завидев чужака, но лорд громко свистнул, и они затихли.

— Садись, — Кадуорс показал мне на лавку у возвышения, сам сел в кресло. — Если ты и впрямь сын старого Сторма, то можешь говорить со мной сидя.

— Благодарю, — я сел, положив мечи на лавку рядом с собой. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

— Эдерли нашел необычного наемника, — сказал, наконец, Кадуорс.

— Моя родословная не должна смущать вас, сэр.

— Я буду говорить с тобой как равный с равным. Эдерли объяснил тебе, в чем суть дела?

— Нет. Лишь сказал, что в ваших владениях происходят нехорошие вещи.

— Нехорошие! — Кадуорс усмехнулся. — В Кадуорсе, Болье и Аджизене вряд ли найдется человек, мужчина, женщина или ребенок, которые в последние два месяца спокойно спали бы хоть одну ночь! Даже я за стенами замка чувствую себя неуютно. Особенно когда слышу по ночам вой Стаи.

— Стая? Что за Стая?

— Этого не знает никто. Ее первой жертвой стала семья Моро, прежнего эшевена Кадуорса, все семь человек. После были еще погибшие.

— Звучит страшновато. И что я должен сделать? — У меня появилось ощущение, что проклятый Эдерли опять втравил меня в дерьмовую историю. — Уничтожить Стаю?

— Уничтожить? — Барон невесело рассмеялся. — Это не так просто, молодой мастер. Одному тебе это не под силу. Есть другой способ.

— Какой же?

— Нужно найти того, кто мог наслать Стаю на мои земли. Покончив с ним, мы избавимся от тварей. Для того я и хотел нанять этого прощельгу Эдерли. Но он прислал тебя.

— Понятно. Полагаю, у этой истории было какое-то начало, милорд?

— Было. Два месяца назад в Кадуорсе была избличена и казнена ведьма. В первое полнолуние после ее казни пришла Стая.

— Милорд думает, что это месть?

— Неважно, что я думаю, — неожиданно грубо ответил лорд Кадуорс. — Стая пришла в мои земли, и убивает моих людей. Покончи со Стаей, и наградой тебе будет двести денариев и моя вечная благодарность. Вот, возьми, это задаток, — барон стянул с правой руки черную перчатку из узорной кожи, запустил пальцы в кошель на поясе и подал мне несколько золотых. — О размере награды Эдерли можешь не говорить.

— С чего начать?

— Поговори с новым эшевеном в Кадуорсе и нашим священником, отцом Парисом. Если нужна какая-то помощь, сразу иди ко мне, получишь все, что необходимо. И поспеши — новое полнолуние случится уже через четыре дня. Мы и так потеряли очень много времени.

***

Дом эшевена находился в центре Кадуорса, недалеко от сельского храма. Дверь мне открыл старший сын хозяина. Сам эшевен, могучий лысый человек с взлохмаченной бородой, был в горнице, переливал содержимое маленького бочонка в глиняные кувшины. Судя по запаху, перебившему все прочие сомнительные ароматы в доме, в бочонке была крепкая брага. Мой визит его совершенно не обрадовал.

— Его милость прислал, говоришь? — спросил он, выслушав меня. — Коли так, то спрашивай, чего знаю, расскажу. Только немного мне известно, сразу говорю.

— Про ведьму расскажи. Что за ведьма?

— А чего про нее рассказывать? Жил у нас в Кадуорсе старикашка Жермон с двумя сыновьями. Когда война с Висландом случилась, барон Белзон обоих сыновей в свой отряд

взял лучниками, да так они с войны и не вернулись. Убило их обоих. А еще через год Асель эта пришла с младенцем на руках — вроде как один из сыновей старика любовь с ней крутил и от той любви дочку они прижили. Так и зажили у Жермона. Потом старик помер, а Асель с Миу остались в его доме.

— С чего решили, что она ведьма?

— Так много ума не надоть, чтобы догадаться. Красивая была, стерва, в наших краях таких красавиц сроду не водилось. Волосы цветом что старый мед, брови соболиные, глаза синие, как небо, от их взгляда прям голова кружилась. Почитай каждый мужик в Кадуорсе, что женатый, что холостой, к ней клинья подбивал, только напрасно.

— Ты тоже подбивал?

— Не, мне моей старухи хватало, — я понял, что эшевен врет. — Да и не хотел я дураком прослыть. Асель женихам этим в лицо смеялась и говорила, что лучше с боровом спать ляжет, чем с ними. И еще в травах понимала толк. Врачевала хорошо, особенно детишек. И бабы к ней бегали за зельями своими бабскими разными. Деньги у нее водились, а где брала, неведомо. Не иначе, за снадобья колдовские хорошо ей платили.

— И что?

— А ничего. Не любили Асельку в Кадуорсе. Мужики говорили в трактире, что горда больно, проучить надобно.

— Понятно. Была бы хвойда, которая с любым ложится, вы бы ее на руках носили.

— Ты погоду, барчук, не ерничай. Она ведь и в храм не ходила. В праздники все молиться идут, как положено, а она у калитки встанет и смеется. Чертовка, одно слово. И дочка у нее такая же была. Как подросла и в сок вошла, так по ней парни все как один сохнуть начали. Не иначе, приворот черный это был.

— Была бы ей нужда сиволапых привораживать! Чего-то темнишь ты, дядя.

— Вот Высшими забожусь, что сие правда есть! — Эшевен сердито сверкнул глазами. — А не веришь, так ступай себе с миром.

— Да верю я, верю. Ну, чего дальше было?

— Ты не нукай, не коня гонишь. Барон наш бездетным был, первая жена у него при родах умерла и младенца с собой неродившегося в могилу забрала. А тут решил его милость вторично ожениться. Полгода назад это было. Эх, свадьба была, весь Кадуорс три дня гулял, вино да пиво рекой лились!

— Вам абы выпить, — я покосился на кувшины с брагой. — Только чего-то не пойму, куда клонишь.

— В начале весны барон в столицу уехал по делам, как раз перед самой посевной. И тут всякие нехорошие вещи в округе пошли — несколько домов сгорело, скот начал падать, вши расплодись у взрослых и детей. А в день Благодати Моро, эшевен наш бывший, и отец Парис народ возле храма собрали и объявили, что нашли в своих домах подклад колдовской — какие-то грязные кровавые тряпочки, вроде как обрывки савана, черными нитками крест-накрест перевязанные. Мол, смертную порчу кто-то напустил на округу.

— И вы решили, что это ведьма с дочкой сделали?

— А на кого еще думать? Эшевен тут же мужикам велел какое-нито оружие брать, повел их к дому ведьмы разбираться, и отец Парис с ними пошел. Я тоже там был. Хотели мы ее арестовать и до возвращения барона под стражу взять, а как вернется лорд Белзон, то пусть ее судит и приговор свой выносит. А дома-то их не оказалось! Сбежали обе. Мужики собак по следу пустили, догнали беглянок ближе к ночи в лесу, почитай, на границе с Валь-

Арданом.

— Так, все понятно. — Мне и вправду все стало ясно: толпа темного мужичья во главе с мракобесом-священником убили ни в чем не повинную женщину и ее дочь. — Самосуд устроили, верно?

— А что нам, лобызаться с ними надобно было? — зло огрызнулся эшевен. — Притащили чертовок в деревню, затолкали в дом, дверь заперли и подожгли, так они и сгорели. Думаешь, зря так поступили? Как расправились с ведьмой и ее отродьем, так в округе все несчастья прекратились. От них все зло шло, Высшие не дадут соврать.

— А барон что сказал, когда вернулся?

— Ничего не сказал, потому как еще до его приезда эшевена Моро и всю его семью Стая сожрала. Не приведи Высшие еще раз увидеть то, что после Стаи в доме Моро от людей осталось!

— Что за Стая?

— Тссс! — В глазах эшевена появился ужас. — Не буду я об этом говорить, молодой барин. Коли желательно тебе узнать, священника нашего расспроси. А я лучше помолчу.

Я вышел из дома эшевена со странным чувством. Вроде, все складно в его рассказе получалось, но мне казалось, что самого главного я так и не узнал.

И прояснить кое-какие детали мог только священник Парис. Благо, идти до храма совсем недалеко.

Храм Высших Кадуорса, простое без всяких архитектурных изысков сооружение, был построен из потемневшего от времени дерева, только шпили на башенках и оковы на широкой, больше похожей на ворота двустворчатой двери в храм были из бронзы. Двор перед храмом еще не просох от недавних дождей, потому до дверей я прошел по брошенным в грязь деревянным мосткам. Преподобный, как я и ожидал, был в храме — заботливо и с благоговейным старанием протирал тряпочкой статуи Высших. Я ожидал встретиться с суровым седовласым фанатиком с горящими глазами, а увидел невысокого стриженного в скобку толстяка с пухлыми и холеными как у женщины руками и масляным взглядом. Рядом со жрецом стоял здоровенный чернобородый верзила с наполненным водой ушатом в руках — похоже, прислужник при храме.

— Благословение Высших пребудет на тебе, сын мой! — вкрадчивым голосом объявил он, когда я представился. — В Кадуорсе уже знают о твоём приезде. Великое это облегчение знать, что нашелся отважный и благородный рыцарь, готовый потрудиться для всеобщего блага.

— Я пришел узнать подробности той ночи, когда была убита Асель и ее дочь.

— Ведьма и ее исчадие понесли заслуженную кару. Но мне отранно думать, что очистительное пламя избавило их души от черного проклятия, и они обретаются ныне в милости Высших.

Лицемер, с отвращением подумал я. Настоящий инквизитор с елейным выражением лица, дежурной улыбкой и бегающими глазками. Похоже, это была его инициатива расправиться с несчастными женщинами.

— Для такого наказания нужны соответствующие доказательства, — холодно сказал я, — и приговорить к сожжению может только суд.

— Верно, сын мой, но что нам оставалось делать? Ты говоришь о доказательствах — они у нас были. Едва мы покончили с колдуньями, их черное ведовство потеряло силу.

— И появилась Стая.

— Она лишь проявление черной силы, которая еще не сломлена и пока собирает свою страшную жатву. В Святых Книгах сказано, что Тьма многолика и могущественна, но с помощью Высших мы одолеем ее.

— Что вы знаете о Стае?

— Она приходит в ночь полнолуния и убивает. Все в нашей округе слышали ужасный вой и топот призрачных лап. Все мы видели останки несчастного Моро и его детей, и тела прочих погибших.

— Стая убивает тех, кто участвовал в расправе над Асель и ее дочерью, я правильно понял?

— Она убивает невинных, — отец Парис перестал улыбаться. — Ибо Зло всегда алчет крови детей Света.

— Я задал вам вопрос, преподобный.

— Ведьма мертва, но ее черная душа продолжает мстить нам, пытаясь посеять ужас в людских сердцах. Это она породила Стаю.

— Вы только что сказали, что пламя очистило душу ведьмы, и она спасена. Вы противоречите сами себе.

— Я не хочу спорить с тобой, сын мой. Вижу только, что вера твоя слаба, а если так, ты не сможешь противостоять Стае. Она пожрет тебя, как пожрала и более сильных в вере. Берегись, скоро ночь полнолуния, и Стая придет в третий раз. Что ты противопоставишь ей, кроме своих богохульных сомнений?

— У меня есть мечи, — ответил я, — и правда на моей стороне. Доброго вам дня, святой отец.

Уже на улице я подумал, что узнал не так уж и много. Ну ничего, есть еще один способ собрать информацию — зайти в деревенский трактир, тем паче, что я уже разглядел в дальнем конце площади его вывеску. Там наверняка найдутся менее скрытные и более словоохотливые собеседники. Да и мне не мешает выпить стакан вина, чтобы избавиться от неприятного волнения, которое я испытывал последние пару часов.

Уже подходя к дверям трактира, я внезапно подумал, что мой смартфон уже третий день молчит. Мои кураторы-волшебники никак не напоминают о себе и не балуют меня полезными подсказками. Значит ли это, что я должен до всего дотукать сам?

Вполне возможно.

Народу в трактире не было, только сам трактирщик и чумазый подросток, складывающий дрова у очага. Трактирщик буквально выскочил из-за стойки мне на встречу.

— Ох и честь для нас, ох и честь! — затараторил он, кланяясь, как китайский болванчик. — Добро пожаловать, милорд рыцарь, добро...

— Бутылку хорошего вина дай, — оборвал я, усаживаясь за стол.

Корчмарь немедленно заткнулся и помчался за вином. Красное сухое местного изготовления оказалось кисловатым, но вполне приятным напитком. Я допил стакан и тут заметил, что трактирщик замер в полупоклоне, ожидая, когда я соблаговолю продолжить разговор.

— Хорошее вино, — похвалил я.

— Может, милорду покушать что принести?

— Сначала ответь на пару вопросов.

— К услугам вашей милости.

— Ближе подойди, — я рукой поманил трактирщика, велел сесть напротив. — Уже

знаешь, зачем я здесь?

— Сказывали, к милорду Кадуорсу важный господин приехал. Мобуть, о вас речь шла.

— Может и обо мне. Что у вас тут творится?

— Страшные дела творятся, вашество-с, — трактирщик сделал трагическую мину. —

Истинно жуткие.

— Это я знаю. Что про Стаю говорят?

— Боятся все. Раньше мой трактир доходным делом был, а нынче народ не ходит, все по домам сидят и от страха трясутся. — Тут трактирщик изучающе так на меня посмотрел. — А вы, вашество, герцогский дознаватель будете-с?

— Я свое расследование веду, — я секунду колебался, что показать трактирщику, герцогский перстень или серебряную монету, выбрал второе и понял, что сделал правильный выбор: физиономия корчмаря сразу просияла, будто лампочку у него в брюхе включили. — Поможешь?

— Со всем уважением, вашество-с.

— Кто велел ведьму с дочкой убить?

— Дык сход был на площади, Моро и преподобный у себя подклады вражьи нашли. Показали обществу и ведьму эту заиметую обвинили во всем. Моро сказал всем мужикам к дому идти, чтобы серьезно с бабой этой побеседовать. Бочонок вина у меня взяли и пошли.

— А потом Моро Стая убила?

— Истинно так, со всей семьей сожрала, — трактирщик суеверно поплевал себе за пазуху. — Страх там был, милорд рыцарь. Всех в клочки...

— А кого еще убила Стая?

— Молодого Вито с матерью. И еще гуртовщика Кривого Жилия, его мыза на Студеном Ручье стоит. Все в одну ночь погибли.

— Понятно. В расправе над ведьмой они участвовали?

— Не знаю, милорд рыцарь. Меня там не было.

— А что-нибудь странное происходило перед их смертью? Может, говорили что погибшие, или вели себя необычно?

— Да вроде ничего такого не было. Вито, упокой его Высшие, шалопай был изрядный. Красавец писанный, в покойного отца, и ни одной девки не пропускал. Но тут Высшие его надоумили остепениться, вроде по слухам Вито жениться этой осенью собрался на Маргрет, нашей первой красавице, дочке Алена Толстого. Долго Алена этому браку противился, а потом согласился все ж. Только вот слышал я от жены, что вдова Нелле, матушка Вито, как-то рассказывала, что ведьма Асель грозила их дом неугасимым огнем сжечь, ежели Вито не перестанет к ее дочке приставать. Но это давно было, еще прошлым летом. — Тут трактирщик сделал паузу. — Вспомнил, милорд — Кривой Жиль незадолго до смерти хвастал, что теперь все вино у меня выпьет, потому как разбогател.

— Хочешь сказать, деньги у него появились?

— Верно не скажу, но серебром он мне за выпивку платил. Раньше такого за ним не водилось.

— Интересно. — Я отдал корчмарю монету и вышел на воздух. У меня появилась одна мысль, которую следовало срочно проверить.

***

Дом Алена Толстого оказался добротной каменной усадьбой, выгодно отличавшейся от окружающих домов — было видно, что семья живет очень и очень неплохо. Дом мне понравился, а сам Алэн нет: хоть и пытался он всеми силами показать, что ему льстит визит такого благородного господина, но глаза у Толстяка были злые, настороженные.

— А чего рассказывать? — заявил он, сложив на груди пухлые руки. — Было такое дело, хотел Вито на моей Маргретке жениться, да только что говорить о том нынче! Жених-то в земле гниет.

— Ты, говорят, против этого брака был.

— Был, и что? Дочка у меня одна, хотел ей получше мужа найти. Только она у меня упрямая больно, мои женихи ей не по нраву приходились. Все ей Вито этот, бестолочь белокурая, мил был.

— Чего ж тогда согласился выдать за него девушку?

— А вот это, твоя милость, не вашего ума дело, — с неожиданной дерзостью отвечивал Толстяк. — Это наше дело, семейное.

— Семейное? — Я схватил наглеца за горло, припер к стене. — Слушай ты, мешок с салом, я сюда не языком честь пришел. А ну выкладывай, а то...

Толстяк не сразу пришел в себя — минуту откашливался и пучил остекленевшие от ужаса глаза. А потом заговорил тихо, без прежней заносчивости.

— Что ж вы, твоя милость, так жестоко-то! Добром бы попросили, все рассказал бы, как на духу... Ой, чуть не задушили! Я ведь дочке своей хорошей судьбы хочу, чтобы жила она в достатке и довольстве, чтобы ни в чем нужды не терпела, и муж был человек уважаемый, трудолюбивый... кх-кх!

— Ближе к делу, смерд. А то за меч сейчас возьмусь.

— Простите старика, я ведь не хотел... ой, я все, все скажу! Он ведь, Вито энтот, голодранец был, прости Вышние, моей доченьке не пара. Чего он от отца покойного наследовал, окромя морды смазливой? А у меня сто двадцать пять моргов земли, овцы, виноградник, пасека... кх-кх! Нам другого жениха хотелось, не гуляку никчемного...

— По делу давай!

— Так по делу и говорю, милорд, все по делу, кх-кх! В прошлом месяце пришли вдова Нелле с сыном нежданно-негаданно, разговора затребовали. Я-то думал, опять пустопорожняя болтовня про любовь будет, а они мне на стол мешок с серебром как кинут! Вот, говорят, обеспечение наше для дочки твоей, коли захочешь ее в наш дом отдать.

— Мешок с серебром? И откуда у них деньги взялись?

— Вот Вышними клянусь, не знаю! В одночасье разбогатели, только вот с чего бы? После смерти хозяина с репы на капусту перебивались, дом у них совсем обветшал, смотреть страшно. Нищета беспросветная. Бездельник этот, Вито, только по селу девок портил. А тут целый кошель серебра! Я столько денег разом и не видывал никогда.

— И ты из жадности согласился на брак?

— А куда мне было деваться? — Толстяк потер шею, посмотрел на меня с ужасом. — Вот будет у вас дочка взрослая, влюбится в какого-нибудь вертопраха, посмотрю я на вашу милость...

— Если будет, я ей уж точно торговать не буду, как овцой, — ответил я. — Ладно, будь здоров, не кашляй, папаша!

По дороге к ферме Кривого Жилия я думал над тем, что мне дают сведения, полученные от Алена. Ничего, кроме факта, что у погибшего от Стаи Вито и его мамы внезапно

появились большие деньги. И Толстяк согласился выдать за Вито свою дочь. Может, не только ради денег, еще и потому, что отношения у молодых далеко зашли. Есть ли здесь связь с ведьмой Асель? Вряд ли. Надо искать дальше.

Студеный Ручей протекал на окраине Кадуорса — я бы скорее назвал его Грязным Ручьем. Мызу Жилия я нашел без труда: после смерти хозяина она стояла заброшенной, огород так и не был возделан, крыша дома зияла дырами — какие-то предприимчивые товарищи уже начали потихоньку воровать дранку с бесхозной мызы. Дверь была открыта. Я вошел в дом, начал осматриваться. По тому, как жил этот самый Кривой Жиль не скажешь, что у него водились деньги. Жуткая нищета, просто бомжатник какой-то. Понятия не имел, что ищу, но у меня было предчувствие, что в доме Жилия должно быть что-то важное, что-то могущее прояснить подоплеку происходивших в Кадуорсе событий. Не просто так покойный Жиль трепался трактирщику, что разбогател...

В горнице я нашел мазницу, запалил ее и самым добросовестным образом осмотрел весь дом. Поднялся на чердак, даже в погреб заглянул, но ничего подозрительного не увидел. Потом мое внимание привлек большой грубо сделанный сундук рядом с лежанкой, на которой спал Жиль. В сундуке оказались несколько рубаш и штанов из грубого домотканого полотна, пара сабо, плетень-многохвостка и небольшая торба из твердой кожи, в которой оказались какие-то семена. Похоже, мои поиски оказались напрасными — я не нашел никакого компромата.

Между тем начало темнеть. Я погасил мазницу и покинул дом Жилия с чувством, что все мои поиски не дали никакого результата.

Пока не дали. Что ж, будем продолжать поиски. И поэтому обязательно нужно посетить еще одно место.

***

Ночь была светлая, прихваченный с собой факел горел ярко, и я мог хорошо разглядеть место преступления, тем более что никто и не пытался тут ничего скрыть. Суеверные крестьяне навешали на окружавший пепелище плетень головки чеснока и пучки бересклета, но к самому пожарищу — я был в этом абсолютно уверен, — никто не подходил. Впрочем, толку от этого не было никакого, все следы совершенного здесь злодейства наверняка смыли дожди, не раз и не два случившиеся за минувшее время.

Я стоял, смотрел на оставшиеся от домика Асель закопченные глинобитные стены и кучи золы, и будто видел сам, что тут происходило той ночью. Дверь в дом сгорела дотла, но обугленная балка, которой эту дверь приперли снаружи, чтобы несчастные не смогли вырваться из пламени, до сих пор валялась в огромной луже у входа. Я был уверен, что останки Асель и Миу до сих пор покоятся под слоем золы и прогоревших головешек по ту сторону входа. Обойдя дом, я начал искать, светя себе факелом.

Я нашел их у самого порога, осторожно приподняв рухнувшие на них прогоревшие стропила. Асель и Миу, мать и дочь. Два обугленных скелета, сплетенные вместе в предсмертном объятии.

В свете факела что-то сверкнуло в золе кровавой искрой. Я наклонился, разбросал головешки и увидел в пепле оплавленный золотой перстень с алым камнем. Гранатом, алмандином или, может быть, даже рубином. Вещь слишком дорогую и необычную для деревенской колдуньи. И это я тоже не мог объяснить.

Смартфон издал мелодичную трель, заставив меня вздрогнуть. Пришло сообщение следующего содержания:

Задание "Косвенные улики" выполнено.

Добавлено задание "Стая"

Раскрыть тайну событий в Кадуорсе.

***

— Их даже не похоронили. Бросили без погребения их кости. Может быть, именно поэтому в ваши земли пришла Стая.

Белзон Кадуорс ответил не сразу. И я увидел ненависть в его глазах. Он ненавидел меня. Наверное, у него были на то причины. Но мне меньше всего хотелось его об этих причинах расспрашивать. Пусть ненавидит, хрен с ним.

— Что ты еще узнал? — спросил он.

— Вот, — я протянул барону найденный мной перстень. — Нашел на пожарище. Думаю, он принадлежал одной из погибших женщин.

Барон взял перстень. Лицо его стало совсем мрачным.

— У двух погибших, Вито и Кривого Жилия, после расправы над ведьмой появились большие деньги, — добавил я.

— Кто это может подтвердить? — спросил барон.

— Ален Толстяк. Вито и его мать сватали у Алена дочь. Про Жилия трактирщик в Кадуорсе сказал, что погибший за выпивку серебром расплачивался, чего раньше никогда не бывало.

— До ночи полной луны осталось два дня, — сказал лорд Белзон глухо. — Помни об этом.

— Я помню.

— А если помнишь, ступай. Если понадобится, я найду тебя.

Я поклонился и вышел. На лестнице меня догнал юный паж, разодетый как павлин.

— Сэр Сандер, баронесса Кадуорс желает видеть вас, — провозгласил он с самым торжественным видом. — Следуйте за мной!

Баронесса сидела на пуфике спиной к двери у огромного, жарко пылающего камина, коротая вечер в компании служанки и двух огромных догов, которые встретили меня враждебным рычанием. Сопровождавший меня паж немедленно получил приказ увести собак из комнаты.

— Прекрасные собаки, не так ли? — спросила баронесса, даже не повернув головы в мою сторону.

— Чудесные, — ответил я.

— На моей родине, в Арле, выращивают лучших в Десятигорье собак. Я считаю, что собаки порой лучше людей, а вы?

— При всей моей симпатии к собакам, миледи, я люблю людей больше.

— Сэр Сандер, — баронесса продолжала смотреть в пламя камина, а не на меня, — как вы находите наши места?

— Здесь очень красиво, — ответил я. — Но думаю, вы пригласили меня не затем, чтобы выслушать мое мнение о здешних пейзажах.

— Верно. — Леди Кадуорс все же соизволила посмотреть на меня. Не красавица, далеко не звезда. Круглое лицо, жидкие светлые волосы, выпуклые бледно-голубые глаза, надменные и холодные, выщипанные брови, капризно надутые губы, нос с некрасивой бородавкой на правом крыле. И слишком полная на мой вкус. Наверное, лорд Кадуорс мог бы найти жену посимпатичнее. Хотя, наверное, у этого брака есть сословные моменты, да и о вкусах не спорят как бы... — Вы совсем еще мальчик. Я ожидала увидеть зрелого мужа. И эти мечи...

— Что-то не так с моим оружием?

— Просто подумалось, — баронесса взяла с подноса на столике бокал с вином. — У моего батюшки, шерифа округа Арле, в конюшне был мул. Я вспомнила его, глядя на вас.

— Чем же мул вашего батюшки схож со мной?

— У мулов есть мужское достоинство, но от него нет никакого толку.

— Я не специалист в скотоводстве, миледи. Что же до моих мечей — или моего мужского достоинства, если это вас волнует, — то я сумею воспользоваться и тем, и другим, если вдруг возникнет необходимость.

— У вас острый язык, и это похвально, — ответила хамка. — Но я не собираюсь состязаться с вами в остроумии. О чем вы говорили с моим супругом?

— О том, что скоро придет ночь полной луны. И что недостойно бросать человеческие останки без погребения.

— Вы о колдуньях? К ним неприменимы человеческие понятия, сэр Сандер. Их следует преследовать и уничтожать. Когда я была маленькой, мой отец приговорил к смерти трех ведьм. Я присутствовала при их казни. Их сожгли, а пепел развеяли по ветру. Это было правильно. Хотите поспорить?

— Нет. Скажу лишь, что вы достойная дочь своего отца.

— Именно так. — Баронесса пригубила бокал. — Проклятые ведьмы наказаны заслуженно, и мне их ничуть не жаль. Это было справедливое возмездие.

— Я не говорю о справедливости того, что с ними сделали, миледи, — заметил я. — Я говорю об уважении к останкам мертвых.

— Отец Парис был у меня, — сменила тему баронесса. — Он сказал, что вы безбожник.

— Наверное. Главное, что сам отец Парис — воплощение святости.

— О нем следует говорить с уважением. Отец Парис почтенный в Кадуорсе человек.

— Не сомневаюсь в этом.

— Скажу вам прямо, сэр Сандер. Вы гость, пусть званый и уважаемый, — баронесса неприятно улыбнулась, произнеся слово "уважаемый", — но все же гость. Хозяевам дома не нравится, когда гости говорят о них недостойные вещи.

— Разве я сказал что-то плохое про отца Париса? — Я изобразил ужас. — Боже упаси! Такой достойный пастырь.

— Помните, зачем вы приехали сюда. И выполняйте вашу работу. Остальное не ваша забота.

— Именно это я и делаю, выполняю свое задание. — Я поклонился. — С вашего позволения, миледи, я хотел бы удалиться.

— Я вас не задерживаю. И помните — если Стая вновь заберет чью-то жизнь, я сделаю все, чтобы погубить вашу репутацию.

А интересный получился разговор, подумал я, спускаясь по лестнице. Хитрозадый святоша уже успел на меня настучать. Прекрасно, просто здорово. Баронесса решила меня попугать, но абсолютно ясно, что она сама чего-то боится. Интересно знать, чего. Надо еще раз встретиться с отцом Парисом, попробовать вызвать его на откровенность...

В таверне, куда я заехал, чтобы оставить на попечение трактирщика своего Грига, меня ждал сюрприз — за одним из столов сидел тот самый парень, которого позавчера стража ни в какую не хотела пропускать во владения лорда Белзона. Видимо, малый все же сумел добиться своего.

— Второй час сидит, что-то пишет и чего-то бормочет себе под нос, — шепнул мне трактирщик и покрутил пальцем у виска. — Станный какой-то.

— Поставь коня на конюшню. И вина подай.

— Будет сделано, ваша милость.

Взяв бутылку и два стакана, я сел за стол напротив молодого человека, но тот даже ухом не повел.

— Аллё! — негромко позвал я. — Много работы?

Парень вздрогнул всем телом, поднял на меня недоумевающий взгляд.

— Сударь? — спросил он.

— Выпить не желаете? — предложил я, наполняя стаканы.

— Эээ.... премного благодарен. — Тут он буквально подпрыгнул на лавке. — Погодите, а я вас знаю! Это вы были тогда на мосту?

— Я. Они вас пропустили?

— Пропустили? Да чтоб их... Мне пришлось отдать свой последний серебряный кварт, чтобы пройти. Вымогатели проклятые! Из-за этих свиней я даже не смог заночевать в приличном месте, спал в Болье на каком-то сеновале. — Тут парень вскочил и поклонился с необычайным достоинством. — Томас де Сарвиль, к вашим услугам.

— Барон Сторм. — Я придвинул парню стакан с вином. — Пейте.

— Ваше здоровье! — Де Сарвиль медленно выпил вино, кончиками пальцев вытер едва пробивавшиеся над верхней губой усики. — Еще раз благодарю, сударь.

— Что вас привело в эти места? — спросил я, наливая по второй.

— Моя муза, — напыщенно ответил де Сарвиль. — Я путешествую по свету и собираю легенды. Однажды я издам книгу, которая прославит меня по всем городам и весям.

— Весьма похвальное намерение.

— В Данмуте мне рассказали о странных происшествиях, творящихся в этих местах, — продолжал де Сарвиль, — посему решил я приехать в Кадуорс и увидеть все своими глазами. Говорят, здесь появляются оборотни, существа прелюбопытные и фантастические.

— Это правда. И не думаю, что идея приехать в Кадуорс в такое время была здоровой.

— Я не мог пропустить такой случай, сударь.

— Вы хоть знаете, кто такие оборотни? Тут весь повет ночами не спит, от страха трясется. А вы собрались глазеть на оборотней, как на уродцев в балагане. Так они не в клетке будут, дружище.

— Вы что, хотите меня напугать? — Чудик сердито сверкнул глазами. — Вы забываетесь, сударь! Я из рода де Сарвилей, в нашем роду нет трусов.

— Простите. Давайте еще по одной выпьем.

— С превеликим удовольствием. Только... эээ...это вино слишком крепкое. Я... эээ... не привык пить без закуски.

— Ясно, — я понял, что собиратель старинных легенд и приключений на задницу просто-напросто голоден. — Сейчас что-нибудь организуем. Эй, хозяин, принеси нам пожарить!

Меню в таверне Кадуorsa было скромным — яичница с ветчиной, салат, мягкий сыр, похожий на брынзу, два вида колбас, жареная щука и отличный крестьянский хлеб, — но мне показалось, что я уже давно не ел такой вкуснятины и с таким удовольствием. Ко всей этой роскоши я добавил три бутылки вина, и к концу обеда раскрасневшийся де Сарвиль говорил, не умолкая.

— Если когда-нибудь приедете в Мезо, — так называется город, откуда я родом, — обязательно попробуйте тамошнюю сырокопченую ветчину, — заявил он. — Это что-то божественное, сэр Сандер, просто ум отъешь! Кабанчика два года кормят одними желудями и мускатным орехом, отчего мясо приобретает замечательный пикантный аромат и... Ваше здоровье!

— Давайте вернемся к теме оборотней. Вы что, решили увидеть их своими глазами.

— Да! — Де Сарвиль от избытка чувств аж привскочил на месте. — В моей коллекции нет ни одной легенды об оборотнях. О ведьмах, сламми, мирках, летунах и драконах есть, а вот об оборотнях нет. У меня есть возможность своими глазами увидеть их.

— А оно вам надо? Оборотни вообще-то существа опасные.

— Хотите верьте, хотите нет, но я знаю верный способ защититься от них, сударь. Один знакомый маг в Мезо продал мне старинный рецепт волшебной мази из семи ингредиентов: если натереться этой мазью, оборотень не станет нападать на вас. Вот, смотрите, — всезнайка полез в свою объемистую сумку, долго рылся в ней и извлек маленький тубус, в котором оказались листки с записями. — Рецепт очень прост: три части камфары, три части софоры, три части донника, пять частей семян клещевины, пять частей сока белладонны, одна часть семян черного паслена и двенадцать частей топленого гусиного жира. Все растереть в ступке, смешать с горячим растопленным жиром, остудить и использовать.

— И что, есть свидетельства успешного действия этой мази на оборотня?

— Нет, — де Сарвиль сразу перестал улыбаться. — Но тот маг...

— Мое дело сторона, дружище, но хочу вас предостеречь — опасное это дело гулять в ночь полнолуния в здешних местах. Особенно без оружия, натеревшись непроверенной мазью.

— Вы что же, сударь, предлагаете мне отказаться от моего замысла?

— Предлагаю подумать. Вы же не хотите, чтобы ваши кости потом собирали по всей округе герцогские коронеры?

— А я уже закупил ингредиенты, — с видом обиженного ребенка заявил де Сарвиль. — Вот, это камфара, а это черный паслен. Гусиный жир тоже был, но я его съел. Но ведь можно купить еще...

— Постойте, погодите, — я не мог отвести взгляда от содержимого мешочка с семенами паслена. — Это черный паслен, точно?

— Мне продал аптекарь в Данмуте. Он уж наверняка знает. — де Сарвиль хмыкнул. — Очень ядовитые семена, сударь. Что для людей, что для зверей.

— Странно. Я вчера видел такие семена. И не у аптекаря. Очень странно...

— Что странно?

— Ничего, — я придвинул к себе стаканы и начал в очередной раз наполнять их. — Чего не едите?

— Я сыт, сударь. Вы спасли меня от голода. Обещаю, что возьму расходы на меня.

— Чепуху говорите. Ешьте на здоровье.

— Ну, разве только еще кусочек этой замечательной колбаски возьму, — де Сарвиль отломил половину колбасы и робко положил на свою тарелку.

— Послушайте, де Сарвиль, — спохватился я, застигнутый неожиданной мыслью, — вы ведь собираете легенды, я правильно понял?

— Совершенно правильно, сударь. Однажды я...

— А легенду о некоем Джозефе Джаримафи вам не приходилось слышать?

— Конечно, приходилось. Но думаю, эта легенда давно уже интересует только простолюдинов, старых легковверных дурней и детишек. Уж слишком она невероятна.

— Невероятна?

— Ну конечно! — простодушно воскликнул де Сарвиль. — Сами подумайте, сударь: неужто такой великий дар возможно было скрывать столько веков?

Это невозможно, в такое трудно поверить.

— Да, магам так и не удалось разгадать эту тайну, — заметил я.

— Молчите! — испугался собиратель легенд. — Не поминайте магов к ночи!

— Чего, страшно?

— О магах нельзя говорить вслух, — произнес де Сарвиль, понизив голос до шепота. — Нехорошая эта тема для разговора.

— И все же странно, что вы их так боитесь.

— Это мои страхи, сударь, — тут де Сарвиль как-то странно на меня посмотрел. — Наверное, мне пора пройтись немного. Столько еды и вина совсем мне не по силам. Еще раз благодарю за угощение и хорошее общество.

Я понял, что парень испугался. Хочет во что бы то ни стало закончить разговор, аж на улицу запросился, хотя еще недавно просто купал меня в своем красноречии. Почему его так испугало упоминание о магах? А ведь страх был нешуточный, совсем не напускной.

Эх, чего-то я не знаю, а надо бы...

Мои мысли прервал звук колокола, собиравший прихожан на вечернюю службу в храм. Заболтавшись с де Сарвилем, я совсем забыл о своем деле.

— Мне надо идти, — сказал я, бросил на стол пару серебряных монет и вышел из трактира на площадь.

У ограды храма уже собралась изрядная толпа жителей Кадуорса, пришедших на вечерню. Я понял, почему служба проводится так рано — люди боятся. Или это отец Парис чего-то боится? Наверное, мне следует поговорить с ним не сейчас, а после вечерни, тем более что сейчас он вряд ли соизволит говорить со мной.

Я понятия не имел, как мне следует вести себя в храме Высших и решил просто повторять то, что делают окружающие меня люди. Служба началась с пения торжественного хора — я открывал рот, делая вид, что пою. Потом появился отец Парис с посохом в руке, и все присутствующие опустили на колени. Я последовал общему примеру. Парис обвел собрание посохом, благословляя нас, прихожане расселись на длинные лавки перед амвоном, и далее началось чтение Святых Книг.

Вечерня продолжалась долго, наверное, не меньше двух часов. Я заметил, что за это время отец Парис частенько останавливался на мне взглядом. Видимо, мой неожиданный визит напрягал его. После чтения Святых Книг началось новое действие — прихожане по очереди подходили к отцу Парису, и жрец высыпал в их сложенные лодочкой ладони

горсточку семян, которые брал ложечкой с большого серебряного блюда. Пришла и моя очередь.

— Милость Высших на тебе, сын мой! — провозгласил отец Парис самым медоточивым голосом.

Я думал, что на этом вечерня закончилась. Но после церемонии с семенами отец Парис начал проповедь. Он говорил о любви к Высшим и вере и очень технично и плавно перешел к теме безбожия.

— Что говорится в Святых Книгах о тех, кто лишен благодати Веры? — вещал он с амвона. — Говорят Высшие: "Вера есть мера всего, и благо для всех, и ежели кто лишен веры, пусть уверует и спасется. Тот же кто бежит от веры, как зверь, как беглец, застигнутый врасплох, не спасет души своей и плоти своей и станет добычей Тьмы". И еще сказано: "Да будет изгнан безбожник с глаз ваших, ибо несет он в себе семя Тьмы, подобное чуме, подобное заразе, от которой нет спасения". Вспомним притчу, рассказанную некогда проповедником Беленом из Кригге королю Мерелю Четвертому. Жил некогда один пастух, которому земляки его доверили пасти общинных овец, и пас он их на зеленых лугах, водил к чистой воде и защищал от хищников, отгоняя их. Каждый день вечером приводил он овец в село и осматривал их перед тем, как вернуть хозяевам. И вот однажды, пригнав отару домой и осматривая овец, пастух увидел, что одна из овец больна, ибо поразила ее парша неизлечимая, и следовало ту овцу прирезать как можно быстрее. Однако пастух не стал резать больную овцу, потому что жаль ему было овечку, и не желал он огорчать ее хозяина. Только доброта и совесть вышли пастуху боком — очень скоро все сельское стадо было поражено паршой и погибло, и община осталась без своих овец, а пастух лишился заработка. Выслушав Белена, король Мерель признал его правоту и поручил шерифам всячески содействовать жреческой коллегии в поиске, изобличении и наказании преступников против веры. Безбожник суть паршивая овца, и горе тому стаду, в котором эта овца окажется! И я говорю вам, дети мои — да не уподобимся мы сердобольному и недалекому пастуху, который милосердием своим погубил всю отару и себя самого. Особенно в эти дни, когда зло пришло на нашу землю, и нечистая тень, порожденная безбожным колдовством, пала на всех нас. Будем стойки в вере нашей, ибо только она способна защитить нас от крадущегося в ночной тьме зверя, от ярости злобствующих, от черных теней из-за предела жизни! Будем бдительны, дабы не стала овца запаршивевшая слабым звеном, сосудом, из которого изольется на нас вечное зло! Но ежели безбожник покается в своем прегрешении и обратится к вере, будьте первыми, кто подаст ему руку спасения, и тогда Высшие вознаградят вас за это!

Купая нас в своем красноречии, отец Парис так часто выхватывал меня взглядом из толпы, что было совершенно понятно — трогательная история про паршивую овцу адресована именно мне. Он еще что-то говорил, но я не особо внимательно слушал его. Меня утомили многословие преподобного и сама служба, хотелось, чтобы все побыстрее закончилось. Отец Парис, как завзятый шулер, вытащил из рукава козырь, которым рассчитывал побить меня. Наконец, проповедь завершилась, и народ начал расходиться. Теперь я мог поговорить со жрецом с глазу на глаз. Появившийся чернобородый великан-прислужник был не в счет — он пришел с метлой убирать храм после службы.

— Ты уже получил благословение, сын мой, — важно прогнусавил отец Парис, когда я подошел к нему. — Ступай с милостью Высших.

— Хочу задать один вопрос, преподобный: следует ли мне, истинно верующему

прихожанину, верить в случайные совпадения, или видеть за ними волю Высших?

Отец Парис растерялся, он явно не ожидал такого вопроса.

— О чем ты, сын мой? — наконец, произнес он. — О каких совпадениях речь?

— Во-первых, почему Стая убивает тех, кто участвовал в расправе над ведьмой. Прежний эшевен, Виго, Кривой Жиль — все они были убиты Стаей.

— И их близкие, которые ни в чем неповинны, не так ли?

— Согласен, святой отец, согласен. Но, возможно, кто-то хотел создать видимость божественного правосудия?

— Твои речи нелепы. Такое не под силу человеку.

— Может быть. Но есть еще несколько странных совпадений. Виго и Кривой Жиль незадолго до гибели внезапно разбогатели. Откуда бы?

— Разве это важно? Эти добрые люди стали жертвами темной силы, терзающей Кадуорс. Мы все свято верим в это и не сомневаемся в пришествии Зла, порожденного ведьмой. А ты не находишь в себе сил и веры увидеть истину. Твое сердце не горит огнем, и это плохо для тебя, сын мой. Высшие не простят твоего безверия и твоих сомнений.

— Я всего лишь ищу причины и следствия, святой отец. Вот, например, пытаюсь понять связь между рассказами вдовы Нелле об угрозах Асель сжечь их дом, пожарами в Кадуорсе и мешком серебра, который видели у Виго и его матери. Или между семенами ядовитого черного паслена, падежом овец в округе и серебряными монетами, которыми гуртовщик Кривой Жиль расплачивался в трактире.

— Не вижу связи, — прогнусавил жрец. — Ты принимаешь мнимое за истинное.

— Просто у меня много вопросов, на которые я пытаюсь найти ответы. И найду, уж будьте спокойны.

— Лишь вера может ответить на любой вопрос. А ты отверг ее от сердца.

— Я не силен в богословии. Но одно знаю твердо: завтра наступит ночь полнолуния, и придет Стая. За кем она придет на этот раз, святой отец?

— За всеми нами, — жрец сделал отвращающий жест. — Ибо все мы грешны.

— Воистину. — я развернулся, чтобы уйти, но жрец окриком остановил меня.

— Я докажу тебе, маловвер, что сила веры превышает силы меча! — воскликнул он, театрально протянув ко мне руку. — Наши моления изгонят Стаю из Кадуорса.

— Когда человек много говорит о вере, святой отец, я начинаю подозревать его в своекорыстии, — ответил я. — "И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми."

— Уходи прочь, нечестивец! — загремел жрец, показывая на дверь.

— С превеликим удовольствием. Но напоследок скажу тебе, чертов ханжа — я знаю, что тут происходит. Ума и терпения распутать все это у меня хватит, уж будь спокоен. И очень скоро барон будет знать правду. Я об этом позабочусь.

— Кин, вышвырни этого человека из храма! — взвизгнул отец Парис.

Чернобородый верзила шагнул ко мне, занеся свою метлу для удара, но я быстро обнажил меч и приставил острое к его груди, заставив остановиться.

Подмигнул побелевшему от бешенства жрецу и пятясь отступил к двери, а потом вышел на улицу.

Ну, и чего я добился? Теперь проклятый святоша настроит против меня все население Кадуорса, и это не очень-то хорошо — глядишь, и меня попытаются линчевать, как несчастную Асель и ее дочь. Хотя нет, вряд ли, я все-таки дворянин, и эти уроды прекрасно

понимают, что мое убийство им не сойдет с рук. Но запугивать меня будут. Я не сомневался, что Парис и его шавки с этого момента будут делать все, чтобы я побыстрее покинул Кадуорс. Ладно, посмотрим, у кого нервы крепче...

Вернувшись в таверну, я забрал коня и поехал в замок — нужно было хорошенько отдохнуть перед завтрашним днем. Я решил не рассказывать барону о своем разговоре с его женой и отцом Парисом, просто лег и проспал беспробудно до самого полудня. Разбудил меня паж, который пригласил к столу.

— Благодарю, но я должен подготовиться к вечеру, — заявил я, надевая камзол. — Передай его светлости, что я хотел бы поговорить с ним с глазу на глаз, когда ему удобно.

— Никак невозможно, эрл Сандер, — заявил паж. — Его светлость еще на рассвете уехал в Данмут.

Так, любопытный поворот. Или у лорда Кадуорса действительно возникли неотложные дела в Данмуте, или же блестящий лорд банально струсил, решил в ночь полнолуния уехать подальше отсюда. А может быть, барон не хочет, чтобы моя гибель бросила на него тень. Такое тоже возможно.

Не дождутся. Я у них у всех костью в глотке застряну.

Улицы Кадуорса были пустынные. В корчме меня ждал сюрприз: трактирщик, краснея, бледнея и запинаясь, заявил мне, что его таверна слишком убога для такого знатного господина, как я.

Ого, все случилось именно так, как я предполагал. Отец Парис, хитрый сукин сын, уже подсуетился. Мне в Кадуорсе объявлен бойкот. И для начала наехали на беднягу корчмаря.

— Вот как? — Я приподнял бровь. — Значит, три дня была хорошая, а тут стала убогой?

— Милостидарь... не прогневайтесь... не стоит вам у нас, недостойных, бывать, — трактирщик будто съезжился весь. — Не место вам тут, вам замок впору, не корчма сельская...

— Я понял тебя. Не беспокойся, завтра меня не будет в Кадуорсе.

Трактирщик быстро-быстро закивал. Я подумал, что события повторяются: когда разъяренная толпа фанатиков учинила самосуд над Асель и ее дочкой, барон тоже был в отъезде. Похоже, все идет по однажды испробованному сценарию. Но самого главного я пока не знаю — за кем Стая придет этой ночью.

— Дай мне стакан вина, — потребовал я, положив на стойку медную монету.

— Вы...это... только не гневайтесь...

— Да не гневаюсь я. Ты хороший человек. Вина дай.

Я выпил стакан в два глотка, поправил перевязь с мечами и вышел из корчмы. На улице я столкнулся с де Сарвилем, который шел, погруженный в свои мысли и что-то бубнил себе под нос.

— Я очень плохо спал, — заявил он. — Наверное, это волнение.

— Вам лучше оставить свою дурацкую затею, — посоветовал я. — Сегодня в Кадуорсе себя проявит самая темная сила. Так что собирайтесь и уходите отсюда. Или найдите дом с надежной дверью, которая защитит вас.

— Думаете, вы храбрее меня? — Де Сарвиль упер руки в бока, посмотрел на меня с вызовом. — Я не боюсь ни Стаи, ни вас.

— Вы просто осел, которому жизнь не дорога.

— Вы оскорбляете меня! Я требую удовлетворения!

Я заметил, что несколько прохожих остановились и греют уши, прислушиваясь к нашей

перебранке. Отлично, это то, что нужно.

— Удовлетворения? — хмыкнул я. — Отлично. Сегодня на закате у развалин дома ведьмы. И потрудись раздобыть оружие. Придешь безоружным, я просто выпущу тебе кишки. Все понял, ботаник?

Де Сарвиль просто задохнулся от возмущения. Если бы он мог убить меня взглядом, я был бы уже мертв. Повернувшись на каблуках, я пошел по улице в сторону замка с уверенностью, что очень скоро о нашей ссоре станет известно отцу Парису. И я смогу проверить кое-какие свои выводы.

***

День показался мне бесконечным. И я был почти рад, когда солнце, наконец-то, зашло за лесистые холмы, окружающие Кадуорс. Приближалась ночь полнолуния, и я был к ней готов.

Труднее всего было добраться до пожарища так, чтобы меня никто не заметил. Для этого мне пришлось сделать крюк чуть ли не в два километра длиной через хвойный лес. К своему удивлению, я увидел возле развалин де Сарвиля — он ждал меня, сидя на поваленном дереве. В руках у парня был длинный шест в руку толщиной.

— Я готов, — заявил он с самым гордым видом. — Можем начать прямо сейчас.

— Можем, но не начнем, — ответил я, глядя на край примыкавшего к околице леса. — Я в последний раз предлагаю вам уйти отсюда. Сумерки сгущаются, очень скоро взойдет луна, и будет поздно.

— Вы трус, эрл Сандер. Впрочем, если вы принесете мне свои извинения, я, пожалуй...

— Все, солнце село. — Я выхватил меч и так быстро приставил его к груди де Сарвиля, что он даже не успел среагировать. — А теперь будешь делать то, что я скажу.

— Эээ? — Де Сарвиль явно не ожидал такого поворота.

— Не беспокойся, мне не нужна твоя жизнь, — зашептал я. — Наоборот, я хочу спасти нас обоих. Для этого нужно устроить небольшой спектакль. Готов?

— Я... не понимаю.

— Сейчас ты сделаешь вид, что дерешься со мной. Кричи громко, осыпай меня ругательствами. А потом я убью тебя. Понарошку, конечно. Упадешь на землю и будешь лежать тихо, пока я не скажу. Что бы ни случилось, лежи неподвижно. Все понял?

— Эээ... да-а.

— Защищайся! — крикнул я, отпрянул назад и встал в позицию.

— Я убью тебя! — заорал де Сарвиль и рванулся вперед.

Конечно, наш поединок выглядел сплошной театральщиной. Я все время оборонялся, отбивая неуклюжие удары палкой и думая только о том, как бы и в самом деле не поранить этого чудака. Так мы дурачились, наверное, пару минут, после чего я, улучив момент, сильно толкнул де Сарвиля в грудь. Он упал, я вонзил меч в землю рядом с ним, будто добивая. Вальарданец издал громкий вопль и "умер", широко раскинув руки и ноги. Я надеялся, что сторонний наблюдатель, — а я был уверен, что за нашим поединком следили очень заинтересованные персоны, — подумал, что я и впрямь прикончил беднягу.

Руки у меня дрожали. Я воткнул Солер в землю и начал высекать искру, чтобы разжечь факел. Наконец, трут затлел, вспыхнул язычком пламени, и в эту секунду над ночным лесом прокатился громкий и протяжный горловой вой, а следом я услышал низкий угрожающий

лай здоровенных псов.

— Ой! — воскликнул де Сарвиль и едва не вскочил на ноги, но я повалил его на землю, прижал к траве всем телом.

— Лежать! — зашипел я парню в ухо. — Встанешь, когда я скажу.

Держа разгорающийся факел в левой руке и меч в правой, я ждал появления Стаи. Но сначала появился отец Парис — он вышел из-за молодых елочек, направляясь прямо ко мне.

— И почему я не удивлен? — сказал я.

— Кин! — позвал жрец.

Послышался шорох ветвей и глухое ворчание. Из-за деревьев появился храмовый прислужник, держа за поводки двух здоровенных, похожих на ротвейлеров псов. Глаза собак горели в темноте зелеными огоньками, я слышал их шумное дыхание.

— Полная луна взошла, — жрец показал на небо. — Я же предупреждал, что ты не сможешь противостоять Стае. Но ты не послушал.

— И эта вся Стая? — Я посмотрел на Кина и его собак. — Три пса, двуногий и два четвероногих. Я ожидал большего.

— Не надо было приезжать в Кадуорс, эрл, — ответил отец Парис. — Ты сам виноват в своей смерти.

— Ну, коль скоро я приговорен к смерти, прошу последнего слова, — я отошел к плетню, прикрывая спину. — Так уж получилось, что новой жертвой твоих псов-людоедов стану я. А если бы меня не было, кого ты собирался скормить этим тварям?

— Так ли это важно? — Парис развел руками. — Я же говорил, что Стая убивает невинных. К тебе это, впрочем, не относится — ты убил этого юношу противно правилам дуэли, без секундантов.

— Хорошо, тогда второй вопрос. Как долго ты собирался еще напускать Стаю на Кадуорс? Или это не ты решаешь, а, преподобный? — Я сделал паузу. — Собачки ваши в Арле куплены, верно? Одна ценительница породистых псов мне недавно хвасталась, какие в Арле чудные собаки.

— Мне жаль тебя, эрл. Ты умный человек, если смог догадаться. Но пощады тебе не будет. Ты слишком многое узнал. Я удивлен.

— Нечему тут удивляться. Сначала я обратил внимание на странное совпадение — Стая убила твоих соучастников, тех, кто помогал тебе обвинить Асель. Правильный поступок, Парис: во-первых, несколькими негодьями стало меньше, во-вторых, денежки вернулись к тебе. Но это так, к слову. Мне нужен был мотив. Я не верил, что ты мог устроить расправу над бедными женщинами из тупого фанатизма — не такой ты человек, Парис. Значит, был кто-то, чью волю ты выполнял. Я понял чью, когда побывал на пепелище. Ненависть заставляет людей делать роковые ошибки. Баронесса не позволила хоронить останки несчастных женщин, и сама того не желая дала мне такую улику, которая все объяснила. Здесь, на этом пожарище, на обгоревших костях я нашел кольцо — слишком дорогое для деревенской колдуньи. Кто мог подарить его ведьме Асель? Только очень богатый человек. Не сельский эшевен, не жрец храма Высших — мелковаты они для таких царских подарков. Но я догадался. Я видел лицо барона, когда отдал ему это кольцо. Мне все стало понятно. Я понял, почему погибли Асель и ее дочь, и кто за этим стоял.

— Довольно! — Голос отца Париса напоминал змеиное шипение. — Кин!

Ротвейлеры рванулись вперед и понеслись прямо на меня. Но добежать и разорвать меня в клочки не успели — покатались по траве с визгом. Секундой спустя и Кин рухнул

рядом со своими псами, получив арбалетный болт прямо между глаз.

Из-за деревьев вышли воины в епанчах с гербом барона Кадуорса, держа в руках арбалеты. Сам барон тоже был с ними. Завидев его, отец Парис попятился назад.

— Милорд, я... — залепетал он, но Белзон Кадуорс не дал ему закончить. Свистнул меч, и жрец повалился в траву, заскреб землю ногами, хрипя и выплевывая кровь.

— Наверное, я должен радоваться. — сказал барон, вытирая клинок полой плаща. — Но я не могу. Слишком темно на сердце.

— Милорд, вы спасли нам жизнь, — я поклонился и слегка толкнул ногой де Сарвиля. Вальарданец охнул, быстро вскочил на ноги и тоже склонился перед лордом.

— Хитрецы, — только и сказал барон.

— Вы успели как раз вовремя, — сказал я.

— Нет, не успел. Меня не было здесь, когда эти... когда они убили Асель и мою дочь. Да, ты не ошибся — этот перстень подарил я. Только не Асель, а Миу, в день ее тринадцатилетия. Я верил, что кольцо принесет ей счастье. Я не смог спасти их, а ведь когда-то Асель отвоевала меня у смерти. Во время похода в Висланд в нашем лагере началась моровая болезнь, и я заразился. Асель выходила меня. Эта женщина стала для меня смыслом жизни. Я не мог жениться на ней, но мечтал, что она всегда будет рядом со мной. Она и Миу. Мы придумали историю, что Асель была женой одного из сыновей Жермона, умершего от чумы. Я не знаю, откуда эта тварь узнала правду. Когда они погибли, я был готов сжечь всю деревню.

— Мне очень жаль, милорд.

— Арльский манок, — барон наклонился и снял с трупа отца Париса маленький серебряный рожок на цепочке. — Очень точно подражает вою вожака, зовущего стаю на охоту. Охотники на волков в Арле используют его, загоняя зверей в западню. Покажу его своей ненаглядной женушке, а потом отошлю ее папаше и потребую развода. Сожалею, что не могу прикончить ее, как этого вероломного пса Париса. Двести денариев твои, эрл Сандер. И еще моя благодарность.

— Главное, что Стая больше не потревожит.

— Лучше бы это была Стая. — Барон закрыл лицо руками и тяжело вздохнул. — Сейчас уходите, оба. Мои воины проводят вас в деревню.

— А вы, милорд?

— Я останусь. Хочу похоронить их по-человечески....

***

Я покидал Кадуорс с тяжелым чувством. С лордом Кадуорсом я больше не встретился: деньги, двести денариев, пополнивших мой кошелек, мне передал его оруженосец. Даже полученное на мой смартфон сообщение о том, что я успешно выполнил задание "Стая", получил по его итогам четвертый ранг в классе "Старший сын" и +10 к Репутации, не особо обрадовало меня. Лишь было облегчение от того, что это мрачное дело, наконец-то, закончено.

С де Сарвилем мы простились совершенно по-дружески. Парень пригласил меня в гости в Мезо и заявил, что угостит меня на славу. Кроме того, еще раз посетовал на то, что не встретился с оборотнями.

— Есть вещи куда страшнее, — ответил я. — Удачи тебе, сударь. И будь осторожен.

— Мы еще увидимся, — пообещал де Сарвиль, пожимая мне руку. — А о нашем приключении я обязательно напишу в своей книге.

— Купи себе оружие, — посоветовал я, забрался в седло и поехал своей дорогой.

Глава восьмая: Зараза

В моей жизни было не так много напрягов и стрессов. Самый, пожалуй, большой стресс я испытал, когда мама нас оставила (так скажу, не могу говорить "умерла"), да еще когда сдавал ЕГЭ, но это случилось уже довольно давно. Мелкие неприятности и проблемы не в счет. Наверное, поэтому мне было так тяжело приходить в себя после событий в землях лорда Кадуорса. Слишком впечатляющий букет эмоций я там испытал. Да и вообще, за последнее время я прошел в этой реальности через такое, что в моем мире можно разве только в фильме ужасов увидеть и чего не на одну жизнь хватит. Но была во всем этом и хорошая сторона — я справился. Причем в самом лучшем виде.

Эдерли был доволен. Вручил мне десять денариев премии (про полученные от барона двести монет я, естественно, умолчал) и заявил, что вот теперь для меня начнется настоящая работа.

— Стоп, — сказал я, — минуточку, почтенный маг! Во время нашей прошлой встречи вы сказали, что я если я выполню задание в Кадуорсе, то могу послать вас, куда мне угодно. Я его выполнил и потому посылаю вас на...

— Не торопитесь, — оборвал меня Эдерли. — В нашу прошлую встречу вы не сказали мне главного.

— Зато в эту наверстываю упущенное. Иди-ка ты...

— Вы Преследователь, — заявил Эдерли, пристально глядя на меня. — Лорд Неллер предупредил меня, да-да.

— Это так важно? — Я насторожился.

— Необычайно важно. У вас есть главная задача — найти Джозефа Джаримафи.

— Допустим. Что дальше?

— Достойная цель, но у любого поиска должна быть отправная точка, не так ли? Вы же не собираетесь обшарить все Десятигорье без всякой надежды на успех.

— Так, — я скрестил руки на груди. — И вы можете мне помочь?

— Вот, — Эдерли подал мне маленький свиток. Я развернул его и прочел следующее:

Дорогой эрл Сандер!

Вы многое сделали за последнее время, и я восхищен Вашими подвигами. Эдерли прекрасно отзывается о Вас. Понимаю, что Вы устали, но хочу просить Вас об еще одной услуге. Мы получили тревожные известия из коммуны Монсальват. Нашему агенту там может понадобится помощь. С другой стороны, у нас есть все основания думать, что интересующее Вас лицо может появиться в Монсальвате. Подробности у Эдерли. Еще раз благодарю Вас за работу.

Ваш друг Н.

— "Н" значит Неллер? — спросил я, бросив свиток на кровать. — Кто вы, черт вас заберет, такие?

— Ваши друзья, прочее вам пока не следует знать, — Эдерли что-то произнес, взмахнул

рукой, и кусок стены два на два метра справа от меня превратился в подробнейшую цветную анимированную карту Десятигорья — реки на карте текли, листочки на миниатюрных деревьях шевелились под ветром, а по дорогам от города к городу, от деревни к деревне передвигались крохотные фигурки повозок и всадников. Завораживающее было зрелище, надо сказать. — Вот он, Монсальват, в тридцати лигах восточнее Донкастера. — Эдерли ткнул пальцем в городок, расположенный в живописнейшей долине. — Всего два дня пути отсюда. Чем быстрее вы туда отправитесь, тем лучше, да-да.

— Опять используете меня втемную? — Я смерил мага презрительным взглядом. — Не люблю я такую постановку вопроса.

— Это в ваших интересах. Вы же ищете Джозефа Джаримафи, верно? У вас есть шанс напасть на его след. Цельс поможет вам.

— Цельс?

— Наш агент в Монсальвате. Он сообразительный малый и будет вам очень полезен. Как и вы ему. — Эдерли снял с пальца серебряный перстень и подал мне. — Покажете ему это кольцо, он поймет, что это я вас прислал.

— Неллер говорит о подробностях. И об интересующем меня лице. О Джаримафи, не так ли?

— Ладно, не стану темнить. В Монсальвате мор. Цельс занимался там врачеванием, у него в Монсальвате неплохая практика. Хороший доход как бы. Но тут не все так просто. Есть тревожные признаки, поэтому ему нужна помощь.

— Колдовская порча?

— Последствия войны магов, я думаю. Это серьезнее, чем вы думаете.

— Ну да, компания "Амбрелла" и все такое, — я чихнул. — А если я не справлюсь?

— У меня предчувствие, да-да, предчувствие, что вы как раз справитесь лучше других.

Мой смартфон, словно подтверждая слова мага, немедленно отозвался переливчатой трелью. Сообщение было коротким и сухим:

Добавлено задание "Чума"

Встретиться с Цельсом в Монсальвате.

— Всю жизнь боялся инфекций, — заметил я, убирая трубку. — А если я заболею и умру?

— Мы все чем-нибудь рискуем, — с самым равнодушным видом ответил Эдерли. -

— Цена вопроса?

— Двадцать денариев, если разберетесь с происходящим, и доставите Цельса ко мне. По рукам?

— Венки на мою могилу за ваш счет, или за мой?

— Мрачные у вас шутки, эрл Сандер. Не волнуйтесь. В прошлый раз я вам обещал мои эликсиры, но вы убежали, так и не взяв их. Вот, возьмите. Это зелье полного исцеления и эликсир откровенности. Помогает развязать языки нужным людям, да-да.

— И все же, Эдерли — кто вы такие?

— Лорд Неллер вам все объяснит, когда придет время. Но не раньше.

— Ясенько. Очередное тайное общество, спасители мира, или секта чокнутых. Мало мне было магов и ведьм.

— Про друидов не забудьте, — заметил Эдерли. — Когда отправитесь в дорогу?

— Когда отдохну. Я ж не ломовая лошадь.

— Законное желание. Только не напивайтесь, это вредно.

— Да пошел ты... — Я сбежал по лестнице к выходу и вышел в город. Мысли были невеселые. Неллер и компания вцепились в меня мертвой хваткой. Самое неприятное, что они знают обо мне многое, а я о них практически ничего. В этот момент тренькнул мой смартфон.

"Кое-что о магической алхимии.

Маги Санктур используют зелья из особым образом обработанной воды, еще известной как Абсолют — так называемые абсолютные напитки силы, здоровья, энергии, восстановления, защиты и покоя. Абсолютная вода, насыщенная определенной энергетикой, используется для лечения, пополнения маны, восстановления выносливости и защиты от вредоносной магии Сестер. Процесс изготовления абсолютных напитков крайне сложен, эликсиры могут изготавливаться лишь в специальных лабораториях, поэтому кроме магов Санктур эту разновидность алхимии не использует никто.

Ведьмы Тойфельгартена используют в различных сочетаниях и концентрациях уже знакомые тебе эликсиры Красносок, Белосок и Черносок, усиливая или развеивая их действие специальными заклинаниями. Рецепт эликсиров неизвестна, считается, что в их состав входят не только природные зелья, но еще и искусственно созданные ведьмами ингредиенты, не имеющие аналогов в природе.

Друиды используют эликсиры и мази из ингредиентов растительного и животного происхождения. Огромные познания друидов в области траволечения и применения природных компонентов в магических целях позволяют им получать чрезвычайно мощные (так называемые идеальные) алхимические смеси. Однако есть непроверенные сведения о том, что эффективность действий эликсиров друидов усиливается определенными заклинаниями."

— Об антибиотиках ничего не сказано, — резюмировал я, прочитав сообщение. — И о галоперидоле. А мне он ой как бы пригодился!

Итак, о чем я думал, точнее, о ком? О Неллере. Ясен пень, старикашка не так прост, как старается казаться. Наверняка входит в какое-то местное тайное общество — несомненно, влиятельное, если может вот так, походя, выложить для своего фактотума-мага сто денариев. А может, даже возглавляет это самое общество. И с магами Санктур вроде бы не связан. "Я ваш союзник", — сказал он мне. Но это может быть просто уловка. Хрен его знает, что у этого старичка на самом деле на уме.

Эдерли мне тоже не нравится. Возможно, он хороший маг, но придурочный какой-то. И он меня использует, даже не скрывая этого. Я этого не люблю, но деваться пока некуда. Пока я не отыщу Джаримафи, мне придется терпеть всех этих господ. Но сперва надо найти приличное место, где можно поесть и выпаться.

Я довольно долго бродил по городу в поисках пристанища, пока, наконец, не определился с выбором. Гостиница "Белые голубки" на Купеческой улице определенно вызывала доверие — холл был чистым, хозяин, эдакий добряк с румяным лицом и открытым взглядом, располагал к себе, а девушки-подавальщицы были миленькими и аккуратно

одетыми. Цены тоже оказались божеские. Мне подали ужин, и мне показалось, что я никогда в жизни не едал такой вкуснятины. Жареный цыпленок с рисом, черносливом и пряностями, да с домашним отлично выпеченным хлебешком, да под отличное белое вино — ну что может быть лучше?! Наевшись и напившись, я тут же отправился в свою комнату и завалился спать, и готов поклясться, что давно я не спал так сладко.

Утром, разбуженный солнцем, заглянувшим мне в окно, отдохнувший, умиротворенный и расслабленный, я еще какое-то время лежал в постели и обдумывал дальнейшие действия. Во-первых, торопиться я не буду — никуда этот Цельс не денется. Во-вторых, у меня есть двести денариев, сумма очень приличная. Не поскупился барон Кадуорс, надо отдать ему должное. Как лучше всего ими распорядиться? Вариант первый — я могу заказать себе доспехи. Хорошая идея, благо, сумма позволяет купить самолучший доспех, ту же карбоновую кольчугу с антимагической защитой. У меня еще и останется кое-что на кармане. Вариант второй — положить деньги в банк и брать по мере надобности. Таскать с собой такую кучу золота тяжело и опасно. Но насколько надежны тут банки? И не привлечет ли мой немаленький вклад ненужного внимания? Конечно, можно растыркать деньги частями по разным банкам. Вроде бы хорошая мысль.

Нет, все-таки закажу доспехи. Можно рискнуть и съездить к Швеллеру в Альдре. Можно навестить оружейника Ансельмо в Донкастере и посмотреть, что он предложит. Второй вариант предпочтительней, негоже мне показываться в Орандуре после истории с книгой из княжеской библиотеки. А пока есть предложение одеться и закинуть чего-нибудь в топку.

Позавтракав жареным хлебом, сыром, отличной грудинкой и запив все это парой кружек яблочного сока, я отправился на прогулку. Погода была ясная, теплая, улицы в Эттбро просохли от грязи, и я смог осмотреть центр городка, походил по рынку, где торговцы наперебой зазывали меня к своим прилавкам, побеседовал с приезжим рыцарем, который искал в городе приличный бордель и понял, что содержательного отдыха в Эттбро не получится, уж слишком скучный это город. Так что я вернулся в гостиницу, забрал Грига, закупил у трактирщика провизии для себя и у мукомола десять фунтов отборного ячменя для коня, и еще до обеда выехал из города.

В прошлое мое путешествие между Эттбро и Донкастером я потратил два дня, в этот раз доехал за сутки. Поспал два часа в гостинице и пошел искать мастерскую Ансельмо.

Прославленный оружейник принял меня в магазине, где было на что посмотреть. Уж ничем не хуже был магазинчик, чем у Швеллера.

— Добро пожаловать, молодой господин, добро пожаловать! — прогудел Ансельмо, скрестив на бочкообразной груди громадные волосатые ручки. — В моем магазине лучшее оружие в Донкастере. Желаешь заказать что-нибудь?

— Ищу хороший доспех, — ответил я. — Легкий. И самый лучший из того, что у тебя есть, мастер.

— Доспехов у меня много. — Оружейник посмотрел на меня изучающе. — А какой суммой располагаешь, ежели не секрет?

— Двести денариев.

— Ого! — Ансельмо сразу подобрался весь, чуть ли не по стойке "смирно" передо мной встал. — Раз так, следуй за мной, покажу кое-что...

Он провел меня в обширную мастерскую, где над верстаками корпели два чумазых подростка-подмастерья — наше появление не заставило их бросить свою работу. Далее мы поднялись на второй этаж, в жилую часть дома, прошли в кабинет, где Ансельмо предложил

мне сесть в кресло, а сам занялся дверью массивного несгораемого шкафа, занимавшего чуть ли не треть комнаты.

— Давненько я не отпирал этот шкаф, — сообщил он мне, возясь с замком. — Клиентов мне до тебя, сударь, денежных не попадалось... А, вот так! Что ж, смотри, выбирай.

Я заглянул в шкаф. Три доспеха на деревянных подставках — две кольчуги, блестящая серебристая и вороненая, без блеска, и куртка из черной жирно лоснящейся кожи с металлической клепкой на груди и плечах.

— Это кольчуга Зула Кровавого, — пояснил Ансельмо, показывая на серебристую кольчугу. — Был в Первую войну домов такой кондотьер. Запродался с потрохами ведьмам Тойфельгартена и получил от них эту заговоренную кольчугу. Это муррейская сталь, такую теперь никто варить не умеет. Защищает от оружия, заклинаний огня и мороза. Сто семьдесят денариев. Торкарская карбоновая кольчуга без истории, но доспех отличный. Эту отдам за сто пятьдесят золотых.

— А куртка?

— Настоящая кожа дракона. Мой отец ее делал, а я помогал, когда еще мальцом был. Кожу дракона отцу за сто монет продали охотники, которые эту тварь три года выслеживали и убили, наконец, в пещере на склоне Ведьминого котла. Она тебе в двести двадцать монет обойдется.

— Так дорого?

— Я же сказал — это кожа дракона, а не быка или свиньи. — Ансельмо снял куртку с подставки, протянул мне. — Надевай.

Я взял куртку и поразился, насколько она легкая. Просунул руки в рукава, застегнул крючки. Мой размер определенно. Классная куртка, в моем мире все байкеры обзавидовались бы.

— Ежели не боязливый ты, кое-что тебе покажу, хочешь? — спросил Ансельмо.

Я кивнул. Мастер подошел к столу, взял со столешницы один из кинжалов, вытащил оружие из ножен и внезапно, со всей силы ударил меня этим кинжалом в живот. Я вскрикнул, отпрянул назад, хватаясь за меч, но Ансельмо только расхохотался.

— Мир, мир! — гаркнул он, бросив кинжал на пол. — А теперь посмотри на место удара.

Я опустил взгляд. Куртка осталась совершенно целой, ни прокола, ни вмятины.

— Я ж говорю, драконья кожа, — заметил Ансельмо с довольной усмешкой. — Ничем не пробьешь. Ни стрелой, ни копьем, ни мечом. Даже магическим оружием. Сырости, огня и разных едких субстанций тоже не боится. Потому и стоит столько.

— У меня есть только двести пять денариев, — сказал я, продолжая ощупывать живот.

— Нет, скидки не будет. Но вижу я, что ты парень честный, да и куртка будто на тебя делалась. Напишешь мне расписку, что обязуешься в течении месяца доплатить мне двадцать денариев, и забирай доспех.

— Так это будет двести двадцать пять золотых.

— Пять золотых за рассрочку. Согласен?

— Ладно, — вздохнул я. Кольчуги конечно дешевле, но куртка и в самом деле суперская, да и носить ее как-то привычнее. — Давай бумагу.

— Поверь, еще благодарить меня будешь. Второго такого доспеха в Десятигорье нет.

Через пару минут сделка была заключена. Я написал расписку, подписал ее, и мастер спрятал бумагу в стол. Куртка стала моей. На расходы мне осталось пять денариев.

— Давно у меня не было такого покупателя, — заявил мне оружейник. — Как твое имя, парень?

— Эрл Сандер Сорм.

— Джернона Сорма сынок? — Ансельмо был удивлен. — Мой отец с твоим батюшкой дело имел. Барон Сорм частенько у нашей семьи оружие заказывал.

— Мир тесен. Мне пора, мастер.

— Всегда рад видеть тебя в своем доме, молодой господин. Теперь у тебя есть скидка на все изделия Ансельмо. Коли что понадобится, милости прошу.

***

Я довольно хорошо запомнил карту Эдерли. Судя по ней от Донкастера до Монсальвата было около тридцати миль, если ехать прямо на восток, немного ближе, чем если бы я поехал из Эттбро. Для хорошего наездника на хорошем коне сущий пустяк. Однако я не учел одного обстоятельства. Наверное, я проехал миль пятнадцать и уже подумывал об отдыхе, как внезапно увидел поднимающийся над верхушками деревьев дым.

Дымил открывшийся за поворотом дороги лагерь, точнее большие костры, которых было много, и судя по густоте и цвету дыма, жгли в них не только дрова, но и бочки со смолой. Вокруг костров располагались шатры и шалаши из лапника, возле которых ходили обитатели лагеря — мужчины, женщины, дети, грязные и испуганные. Народу было много, наверное, несколько сотен человек. В импровизированных загонах был скот — овцы, коровы, свиньи и козы, еще по лагерю расхаживали тощие грязные куры. Дальше, по сторонам от тракта, я увидел две сколоченные из неструганных лесин вышки с наблюдательными башенками, в которых стояли часовые. Чуть в стороне, у границы леса, стояли еще несколько шатров, окруженных палисадом, с открытыми воротами. Дорогу метров на сто-сто пятьдесят занимала вереница повозок и фур, упершаяся в импровизированный шлагбаум, перекрывавший дорогу. Здесь была охрана, полтора десятка воинов в кожаных кафтанах и железных шлемах, вооруженные алебардами и самострелами.

— Стоять! — рявкнул мне командир поста, делая знак остановиться. — Дорога закрыта, поворачивай обратно.

— Что тут у вас творится, офицер? — спросил я. Попутно заметил, что дорога за шлагбаумом перекрыта еще и длинными рогатками с угрожающе торчащими острыми кольями.

— А тебе что, парень? Сказано — вертай коня!

— Вот, взгляни, — я наклонился в седле, показывая командиру поста вальзератский перстень. — Уяснил?

— Дознаватель? — Офицер тут же убрал ладонь с рукояти меча, сухо улыбнулся. — Тогда понятно. Помощь нам будет?

— Какая помощь?

— Кордон удерживать. У нас ведь тоже силы не бесконечные. Уже неделю подмоги ждем. Эта болваны в Данмуте совсем про нас забыли, что ли?

— Я об этом ничего не знаю.

Офицер перестал улыбаться.

— Проклятие, так ты не из Данмута?

— Из Донкастера. Еду в Монсальват по важному делу.

— Проезд запрещен. В Монсальвате мор. Никому не разрешено даже приближаться к границе коммуны.

— Знаю про мор. Я же сказал, офицер — у меня важное дело.

— А у меня долг перед всеми этими людьми. — Офицер показал на лагерь. — Знаешь, что такое чумной кордон?

— Наслышан. Имя свое назови.

— Это еще зачем?

— Вернусь в Данмут, доложу герцогине, кто мешал мне исполнить повеление ее высочества.

— Ты бы язык придержал, парень, — ответил офицер, впрочем, без особой злобы. — Думаешь, твоя роскошная драконья куртка защитит тебя от заразы?

— Защитит не защитит, это моя забота. У меня задание, и я....

— Не знаешь ничего, — закончил за меня офицер. — А знал бы, понял, что дело дрянь. В Монсальвате хрен пойми, что творится. Шериф умер от чумы, предстоятель и мэр тоже. Если и остались там здоровые, то ненадолго. Все, кому удалось сбежать, тут собрались. Жратва и вода и кончается, а помощи никакой. Идти нам некуда. Если чума сюда доберется, все мы мертвецы.

— Затем я и прибыл, чтобы своими глазами все посмотреть и помочь, если нужно. И еще, я ищу человека по имени Цельс. Знакомое имя?

— Нет. — Стражник помолчал. — Плохую работу тебе поручили, приятель, ну да ладно, твои дела меня не касаются. Уже смеркается. До утра тебе лучше здесь переждать. А там если захочешь в ад спуститься, твоя воля. Хотя тут тоже небезопасно.

— Меня зовут Сандер Сторм, — я спешил, протянул офицеру руку. — Если что, с радостью помогу.

— Лейтенант Свейз, помощник шерифа Монсальвата, — офицер учтиво поклонился, но руки мне не подал. — Рад знакомству, но еще раз повторяю — коли есть у тебя возможность уехать, сваливай отсюда побыстрее. Я бы на твоём месте...

Офицера прервали громкие крики, и я успел заметить, как побледнело лицо Свейза. Охрана тут же забыла обо мне, и все внимание солдат привлекло нечто, летевшее над лесом в нашу сторону. Обитатели лагеря с криками ужаса бросились к повозкам и шатрам, спеша укрыться и на бегу хватая детей, скотина начала реветь и блеять — словом, началась суматоха. Я вытащил из ножен Селенар и, держа Грига за повод, наблюдал за летящим к нам неведомым существом.

Тварь между тем приблизилась к башенкам на расстояние выстрела из лука. Я не мог ее разглядеть — мешало заходящее солнце, светившее прямо в глаза. Но у часовых на вышках был, видимо, другой ракурс обзора, и они были готовы — сразу два болта попали в загадочного летуна. Существо громко и хрипло заревело, камнем рухнуло в кусты метрах в пятидесяти от дороге, мгновение спустя свечой взмыло вверх, хлопая крыльями, и тут третий болт, очень удачно пущенный одним из стражников, попал в цель и окончательно приземлил летуна. Я побежал вместе со стражей к месту падения чудища, но все решилось без меня — подоспевшие первыми воины несколькими ударами алебард добили тварь, которая издохла с противным, режущим уши визгом.

— Отличный выстрел, Белзак! — крикнул Свейз, обращаясь к воину, пустившему третий болт. — Смотреть всем в оба, могут еще появиться!

Я подошел, чтобы рассмотреть убитую воинами неведому зверюшку, уже не подававшую

признаков жизни. Ничего более мерзкого мне до сей поры не приходилось видеть: мертвая гадина напоминала ужасающий гибрид человека и летучей мыши. Кожистые крылья были примерно метра три в размахе, одно из них сломалось при падении, и обломок кости торчал из окровавленной раны. Все тело существа, сухое и изможденное и больше похожее на обтянутое жирно блестящей кожей скелет, покрывали белые, черные и сизые пятна, гнойные язвы и нарывы, с черепа свешивались клочья длинных слипшихся волос. Морду уродины даже не берусь описать, такой жуткой она была. Пальцы рук и ног были вооружены длинными загнутыми когтями. От твари исходил тяжелый запах мертвечины.

— Тьфу! — гадливо плюнул Свейз. — В огонь его, ребята. Только не коснитесь этой падали, во имя Вечных!

Солдат не надо было просить дважды: подцепив труп мерзкой твари крючьями алебард, солдаты сволокли его к самому большому костру и забросили в пламя.

— Видал? — Свейз плюнул еще раз. — Уже днем летают.

— Что это за мерзость? — спросил я.

— Зачумленный. Когда-то он был человеком, но потом превратился вот в это.

— Разве такое может быть?

— Еще как может. А всему виной проклятые лекари. Вместо того, чтобы еще в начале мора сжигать тела умерших, хоронили их в земле. А покойнички ожили и превратились в упырей.

— Да, отвратно, — я почувствовал тошноту. — Не завидую жителям Монсальвата.

— Готов поспорить, что эти гады уже убили и сожрали всех, кто еще оставался в Монсальвате. А покончив с ними, полезут сюда, про наши души. Видишь, что тут творится?

— Все мне понятно, но у меня задание найти Цельса. Я не могу уехать без него.

— Со смертью играешь, сударь. — Свейз тяжело посмотрел на меня. — Ежели заразишься, спасения не будет.

— Понимаю. Можешь предложить вариант получше?

— Скажу честно — мне лишний боец не помешал бы. В лагере несколько сотен человек, но это бабы с детьми, да обыватели, которые собственного пердежа пугаются. Я бы с ними в бой не пошел. Струсят, разбегутся.

— А чего тогда здесь торчат?

— Я же сказал, некуда нам идти, — с тоской ответил Свейз. — В окрестных поветах про мор уже знают, никуда нас не пропустят. Законы о кордонах не отменял никто. Да и у всех кто-то в Монсальвате остался. Вера нас тут держит.

— Значит, говоришь, струсят горожане, подведут? А если нет? Говорить с ними пробовал?

— Если честно — не пытался.

— Знаешь, если сильно нужда припрет, и заяц на волка кидается, — я помолчал. — Давай-ка поговорим с ними. Оружие у тебя есть?

— Стрел и болтов достаточно, несколько длинных луков есть, топоры, косы, а более ничего.

— И то хлеб, — резюмировал я. — Будем проводить разъяснительную беседу. Авось в ком-нибудь мужское начало и проснется.

Рядом с воинами Свейза, в кругу света от большого костра я чувствовал себя в относительной безопасности. Мы ели горячую, прямо с огня овсяную кашу с кусочками свиного сала, и лейтенант рассказывал мне о том, что произошло в Монсальвате.

— Демоны его знают, откуда эта зараза в наш город пришла, — говорил он. — Но первые больные недели три назад появились. Началось все в Хедском монастыре у Восточных ворот. Лекари чертовы только руками разводили — мол, ведать не ведаем, что за хворь такая. Человек сначала кашляет и чихает, потом нарывами покрывается, и дальше только смерть. С утра здоров, к полудню труп. Ну а потом мор в город пришел. Целые кварталы вымерли. Все, кто уцелели, здесь. Может, кто живой еще и в городе прячется, но я так думаю, обречены они.

— Ты людей из Монсальвата вывел?

— Я. — Свейз глотнул из фляги, протянул мне, но я отказался. — Когда шериф помер, власть как бы мне перешла. Вот я и увел людей из города. Пару дней все было спокойно, а потом упыри начали со стороны города приходить. Да ты сам все видел.

— А лекари?

— Толку от них! — с презрением ответил лейтенант. — Только деньги за лечение требовали. Один был совестливый, Теофил, так помер от чумы. Здесь, в лагере, ни одного нет. Ну и хрен на них. Так будем с горожанами говорить?

— Будем. Пошли.

Лейтенант Свейз был прав — окружившие меня люди мало подходили на роль бойцов. Выходцы из разных сословий, определенно: кто-то в домотканых лохмотьях, кто-то в отличной и дорогой, пусть и давно не стиранной одежде. Мужчин было мало, в основном женщины и подростки — грязные, растрепанные, с усталыми лицами и испуганными глазами. Было много женщин с грудными детьми, которые то и дело, то вместе то по очереди начинали плакать, добавляя всей картине еще больше безнадеги.

— Меня зовут Сандер Сторм, и я хочу помочь вам, — начал я. — Господин Свейз рассказал, что с вами случилось. Но тут и без слов все понятно. Выбор у нас всех невелик — или уйти отсюда подальше, что лучше, или же защищаться. Стражников немного, их силы не бесконечны. Нужно защищать лагерь, пока вы здесь. Своих жен и детей защищать. Я ясно излагаю?

Ответом мне было утрюмое молчание. Но потом какой-то чернобородый верзила протолкался сквозь толпу и встал передо мной, уперев руки в бока.

— Сражаться зовешь, барин? — спросил он с ехидцей. — А почему мы должны сражаться? Наше мужицкое дело пашня да ремесла, а меч и копье мы держать в руках не приучены. Какие из нас воины?

— Хорошо, что-нито другое предложи, — ответил я, глядя чернобородому прямо в глаза. — У тебя семья есть?

— Нет у меня больше семьи, — губы бородача задергались, глаза заблестели. — Жена, сынов двое, доченька... все там остались.

— Сочувствую твоему горю, но скажу так — коли ты близких потерял, то делать ничего не надо? Сидеть и ждать, когда смерть за горло возьмет?

— Уходить отсель надо, — крикнул кто-то из толпы, и несколько голосов подхватили "Уходить!" Начался шум. Я поднял руку, призывая к тишине.

— Я тоже думаю, что лучше уйти, — сказал я. — Но все ли согласны со мной?

колотили обезноженных зомби мечами и алебардами, пока последний из них не замер без движения. Трупный смрад, и без того густой и тошнотворный, стал нестерпимым.

— Быстрее, в огонь их! — скомандовал Свейз.

Трупы трещали в пламени, и мне казалось, что они движутся. И еще, я видел глаза молодого солдата, который наколот на острие алебарды останки младенца и сбросил их в чадающий черным жирным дымом костер. Меня охватила противная обморочная слабость.

— Чего стоите? — заорал Свейз на застывших в отдалении горожан. — Еще дрова тащите, скорей, скорей!

— Это только начало, — сказал беловолосый старик. Я и не заметил, как он подошел. — Дальше будет страшнее.

— Уж не знаю, что может быть страшнее, — буркнул я.

— Так ты и впрямь решил идти в Монсальват? — спросил старик. — После всего, что видел?

— Не хотелось бы, но я должен.

— Ты храбрый человек, — старик улыбнулся. — И поэтому я пойду с тобой.

Дорога от лагеря беженцев до ворот Монсальвата заняла у нас часа два. Старик отказался ехать со мной, шел пешком. Впрочем, сил дедушке было не занимать — привалов мы не делали. Пейзаж вокруг нас был вполне обыденный и мирный: дорога вела через вспаханные поля, на которых уже появились ростки, по обочинам дороги порхали птицы, теплое солнце пригревало нас. Однако время от времени обрушившаяся на Монсальват беда напоминала о себе: на дороге нам попадались брошенные беженцами предметы — посуда, одежда, инструменты, детские игрушки, — а пару раз ветер донес тяжелый запах разложения. В брошенном предместье нас облаяли бродячие псы, чувствовавшие себя здесь полными хозяевами. Вскоре я увидел первые трупы: один свисал из окна дома, второй лежал у крыльца, собрав вокруг себя тучу мух. Я немедленно закрыл лицо пропитанной дегтем тряпкой — и тряпку и деготь я взял в лагере. Старик же невозмутимо продолжал идти вперед, стуча своим посохом по дороге.

У самых ворот мы остановились. Я спешился, старик присел на большой камень и вытер ладонью лицо.

— Не пропала еще охота идти дальше? — спросил он.

— Нет, — буркнул я, протягивая своему спутнику флягу с водой. — Надо закончить дело.

— Хорошо, коли так, — старик от воды отказался. — Ты не бойсь, днем зачумленные не ходят. До заката можно смело в городе оставаться. Только не трогай ничего и берегись мух, они разносят заразу.

— Вот не могу понять, кто ты такой, старче, — не утерпел я. — Знахарь? Маг? И чегс ты со мной вдруг вызывался идти?

— Друг у меня в Монсальвате живет. Старый друг, вместе когда-то воевали. Я к нему пришел. Хочу узнать его судьбу.

— Ну, если в лагере его нет, значит того, помер он.

— Не обязательно. — Старик сверкнул глазами. — Может, в доме заперся и выйти боится.

- А где живет твой друг?
- Недалеко, у таверны "Под розой". Глядишь, и твоего знакомого Цельса там найдем.
- Знакомца? Нет, не знаю я его. погоди, а ты откуда знаешь Цельса?
- Его весь Монсальват знал. Пройдоха и шарлатан твой Цельс.
- Да мне плевать, кто он. Меня просили его найти, а остальное неважно.
- Так ты просто наемник?
- Зови так, коли охота. А это что-то меняет?

— Нет, — старик с интересом на меня посмотрел. — Видишь ли, парень, этот самый Цельс к моему другу Годфри в ученики набивался — хотел тайны трав и минералов узнать. Годфри его и послал лесом. В аккурат за пару месяцев до того, как чума началась.

— Думаешь, это Цельс город чумой заразил? На кой оно ему нужно?

— Я ведь человек беспокойный, хоть и стар уже. Люблю по окрестностям Монсальвата гулять. И возле Краснополя тоже проходил, бывало.

— Ну и что?

— Краснополье — это равнина к югу от Монсальвата. Когда-то там произошла битва между магами Санкура и ведьмами. Вся равнина с тех пор гиблое место. Аж две Адовы пасти там остались.

— Про Адовы пасти слышал. Ну а Цельс тут причем?

— Видел я, как он вблизи от Адовых пастей крутился. Не раз и не два видел. Вот и любопытно мне — чего он там искал?

— И впрямь интересно, — я почесал переносицу. — Я Сандер Сторм, сын барона Сторма. А тебя как величать, уважаемый?

— Зови просто Дед. Меня так все зовут.

— Как-то не по-людски это. У тебя же есть имя?

— Конечно, есть. — Старик с кряхтением поднялся на ноги. — Пошли дальше, солнце печет.

За воротами нас встретили звенящая тишина, которую нарушали только карканье ворон, жужжание мух и шум ветра, налетавшего порывами. И еще трупы. Смерть застигла этих несчастных в самых разных местах и в разных позах. Мы прошли мимо заполненной разложившимися телами повозки, брошенной похоронщиками прямо у дороги, мимо уложенных рядами тел во двореке у колодца. Чем дальше в город мы заходили, тем гуще и невыносимее становился тяжелый запах смерти, от которого не защищала даже дегтярная повязка. Григ начал храпеть и пятиться, не желая идти вперед — мне приходилось постоянно давать ему шпоры. Так мы добрались до рынка, где к трупному смраду добавилась вонь от гниющих на солнце овощей и кож, брошенных торговцами. Чума убивала не только людей, но и животных — я видел труп лошади, на котором пировали вороны, взлетевшие при нашем приближении, мертвых собак и кошек. За рынком улица пошла в гору, к городской цитадели, где располагались городской собор, ратушная площадь и казармы гарнизона. Одно было очевидно — в городе не было ни единой живой души. Все кто не стал жертвой заразы, бежали из Монсальвата.

Таверна "Под розой", о которой говорил Дед, оказалась на полпути к цитадели. У входа, головой к запертой двери, лежал мертвец — судя по тому, как были вывернуты его ладони и ступни, несчастный умер в страшных мучениях. В переулке за таверной я увидел еще один труп: это была женщина в лохмотьях, она сидела, привалившись спиной к стене и вытянув босые грязные ноги в лиловых язвах. Рядом с умершей лежала на боку оплетенная бутылка.

— Этот дом, — сказал старик, показывая на двухэтажный домик с драночной крышей. — Подожди тут.

Он постучал посохом в дверь, потом толкнул ее и вошел внутрь. Я ждал. То ли от жары, то ли от трупной вони меня тошнило, ужасно хотелось пить, но я боялся снять с лица повязку. К счастью, старик не заставил меня ждать.

— Пусто, — сообщил он, выходя на порог. — Еще бы в соборе посмотреть надобно. Если кто живые и остался в городе, так только там прячутся.

— Показывай дорогу.

Ближе к цитадели дома были побогаче, чем в Нижнем городе, и я заметил еще одну примету мора — в богатом квартале явно побывали мародеры. Кое-где двери были выбиты, окна нижних этажей разбиты, на улице валялись предметы, то ли брошенные за ненадобностью, то ли потерянные, и среди них были весьма ценные вещи — ювелирные украшения, хорошая посуда, куски дорогих тканей, изысканная мебель. Тут опять к нам прицепились собаки, куда более настойчивые и агрессивные, чем их товарки в предместье. Я заметил, что морды некоторых из них перепачканы засохшей кровью, и это меня встревожило. Не меня одного — Григ тоже зафыркал.

— Фу, пошли прочь! — прикрикнул я на лающих тварей, держа Солер наготове. — Фу!

Один из псов подпрыгнул совсем близко к старику, видимо, намереваясь цапнуть человека за ногу. Впрочем, Дед не особо испугался. Даже не пытаясь отогнать злобную тварь своим посохом, тихо, нараспев заговорил с псом на неведомом языке. Тот прижал уши, припал к земле, потом завизжал, прынул прочь, увлекая за собой остальных падальщиков обратно в переулок.

— Респект, дедуля, — сказал я совершенно искренне. — А ты не робкого десятка.

Старик не ответил, лишь перехватил посох поудобнее и зашагал вперед. Мне оставалось только последовать за ним.

Обширная площадь перед собором была пуста — ни живых, не мертвых. Лишь несколько прогоревших костров продолжали чадить смоляной гарью. Старик прошел вперед, поднялся по ступеням к входу и несколько раз ударил в высокие отделанные бронзой двери концом посоха.

Ждать пришлось долго. Я уже подумал, что в соборе никого нет, но тут дверь со скрипом начала отворяться. Какой-то человек выглянул из-за створки и тут же исчез, будто его дернули сзади за воротник. Я услышал негромкий удивленный вскрик.

Старик еще раз ударил посохом в дверь. На этот раз выглянул другой человек — бледный, с широкой черной бородой. В его ввалившихся глазах был страх.

— Уходите отсюда! — крикнул он. — Вам нет места!

— Эй, мы не упыри! — крикнул я, но старик остановил меня жестом.

— Вы оставите добрых верующих без помощи? — спросил он спокойно, обращаясь к чернобородому.

— Чего тебе, старик? — Бородач все же вышел из-за двери нам навстречу. — Как ты сюда попал?

— Пришел на своих двух. С этим вот молодцом.

— Уходите, все равно мы вас не пустим!

— Понимаю твой страх, приятель. Просто скажи — Годфри Вендо тут?

— Зачем он тебе?

— Поговорить с ним хочу.

— Не думаю, что он сможет говорить. Он совсем плох. Паралич беднягу разбил еще до моря. Слуга еле дотащил его сюда.

— А Цельс? — не удержался я. — Цельс с вами?

— И Цельс здесь, — уже спокойнее ответил бородатый. — Но вам сюда хода нет!

— Я ищу Цельса, — сказал я. — Меня послал Эдерли.

— Вам нельзя...

— Я лекарь, — сказал старик. — Если нужна помощь больным, я могу помочь. И денег с вас, прощелыг, не возьму.

Верно, хитрый Дед сказал именно то, что наш собеседник хотел услышать. Бородатый исчез за дверью. Я уже начал терять терпение, когда он появился снова.

— Входите, быстро! — велел он, приоткрывая дверь. — Коня на улице оставь!

Естественно, мы не стали ждать, когда приглашение повторят еще раз. Внутри собора было темно и душно, пахло смолой, горелым салом, потом и грязными тряпками. Здесь собралось около полусотни человек, в большинстве своем женщины и дети. На нас затворники смотрели со страхом.

Я заметил, что открывший нам двери человек уже разговаривает, достаточно бесцеремонно показывая на меня пальцем, с молодым человеком, одетым богато и даже немного вычурно. Через плечо у парня висела объемистая кожаная сумка. Побеседовав с бородатым, парень тут же двинулся мне навстречу.

— Цельс? — опередил я его.

— Абенезер Цельс к вашим услугам, — парень принял самый напыщенный вид. — Мне сообщили, вас Эдерли прислал?

— Да, — я показал перстень мага. — Просил найти тебя и вытащить отсюда.

— Наконец-то! — Лицо Цельса сразу просветлело. — Я уж думал, так и сгину от заразы в этом проклятом городишке. Благодарю тебя, добрый человек. Можем отправляться прямо сейчас.

Я открыл было рот, чтобы спросить парня, какого лешего он торчал тут и не пытался сам уйти из Монсальвата, но тут к нам подошел Дед.

— Эрл Сандер, давай-ка глянем, что у этого молодца в сумке, — предложил он.

— Что? — Лицо Цельса исказилось. — Да я...

— Тихо, тихо! — Старик так посмотрел на Цельса, что парень сразу сник, будто сдулся. — Чужое брать нехорошо, а ты ведь взял, так?

— Ничего я не брал! — выкрикнул Цельс. — Это...это мое все!

— Так не бойся, покажь, — в глазах старика появился ледяной блеск. — Эрл Сандер пусть тоже посмотрит.

Сказав это, старик схватил лямку сумки. Цельс побледнел, на лбу у него выступили капельки пота. И еще он беспомощно посмотрел на меня.

— Ворованные зелья у него там, — произнес старик. — У Годфри он их украл, тупой костоправ.

Цельс выпучил глаза, разинул рот, будто его поразила внезапный приступ удушья. Я заметил, что собравшиеся в соборе люди смотрят на нас со страхом.

— Давай, показывай! — велел старик и, вырвав у парня сумку, высыпал ее содержимое на пол. Тут было много всего — надкусанная булка, кусок копченой колбасы, яблоки, фляжка в кожаном чехле, какие-то мешочки, набор медицинских инструментов, металлический контейнер, похожий на медицинский стерилизатор и с десяток стеклянных

запечатанных красным сургучом бутылочек. Старик поднял одну из них, показал мне. На сургучной пробке были сделанные печатью инициалы "Г.В"

— Годфри Вендо, — пояснил Дед. — Это он приготовил, а этот молодой прохвост украл.

— Я не крал! — завопил Цельс. — Он мне сам отдал.

— Сам? А может, спросим Годфри? — спокойно спросил старик.

— Спросим? — Цельс нервно засмеялся. — Он ведь не говорит.

— А мы сделаем так, что заговорит. Эрл Сандер, хорошенько стереги его, я быстро.

— Слушай, ты ведь на Эдерли работаешь? — зашептал Цельс, когда старик ушел в другую часть собора, увлекая за собой людей. — Помоги мне! Нужно бежать отсюда, иначе этот сумасшедший все испортит! Он ведь больной, это ясно. Ты мне поможешь?

— Помолчи, ладно? — сказал я, выразительно похлопав по ножнам Солера.

Цельс посмотрел на меня с ненавистью. Он хотел что-то добавить, но тут по собору пронесся изумленный вздох. Толпа расступилась, пропуская старика и дряхлого, одетого в дерюжный балахон, длиннобородого человека с бескровным изможденным лицом, которого поддерживали под руки двое мужчин. Цельс отшатнулся, когда больного подвели к нам.

— М-м-м-ои, — дрожа и тряся головой промычал несчастный, показывая трясущейся рукой на раскатившиеся по полу бутылочки. — М-м-м-м-м!

— Это снадобья мэтра Вендо, — услышал я спокойный голос Деда. — Годфри над ними много лет работал. А этот стервец украл их.

— Вот значит как, — вздохнул бородач, открывший нам дверь. — Может, и чуму в наш город тоже он принес?

Цельс попятился от нас, вжался спиной в стену. У меня появилось сильнейшее желание врезать ему по морде, но тут меня вдруг будто жаром обдало. Дыхание перехватило, сердце застучало как сумасшедшее. Я заметил надпись на металлической коробке, которая была в сумке Цельса. Вытравленную безукоризненным готическим шрифтом и расположенную под изображением раскинувшего крылья орла, сжимающего в когтях нацистскую свастику:

Achtung! Nicht offnen! Der ersten Ebene Biogefahrdung!

— Внимание! Не вскрывать! Биологическая опасность первого уровня, — проговорил я в замешательстве перевод немецких слов и вытащил из ножен меч. — Да, Цельс, нам надо побеседовать. Без свидетелей и по-взрослому. А потом будем решать, что с тобой делать.

***

— Крыса трусливая, — сказал Дед и плюнул себе под ноги. — Убей его, эрл Сандер.

— Нет-нет, подождите! — Цельс протянул ко мне руки. — Я все расскажу, Вечными клянусь! Только не убивайте.

— Ну давай, рассказывай, — я опустил меч. — И постарайся, чтобы мы тебе поверили.

— Я всю правду скажу, — Цельс вытер лицо ладонью, руки у него дрожали. — Это Эдерли меня в Монсальват послал. Сказал, что мне надо найти старого алхимика Вендо, он-де знает тайные рецепты друидов. Втереться к нему в доверие и рецепты разузнать. Очень они Эдерли интересовали. Но Годфри оказался упрямым. Не захотел меня брать в ученики. Тогда я сам купил в мэрии патент и стал врачевать больных. Добрый аббат Гатриен

позволил мне открыть лазарет при монастыре, там я и работал.

— Это я знаю. Дальше!

— Я заходил потом к мэтру Годфри, просил помочь с лекарствами, но он мне всегда отказывал. Говорил, что я шарлатан и выскочка. — Тут Цельс неожиданно заплакал, по-детски вытирая глаза кулаками. — Два месяца назад мне пришло письмо от Эдерли. Он меня торопил, писал, что ему очень нужны эликсиры Вендо. Тогда я решил обокрасть аптекаря. У мэтра Вендо в лаборатории есть портал, он пользовался им, чтобы путешествовать по Десятигорью в поисках редких трав и субстанций. Я решил пробраться в лабораторию через Адову пасть. Это было рискованно, но у меня были защитные эликсиры от Эдерли. И я с первой попытки попал к мэтру Вендо. Он ничего не узнал.

— Где ты взял металлическую коробку? — не удержался я.

— Там и взял, милорд, в лаборатории! Она в шкафу была, под замком, вместе с эликсирами, я ее и прихватил. Обрадовался очень. А вечером ко мне мэтр пришел. Не грозил, не кричал, просто умолял вернуть то, что я взял. Мол, говорил, знаю я, что это твоя работа, что это ты украл эликсиры. Сказал, что в этих склянках вся его жизнь и предупредил, что я могу такое зло разбудить по своему невежеству, что никому мало не покажется. А я... я насмеялся над ним, — тут Цельс зарыдал в голос.

— Сопли подбери! — приказал я. — Хватит хныкать, дальше рассказывай.

— Вобщем, поговорили мы. Я ему сказал, что не брал его зелий, а доказать он ничего не мог — меня ж не видел никто, как я входил в лабораторию! Его аж трясло всего, когда он уходил. А утром пришел слуга от мэтра Вендо и сказал, что хозяина его удар постиг, и нужно помочь ему. Я и пошел к нему, а он только мычал и глаза на меня таращил. Я ведь обрадовался, что он говорить не может, значит, не расскажет никому про меня. Оставил для слуги лекарство и ушел.

— Что было в коробке?

— Флакон там был, милорд, маленький такой флакон с жидкостью, и ничего больше. Я еще подумал, чего это мэтр эту бутылочку в коробке хранил, и решил, что это, должно быть, яд какой-то. Ну и налил несколько капель своей кошке в молоко. Кошка издохла. Я ее в монастырском саду потом нашел окоченевшую. — Тут Цельс неожиданно и глупо улыбнулся. — Яд я после этого вылил, он мне не нужен был.

— А потом заболели монахи в Хеде, — замогильным тоном сказал Дед. — Теперь все ясно.

— Это не я! — заверещал Цельс. — Я их не травил! Я лечил их. Но лекарства почему-то не действовали. Эликсиры мэтра Вендо были пустышкой.

— Конечно. — отозвался Дед. — Это магические эликсиры. Такому болвану как ты не дано знать, что эликсиры друидов применяются совокупно с правильными заклинаниями, иначе толку от них немного. Только мэтр Вендо мог бы исцелить эту заразу, потому что был настоящим мастером природной магии. А ты, Цельс, дурак и шарлатан. Тебе решать, эрл Сандер, что делать с этим ублюдком. Он сам во всем признался.

— Нечего тут решать. — Я посмотрел на съездившегося Цельса, вытянул меч из ножен. — Из-за тебя в Монсальвате умерли сотни людей. Лучше бы ты сдох вместо них. Пора тебе к ним присоединиться.

— погоди, эрл, — внезапно сказал старик. — Давай-ка с глазу на глаз переговорим.

— Сидеть тихо! — велел я Цельсу, а сам отошел со стариком на несколько шагов. — Что ты задумал?

— Подлец, конечно, заслужил смерть, — сказал дед. — Во-первых, из-за него умерло столько людей, во-вторых, едва не загублено дело, которому брат Годфри отдал всю свою жизнь. Но если мы убьем поганца, сделанного не воротишь. А вот помешать нашим соперникам сможем. Они прислали его сюда, чтобы получить тайные эликсиры друидов — пусть получают то, чего хотели. Пусть думают, что добились своего. Тем горше будет их разочарование. Хотя право выбора за тобой — если хочешь прикончить его, я возражать не буду.

— У меня просто руки чешутся, — я посмотрел на Цельса, который продолжал стоять на коленях, вытянув шею и положив ладони на плечи. — Только вот руки не хочется об него пачкать.

— Тебе придется отнять у него жизнь. Вернет ли это жизнь умершим от чумы?

— Ищешь ему оправдания?

— У него есть только одно — он дурак. А вот в тебя хочу поверить.

— Кто ты, старче? — У меня аж сердце сжалось от неожиданной догадки. — Уж не сам ли Джаримафи?

— Нет, мой друг, — старик улыбнулся. — Я простой человек, не обладающий божественной силой, да еще слишком старый для того, чтобы изменить этот мир. Я Эзрин, иерофант, слуга моей госпожи Бодики.

— Так ты друид?

— Да, и Годфри тоже один из нас. Он создал много замечательных зелий. А еще изучал мертвую воду Черного Ордена и пытался найти лекарство от гиблой чумы. Из-за этого идиота его великий труд едва не был загублен. Но записи Годфри я нашел и заберу с собой, и они помогут нам довести его работу до конца.

— Так ты потому пошел со мной в Монсальват?

— Да. Прости, конечно, но я воспользовался твоим появлением. Я слышал о чем ты говорил с лейтенантом и понял, что это возможность для меня попасть в город и найти Годфри. Мне показалось, мы можем помочь друг другу.

— И что мне делать?

— Для начала решить судьбу Цельса.

— Я уже решил. Черт с ним, пусть живет и пусть его мучает совесть.

— У таких как Цельс нет совести. Но твое решение мудрое, и я приветствую его. Иногда живой подлец куда полезнее мертвого. Делай то, что тебе поручили. Доставь Цельса его хозяину. Ступай прямо сейчас.

— А ты?

— Я останусь в Монсальвате. Надо достойно похоронить Годфри и помочь людям в соборе.

— Как же чума? Наступит ночь, и упыри снова будут шататься по округе.

— Об этом не беспокойся. Моя магия поможет справиться и с чумой, и с восставшими. Доставь Цельса и украденные микстуры заказчику — все равно они не смогут правильно приготовить эти снадобья, не зная точного состава и рецепта приготовления. Вместо волшебных эликсиров друидов Трибунал получит средство от поноса или от выпадения волос.

— Трибунал?

— Цельс слишком жалок, чтобы его могли использовать Синклит или Ковен. Так что остается Трибунал. Они хватаются за любую возможность овладеть древними магическими

секретами.

— Но я не работаю на Трибунал!

— Это неважно, работаешь ты на них или нет. Мне понятно другое: ты — Преследователь, и ты ищешь исток бедствий.

— Как ты понял?

— Тобой упомянуто было имя Джаримафи. Но еще до того, я увидел на тебе печать другого мира, эрл Сандер. Важнее другое — я вижу в тебе союзника. И, возможно, друга. И потому хочу помочь тебе. Есть древнее пророчество о том, что дорога к источнику живой воды вымощена добрыми делами, и только слугитель правды пройдет этой дорогой до конца. Наивные слова, но истина всегда кажется наивной маловерным. Не потеряй самого себя в сумерках грядущих потрясений, эрл Сандер. Послушай старика. Делай свое дело, и однажды мы...

Эзрин не договорил — к нам подошел бородач Далвин, и вид у него был торжественный и серьезный.

— Мэтр Вендо ушел от нас, — сообщил он и опустил взгляд. — Да примет его земля и да пребудет его душа с Вечными!

— И пусть заплачет о нем дождь, а деревья укроют тенью его последний приют, — добавил Эзрин.

Я промолчал. Мне не хотелось ничего говорить. Как-то тяжело стало на сердце. И еще — возникшая было надежда не оправдалась.

Я не напал на след Джозефа Джаримафи. И никогда не узнаю, откуда у мэтра Вендо появился контейнер с нацистской отравой.

***

Лейтенант Свейз отказался пускать нас с Цельсом в лагерь. Другого приема я не ожидал — понятное дело, бояться. Да и время шло к вечеру. Но пара обстоятельств меня все же порадовали. Свейз согласился дать мне лошадь для Цельса. И еще, к солдатам Свейза присоединилась группа мужчин-беженцев. Если упыри нападут ночью, будет легче отбиться.

В дороге нас застигла непогода. Со стороны Монсальвата пришла сильнейшая гроза, со шквалистым ветром, непрерывными молниями и проливным дождем. Она будто подгоняла нас в спину, предлагая побыстрее добраться до Донкастера. Сумерки и ливень заставили нас остановиться в жалкой придорожной таверне примерно на полпути между Монсальватом и Донкастером.

Абенезер Цельс, окончательно убедившись, что ему ничто не грозит, принял уже знакомый мне высокомерный вид и заявил, что за его спасение Эдерли осыплет меня золотом.

— Эдерли оценил твою шкуру в десять денариев, — ответил я, тщетно пытаюсь получить удовольствие от жесткого жаркого, жидкого пива и сознания того, что я ужинаю в обществе Цельса. — Верно, дороже ты не стоишь.

— Это пока он не увидел добытые мной эликсиры! — заявил Цельс. — А потом...

— Заткнись, а то передумаю спасти тебя и верну в Монсальват.

Цельс замолчал, всерьез испуганный моими словами. Я же, поужинав, отправился спать, поручив хозяину корчмы позаботиться о Григе. Я так устал, что заснул буквально сразу и проспал до самого утра. Наутро меня ждал сюрприз — Цельс ночью сбежал, оставив

мне записку с таким вот текстом:

Ты хотел убить меня — я этого тебе не прощу. Я сделаю все, чтобы погубить твою репутацию, чтобы ты потерял доверие Эдерли.

Ты бы, парень, лучше попробовал пырнуть меня ножом, пока я спал, подумал я, скомкав записку и сунув в карман. А так ты всего лишь доказал, что принадлежишь к славной армии героев, умеющих только одно — гадить под дверью.

Еще до полудня я был в Эттбро и отправился в башню Сакре-Мулен. Эдерли опять заявил мне, что я оторвал его от дел.

— Мне начихать на твои дела, — ответил я и показал записку Цельса. Эдерли прочел ее и я понял, что ситуация его совсем не обрадовала.

— Он должен был привезти зелья, — заявил маг. — Да-да, друидские зелья. Он их добыл?

— И да, и нет, — я сел в кресло, забросив ноги на стол. — Зелья он добыл, но толку от них будет немного, уж поверь.

— Это почему еще? — набычился Эдерли.

— Потому что твой холуй не смог добыть записи мэтра Вендо. Старик мертв, записи исчезли. Давай мои деньги, и я пойду.

— Цельс пишет, что вы хотели его убить.

— Его хотели убить все, кто выжил в Монсальвате. Этот малый шарлатан и подонок. Если есть возможность утопить его в ближайшей реке или подсыпать яд в его вино, сделай это побыстрее. Деньги где?

Эдерли что-то проворчал, прошел к книжным полкам, встав ко мне спиной порылся там и вручил мне десять золотых.

— У вас отличная куртка, — сказал он. — Это ведь драконья кожа, да-да, причем превосходно выделанная. Стоит огромных денег.

— Нашел в Монсальвате, в выморочном особняке, — ответил я, пряча деньги в кошель. — Счастливо оставаться!

— Вы так и не нашли Джозефа Джаримафи.

Я остановился на полдороги к выходу.

— Не нашел, — я обернулся, скрестил руки на груди. — Но теперь я знаю, что такое гиблая чума. И что может случиться с вашим миром, если Джозефа не найти.

— Вы забавный. Неллер любит вас, а мне вы кажетесь простаком.

— У нас с вами взаимная антипатия, Эдерли. И я не хочу больше иметь дела с Трибуналом. Надоело.

— Кто вам сказал про Трибунал? — всполошился маг.

— Один хороший человек в Монсальвате. Он сразу понял, что я послан подчищать ваше дерьмо. И несмотря на это помог мне.

— Помог? Чем помог?

— Отговорил убивать Цельса. Еще вопросы?

— Вопросов у меня нет, — маг вроде как взял себя в руки. — Однако странно, что вы узнали все от какого-то старика. Узнали, так узнали. Теперь вы, наверное, хотите узнать о Трибунале больше?

— Представьте себе, совершенно не горю желанием. И вообще не хочу иметь с вами

никаких дел.

— Но у меня есть еще задание для вас, эрл Сандер, — запротестовал Эдерли. — Пока вы были в Монсальвате, возникла одна большая сложность. Надо добыть...

Я показал ему вытянутый средний палец, сбежал по лестнице и покинул башню. Уже на улице дважды сработал смартфон:

Трибунал (Священный Трибунал) — тайная организация воинов-монахов, посвятивших свою жизнь служению церкви и культу Вечных. Основана Алджеринном Рейвером, графом де Авеле Снежным, после Первой войны Санктур и Тойфельгартена. Сам Трибунал и его деятельность окружены тайной, неизвестно, где находится штаб-квартира сообщества, какова его численность и кто его верховный магистр. Трибунал считает своей основной задачей помощь светским властям государств Десятигорья в контроле над магами и обуздании их силы. С магами Синклита находятся в нейтральных отношениях, враждебны к Ковену, но главным своим врагом считают магов-ренегатов. Сообщество действует различными методами, прибегая как к поиску и сбору информации (например, изучение магического Наследия), так и к силовым действиям.

— Как-то уныло, — прокомментировал я. — Значит, все-таки тайное общество с претензиями и религиозными тараканами в башке. Я угадал.

Второе сообщение было интереснее:

Преследователь, ты должен помнить, что твоя деятельность неминуемо привлекает внимание различных фракций, с которыми тебе придется иметь дело. Трибунал — одна из таких фракций. Помогая фракции, выполняя ее задания, ты приобретаешь репутацию, которая в итоге позволит тебе вступить в эту фракцию. В этом случае ты больше не сможешь соблюдать нейтралитет. Вступление во фракцию имеет свои плюсы и минусы — ты получаешь верных друзей и союзников, готовых оказать тебе помощь, но приобретаешь и недругов в лице тех, кто враждует с твоей фракцией.

Отказываясь работать на ту или иную фракцию, ты вызываешь ее подозрение и недоверие. Любые действия, направленные против интересов фракции, могут привести к тому, что ты будешь записан в ее враги.

По мере того, как ты будешь встречаться с фракциями, ты сможешь выполнять их поручения, или же делать выбор, который может косвенной отразиться на твоей репутации в той или иной фракции.

Добавлено задание "Воин Трибунала".

Стать союзником Трибунала, или отказаться от дальнейшего сотрудничества с ним.

Добавлено задание "Друг свободных магов"

Стать союзником друидов или же отказаться от дальнейшего сотрудничества с ними.

Задание "Чума" выполнено.

Бонус к особому таланту: Образованность +5

Бонус к таланту: Ношение доспехов +5

Тебе присвоен пятый ранг в классе "Младший сын"

Тобой получено Достижение "Встречают по одежке". Ты сумел приобрести очень дорогие доспехи. Теперь при надевании любых доспехов твоя Репутация увеличивается до 50 единиц, а харизма до 30.

— А еще у меня есть десять честно заработанных денариев, — присовокупил я, пряча смартфон за пазуху. — Всего четырнадцать золотых с мелочью, сумма приличная. Вполне достаточно, чтобы хорошо устроиться в гостинице "Белые голубки" на Купеческой улице. Лучшего места я пока не встречал, и было бы здорово сделать "Белых голубков" своим постоянным местом жительства на ближайшее время. И да здравствует отличная еда, вежливый персонал и чистая, приятно пахнущая постель.

Это была правильная программа. И я, отвязав от забора у башни Грига, отправился ее осуществлять.

Глава девятая. Дочка кондитера

Последующие два дня я отдыхал. Отъедался, пил отличное местное вино, отсыпался и старался думать только о хорошем. Новых сообщений не приходило — мои невидимые кураторы, видимо, поняли, что я живой человек, и мне нужно расслабиться. А еще я размышлял над тем, что со мной случилось и как быть дальше. И чем больше я думал, тем отчетливее понимал, как мало я знаю.

Прочитав записки покойного профессора Кузнецова, я, сам того не желая, запустил совершенно невероятную цепь событий, превратился из среднестатистического российского гражданина и студента не самого престижного вуза в младшего сына барона Сорма из Орандура. И еще в Преследователя — Чейзера, как я сам себя назвал на английский манер. Меня нашли загадочные маги из какой-то параллельной реальности, перенесли сюда, в свой мир, чертовски смахивающий на зрелое европейское средневековье, смоделировав для меня квесту, и вот я, Александр Андреевич Мезенцев, вооруженный двумя мечами и в куртке из драконьей кожи, стал частью этой реальности, более того — призван ее спасти от каких-то грядущих катаклизмов. Банальщина, жуткая и заезженная в десятках книжек авторами романов про попаданцев. Наверное, я бы посмеялся над всем этим, но мне почему-то не смешно. Совсем не смешно, особенно если вспомнить, как я чуть не погиб в Адовой Пасти, как меня едва не разорвала обернувшаяся мартихорой ведьма, какой ужас я испытал при приближении Черного в Лектуре, или глядя на страшные лица зачумленных в Монсальвате, на то, как солдат сбросил трупик младенца в костер, наколов его на алебарду. Одно дело читать про все эти вещи в романах фэнтези, и совсем другое — находиться в мире, где все это происходит на самом деле, прямо на твоих глазах.

Кстати сказать, в мой первый день в Десятигорье я не испытывал ни паники, ни страха, ни чувства потерянности — только какой-то сумасшедший кураж, ощущение отличного и вобщем-то безобидного приключения, некоей игры, участником которой я стал. Вроде как в пейнтбол играешь, мнишь себя крутым мужиком с навороченной пушкой и наперед знаешь, что все кончится хорошо, пули не убивают, и в конце пострелушек тебя ждет дружеское общение с друзьями за шашлыком и пивом. Но потом это ощущение прошло. Чувство игры исчезло. Все это взаправду, все по-настоящему. И смерть в этом мире тоже настоящая. Перезагрузок и воскрешений не будет. Мне нужно быть готовым ко всему, к любому развитию событий, а я совершенно к ним не готов. Я практически ничего не знаю и не умею — те таланты и навыки, что я получил при определении класса пока не особо помогают мне в моих приключениях. Ну, почти не помогают: простолюдины относятся ко мне с почтением, как и подобает относиться к дворянину, и первый встречный готов помочь, как это было с Эплбери и Джи Кеем. Сам же я — и это надо признать, — ничего из себя не представляю. Ну какой из меня, к примеру, фехтовальщик? Любой наемник выпотрошит меня в пару секунд, и даже моя расчудесная куртка из драконьей кожи ему не помешает. Начиная ведьма изжарит меня как котлету, уж не говоря о какой-нибудь мастерице чернокнижия. Так что учиться надо, брат. Усердно и постоянно. Зубами грызть десятигорскую премудрость, а не рассчитывать на подсказки, которые получаешь через

смартфон.

И еще, я в этом мире уже больше трех недель, но к главной своей цели не приблизился ни на шаг. Нет ни единой подсказки, где искать таинственного Джозефа Джаримафи. Зато вокруг меня появились люди, которые используют меня в своих целях — тот же Неллер или Эдерли. Используют искусно, хитро, все время намекая на то, что работая на них, я приближаюсь к своей цели. Или так и должно быть? В принципе, если взять ту, земную жизнь — а разве там было по-другому? Обо мне вспоминали только тогда, когда я был нужен. Это нормально, это жизнь. Кто может похвалиться тем, что у него много настоящих, бескорыстных друзей? То-то. Я таких людей не знаю. Всем друг от друга что-то нужно.

Второй момент: немного обжившись в новой реальности, привыкнув к ней, я начал думать о том, что осталось там, в моем мире. И мысли эти были самые невеселые. Мурлыка, Ленка, отец — они ведь считают, что я...

Нет, лучше не думать, а то совсем хреново на душе станет. Даст Бог, я вернусь и все им объясню. И они меня простят. Надеюсь, что простят. Вот моя главная цель — вернуться домой и заслужить прощение моих любимых. Такова моя программа.

Раньше я не особо задумывался над тем, зачем живу. Да и стоило ли об этом думать? Мои цели и желания были понятны и просты. Добиться любви Элины, получить образование, устроиться на хорошую работу и заработать кучу денег, стать отцом семейства, купить квартиру, машину, съездить за границу — как-то так. Вполне традиционно, хоть и приземленно. Я не хватал звезд с неба и всегда верил, что своего уж наверняка не упущу. То же самое могут о себе сказать девяносто девять и девять десятых моих сверстников. На хрена вообще задумываться о смысле бытия? Да и вообще, толку в этих раздумьях? Может, проще плыть по жизни, как бревно по течению реки, не зная своего предопределения, не ведая, к какому берегу тебя прибьет, и прибьет ли вообще? Довольствоваться тем, что реально достижимо и мечтать о несбыточном? Может быть, поэтому люди так любят ходить к гадалкам и разным экстрасенсам, потому что не знают, зачем живут?

Но это все философия и лирика. Здесь моя цель определена — я ищу Джозефа Джаримафи. Я в этом поиске главное действующее лицо, Преследователь, как меня назвал Гаттскон-Ильин. Хрен знает, как его найти, этого бессмертного товарища из легенд, но по ходу дела разберемся. А еще есть нацистский след, связанный с моим прадедушкой Андреем Кузнецовым. Я уже дважды с ним сталкивался — Черный Призрак в Лектуре и коробка с неизвестным токсином у Цельса. И все это в свою очередь опять связано с Джаримафи. Несомненно есть что-то, что соотносит легенду о Джаримафи с нацистским вторжением семьдесят лет назад, но что именно? Эх, знать бы... А еще ведьмы, друиды, Трибунал, мой названный братец Пьерен Сторм, который спит и видит, как бы меня найти и прикончить, и куча разного левого народа.

Веселуха, блин. И вообще, у меня в этой сумасшедшей чехарде есть только одна главная цель — выжить. Выжить и вернуться домой, в мой мир, к отцу и сестре, которая опять будет пилить меня за невытую после обеда посуду, рабросанные по комнате носки и оставленную на раковине бритву. К Элине, которая понятия не имеет, куда я исчез, и...

Да ладно, хватит уже сопли распускать. Все будет хорошо. Найду я этого засранца Джаримафи. И пусть только чертовы маги не сдержат своего обещания, я им устрою костер из волшебных палочек...

В дверь осторожно постучали, прервав мои мысли. Я подумал, что это хорошенькая прислужница принесла мне завтрак, но ошибся. Пришел сам хозяин.

— Доброе утро, твоя милость, — поприветствовал он меня с подобострастием, которое мне одновременно и льстило и действовало на нервы. — Как спалось доброму господину?

— Хорошо спалось. Ты, никак, за платой пришел? Я ведь два дня назад заплатил за...

— Неделью вперед, сударь мой, я хорошо все помню. Нет, по другой причине беспокою, уж простите. Поговорить с вами хотят.

— Кто? — Я сразу подумал об Эдерли. — Не хочу я ни с кем говорить!

— Сделайте милость, сударь, выслушайте, не откажите. Это знакомец мой хороший и деловой партнер. Беда у него, а помочь некому.

— Я же сказал... — начал я и осекся, потому что следом за хозяином в мой номер вошел на цыпочках низенький полненький стриженный в скобку буржуа в темной шерстяной одежде и с узелком в руке. Начал кланяться от самого порога, будто не меня, а святую икону увидел.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы это... побеседуйте, а я пойду, — выпалил хозяин и шейментом выскользнул за дверь, оставив меня наедине со своим "знакомцем", а тот замер в полупоклоне, не спуская с меня взгляд.

— Ну, чего нужно? — Ненавижу, когда меня разглядывают так пристально. — Зачем пришел?

— Майрон Гроу, — выдавил толстячок, склонившись еще ниже. — Это мое имя, сударь.

— Сандер Сторм, — я кивнул посетителю. — Возьмите стул и садитесь.

— О нет, сударь, я постою! — Толстяк шагнул к столу и поставил на него свой узелок. — Вот, это вам, сударь.

— Что здесь?

— Маленькое подношение... от чистого сердца. Я кондитер, у меня своя лавка на Гусиной улице. Мэтр Абель, хозяин этого заведения, заказывает у меня пироги, пирожные и вино.

— Ага, значит, это вы снабжаете "Белых голубков" отличным вином?

— Я, сударь.

Толстяк развязал узелок, и я увидел завернутый в чистую холстину очень аппетитный на вид пирог и две бутылки с вином.

— Это вам, — сказал он и робко улыбнулся.

— Спасибо, конечно, но я не понимаю...

— Я хочу сказать, сударь, что я человек небогатый, но и бедняком меня не назовешь. — Кондитер бережно вынул пирог из холстины, достал маленький ножичек и начал нарезать пирог на аккуратные кусочки. — Вот попробуйте пирог с клубникой, я сам испек. Клубника свеженькая, прямо с грядки и в начинку! А это коричное вино моя гордость. Никто в Эттбро такого не делает, уж поверьте. О чем я говорил?

— Да вы не суетитесь, рассказывайте, с чем пришли.

— Да, о деньгах! Моя лавка приносит мне некоторый доход, и я могу заплатить за услугу, о котором хотел бы просить вашу милость.

— Что за услуга? И почему вы обратились ко мне, милейший?

— Мэтр Абель сказал, что вы знатный человек, но живете в гостинице — значит, вы или безземельный рыцарь, или младший сын в семье. У вас отличное оружие и доспех, но платите вы понеделно, и номер для проживания выбрали не самый богатый. Из этого я заключаю, что вы не купаетесь в деньгах и еще не хотите привлекать к себе внимания. Не

прогневайтесь, но я бы сказал, на наемника или раубриттера вы больно похожи.

— Все верно, — я с интересом посмотрел на мэтра Майрона. — И еще я думаю, что вас кто-то подослал.

— О нет! — Кондитер замахал руками. — Поверьте, я пришел к вам по личной нужде, бо все глаза выплакал в горе моем и совсем отчаялся. Мэтр Абель все верно сказал, у меня несчастье. Моя дочь исчезла.

— Сочувствую. Хотите, чтобы я ее нашел?

— Я человек небогатый, но заплачу, сколько скажете... — Тут кондитер вдруг бухнулся на колени, протянул ко мне руки, слезы полились у него из глаз. — Умоляю, сударь, найдите мою Жанин!

— Да полно вам! — Я вскочил со стула, подхватил его и поставил на ноги. — Успокойтесь и расскажите, что случилось.

— Да-да, конечно, — он всхлипнул, вытер слезы ладонью. — Я все расскажу. Все без утайки.

— Это в ваших интересах. — Я взял одну из бутылок, сломал пробку, налил ему и себе. — Пейте.

— Ваше здоровье, сударь, — мэтр Майрон пригубил вино. Я тоже сделал глоток: вино и впрямь было отменным, никогда не пил ничего подобного. — Этой весной Жанин исполнилось девятнадцать. Она у меня единственный ребенок, все, чем я живу. Ее мать умерла два года назад, не дожидая до свадьбы. Вот, у меня... — Кондитер расстегнул воротник своей куртки, снял с шеи медальон, открыл крышку и протянул мне. Внутри был миниатюрный портрет хорошенькой свеженькой черноглазой брюнетки в белом нарядном платье и с белым шарфиком на шее. — Жанин всегда была моей гордостью и самым большим моим сокровищем. Девушка она добрая, послушная, очень заботливая и... — тут несчастный папаша снова залился слезами и мне пришлось его успокаивать.

— Как давно это случилось? — спросил я, когда кондитер немного пришел в себя.

— Три недели тому, сударь. У меня есть дом в деревне Ланфрен, остался мне в наследство от моих покойных родителей. Я решил продать его моему родственнику Бруно, чтобы оплатить свадьбу дочери — она назначена на первый месяц осени. Когда все бумаги были готовы, я отправил Жанин в Ланфрен, чтобы она привела дом в порядок, а сам продолжал работать в лавке. Через несколько дней мальчик-посыльный принес письмо от Жанин: она писала, что домой не вернется и просит, чтобы я ее не искал.

— Это письмо у вас с собой?

— Да, сударь, — кондитер вытащил маленький свиток и подал мне. — Это Жанин писала, я узнал ее руку. Как получил письмо, сразу бросил все дела и поехал в Ланфрен. Приехал, значит, туда, а народ перепуганный в Ланфрене, все по домам прячутся, только собаки во дворах брешут. Стал я в окна стучаться, расспрашивать, что случилось, а со мной говорить никто не хочет, шлют, куда подальше. Только потом старуха-соседка сказала, что в деревне у них сразу несколько человек померло, вот народ и боится, что это мор. Дом мой запертый стоит, никаких следов Жанин. А после на улице я старого друга Гийома встретил, он с двумя мужиками вооруженными навроде как патруль затеял. От него и узнал, что впрямь в Ланфрене несколько человек померли, вроде как от чумы. Потому и сидят все по домам, что заразы боятся. Еще сказал Гийом, что моя Жанин с каким-то малым уехала пять дней назад — люди видели, как они по дороге в сторону Бэкуотера ехали. Велел мне Гийом назад в Эттбро ехать, пообещал, что коли Жанин объявится, даст знать. Только нет новостей

с тех пор, уже две недели нет! — Мэтр Майрон снова заплакал. — Чую сердцем, с девочкой моей беда случилась и помочь не могу!

— Ну-ну, может, не все так страшно, — попытался я успокоить бедного отца. — Может, не хотела она замуж, другого себе нашла.

— Хотела, — возразил кондитер. — С Витолем они уже год как обручены были, обожали друг друга. Витоль Беран хоть из небогатой семьи, но юноша видный, работающий, и сердце у него золотое. Мою Жанин любил безумно, тени не давал на нее упасть. Не могла она его разлюбить, не верю. Да еще с бродячим магом уехать, чтобы его проказа сожрала!

— С магом? Так Жанин маг увез?

— Маг, будь он... Мне Гийом имя его назвал — Езекия Борг.

— Елки-моталки, я ж слышал это имя! — пробормотал я, сразу вспомнив то, что рассказал мне в Альдре Жи Кей. — А это точно?

— Точно, сударь, Гийом так и сказал — Езекия Борг. Он в Ланфрен приезжал зельями разными торговать — от сглаза, от порчи, от лихорадок и хворей разных. С ним Жанин и уехала. — Мэтр Майрон запнулся, посмотрел на меня с надеждой. — А вы, показалось мне, вроде как знаете об этом Борге, сударь.

— Слышал о нем. — Я посмотрел кондитеру в глаза. — Сколько заплатишь, если я попробую разобраться с этой историей?

— Вы... ах, сударь, так вы...

— Ты не охай, отвечай на вопрос.

— Всего имения своего не пожалею, ежели найдете мою ласточку.

— Ни к чему мне твое имение. Двадцать денариев заплатишь?

— Двадцать пять дам, и тридцать! — с жаром выпалил старик, прижав ладони к сердцу. — Все, что у меня есть, отдам. Да вы... сударь, да благословят вас Вечные!

— Погоди благодарить, я еще ничего не сделал. Говоришь, в Бэкуотер они поехали?

— Да, это городок такой к северу от Эттбро.

— А чего сам в Бэкуотер не поехал?

— Поехал, сударь! Расспрашивал и на рынке, и в тавернах, но никто там мою Жанин и этого сукиного сына не видел. Потому и вернулся я в Эттбро помощи в своем горе искать. Да только кому есть дело до бедного старика!

— Ладно, не хнычь, папаша, помогу я тебе дочку найти.

— Одна она у меня, сердечко мое, птичка ненаглядная! Ежели случится что с ней, не переживу.

— Ты только не накручивай себя и верь в лучшее. И никому ни слова про меня, понял?

— И снова скажу, да благословят вас Вечные, сударь! Руки целовать буду...

— Обойдемся без целования рук. Как до Ланфрена доехать?

— От города на юг восемь миль по тракту. Деревня большая, не проедете мимо... Ох, еще раз милость Вечных на вас, добрый сэр!

— Ступай домой и жди. Я, если новости будут, через хозяина гостиницы тебя найду. И помни, про наше дело молчок.

— Все понял, сударь, все понял. Молюсь за вас и всех благ вам желаю! — Кондитер закивал, заулыбался и, кланяясь, исчез за дверью. Я посмотрел на пирог и бутылки на столе и вздохнул. Пожалел, подписался на совершенно ненужное мне дело. Мой смартфон тут же подтвердил мою догадку, приняв для меня следующее сообщение:

Добавлено задание "Исчезновение"

Найти дочь Майрона Гроу.

Что ж, вызвался помочь — действуй, герой. А с другой стороны, тридцать денариев на дороге не валяются, тем более что до конца месяца я должен отдать Ансельму двадцать монет...

"Ага, мечтай. Деньги ты получишь только, если девчонку найдешь, — хихикнул подлючий внутренний голос. — А где искать будешь, герой?"

Где надо, там и буду. И найду. Но дело не только в девушке. Главное — Борг. Помнится, Джи Кей говорил, что этот перец называет себя учеником Джаримафи и торгует каким-то зельем, от которого его жена умерла и стала упырем. А разве не то же самое я видел в Монсальвате? И чума в Ланфрене, если верить кондитеру Майрону, началась после того, как Борг там побывал. Это не совпадения, это система. Что-то есть во всем этом подозрительное. Следует обязательно отыскать Борга — и побеседовать с ним.

И еще, мне позарез нужна карта Десятигорья. Я совсем запутался в географических названиях.

***

В список своих дел на сегодня я включил три пункта. С первыми двумя я разобрался еще до обеда. Во-первых, купил пару неплохих кожаных перчаток. Во-вторых, побеседовал с бойкими быстроглазыми ребятами на рынке, которые за один кварт посоветовали мне найти на Улице Каменщиков заведение под вывеской "Элия Колтерс. Услуги" и поговорить с хозяином.

Дверь мне открыл светловолосый паренек примерно моих лет в щегольском кожаном дублете. Оценивающе глянул на мои куртку и мечи, выслушал, зачем я пришел и с легким поклоном предложил следовать за ним. Сам Колтерс сидел в захламленном, провонявшем смрадом горелого сала и сивушного перегара кабинете, в кресле у камина и ковырялся щепкой в зубах. Мое появление не заставило его встать.

— По делу или как? — осведомился он, знаком отослав паренька в дублете.

— По делу. Я слышал, вы обучаете фехтованию.

— Обучаю, — Колтерс одарил меня беглым взглядом. — Хм, необычно.

— Что необычно?

— Меня посетил джеппи в куртке из настоящей драконьей кожи и с мечами, которые стоят целого состояния. Ты что, королевское отродье?

— Вроде того. Так тут учат фехтовать, или нет?

— Учат. Но ты сделал большую ошибку, джеппи. Если бы ко мне пришел бравый, тертый жизнью боец в драной кожаной кирасе и с железным мечом за два кварта, я бы назначил одну цену за урок. Теперь назначу другую.

— У каждого из нас своя цена. Хорошо, что я не похож на дешевку.

— Крепко сказано, — Колтерс вытащил зубочистку изо рта, посмотрел на меня с интересом. — Ты еще и остро слов, джеппи.

— Есть немного. Сколько хочешь за урок?

— Денарий.

— А не жирно ли будет?

— Хорошее стоит дорого. И еще учти, что в этом городишке больше никто не учит обращаться с мечом.

— А настолько ли ты хорош, чтобы тебе платить?

Колтерс не ожидал от меня такой наглости. Он на пару секунд замер с открытым ртом, а потом вдруг засмеялся.

— Пойдем со мной, — предложил он, прихватив со стола свечу.

Из кабинета мы прошли в подвал, в небольшой, но неплохо оборудованный фехтовальный зал с китанами, щитами на стенах и стойками для оружия и доспехов. Колтерс запалил масляные фонари от свечи, потом прошел к стойке, выбрал две рапиры, одну подал мне.

— Свои мечи сложи у стойки, — велел он. — И на дорожку!

Я встал в стойку, поднял оружие. Колтерс хмыкнул, отсалютовал мне рапирой и...

Острые его рапиры уперлось мне в грудь. Я даже не успел увидеть, как он провел атаку.

— Ты не просто королевское отродье, — заявил Колтерс. — Ты сонное отродье. Помесь жирного сурка и совы в полдень.

— Я... я не был готов.

— Еще раз! — Колтерс поднял рапиру, приглашая меня встать в стойку.

За последующие полминуты я благополучно пропустил еще пять ударов разные части тела, так и не сумев парировать атаки Колтерса. Напоследок он еще и выбил рапиру у меня из руки.

— Ну что, достаточно хорош я для тебя, или нет? — спросил он.

— Вполне. Но денарий за урок все равно дорого. Скинь цену.

— Шиш тебе с маслом, барчук. Ты ни хрена не умеешь обращаться с оружием. Рука и глаз у тебя никакие, уклоняться от ударов ты не можешь, да и дыхалка у тебя говеная. Даже мой слуга Фейнс побьет тебя одной левой. Тебя учить и учить. Денарий, и это божеская цена.

— Я подумаю.

— Ага, подумай. — Колтерс зевнул. — Надумаешь, приходи. А пока проваливай.

Прием был "теплый", но я ожидал чего-то такого. Козлина, конечно, заломил цену, но выбор за мной. Так или иначе, инструктора по фехтованию я нашел. Нужно учиться владеть оружием — мне это сегодня показали очень убедительно.

Два дела я сделал, осталось третье. И с ним-то возникла определенная заковыка. В Эттбро не было книжных лавок, ни единой. Ехать в Донкастер или в Данмут ради карты не очень хотелось, еще меньше хотелось идти на поклон к Эдерли. Размышляя над тем, где бы мне обзавестись картой, я вышел на ратушную площадь Эттбро. Навстречу мне неспешной вальяжной походкой шел богато одетый мужчина в сопровождении двух юных клерков в одинаковых темных одеждах. Он поклонился мне, я ему. Вроде как купец. Или ратман. Или может, сам бургомистр. Нет, скорее всего купец — вошел в здание с вывеской "Купеческий клуб"

Стоп, погоди-ка. А ведь это идея. Карту наверняка можно найти у купцов.

В "Купеческий клуб" меня пропустили без вопросов. Первый этаж представлял собой уютный и роскошно обставленный обеденный зал, где за дубовыми полированными столами сидело с полдюжины гостей, попивая вино и пиво и беседуя. Здесь же был и господин с двумя клерками, с которым я обменялся поклонами минуту назад. Рядом с этими джентльменами сидели миловидные девушки, судя по их открытым платьям и яркому

макияжу явно не принадлежащие к целомудренным мужним матронам города Эттбро. Мне навстречу вышла полная дама в платье из зеленой тафты, с набеленным и напудренным лицом и нарисованными жирными черными дугами бровями, которые делали эту почтенную особу похожей на фарфоровую кошку-копилку.

— Добро пожаловать, юный красавец! — преувеличенно-радостным тоном воскликнула она. — Мы тебе рады и окружим тебя любовью и негой.

— Я просто зашел, — промямлил я, сообразив, куда попал.

— У меня в клубе отличная выпивка и лучшие девушки в городе. — сообщила мне бордельмаман. — Все, чтобы возрадоваться жизни и приходить сюда постоянно.

— Да, конечно, — я попытался улыбнуться.

— Какой грозный! — Фигуристая зеленоглазая брюнетка в красном платье возникла рядом со мной так внезапно, что я невольно вздрогнул. — Привет, красавчик! Не желаешь развлечься?

— Да неплохо бы, — ответил я. — Выпьем?

— С радостью, мой сладкий. — Красотка тут же повисла на моей руке, и мы продефилировали через весь зал к столику в эркере.

Зеленоглазую девушку звали Миленой. Она с самого начала предложила подняться наверх, в один из гостевых номеров, и заняться близким общением друг с другом — я так понял, Купеческий клуб оказался дорогим респектабельным борделем. Чем я мог ответить на такое соблазнительное предложение? Только одно, хотя мне ой как трудно было преодолеть соблазн.

— Знаешь, детка, — сказал я с самым траурным видом, — я бы с удовольствием, но есть одна проблема. Неделю назад я дрался на дуэли и получил удар кинжалом в пах. Так что я временно не боец в постели. Уж извини. В другой раз обязательно посмотрю твоё гнездышко наверху.

— Да? — Милена обиженно надула и без того полные губы. — А чего же ты приперся сюда?

— Есть дело. Поможешь мне, заплачу.

— Заплатишь? — Она фыркнула. — И сколько заплатишь?

— Назови свою цену.

— Два денария, — Милена показала мне "два" на пальцах. — И выпивка за твой счет.

— Договорились.

— Отлично, — Милена сразу повеселела. — Что надо сделать?

— Не знаешь, у кого из гостей этого почтенного дома может быть карта?

— Карта? Карта Вальзерата?

— Вальзерата, а еще лучше всего Десятигорья.

— Зачем она тебе?

— Просто нужна. Очень. Вопрос жизни и смерти.

— Даже не знаю... Хотя постой: у мэтра Лало Форнеля я видела в сумке бумаги, и там вроде как карта была.

— Лало Форнель? — Я понял, что зеленоглазая Милена не упускает возможности пошарить в вещах клиентов, когда те отдыхают после любовных утех.

— Он постоянно тут бывает, шибко охочий до потрахушек, — пояснила девица. — Богатый дядька, скуповатый, но всегда дает пару монеток сверх платы. Девчонки его любят, он забавный. Возбуждается, когда его бьют или обзывают.

— Ага, мазохист, — заметил я. — А сегодня будет?

— Еще рано. Он ближе к ночи приходит.

— Так достанешь?

— Тебе совсем ее спереть или на время? — внезапно спросила Милена.

Я растерялся.

— Ну, как тебе сказать... Мне без разницы. Как получится.

— Хорошо. Два денарий с тебя, не то ни хрена не получишь.

— Понял. Слушай, лапушка, а что значит словечко "джеппи"?

— Это из жаргона наемников. Знаешь, такие крутые ребята, которые даже в постели не расстаются с оружием. "Джеппи" значит салага, молокосос.

— Еще вина?

— Пожалуй.

Я заказал еще бутылку, и наш дальнейший разговор приобрел более светский и бестолковый характер. Милена рассказывала мне городские сплетни, я ограничивался комплиментами и тостами "за красоту" и "за любовь". Под занавес мы договорились, что Милена попробует раздобыть карту из сумки любвеобильного мэтра Форнеля до послезавтрашнего вечера.

— Золотой в задаток, — она протянула руку ладонь вверх. — Нам, девушкам, нужно золото.

Я вручил прелестнице денарий задатка, попрощался и отправился в гостиницу. В холле меня ждал Эдерли.

— Все любят показывать характер. — заявил он, стуча зажатыми в правой руке перчатками о ладонь левой. — Все суетятся, набивают цену, лопаются от непомерного самомнения! Да-да, лопаются. А ведь дело от этого не сделается.

— Ты зачем сюда пришел? — сказал я нехорошим тоном.

— У меня был Цельс. Заявил, что вы хотели похитить у него друидские эликсиры и едва не убили его по указке друидского шпиона в Монсальвате. Это правда?

— Это половина правды. Вторая половина в том, что это Цельс заразил город гиблой чумой, погубив сотни, если не тысячи людей. За это я и хотел перерезать ему горло. И спас его от моего клинка — заметь это! — как раз тот человек, которого он называет шпионом друидов.

— Цельс действовал в интересах Трибунала!

— Он действовал в твоих интересах, Эдерли. И не кричи так громко, нас могут услышать.

— Неллер верил вам, — запинаясь, произнес маг. Он упорно продолжал обращаться ко мне на "вы". — Он считал вас достойным человеком, заслуживающим доверия. А вы ведете себя неразумно. Вы...

— Я выполнил все задания. Все, шабаш. Я больше не хочу работать на вас. Ни под каким соусом. По крайней мере, в ближайшее время.

— Вы делаете ошибку, эрл Сандер. За вами уже началась охота. Вас разыскивают люди вашего брата. Поверьте, это очень опасные люди. И ведьмы о вас не забыли. Просто ищут удобного момента расправиться с вами. Кто вас защитит, как не Трибунал?

— Друиды. Друиды меня защитят.

— Вы собрались свести дружбу с отступниками и врагами веры?

— Интересный вы человек, Эдерли. Магов Синклита и Ковена ваш Трибунал не

преследует, не борется с ними, а почему? Потому что силенок не хватит. Что маги, что ведьмы слишком сильны для вас. Не потянете. А вот свободных магов можно покошмарить, верно? Руку на них набить. Но есть одна вещь, которую вы страстно желаете получить — живую воду Пророка. Вот когда она будет у вас, вы сможете противостоять на равных и Санктуру, и Тойфельгартену. Для этого вам нужен я.

— Вздор, — Эдерли сделал презрительный жест, но глаза его стали злыми, и я понял, что своими выводами попал в самое яблочко. — Мы пытаемся соблюсти баланс сил в королевствах, только и всего.

— Соблюдайте баланс без меня. Я решил, что мое участие вам не нужно.

— Станный, однако, поворот. Вы прекрасно выполняли наши поручения и вдруг...

— И вдруг понял, что хочу сохранить свою свободу. Я ведь знаю, чем кончится работа на вас — мне предложат вступить в ваш орден, и я не смогу отказаться. Меня это не устраивает.

— Вам рано или поздно придется сделать выбор. Это неизбежно.

— Может быть. Но я не буду торопиться. Посмотрю другие предложения.

— Что ж, я старался быть убедительным, — Эдерли поднял руки к потолку. — Вы отказались от нашей помощи. Смотрите, как бы не пожалеть об этом.

— Это угроза?

— Это предупреждение. В Десятигорье много опасностей.

— Я не боюсь.

— Тогда позвольте откланяться. — Эдерли направился к двери.

— Один вопрос, — остановил я его. — Вам знакомо имя Езекия Борг?

— Нет, незнакомо, — тут же ответил Эдерли. — Никогда о нем не слышал. Если вы все-таки передумаете, эрл Сандер, заходите в мою башню — поговорим.

Лжец, подумал я, провожая его взглядом. Знает он этого Борга, готов поклясться, но помогать мне не хочет. Плевать, сам разберусь с этим делом.

Не маленький.

***

Вокруг меня была сырая, вздыхающая порывами холодного ветра ночь, и росли странные деревья — низкорослые, корявые, лишенные листьев, с черно-багровой корой, будто обожженные пламенем. Их стволы напоминали изломанные обугленные человеческие тела, протягивающие ко мне уродливые руки-ветви. Почва под ногами была болотистой, каждый мой шаг выживал из грязно-зеленого дерна темную воду. Страх попасть в трясину заставил меня остановиться.

Куда я, мать вашу, забрел?!

Темнота между деревьями материализовалась в безликую фигуру, с головы до ног закутанную в черный балахон.

— Преследователь! — услышал я вкрадчивый женский голос. — Тебе страшно?

— Страшно? — Я хмыкнул. — Это всего лишь сон. Ведь это сон, верно?

— Любой сон может оказаться реальностью, а то, что кажется действительностью — сном, — прошелестела фигура. Подошла к одному из деревьев, выпростала из-под своих бесформенных одежд руку. Тускло сверкнул кинжал. Я услышал скрип и тихий стон — это дерево стонало, предчувствуя боль. Кинжал впился в кору, на стволе выступила черная пеннистая, похожая на венозную кровь влага, закапала в чашу, которую подставила безликая.

— Много, много лет они хотят истребить нас, а мы их, — сказала фигура. — Тысячу лет, или больше — кто скажет? Великая война, которой не видно конца. Глупцы не понимают, что нас невозможно победить.

— Вас?

— Много лет они сражаются с нами. Не могут победить, поэтому призывают Преследователя. Они верят в дар Пророка, глупцы!

— Ты ведьма из Ковена, так?

— Как посмотреть. Можно сказать, что я просто женщина. Вот, смотри, — призрак показал мне чашу, в которой пенился сок странного дерева. — Из этой живицы мы сделаем эликсир, который исцеляет и убивает одновременно. Понимаешь, что это значит?

— Не совсем.

— У меча два лезвия. Какое из них хорошее, а какое плохое? Какое убивает, а какое защищает?

— На этот вопрос не может быть ответа.

— Видишь, ты понимаешь это, а они нет, — ведьма засмеялась мелким скрипучим смехом. — Они считают себя Добром, а нас злом. И еще — они хотят жить вечно. Маги боятся смерти. Ее все боятся. Чем могущественнее маг, тем невыносимей для него мысль о конечности существования. Они думают, дар Пророка позволит им избежать конца. Но до сих дар Пророка не возвращал жизнь. Он несет только смерть. И они это знают. Они поняли это, когда пришел Черный Орден. В те дни маги Синклита испытали настоящий ужас, хе-хе!

— Может быть, это случается потому, что дар Пророка попадает не в те руки?

— Ты умен, Преследователь. Но это не спасет тебя от разочарования и боли.

— Твои речи туманны, госпожа.

— Госпожа! — Призрак вздохнул. — Мне нравится твоя вежливость, Преследователь. Я буду откровенна с тобой. Ты чужак, пришелец из другой вселенной. Ты думаешь, что ты спасаешь этот мир. На самом деле ты приблизишь его гибель, если нарушишь Равновесие Силы. Еще раз посмотри на эту живицу. Она яд и целебный напиток одновременно. Рискнешь ли ты позволить самому дорогому для тебя человеку выпить ее, не зная, как она подействует?

— Это все интересно, но нельзя ли без аллегорий?

— Можно, — Тень сверкнула глазами из тьмы под капюшоном. — Ты ведь тоже как эта живица — можешь принести благо, но можешь ввергнуть всех нас в погибель. Это так, поверь мне.

— Поэтому вы пытались меня убить?

— Вначале мы всего лишь хотели помешать тебе, но безуспешно. Маги Синклита смогли отправить тебя в Десятигорье. Как только ты пришел в наш мир, ты стал нашим врагом. Посланные к месту Прибытия Сестры нашли и устроили для тебя ловушку. Ты выжил — эликсиры и магия Синей звезды не убили тебя, что уже само по себе удивительно. Потом ты ушел от Сестры-Охотницы в Альдре. Но твое везение не бесконечно. Рано или поздно мы настигнем тебя.

— Я разрушил ваши планы. Я спас предыдущего Преследователя, отыскав его записи. Так что передай привет той стерве, которая выкрала из моей квартиры записи Кузнецова — она ничего не добилась.

— Битва только начинается, — ведьма выплеснула живицу из чашки на землю; полыхнуло голубоватое пламя и резко запахло мертвечиной. Странно, что это за сон, если я

могу чувствовать запахи? — Мы знаем твои слабости, Александр Мезенцев. Лучше тебя знаем. Помни об этом!

Колдовской лес, синие огни, черная зловещая фигура без лица — все исчезло. Я увидел перекрещенные балки потолка над моей кроватью в гостинице "Белые голубки". Вздохнул и выругался — нет, не надо мне таких снов!

Да и сон ли это был? Может быть, ведьмы Ковена каким-то образом могут проникать в мое сознание. Если так, это скверно. Нужна защита. Сейчас бы мне очень пригодилась помощь санктурских умников, но они даже не соизволят поинтересоваться, как у меня дела. Забросили меня в эту реальность и умыли руки, сволочи, только время от времени напоминают о себе через мой смарт.

Нет, без помощи магов в этом мире никуда. Что там мне говорила Эплбери? Зайти в лавку Окана в Донкастере и поинтересоваться поясом из змеиной кожи. Так и сделаю. Я найду защиту от всей этой магической хрени. Пусть ведьмы попробуют ее пробить. Замучаются пыль глотать.

И вот еще что — надо побыстрее отправиться в Донкастер, пока Эдерли не создал мне ненужных проблем. Как только Милена добудет карту, сразу в путь. Но сначала надо разобраться с делом кондитера, поэтому умываемся, одеваемся, завтракаем и чешем в Бэкуотер. Может, у меня есть шанс перехватить торговца отравой по горячим следам.

***

В Бэкуотер я приехал еще до полудня. Лучшим местом для начала поисков была деревенская корчма, так что я прямиком отправился туда. Корчмарь, тощий болезненный тип с бельмом на правом глазу, удивил меня своей хорошей памятью.

— Скажу вам, сударь мой, то же самое, что сказал папаше этой девчонки — видом ни видывал и слыхом ни слыхивал про них, — заявил он. — Здесь их точно не было.

— А чего ж ты так хорошо запомнил отца девушки?

— Так не каждый день тебе сулят пять золотых монет за сведения. — Тут корчмарь наклонился ко мне и зашептал: — Но, если ваша милость мне больше посулит, я, может быть, вспомню кое-что.

— Вспомнишь? А чего сразу отцу не сказал?

— Так забыл. А потом вспомнил.

— Моя милость может посулить только одно: если скажешь правду, я не насажу тебя на меч, как на вертел, — ответил я самым спокойным голосом. — Как тебе сделка?

— Неплохая. Не угодно ли вашей милости освежиться? Пива, вина?

— С утра не пью, — я посмотрел на лоснящуюся от жира посуду на стойке и заскорузлую тряпку, которой корчмарь протирал стойку, и понял, что есть и пить в этой корчме не стану даже под угрозой расстрела. — Ну, я слушаю!

— Слово вам даю, что не видел их. Но знаю, кто мог видеть.

— И кто же.

— Аптекарь наш, мэтр Клеман. — Корчмарь поставил на стойку большую оплетенную бутылку, вытащил пробку и плеснул какой-то темной жидкости в кружку. Запахло крепкой дешевой сивухой. Я подумал, что это он меня угощает, но ошибся — корчмарь сам хватанул своего пойла, вытер рот рукавом и продолжил: — Его лавку около Смитфилдского поля найдете. Может, он и знает что.

— Спасибо и на этом, — ответил я, бросил на стойку несколько медяков и вышел на воздух.

Лавка мэтра Клемана располагалась в старом деревянном доме, покосившемся и осевшем так, что окна оказались почти вровень с землей. Над входом висел масляный фонарь и вывеска с каким-то арканическими знаками. Я толкнул дверь, вошел и едва не задохнулся от тяжелого трупного запаха.

Когда мои глаза привыкли к темноте, а обоняние к вони, я смог разглядеть прелюбопытный интерьер и самого хозяина аптеки, сидевшего в кресле-каталке в глубине лавки и наблюдавшего за мной. Мэтр Клеман оказался крепким широкоплечим мужчиной с роскошной черной бородой — такого можно скорее представить торгующим оружием или винами, нежели микстурами и декоктами.

— Нуте-с? — рявкнул он, подкатившись ко мне ближе. — Чего угодно?

— Однако запах тут у вас, — промямлил я, пытаюсь пересилить тошноту. — Как в мертвецкой.

— На этих полках, — Клеман обвел рукой уставленные банками, склянками и коробками стеллажи в промежутках между окошками, — дары смерти, спасающие жизнь.

— Ага, ага. *Hic locus est ubi mors gaudet succurrere vitae*, — заметил я.

— Что за чертов язык? — поморщился Клеман. — Не канский ли?

— Латинский. Там, откуда я родом, такие надписи иногда делаются над входом в анатомический театр. Переводится: "Место, где смерть ликует, помогая жизни".

— Ты что, медик? — Клеман с подозрением уставился на меня.

— Помилуй Вечные, нет.

— Наемник?

— Нет, вы опять ошиблись, мэтр. Я просто путешественник.

— Искатель приключений на пятую точку? — Клеман хохотнул. — Ясно. Значит, скидки не будет. Для собрата наемника я бы скинул десять процентов с цены снадобий.

— Вы что, были наемником?

— Да, юноша, был. Про "Золотые клинки" слышал?

— Не приходилось.

— Все забывается быстро, а ведь еще пять лет назад любой мальчишка в Висланде и Инковарне местал стать одним из нас! — Клеман хлопнул ладонями по поручням своего кресла. — Славная у нас была ватага. Лучшие солдаты в мире, клянусь всеми богами! Я прослужил под началом кондотьера Годфре де Сэмона три с половиной года, пока не получил арбалетный болт в спину. Проклятая железка перебила мне позвоночник, с тех пор я могу передвигаться только на этой чертовой каталке. Только вот лавка эта и спасает... Желаете купить чего-нибудь?

— Возможно, — я подавил новый позыв тошноты после того, как разглядел в одной из стеклянных банок на полке плавающего в желтоватой жидкости младенца с пуповиной. — Но вообще-то я ищу одного человека. Девушку.

— Это не ко мне. Раньше я баб десятками укладывал, по три-четыре за одну ночь ублажал. Но теперь я не боец в постели, потому как ничего не чувствую ниже пояса. — Клеман вытащил из обшлага своей бархатной куртки булавку и несколько раз всадил ее себе в бедро. — Вот так. И исцеления не будет. Так что ищи свою подружку в другом месте. Или покупай что-нибудь, или выматывайся.

— Хорошо, — я показал аптекарю золотой денарий. — Только вряд ли у тебя найдется

нужное мне снадобье. Мне нужен эликсир Борга.

— Неужели? — Клеман состроил самую презрительную мину. — У хорошего аптекаря есть все. Гони три золотых, и я продам тебе это зелье.

— Вы не поняли, сударь, — я почувствовал, что сильно волнуюсь. — Мне нужен настоящий эликсир Борга.

— А я и продам тебе настоящий, разорви тебя демоны! Я сам получил его из рук Борга. Новая партия, да еще на воде Источника Молодости.

— Да неужели! Ох, вот это удача!

— Три золотых.

— Конечно, мэтр, — я достал из кошелька монеты. — А вы что, знакомы с господином Боргом?

— А вот это, парень, не твое дело, — глаза Клемана вдруг стали злыми. — Так ты будешь брать чертово зелье, или нет?

— Буду, разумеется, буду. Один мой приятель-алхимик...

— Что "твой приятель-алхимик"?

— Да так, ничего... — Я сделал выразительную паузу. — Так где же эликсир?

— Нет эликсира, — внезапно сказал мэтр Клеман. — Ничего я тебе не продам, парень. Не нравишься ты мне. Ступай-ка ты отсюда, пока я добрый.

— Мэтр, но как же...

— Вали отсюда! — Мэтр Клеман нацелил на меня заряженный арбалет, который прятал под укрывавшим парализованные ноги одеялом. — И побыстрее...

Я вышел из вонючей лавки вполне довольный результатом. Итак, Борг все же был в Бэкуотере и наверняка Жанин Гроу была с ним. У Борга и Клемана какие-то секретные дела — наверняка, темные и незаконные, если аптекарь вдруг отказался продавать мне зелье. Моя фраза про приятеля-алхимика оказалась очень удачной — Клеман наверняка подумал, что я либо охочусь за секретами Борга, либо за самим Боргом. Но прежде успел проговориться про Источник Молодости. Отлично, просто великолепно!

Десять минут спустя я узнал от местных жителей все об этом месте. Источник Молодости находится совсем недалеко от Бэкуотера и во всей округе почитается, как святой — его вода омолаживает и исцеляет, поэтому на источнике можно встретить паломников со всего Вальзерата и окрестных земель. Кроме того, за пару медяков мне подробно объяснили, как добраться до родника.

доехал до места за час. Окрестности Источника Молодости оказались очень живописными. С трех сторон — залитые солнцем цветочные луга, через которые я ехал к источнику, с четвертой густой сосновый лес, раскинувшийся вправо и влево до самого горизонта. Протоптанная паломниками грунтовая дорога привела меня в тенистую, заросшую сиренью, бузиной и маленькими елочками низину, где под корнями огромного древнего дуба находился исток родника. По сторонам от дуба были установлены грубо вырезанные из дерева статуи Вечных, покрытые незнакомыми мне письменами и символами, а перед самым дубом был устроен алтарь для подношений. С ветвей дуба над алтарем свисали разноцветные ленточки и полоски материи, привязанные паломниками. Прозрачная ледяная вода собиралась ниже алтаря в устроенной из больших каменных глыб запруде и дальше стекала между камнями ручьем в сторону леса, теряясь между соснами.

Красивое место. Прямо тебе средняя полоса России поздней весной. Воздух такой свежий, ядреный, полный запаха трав. И тишина тут такая, что просто в ушах хрусталем

звенит. Построить бы здесь дом и жить в счастье и покое долго-долго, до самой смерти...

Я напился сам, напоил Грига и встал у родника, размышляя, что мне делать дальше. Ну приехал я, ну посмотрел на этот источник, и что? Было бы смешно думать, что Борг и его спутница, если они даже были тут, оставили что-то такое, что может направить меня по их следам. Да и нет никаких следов. Тупик. Можно возвращаться обратно в Бэкуотер и...

Опаньки, а что это такое?!

Я увидел на одной из ветвей женский белый газовый шарфик с кистями. Тот самый, что красовался на шее Жанин Гроу на портрете в медальоне, который показывал мне папаша-кондитер.

Я протянул руку, распустил узел и стащил шарф с дерева. Никаких сомнений, это был шарф Жанин Гроу. Вряд ли бы какая-нибудь другая паломница-босоножка оставила на дереве такую дорогую вещь. Совсем новый и чистый — значит, повязали его недавно. Я понюхал шарфик: от него пахло сыростью и пылью. Жаль, у меня нет собаки-ищейки, возможно, ей удалось бы взять след. Хотя...

— Не смей их снимать! — проскрипел за моей спиной возмущенный тенорок.

Я обернулся. Ко мне ковылял дряхлый, одетый в живописные лохмотья белобородый и беловолосый старец, чрезвычайно возмущенный и потрясающий узловатой клюкой, как мечом.

— Не смей! — повторил он. — Это не твое!

— Виноват, папаша, — ответил я. — Все понимаю и святотатничать не собирался. Но это шарфик моей невесты. Я ищу ее, понимаешь?

— Дай сюда! — Старик выхватил у меня шарфик. — Если твоя невеста была тут, в ее воле было пожертвовать великому дубу Альбероку и Источнику свою вещь. И не тебе отнимать у них дар сей девы!

— Никто ничего не отнимает, дедушка. Ты успокойся и перестань дрючком своим махать. И помоги мне, прошу тебя.

— Найти беглянку хочешь? — Старик все же опустил клюку. — А не поздно ли ты хватился?

— В смысле?

— В беде твоя любимая. В большой беде. Вряд ли ты ее спасешь.

— Слушай, дедуня, давай без загадок. Рассказывай, что знаешь.

— Дуб Алберок все видел и рассказал мне. — Дед таинственно сверкнул глазами. — И еще ткань эта поведала то, что скрыто от тебя. Позади у твоей невесты счастье, любовь и радость. Впереди вечная Тьма.

— Ты не каркай, отец, по делу говори.

— А я и говорю по делу. Или ты совсем идиот? Я видел их тут, подле Источника Молодости. Маг с ней был. Темный маг. С Тьмой в сердце. Ему нужна живая вода, но он не может получить ее, потому что заражает ее скверной и превращает в яд. А непорочная дева может набрать воды. Маг послал твою невесту к роднику, а сам стоял наверху, у границы святой земли.

— Мага зовут Езекия Борг?

— Его настоящее имя неважно. Он служит Тьме, и его имя проклято и забыто.

— Дедушка, дорогой ты мой, ты скажи, где мне Жанин искать? Как мне ее спасти?

— Ты опоздал. Ее не спасти уже. Если только...

— Что "если только"?

— Черный маг должен умереть до окончания лунного месяца. Убьешь его — спасешь свою невесту.

— И где мне их искать?

— Маг странствует, страшась остановиться, ибо возмездие идет за ним по пятам. Поэтому продолжай свой путь, и найдешь его.

— Эх, дедушка, загадками говоришь! А мне так нужна помощь.

— Помощь тебе и впрямь нужна. — Тут старик как-то странно посмотрел на меня. — Тень Ковена над тобой. Берегись силы ведьм!

Я хотел ответить, но тут случилось непонятное. То ли старикашка странный что-то со мной сделал, то ли таково было действие магического места, но я будто выпал на время из реальности. Как сознание потерял, а когда очнулся — старика уже не было. Исчез, перечник старый, будто не было его.

— Эй! — позвал я, прекрасно понимая, что поздняк метаться, и дедушка уже не отзовется. — Отец, ты где?

Кроме крика сорок, журчания воды и шелеста листвы под ветром я ничего не услышал. Все будто приснилось. И шарф — он исчез. Таинственный старик забрал его с собой.

Остаться у источника больше не имело смысла. Я вывел Грига наверх, сел в седло и пустил коня шагом в сторону Бэкуотера. Так я проехал, наверное, с полкилометра, и тут заметил впереди облако пыли. Его подняли три всадника, скакавшие в мою сторону.

Между нами оставалось метров пятьдесят, когда всадники из колонны перестроились в шеренгу, охватывая меня с флангов. Что-то мало они походили на паломников, скорее на бандитов — испытые грязные морды, нечесанные патлы и бороды, доспехи из звериных шкур и сыромятной кожи.

— Стой, господин хороший! — скомандовал мне главарь этой троицы, направляя на меня арбалет. — Не спеши, удели время сирым и убогим!

Его спутники дружно заржали. Я быстро перебросил мечи со спины под левую руку, готовясь к бою, но небо вдруг рванулось мне навстречу, я услышал жалобное ржание Грига — и опомнился уже на земле, рядом со своим умирающим конем, получившим в голову арбалетный болт.

— Твари! — выкрикнул я, пытаюсь встать, и тут получил сильнейший удар в живот, опрокинувший меня на землю. Все тело просто взорвалось болью. Я с трудом разбирал, что говорит как в трубе звучащий насмешливый голос.

— Все правильно аптекарь сказал — барчук-то наш сюда поехал. С такими клинками и в куртке, за которую поместье купить можно! Хороша добыча, а, сынки?

— Какого дьявола... — я снова попытался встать, преодолевая боль, и тут обнаружил, что мои мечи уже у предводителя этой шайки. Страшное, темное отчаяние буквально парализовало все мое существо.

— Ты ошибку сделал, барчук, — заявил насмешливый бандит, поглаживая ножны Солера. — Не надо было в Бэкуотере лишние вопросы задавать. Теперь ты умрешь. А твои барахло станет нашим.

Он направлял арбалет прямо мне в голову. И не промахнулся бы ни при каких обстоятельствах, если бы прилетевшая неведомо откуда длинная стрела не попала ему прямо в затылок в тот самый момент, когда он нажал спусковой рычаг арбалета. Последнее, что я ощутил — удар в грудь, адскую боль и хруст.

Все-таки убил, подонок!

Мысль погасла, как задутая свеча, следом пришла тишина.

***

— ...они не могут этого знать, Саффрен, — говорил красивый грудной женский голос. — Но нельзя быть беспечными. Поэтому нужно предупредить наших братьев и сестер. Тебе придется отправиться в Орандур.

— Слушаюсь, Хранительница... Ой, он очнулся!

В колышущийся сумрак перед моими глазами вошло миловидное женское лицо, обрамленное капюшоном.

— Замечательно, — сказал красивый голос, и вторая женщина склонилась надо мной. — Эй, ты слышишь нас?

— Слы-шу, — выдавил я, пытаюсь овладеть своим сознанием и телом.

— Лежи спокойно, тебе нельзя двигаться, — велел красивый голос. — Саффрен, принеси сомносок.

— Где. я?

— В безопасности. Все с тобой хорошо. Очень скоро ты будешь здоров.

— Кто вы... такие?

— Сейчас ты уснешь и проснешься здоровым. Ну-ка!

Меня осторожно приподняли, подложив ладонь под затылок. В груди кольнуло, заныло. Губ коснулся холодный край чашки, и душистое кисловатое питье освежило мой пересохший рот. Я хотел поблагодарить добрых женщин, но язык больше меня не слушался. Интересно, что они...

— Ах ты, очнулся, барин! — обрадованно сказал мужской голос.

Я открыл глаза. На меня смотрел мужчина лет пятидесяти. Честное открытое лицо, добрые глаза.

— Все, теперь все в полном порядке будет, — заявил он. — Прошла-то она, безгубая стороной...

— Ничего не... — Я посмотрел по сторонам и понял, что лежу на соломе в повозке, которая медленно, стуча колесами по камням, катится по лесной дороге, и солнце мелькает между стволами корабельных сосен, слепя меня. — Я же был...

— Трое суток бездыханным лежал, барин, — сообщил человек с добрыми глазами. — В беспмятстве своем бредил. Думали, помрешь. Ан нет, все обошлось. Как чувствуешь себя, а?

— Я здоров. Почти здоров. Голова только тяжелая и слабость. Я был сильно ранен?

— Ран на тебе не было, но, видать, что-то внутри у тебя повредилось. Поблаговари Вечных, сильную они тебе натуру дали.

— Я видел... вроде как двух женщин. Одну Саффрен звали.

— Женщин? — Добряк покачал головой. — Видать, попутал ты чего, барин. Не было никаких женщин. Один ты лежал на дороге к Источнику. Так и нашли тебя с сыном моим. Обмыли, примочки ледяные делали. Видать, с коня ты упал, барин, или как?

— Или как. А оружие мое... где?

— Тюточки твои мечи, не изволь беспокоиться. И доспех, и кошелек, все мы забрали.

— Спасибо. — Я почувствовал просто таки невыразимую радость и облегчение. — Возьми в кошельке награду...

— Вот еще! — фыркнул мужчина. — За доброе дело и плату брать? Нет уж, барин, не

по-людски так будет. Вечные велят нам ближнему помогать, за то и награда нам будет в царстве духовном вечная и несказанная.

— Куда мы едем? — спросил я, сиюсь осмотреться.

— В Сэйлок, барин. К вечеру на месте будем.

— Сэйлок?

— Деревня так наша называется. Это в Монхэме.

— Мне... в Эттбро надо.

— Как в силах будешь, так вернешься к себе домой, барин. Рано тебе в дорогу.

Поправиться надо, набраться сил, отлежаться.

— Нет у меня времени отлеживаться. В Сэйлоке можно лошадь купить?

— А то. Монхэмские лошадки самые лучшие. Что землю пахать, что верхом скакать, на все годятся. Купишь, барин, и возьмут недорого.

— Хорошо, — Я откинулся на солому, закрыл глаза, попытался разобраться с мыслями, которые скакали в голове как пресловутые монхэмские лошадки. Я был уверен, что две женщины говорили со мной. И это они лечили меня. И кто-то неведомый прикончил из лука напавших на меня мерзавцев, по крайней мере, одного из них. Кто-то спас меня от неминуемой смерти, а я не знаю, кто, но точно не этот приветливый и добросердечный крестьянин, который вместе с сыном подобрал меня на дороге к Источнику Молодости. Еще одно странное событие, которую я никак не могу объяснить. И еще одна загадка. которую мне наверняка придется разгадывать.

Глава десятая. Дочка кондитера (продолжение)

Уж не знаю, кто меня исцелил, — добрый крестьянин с сыном или загадочные женщины из мимолетного лихорадочного видения, — но к моменту прибытия в Сэйлок я чувствовал себя вполне здоровым. Мичем (так звали крестьянина, в повозке которого я оказался) приютил меня на ночь в своем доме, а наутро, едва рассвело, я отправился покупать лошадь. У меня оставалось шесть денариев, один золотой я все же заставил Мичема принять в награду за все благодеяния, которые он мне оказал.

Торговец лошадьми в Сэйлоке оказался человеком дела. Выслушав меня, он тут же без лишних слов повел меня в стойло, где стоял статный и рослый гнедой конь, очень спокойно воспринявший наш визит.

— Это Брес, ему четыре года, — хозяин ласково потрепал коня по холке. — Он мне достался по наследству от одного наемника из Висланда, который умер от раны в сэйлокской таверне. Перед смертью этот парень просил меня позаботиться о его друге и не продавать его кому ни попадя. Скажу так — конь выезжен и обучен так, как мне еще не приходилось видеть. С ним управится даже ребенок. Поскольку ты, господин, человек благородный, я подумал, что для Бреса пришло время обрести нового хозяина.

— Прекрасно, — я погладил коня по морде, и Брес зафыркал. — Сколько хочешь за него?

— Пять золотых с седлом и сбруей. Это хорошая цена, господин.

— По рукам.

Перед тем, как покинуть Сэйлок я еще раз заехал к Мичему, разузнал, как мне доехать до Эттбро, простился с ним и его домашними, после чего поехал по пустынному тракту на север. Уже через несколько миль я понял, что Брес конь такой же покладистый, каким был бедняга Григ, но куда резвей и выносливей его. Словом, с лошадью мне повезло. Сделав в дороге несколько маленьких привалов, я на закате приехал в Ланфрен. На въезде в деревню меня встретила группа крестьян, вооруженных насаженных торчком косами, цепами и длинными тяжелыми палками.

— Прощения просим, господин хороший! — заговорил со мной их предводитель, крепкий пожилой человек в меховой безрукавке. — Придержи коня, парой слов хотелось бы перекинуться.

— Тебя случаем не Гийомом звать? — спросил я.

— Гийомом, — мужик был удивлен. — А ты, ваша милость, откуда...

— Мэтр Гроу про тебя мне рассказывал. Меня зовут Сандер Сорм, старый Гроу просил меня его дочь разыскать.

— Вот оно что! — Взгляд Гийома стал дружелюбнее. — Сталбыть, земляку нашему помогаешь? Хорошо это, по-божески. Ты уж прости за то, что дорогу тебе заградили — у нас в последние недели от приезжих головная боль одна.

— Ты про мага говоришь?

— Про него, чтоб ему провалиться! Как побывал тут, так люди у нас болеть да помирать

стали. Мы уж напужались, думали чума открылась. Семь человек за одну неделю померло: объездчик Лука, старая повитуха Климена, Винч-дурачок, два младенца и корчмарь Варденс с женой. Народ волноваться начал, дошли до меня слухи, что кое-кто сбегать с Ланфрена собрался. Я потому и организовал патруль и депешу в Турс послал сеньору нашему, его преподобию верховному жрецу Турскому. Так что его преподобие сами приехали в Ланфрен из Турса разобраться со всем, а с ними доктор и четверо каких-то молодых людей, в черном и при оружии. Походили по дворам, посмотрели, на кладбище зашли. А после доктор собрал всех, осматривал. Порты велел сымать, срам показывать, — Гийом гадливо плюнул себе под ноги. — Не нашел он чуму в Ланфрене, но его преподобие чумной патруль одобрили, велели покамест следить за порядком в общине, чтобы это, грабежей и мародерства не было. Вот и ходим, следим, повеление исполняем.

— Ты говорил, еще чужаки были.

— Были, ваша милость. Какой-то кан молодой приезжал, про мага этого расспрашивал.

— Ах вот как! — Я сразу подумал про Джи Кея. Интересно, как ему удалось напасть на след Борга? — И что, рассказали кану, что и как?

— Кану-то? — Гийом презрительно плюнул. — Была б охота! Он пытал все, куда маг поехал, а как понял, что не желаем мы с ним говорить, то рассердился шибко, сказал, что сами на свою голову беду накликали, а потом велел нам умерших от чумы вырыть и сжечь, а то, мол, поднимутся они и живых жрать начнут. — Гийома аж передернуло, когда он сказал это. — Сказал это, и дальше поехал, в сторону границы с Монхэмом.

— Сожгли померлых?

— Да как можно, ваша милость! — возмутился Гийом. — Мы ж народ верующий, кто осмелится могилы осквернять? Эт-только язычники каны так могут, а мы ни-ни!

— На то и расчет был, что вы люди богобоязненные, — я вспомнил увиденное в Монсальвате, рассказ Джи Кея о его жене и понял, что в Ланфрене вот-вот могут начаться большие неприятности. — Давай о моем деле поговорим. Мэтр Гроу говорил, его дочка с магом уехала.

— Истинно так.

— Послушай, а где маг жил в Ланфрене?

— Известно где, в корчме. Папаша Варденс ему лучшую свою комнату сдал.

— А Жанин в отцовском доме жила?

— Ага.

— А с чего вы решили, что чума у вас из-за мага этого началась?

— Так папаша Варденс с женой первые померли, как он уехал. А потом Лука и бабка-повитуха, они в корчму частенько захаживали стаканчик пропустить.

— Интересно. А что, Жанин с магом по любви уехала?

— Пес ее знает. Может, и запала на него. Маг этот парень видный, одет хорошо и денег у него навалом. Варденс хвалился, что постоялец с ним золотом расплачивался.

— Они вместе уехали, или как?

— Вместе. Ехали они по дороге в сторону Бэкуотера. Люди то видели. Так я Майрону сказывал о том.

— Про Бэкуотер знаю. — Я протянул Гийому серебряную монету. — Вот, возьми.

— Покорный слуга вашей милости!

— А как давно кан у вас побывал?

— Так дня два тому.

— Благодарю за помощь. А померших от чумы лучше в самом деле выкопать и сжечь. Спокойнее будет.

— Разберемся, — голос Гийома зазвенел металлом, не понравились ему мои слова. — Ну так, если еще пытаться чего хочешь, говори, а коли нет — прости великодушно, нам по своим делам идтить потребно.

— Где у вас тут остановиться на ночлег можно?

— А нигде, — заявил Гийом. — Корчма нынче заколочена, после того, как хозяйева ее померли.

— И где мне переночевать тогда?

— Вот того не знаю. Народ у нас напуган шибко, даже за деньги чужака в дом не пустит. Уж прости за прямоту, ваша милость. Да и не по чину тебе в наших хижинах ночевать.

— Понял. Тогда я в корчме останавлиюсь.

— Никак не можно, — помрачнел Гийом. — Дурное место, зачумленное. Дозволение его преподобия нужно.

— Вот оно, — я показал Гийому вальзератский перстень. — Знаешь, что это за герб?

— Знаем, герцогский, — прогудел староста и покорно склонил голову. — Что ж, ваша милость, делай, что знаешь, только нас потом в своих бедах не вини.

— Не буду. Счастливо оставаться.

Мой план был таков — заночевать в Ланфрене, поскольку ночное путешествие в одиночестве меня нисколько не вдохновляло, а с рассветом ехать в Эттбро. Корчма располагалась, как водится, в самом центре села, на площади, по соседству с кузницей, мастерскими шорника и гончара и маленьким аккуратным храмом, запертым, впрочем, на засов. Народу на площади не было: лишь несколько любопытных собак добросовестно облаяли меня и убежали по своим собачьим делам. Впрочем, мое появление в центре деревни не осталось незамеченным — я почти физически ощущал на себе настороженные и недружелюбные взгляды, устремленные на меня из-за закрытых ставень домов. Дверь корчмы была помечена большим красным крестом и заколочена широкой доской. Я привязал Бреса к коновязи под навесом, снабдил его сеном, которое позаимствовал в сарае, а потом долго искал, чем отодрать доску на двери, пока на глаза мне не попался валявшийся во дворе крепкий деревянный кол: пользуясь им как рычагом, я не без усилий отодрал доску и смог войти внутрь.

Дрова для камина и огниво я нашел без особого труда. Пока камин разгорался, я разжег масляные фонари в зале, обследовал корчму и в конце обхода заглянул в комнату, где жили Варденс и его жена. В сундуке у кровати среди разнообразной одежды, большей частью женской, мне попала на глаза маленькая бутылочка из темного непрозрачного стекла без всяких этикеток. Бутылочка была пуста. Я завернул ее в носовой платок и положил в свою сумку. Больше ничего необычного я не нашел. В сундуке из полезного оказались деньги — два денария двадцать кварталов в расшитом бархатном кошельке, — и свечи из темного воска. Еще обследовал четыре гостевые комнаты на втором этаже корчмы. Убранство и санитарное состояние комнат оставляло желать лучшего, но одна из них выходила на солнечную сторону и была единственной из четырех, где стояла настоящая двуспальная кровать, совершенно такая же, как в спальне покойных хозяев, и висели занавески на окне. Думаю, это была именно та комната, где останавливался таинственный Борг. Я осмотрел ее самым

добросовестным образом, заглянул во все углы и щели, но не обнаружил ничего подозрительного. В зале таверны, в большом буфете у стойки я нашел круг твердого сыру, зачерствевший, но вполне съедобный хлеб, немного сухарей, кожаный полукилограммовый мешочек с солью (очень ценная находка!) и ключ от подпола, в котором оказалось несколько бочек с солониной, квашеной капустой и мочеными яблоками, мешки с мукой, связки колбас на балке между стенами, а главное, с полсотни уложенных аккуратной пирамидой бутылок в нише противоположной стены, и пара закупоренных бочонков. Еще несколько бутылок стояли отдельно в ящике на полу. Отлично, смерть от голода и жажды мне здесь точно не грозит! Я не стал выяснять, что в бочонках, а вот одну из бутылок, что были в ящике, откупорил — в ней оказался великолепный напиток, по вкусу и запаху напоминающий кальвадос, качеством ничем не хуже однажды попробованного мной *Calvados Domfrontais*.

— "Яблочная Башня"! — прочел я название на этикетке бутылки, вытирая выступившие на глазах слезы. — Крутой бренди! Хорошо, что эти пезаны тут все не разграбили!

из погреба, я походил по таверне, время от времени прикладываясь к бутылке. В голове ощутимо зашумело, захотелось присесть у разгоревшегося камина, расслабиться. Но вначале нужно было подумать об ужине и безопасности. Я запер на щеколду входную дверь и дверь черного хода, проверил ставни на окнах — они показались мне достаточно прочными. Покончив с дверями и ставнями, сел за стол, нарезал копченой колбасы, хлеба и сыра, и поужинал, запивая бутерброды кальвадосом. Вкусная еда и хороший алкоголь расслабили меня и настроили на благостный лад, но завалиться спать я не решался — мало ли что может случиться ночью! Не знаю почему, но не давали мне покоя эти странные смерти в Ланфрене. Так что я приготовился бодрствовать. Глотнув еще из бутылки, придвинул к огню один из столов, разложил на нем оба меча и найденный в кладовке тяжелый остро отточенный топор на длинной рукояти, водрузил на свой край стола шандал с горящими свечами, и на этом мои приготовления были окончены.

Пламя в камине между тем разгорелось вовсю, стало жарко. Я стащил с рук перчатки, бросил их на стол рядом с мечами, расстегнул ворот куртки. Почувствовал внезапно, что уже изрядно пьян, хватанув кальвадоса с устатку без закуски, и, пожалуй, оставшийся в бутылке напиток допивать не следует, если я не хочу совсем уж напиться.

— Еще один глоточек — и все! — сказал я себе и отпил из бутылки.

Странно, еще мгновение назад мне было очень жарко, а тут вдруг будто ледяной волной накрыло. Стало холодно, как в морозильнике. Свечи на столе погасли, огонь в камине тоже — дрова совершенно прогорели, и угли были не красными, а синими, будто газ горел. Ощутимо запахло мертвечиной. И по полу корчмы полз голубоватый светящийся туман. Я вспомнил, что точно такой же туман видел в Адовой Пасти близ Эммена.

— Что за..., - начал я и замолчал, вздрогнув всем телом. Напротив меня, почти совершенно скрытый полутьмой, сидел кто-то черный, положив локти на стол. Как он сумел подойти ко мне через весь зал незамеченным, я представления не имел — тем не менее подошел и уселся за стол. Я схватился за рукоять меча, но призрак даже не шелохнулся.

— Будешь рубить, даже не выслушав? — спросил он. Голос существа звучал странно, будто оно говорило в пустое жестяное ведро.

— Ты кто такой? Как ты сюда попал?

— Я унаследовал от папаши Варденса не только тело, но и память. И мне нетрудно было вспомнить, что на крыше есть слуховое окно, которое ты забыл закрыть.

— Унаследовал? То есть ты не Варденс?

— Нет. Я почувствовал твое присутствие и пришел поговорить. Если ты будешь размахивать оружием, нам будет трудно найти общий язык. — Черный издал звук, похожий на приглушенный смешок.

— С чего ты взял, что я хочу с тобой говорить?

— Думаю, тебе будет интересно кое-что узнать. Это очень важно для тебя, уж поверь. Твои наниматели бросили тебя в водоворот событий, как слепого новорожденного котенка, и долго в нем ты не пробарахтаешься. Ты и понятия не имеешь, что здесь происходит, и чем все однажды закончится. Что ты по этому поводу скажешь?

— Скажу, что я просто перепил кальвадоса, и мне снится кошмар.

— Хороший напиток, правда? — Черный протянул к бутылке руку. Я успел заметить, что рука совершенно человеческая, без шерсти и когтей, но будто окруженная темной дымкой. И еще, я услышал скрип скамьи, на которой эта тварь сидела. Мой жуткий гость был вполне материален. — Борг не только отличный алхимик, но и винодел.

— Ты знаешь Борга?

— Конечно. Это благодаря ему я получил это тело. С одним из моих братьев Борг когда-то заключил договор. С ним приключилась большая неприятность — он заболел чумой магов. Видишь ли, занятия магией иногда приносят ее адептам очень неприятные сюрпризы. Чума магов один из них. От нее нет исцеления, и заболевшие ей умирают долго и тяжело. Поэтому Борг не особо колебался, принимая решение. Он исцелился, и с тех пор служит нам. Все просто.

— Вам — это кому? Ты что, демон?

— Мне больше нравится название "странник". Я обитатель другого мира, который пришел в этот. В этом мы с тобой похожи.

— Ты знаешь, кто я?

— Догадываюсь.

— Мы говорили о Борге. Ты говорил, что он служит вам.

— Он помогает моим братьям преодолеть границу миров и попасть сюда. Правда, нам приходится вселяться в тела обитателей этого мира, чтобы иметь возможность остаться здесь. Хозяин этой корчмы и его жена просили Борга избавить их от болезней и старости. Их желание сбылось.

— Понимаю, — я еще крепче сжал рукоять меча. — Эликсир Борга, так?

— Верно. Вообще-то Борг стремился к другой цели. Он тоже, как и ты, искал Дар Пророка. Но людей очень легко обманывать, особенно если они одержимы какой-то навязчивой идеей. В итоге у него получилось то, что получилось.

— Почему ты рассказываешь мне все это, демон?

— Потому что ты мне интересен. И ты можешь быть полезен моему народу.

— Неужели?

— Твоя ирония лишь говорит о беспомощности, — пробубнил черный. — Ты Преследователь, которому маги Санктура дали задание найти Дар Пророка. И кого же они выбрали для этой великой цели? Никчемного иномирянина, который ни малейшего представления не имеет о секретах этого мира. Как думаешь, зачем им этот Дар? Не знаешь? Так я скажу тебе — маги знают, что им не устоять против нас. Рано или поздно они будут служить нам. Такова природа магии, она неминуемо приводит любого мага к порогу, за которым его ждем мы, и он становится нашим слугой, нашей собственностью, желает он того, или нет. Это вопрос времени, а у нас в запасе вечность. Рано или поздно этот мир

станет нашим.

— Зачем вам это?

— Затем, что мир живых нам нравится. Что мы ценим радости плоти не меньше вас, людей. И еще, это власть. Распоряжаться жизнями и судьбами сотен тысяч рабов — разве это не здорово?

— И еще, люди для вас источник пищи. Мой знакомый рассказывал, как зелье Борга убило его жену. А потом она вернулась, моля о поцелуе. Кровушки хотела попить, не иначе.

— Жалеешь людей? Не стоит. Они получают то, что заслужили. Их маги забавлялись с Силой, даже не подозревая, к чему это может привести. Теперь поздно трубить тревогу. Это случится рано или поздно. Десятигорье станет нашим. Когда-то на нашем пути встал Пророк, но в этот раз никто не сможет нам помешать. Я предлагаю тебе договор. Ты поможешь нам, а взамен, когда мы завладеем этим миром, перед тобой откроются великие возможности.

— С чего это такая честь?

— Ты Преследователь. Только ты можешь найти Джозефа Джаримафи. Найти — и убить. Но только после того, как он откроет тебе Дар Пророка.

— Зачем вам смерть Джаримафи?

— Вот видишь, ты так глуп, что не понимаешь очевидных вещей, — черный противно захихикал. И еще заскрипел зубами так, что меня затошнило.

— А вам слабо это сделать?

— Речь о тебе. Я сделал предложение и жду ответа.

— А если я откажусь?

— Тогда ты станешь нашим врагом. Долго ли ты проживешь после этого?

— Я подумаю.

— Детская уловка, Преследователь. Нет времени на раздумья.

— Я сказал, я подумаю. Или, — тут я вспомнил кое-что из старинной демонологии, — я дам ответ сразу, если ты назовешь мне свое имя.

— Посмотри на этого жалкого человечешку, собрат! — воскликнул черный со смехом. — Он считает, что мы идиоты.

Еще одна фигура возникла в дверном проеме спальни. Несколько дней назад это была хозяйка корчмы, госпожа Варденс. Теперь ко мне приближался раздутый, начавшийся разлагаться оживший труп, закутанный в измазанный глиной саван. Шел прямо на меня.

Я даже не осознал, что делаю. В такие мгновения любой человек не думает — действует рефлекторно, движимый ужасом и инстинктом самосохранения. Я просто схватил меч и нанес удар. Клинок Селенара описал дугу, врезался в основание шеи твари, с поразительной легкостью срубив голову. Нежить повалилась на пол, подняв тучу пыли: голова мячом откатилась в угол. Чудовище, завладевшее телом корчмаря Варденса, взревело в ярости, перегнулось через стол, пытаясь вцепиться в меня пальцами, но я перерубил ему правую руку в запястье. Из культи ударил столб черного дыма с резким трупным запахом: упырь отпрянул, зашипел, взлетел к потолку и оттуда сиганул на меня, но напоролся на клинок, который я поставил. Мы оба оказались на полу: вскочив, я увидел, что тварь бьется в конвульсиях, пытаясь уцелевшей рукой вытащить из тела пронзивший ее навылет меч. Руки у меня тряслись, я пытался схватить Солер, но подвернулся топор, и я с размаху вогнал его в череп чудовища. Что-то бесплотное, похожее на сгусток тьмы, вырвалось из изуродованного тела, заметалось по залу летучей мышью, оглушило меня протяжным обреченным воем,

влетело в камин, заставив дотлевающие угли полыхнуть ослепительной синей вспышкой — и все стихло. Остались только трупы бывшего хозяина корчмы и его жены, распростертые у моих ног. Мерзкая вонь заставила меня закашляться.

— Вот мой ответ, урод! — Я отшвырнул топор, попытался выдернуть меч из тела Варденса, но клинок крепко засел в мертвеце, и мне пришлось наступить на труп, чтобы освободить оружие. Облив клинок остатками кальвадоса, я вытер его тряпкой, схватил со стола Солер и бросился к дверям. Руки у меня тряслись, когда я отпирал щеколду.

Брес у коновязи храпел, перебирал ногами и тряс головой — конь был напуган не меньше меня, наверняка почуял, какие интересные гости меня навестили. Я быстро отвязал уздечку, вскарабкался в седло, и тут увидел, что к корчме бегут вооруженные люди. Мне совсем не хотелось объясняться с ними по поводу случившегося, поэтому я погнал Бреса прямо на них, заставив расступиться, пронесся по улице, сопровождаемый криками и собачьим лаем и остановился только в паре миль от Ланфрена у маленькой молельни, построенной рядом с родником.

Пары кальвадоса улетучились совершенно, нервная дрожь прошла, ко мне вернулась способность рассуждать здраво. Я сидел на траве, наблюдая, как Брес пьет из родника и пытался связать новые, открывшиеся этой беспокойной ночью обстоятельства с тем, что уже знаю. Картина получалась жутковатая — мало мне было магов, ведьм и призрачных нацистов с их бактериологическим оружием, еще и демоны нарисовались. Прямо апокалипсис какой-то назревает.

Теперь понятно, что имел в виду старичок, чуть не наколотивший меня клюкой у святого источника, когда говорил о Тьме в сердце Борга. Надо найти проклятого зельевара; только разыскав его, я смогу помешать и дальше превращать людей в одержимые демонами трупы, вернуть домой Жанин Гроу и рассчитаться за те стрелы, что были пущены в меня у Источника Молодости. И я вроде как получил хорошую наводку на этого засранца. Уже вторую — первая это полуаптекарь-полубандит Клеман, но я пока понятия не имею, как расколоть его. Говоривший со мной демон сболтнул лишнего, теперь я знаю, что проклятый некромант еще и спиртным приторговывает — я даже знаю, каким. Да, надо обязательно найти Езекию Борга. Другого варианта разобраться со всем этим клубком загадок у меня все равно нет.

***

Милена встретила меня с той наигранной фамильярной радостью, с которой, как мне кажется, девушки ее профессии обыкновенно приветствуют своих клиентов. Причем надо отдать красоте должное — актриса она отменная. И в самом деле поверишь, что она искренне рада меня видеть.

— Ах, мой дорогой! — воскликнула она, повиснув у меня на шее. — А я-то думала, ты совсем про меня забыл.

— Дела, дорогая, дела, — самым авторитетным тоном заявил я, наблюдая краем глаза, как на нас глазют рассеявшиеся за столами негоцианты. — Извини, раньше никак не получилось.

— Пойдем же! — Милена схватила меня за руку и поволокла наверх.

Комнатка, где зеленоглазая прелестница общалась со своими гостями, оказалась на удивление уютной и со вкусом обставленной — никаких тебе фривольных картин и

статуэток, драпировок кричащих цветов, предметов с провинциальной претензией на роскошь. Большая, накрытая зеленым атласным покрывалом кровать с резными деревянными спинками под балдахином, большой двустворчатый гардероб в углу, туалетный столик с зеркалом и набором притираний в фарфоровых флаконах, второй столик с тазом для умывания и кувшином и низкий шкафчик с напитками. Милена предложила мне сесть на кровать, сама села рядом.

— Гони монету, барончик, — заявила она с хитрой улыбкой.

— Что, достала? — обрадовался я.

— То, что ты хотел. И Форнель ничего не заметил, ручаюсь.

Я тут же вручил девушке один золотой. Милена, хихикая, вытащила из-за корсажа свернутый в трубку листок плотной бумаги и подала мне. Волосы на моей голове зашевелились — карта была в точности такой же, какую я видел в квартире профессора Кузнецова. Такая же желтоватая плотная бумага верже, то же безукоризненно четкое и аккуратное начертание тушью. Готов поспорить, что обе карты выполнил один и тот же мастер-картограф. Только пометок на обратной стороне не было.

— Фантастика! — воскликнул я. — На время или навсегда?

— Вот еще — на время! — Милена фыркнула. — Форнель был так пьян, что наверняка решит, что просто потерял этот клочок бумаги.

— Отличная работа, козочка. Я твой должник.

— Твоя рана еще не зажила? — поинтересовалась Милена. — А то мы можем...

— Увы, болит, стерва, так что прости, — я чмокнул красотку в щечку и, поскольку каждый из нас получил то, что хотел, а фаст-лав меня уж никак не привлекал, оставаться дальше в "Купеческом клубе" не имело смысла. Поэтому я поспешил убраться из борделя, лишь на пару секунд задержавшись у зеркала в холле, чтобы стереть с щеки карминовую помаду Милены.

Едва я вышел на улицу, подал голос мой смарт — впервые за все последние дни.

Активные задания:

Задание "Ведьмы".

Задание "Друиды".

Задание "Друг Трибунала"

Задание "Друг свободных магов"

Задание "Исчезновение".

Добавлено задание "Проклятие".

Будь в таверне "Кружка и кувшин", что возле ратуши Эттбро, сегодня между полночью и началом четвертой стражи.

Ого, становится, как говорят в народе, все чудесатее и чудесатее. Кто-то из магов Синклита решил встретиться со мной — скорее всего, сам Гаттскон, или, может быть, Джерах. Это может означать только одно: я дошел до крайне важного этапа моего задания. И проконсультировать меня через магический смартфон или невозможно, или небезопасно. Пришло время личной встречи.

Времени у меня в запасе было много, так что вернулся в гостиницу, поужинал, завалился на кровать в своей комнате, развернул карту и углубился в ее изучение. Карта была весьма подробной, изготовленной, как я решил, для купца или путешественника — на ней

были обозначены караванные пути, колодцы, придорожные гостиницы и даже расположенные близ трактов святилища. Очень хорошо, теперь опасность заблудиться в пути мне точно не грозит. И еще...

Стоп, а это что?!

— Ферма "Яблочная Башня", — прочитал я и почувствовал, как загорелось мое лицо. Вот он след, елки-моталки! Уж не там ли Езекия Борг производит свой обалденный кальвадос и прочие декокты? Ферма находилась милях в тридцати севернее Данмута, почти у границы Вальзерата и Монхэма.

Отлично. Если мэтр Клеман не захочет говорить по душам, у меня есть запасной и очень многообещающий вариант.

— Похоже, я тебя нашел, Борг, — пробормотал я, сворачивая карту в трубку.

Обрадованный и обнадеженный новой неожиданной находкой, я еще какое-то время лежал, задрав ноги на спинку кровати и размышляя над тем, что со мной происходит и еще может произойти. Потом я задремал, а когда проснулся, за окном было совсем темно. Надев куртку и перчатки, я взял мечи и отправился на встречу.

Таверна "Кружка и кувшин" была полна народу. Кто-то пил, кто-то играл в кости и карты, в малом зале состязались любители кулачного боя, собрав вокруг себя толпу зевак и поклонников. Кликнув подавальщицу и заказав кружку лагера, я сел за один из двух свободных столов. Прошло несколько минут, подавальщица вернулась с заказом, но больше никто ко мне не подошел. Верно, я пришел раньше назначенного часа и...

— Вы эрл Сандер? — Это был сам трактирщик.

— Да, это я.

— Вас ждут, милорд. Вторая комната справа по коридору.

Я поблагодарил кивком, допил пиво и, поднявшись по лестнице на второй этаж, прошел в коридор. В комнате сидел человек в темной куртке с капюшоном: как только я вошел, он встал и поднял капюшон. Я узнал Гаттскона-Ильина.

— Рад вас видеть, юноша, — маг протянул мне руку для рукопожатия. — Вполне освоились в нашем мире?

— Все никак не привыкну к развлекательной программе. Уж очень она у вас насыщенная.

— Боюсь, дальше будет еще сложнее и опаснее. Присядьте, прошу.

— Я так понимаю, вы вызвали меня по важному делу?

— Разумеется. Я должен вам объяснить кое-что.

— Почему только сейчас?

— Синклит опасался доверить вам некоторые наши тайны. Мне удалось переубедить их. Вы должны лучше понимать ситуацию.

— Разумно, — я сел на предложенный стул. — Слушаю вас.

— Во-первых, давайте поговорим о Борге. Вы напали на его след?

— У меня есть на этот счет кое-какие идеи. — Я решил не торопить события и не рассказывать Гаттскону о ферме "Яблочная Башня" — Один демон подсказал.

— Демон? — Гаттскон был искренне удивлен. — Вы общались с демоном?

— Да, и не скажу, что общение было приятным.

— Как вам это удалось?

Я вкратце рассказал о том, что со мной случилось в Ланфрене. Гаттскона, как мне показалось, впечатлила моя история.

— Низшие сущности из мира демонов, что вселяются в тела зачумленных, лишены разума, — сказал он. — Поэтому речь зачумленных бессвязна и бессмысленна, они больше мертвы, чем живы. Судя по вашему рассказу, вы имели дело с высшим демоном. Это необычно.

— Почему вы с самого начала не рассказали мне о демонах?

— Мне пришлось бы объяснять связь, которая существует между магами и миром демонов. Это тайна, которую знают лишь очень немногие.

— И вы решили, что я недостоин знать ее, так?

— Нет, с моей стороны это была разумная осторожность, — ответил Гаттскон, и я заметил, что он смущен. — Есть вещи, которые не следует доверять другим раньше времени.

— Хорошо, допустим, я вам поверил. Но вы ведь не ради оправданий назначили мне встречу?

— Да, конечно. Мы собирались говорить о Борге. Что вам о нем известно?

— Я лишь знаю, что он алхимик и винодел. И еще торговец эликсиром и редкостный негодяй, на совести которого смерть людей.

— Он был одним из нас, — произнес Гаттскон. — Первым из Синклита, кто заболел чумой магов.

— Что? Так вы знали его?

— Знал. Борг был последним из принятых в Синклит, учеником Артобеллы, мага, который помогал вашему прадеду в поисках Джозефа Джаримафи.

— Постойте, это было семьдесят лет назад. Сколько же сейчас вашему Боргу лет?

— Много больше, чем можно сказать по его внешности. Такова выгода от союза с демоном.

— Почему вы сами не покончили с ним?

— Нам не нужна его смерть. Нам нужны его знания.

— Вот как? — Это был неожиданный поворот. — Я, право, не знаю, что и сказать.

— Давайте я попробую начать с предыстории. Некогда Пророк остановил эпидемию гиблой чумы, виновниками которой стали маги Эсаны. Их магические эксперименты сделали возможным вторжение в наш мир сущностей из мира демонов. Они захватывали тела людей и превращали их в зачумленных. Благодаря Пророку вторжение удалось остановить. Пророк погиб, но оставил свой Дар Джозефу Джаримафи.

— Что это за Дар? Живая вода?

— Некоторые мои собратья считают, что да, это волшебный источник, вода которого обладает исцеляющим действием. Другие же полагают, что Пророк использовал отработанные в Санктуре алхимические методы, каким-то чудесным образом изменяя обычную воду и превращая ее в абсолютное лекарство. Но нам ни разу не удавалось получить ничего подобного, значит, — тут Гаттскон улыбнулся, — либо Пророк был величайшим в истории магом, либо действительно посланником божественных сил. А может, и богом — кто знает?

— Гиблая чума и чума магов — одно и то же?

— Это разные болезни, но первопричина у них одна — магия. Магические энергии изменяют все, с чем соприкасаются, в том числе и людей. Там, где применялась сильная магия, даже ландшафт меняется — вспомните Адовы Пасты. Что же говорить о людях? Печально, что события в Эсане никого ничему не научили. Санктур и Тойфельгартен не могли не воевать друг с другом, и о последствиях никто не думал.

— Почему ваша вражда так непримирима?

— Этим миром может управлять только один дом. Либо мы, либо они.

— А люди при этом страдают.

— Мы всегда стремились облегчить их страдания.

— Я кое-что понял. Два сообщества магов окончательно завязли в бессмысленной вражде, и потому появилась третья сила — друиды.

— Им до нас далеко, — с презрением ответил Гаттскон. — Их магические возможности очень ограничены. Магия друидов основана на примитивных языческих культах древности. Последователи Бодики не могут противостоять ни нам, ни Ковену.

— Может быть, и не могут. Пока не завладеют Даром Пророка. — Я сделал паузу, не сводя взгляда с лица Гаттскона. — Ведь только он способен исцелять чуму магов. Дар Пророка в этом смысле куда эффективнее сделки с демонами.

— Вы правы. Поэтому жизненно важно раскрыть тайну Дара первыми.

— Вы не думали о союзе с друидами?

— Нет смысла сейчас говорить об этом, — уклончиво ответил Гаттскон. — Будущее покажет.

— Так вы думаете, что Борг открыл тайну Пророка?

— Это вам и надлежит выяснить.

— Он мог сделать это, лишь разыскав Джозефа Джаримафи.

— Или что-то узнав от Артобеллы.

— Но Артобелла погиб, судя по записям, которые я нашел в Лектуре!

— Все верно. А вот Борг тогда выжил. Некоторое время спустя у него появились первые признаки чумы магов. Думаю, тогда он и начал искать Дар.

— Он вообще существует, этот чертов Дар?

— Несомненно, существует. Многие маги его искали. Главное доказательство его существования — события прошлой войны с Ковеном и вторжение Черного Ордена. Ведьмы заключили с ним союз, но мы смогли закрыть проход между мирами и нейтрализовать угрозу. Огромную роль в этом сыграл ваш прадед, за что мы ему благодарны. Однако Черный Орден, как мы считаем, сумел как-то заполучить волшебную воду источника из легенды. Вы знаете, во что она превратилась в их руках.

— В отраву, которая выморила Монсальват, — вздохнул я. — Теперь я понимаю, откуда взялся Черный Человек, убивавший пациентов Лектура. Ведьмы призвали своего Преследователя в пикну вашему. Того самого нацистского Verfolger'a, о котором писал мой прадедушка. И этот прошаренный ганс что-то нашел. Истинный или ложный Дар Пророка. Вот о чем говорила ведьма в моем сне!

— В каком сне?

— Мне приснилась ведьма, которая говорила мне, что любой эликсир может быть ядом и лекарством одновременно.

— Это так. Вы правильно все поняли.

— Дар Пророка до сих пор попадал тому, кто был недостойн им владеть, — продолжал я, пытаясь увидеть в глазах Гаттскона реакцию на мои слова. — В руках Черного Ордена, как вы называете эсэсовцев из "Аненербе", он превратился в бактериологическое оружие. Если допустить, что Борг тоже нашел источник, его вода стала ядом, который превращает людей в одержимых демонами. И я, кажется, понял, почему. Все дело в том, кому служишь. Гитлеровцы несли миру смерть, и живая вода в их руках превратилась в оружие

уничтожения. Борг служит демонам, поэтому Дар Пророка помогает им попасть в мир живых. Логично? Мне кажется, да.

Вы действительно умный человек. Вы верно рассуждаете. Теперь понимаете, как важно найти Джозефа Джаримафи? Только он способен дать нам истинную Воду Жизни. Ту, которая действительно спасет нас, не превратится в смертельный яд, который уничтожит всех.

— Я это понимаю.

— Найдите Борга. Крайне важно узнать рецепт его эликсира. Нельзя допустить, чтобы Дар Пророка стал проклятием, которое окончательно погубит нас.

— Именно этим я и занимаюсь.

— Возьмите, — Гаттскон протянул мне серебряный перстень с руной на печатке. — Это Кольцо Незамутненного Ока. Ведьмы Ковена в совершенстве владеют магией Превращения. Этот перстень позволит вам распознать ведьму в любом обличье.

— Спасибо. Еще рекомендации будут?

— Будьте осторожны. Слишком многим в нашем мире ваша миссия поперек горла.

— Уже понял. Кстати, какие у вас отношения с Трибуналом?

— Магам Санктура нужны союзники. Трибунал нам не друг, но и не враг. Мы иногда помогаем им, они — нам. Пока наши интересы совпадают.

— Почему вы направили меня к ним?

— У же сказал вам, мы порой помогаем друг другу. Во-вторых, было бы глупо и бесчеловечно сразу бросать вас в круговорот событий. Работая на Трибунал, вы приобрели кое-какой опыт. В-третьих, есть вопросы, которые не решить в одиночку. Кстати, вы можете и дальше сотрудничать с ними, мы не будем на вас в претензии.

— Последний вопрос, мастер Гаттскон. Вы вернете меня домой, когда все закончится?

— Я уже сказал вам, что ваш путь домой лежит через Десятигорье.

— Почему-то мне кажется, что вы меня обманываете.

— Маг Синклита не опустится до лжи, — мне показалось, что Гаттскон рассердился. — Мы же вернули обратно мэтра Андре!

— Хорошо, поверю вам. И буду искать Борга.

— Не забывайте про банк Гуффера. Хотя, по вашей экипировке я вижу, что вы неплохо заработали и без нашей помощи.

— Стараюсь. Время позднее, я хочу спать.

— Да, конечно. Удачи вам, Преследователь!

И все же Гаттскон не был со мной откровенен до конца, подумал я, выходя из таверны в холодную сырую ночь. Не сказал чего-то очень важного. Хотя колечко подкинул путевое, пригодится. И на том спасибо. Что же до моего главного задания...

Я до сих пор не знаю, зачем могущественным магам Санктура, вершителям судеб этого мира, живая вода Джозефа Джаримафи. Что она им даст сверх того, чем они уже владеют.

Но это уже другая история. А пока надо выспаться как следует, потому что в Бэкуотере меня ждет весьма неприятная встреча с неизвестным исходом.

Сигнал смарта на пустынной тихой улочке показался особенно громким. Я достал гаджет и прочитал:

Бонус к особому таланту: Сила духа +5

Устойчивость к магическим воздействиям повышена на пять пунктов.

Получены предметы: Кольцо Незамутненного Ока.

Тебе присвоен шестой ранг в классе "Младший сын".

Задание "Проклятие" обновлено.

Найди рецепт эликсира Борга.

Ну что ж, отлично. Растем, прогрессируем. Интересно, доживу я до десятого ранга? Кто знает, кто знает...

***

В Бэкуотере, как и в любом средневековом Мухосранске, обыватели ложились спать очень рано — с наступлением сумерек. Я все правильно рассчитал, вряд ли кто-нибудь видел, как я въехал в городок. Стараясь передвигаться по темным переулкам (такие запахи там застоялись, скажу вам!), я добрался до Смитфилдского поля и нашел дом Клемана. Окна были закрыты ставнями, из трубы шел легкий дымок, хорошо заметный на фоне ночного неба. Я привязал коня к молоденькой осине и быстрыми перебежками добрался до входа в дом. Замка в двери не было, она запиралась крючком изнутри. Обнажив меч, я после нескольких неудачных попыток подцепил крючок и осторожно, стараясь не греметь железом, вытащил его из скобы. Тихо, на цыпочках, прошел внутрь, держа оружие наготове.

Клеман находился в маленькой комнатке, которая служила ему и кабинетом, и спальней и столовой. Он дремал возле горящего очага и, похоже, перед этим крепко выпил — перегар в комнатухе был еще тот. На столе красовались большой кувшин, блюдо с полусъеденной рыбой и большая кружка.

Когда я вошел, он открыл глаза, и я увидел в них ужас. Он не успел схватиться за арбалет под пледом: я оказался проворнее, вонзил острие меча в тыльную сторону ладони. Клеман выругался, зажал рану здоровой ладонью, и я, улучшив момент, врезал ему эфесом в лицо с такой силой, что опрокинул его вместе с креслом на пол.

— Не ожидал, тварина? — сказал я самым угрожающим тоном, отбросив ногой арбалет в сторону. — Поговорим?

— Живой! — Клеман ворочал выпученными глазами. — Жи...

Он закашлялся, разбрызгивая кровь, струящуюся из разбитого носа. Выглядел он отвратно и жалко, но мне было не до сантиментов.

— Где Борг? — спросил я, приставив меч к его груди.

— Убирайся к демонам! — прохрипел аптекарь.

— Мало тебе? Я ведь добавить могу.

— Пошел в задницу, джеппи.

— А ведь ты думал, твои дружки грохнули меня у источника. Ты ведь понял, что проболтался. Но и я не так прост, сечешь? Ну что, Пилюлькин, будем говорить?

— Ничего я не знаю... сумасшедшее отродье.

— Знаешь, — я передвинул острие меча к кадыку Клемана. — Давай так договоримся: ты скажешь мне, где искать Борга, а я оставлю тебя в живых. Это хорошая для тебя сделка, засранец.

— Падаль проклятая! — прошипел Клеман. В его глазах была лютая ненависть, он буквально резал меня взглядом на куски. — Если бы не ноги, я бы тебе...

— Если бы у бабушки кое-что было, она была бы дедушкой. Мое терпение на исходе, Клеман. Или мы беседуем, как два джентльмена, или я порублю тебя на препараты и разложу по банкам в твоём вонючем паноптикуме. Раз, два...

— А я-то гадал, чего Рене с парнями не возвращаются пятый день. Думал, запили, стервецы... Ты не такой осел, каким кажешься. Помоги мне встать.

— Ага, ищи дурака за один коппер.

— Помоги, парень, — тут Клеман вздохнул. — Не хочу разговаривать, валяясь у тебя в ногах.

— Ты бы об этом раньше думал, когда убийц за мной послал.

— Каюсь, шмотье меня твоё соблазнило. И про Борга не следовало спрашивать.

— У тебя с ним дела, верно?

— В третий раз прошу — помоги встать!

— Нет. — Я слегка нажал на рукоять меча, и глаза аптекаря округлились от ужаса. — Или говори, или сдохнешь.

— Ладно, ладно, только меч убери!

— Ну, давай, — я придержал руку. — Быстро, четко, ясно. Где искать Борга?

— Не знаю. Он появляется раз в месяц, привозит мне ингредиенты и эликсиры. Порошки разные веселые, болюсы — ну ты понял. У меня с ним деловые отношения.

— Наркотой приторговываешь, фармацевт? — Я почувствовал омерзение: надо же, и в этой реальности есть наркоторговцы. — Тогда понятно, чего ты на меня арбалет наставил, едва я про Борга заговорил.

— Лезешь в чужие секреты и хочешь, чтобы тебя расцеловали? Может ты герцогский дознаватель, или агент Трибунала. Да ты совсем кретин, клянусь адом!

— Мне насрать на ваши с Боргом дела. Мне он сам нужен. — Я парой коротких движений разрезал шнурки на воротнике Клемана. — Все, мое терпение вышло. Сейчас ты у меня похрипишь, каналья.

— погоди, стой! — Клеман приподнялся на локте, сплюнул кровью на пол. — Я не знаю, где искать Борга.

— А, не знаешь, значит? Тогда молись, если молитвы знаешь.

— Да стой ты, я вправду не знаю. Я же говорю тебе, он сюда приезжает и привозит товар. Хочешь, любой клятвой поклянусь, что не вру.

— И когда он в следующий раз у тебя появится?

— Недели через две, не раньше.

— В прошлый свой визит он был один?

— Девка с ним была какая-то, она его снаружи ждала. Я в окно видел.

— Черноволосая, молоденькая?

— Что, твоя козочка? — Клеман противно осклабился, показав редкие червивые зубы. — Видать, у Борга поболее хрен будет, чем у тебя, а? Забудь про нее. Борг своего не отдаст.

— В гробу я твоего Борга видал, в белом чепчике. И тебя с ним на пару. Ладно, пусть так. Но у тебя наверняка какие-то бумаги интересные есть. Письма Борга, расписки. Говори, где они.

— Нет ничего! — засмеялся Клеман. — Ни-че-го!

— Так я тебе и поверил. Давай, колись, где...

Он опрокинулся на спину, и в свете догорающего пламени очага сверкнул нож, который

Клеман держал за лезвие в левой руке. Он собирался метнуть его в меня, но не успел — я на мгновение опередил его. Вогнал ему клинок под подбородок. Аптекарь выгнулся всем телом, заклокотал, заперхал, выплевывая черную кровь, залившую ему все лицо. Рука с ножом бессильно упала на пол.

— Ах ты, м-мать! — пробормотал я, глядя в остекленевшие глаза Клемана. — Вот и поговорили...

Аптекарь еще раз рыгнул кровью, издал булькающий страшный звук и затих. Я стоял, не решаясь даже с места сдвинуться. До меня не сразу дошло, что я только что прирезал человека — пусть негодяя, но живого человека, не упыря, не нежить какую-нибудь. На душе стало противно и тоскливо.

Ладно, сделанного не воротишь. И потом, я защищался. Не достань он нож...

Я вытер лезвие меча, вложил его в ножны, грязным полотенцем закрыл Клеману лицо и, борясь с тошнотой, обыскал его. В поясной сумке были несколько серебряных монет и плитка жевательного табаку, больше ничего. Пересилив себя, я приподнял рубаху убитого и увидел на груди ключ, висевший на шее на толстом шнурке. Пригодился нож, которым Клеман собирался меня прикончить. Завладев ключом, я начал искать замок, который он открывал.

После минутных поисков я нашел в углу комнаты маленький люк, скрытый под ящиком для угля. Открыв люк, обнаружил под ним небольшой тайник, а в нем стальной кованый ларец, весьма тяжелый и запертый на замок. В ларце оказались деньги — сорок денариев золотом, — записная книжка в переплете и два сложенных вчетверо листка бумаги. Блокнот оказался чем-то вроде приходной книги этого мерзавца, сюда он регулярно вписывал кому, чего и на какую сумму продал. Листки оказались куда как интереснее. Один из них был коронным патентом, разрешавшим мэтру Клеману Вокуру "составлять, смешивать, варить, или изготавливать иными способами лечебные снадобья, микстуры, припарки, мази и притирания, а равно торговать ими в пределах Великого Герцогства Вальзератского, дабы исцелять наших добрых подданных от недугов". Я был почти уверен, что лежавший передо мной человек украл этот патент у настоящего мэтра Клемана, а самого бедняги аптекаря уже давно нет в живых. Вторая бумага оказалась чем-то вроде обязательства, написанного неровным скачущим почерком темно-красными чернилами, похожими на засохшую кровь:

"Я, Клеман из Бэкуотера, аптекарь, получил в восьмой день месяца Цветения сего года у мэтра Езекии Борга условленного товара на сумму в тридцать пять денариев для его последующей продажи, как было уговорено с мэтром Боргом. Обязуюсь вернуть мэтру Боргу пятьдесят денариев золотом не позднее первого дня месяца Солнцестояния, лично в руки, либо доставив с доверенным человеком в поместье мэтра Борга "Красные Камни", ежели мэтр Борг к тому времени по каким-то причинам не сможет посетить Бэкуотер. Любая сумма сверх оговоренных пятидесяти денариев является моей долей в сделке.

Составлено в восьмой день месяца Цветения, копия расписки передана мэтру Езекии Боргу. Подписано собственноручно: Клеман из Бэкуотера"

Убрав расписку, я вытащил из сумки карту и попытался найти на ней место под названием "Красные Камни", но безуспешно. Все равно мне очень повезло: я знаю, как называется логово, в котором прячется Борг. Это уже что-то. Может быть, на ферме

"Яблочная Башня" я найду недостающий фрагмент паззла.

Поскольку я узнал о грязном бизнесе Клемана, у меня было сильное желание оставить сорок монет там, где я нашел, хотя это был мой законный трофей. Но, поколебавшись немного, я все же забрал мешок с деньгами. Еще раз глянув на мертвеца, раскинувшегося на полу, я бросил расписку в догорающий огонь очага и поспешил покинуть это место.

Ехать верхом глубокой ночью по пустынной дороге, в мире, где есть ведьмы и разные чудища, которых только в кошмарном сне можно увидеть — не самое большое удовольствие. Впрочем, я хотел побыстрее убраться из Бэкуотера и сделать это так, чтобы меня никто не увидел. Уж не помню, сколько я скакал — наверное, не один час, — и только когда в ночи передо мной показались огни, горевшие на башнях Эттбро, я перестал гнать бедного Бреса. В город меня пустили не сразу, стража едва не начала стрелять по мне из арбалетов, и только вальзератский перстень убедил их, что я не тать и не опасный бродяга. Оказавшись за городскими стенами, я успокоился совершенно и сразу отправился в "Белые голубки", где не раздеваясь рухнул на кровать, проспал мертвым сном до самого полудня и проснулся голодный, как тысяча волков — я почти сутки ничего не ел.

— Ох, и носило вас где-то этой ночью, сударь, ох и носило! — заявил мне хозяин, когда я спустился пообедать. — Конь-то ваш прямо в мыле был. Едва не загнали вы бедную животинку.

— Надеюсь, вы о нем позаботились, — бросил я. — Да, а не знаешь ли ты, где находится поместье "Красные Камни"?

— Нет, сударь, — сказал хозяин после недолго раздумья. — Не слышал никогда, уж простите. Это вам к управляющему лорда-шерифа надобно обратиться — он каждый камень в округе знает, служба у него такая.

— Хорошая мысль, — одобрил я. — Подай чего-нибудь поесть.

Дюжина горячих копченых сосисок, полкаравая хлеба, салат из капусты и поллитра белого вина спасли меня от голода. Еда была такой вкусной, что я еще раз поздравил себя с правильным выбором гостиницы — в "Розе и единороге", где я останавливался в свой первый визит в Эттбро, номера были просторнее, но кухня определенно хуже. Одновременно праздник чревоугодия так меня расслабил, что я после обеда едва поднялся к себе и проспал еще три часа, проснувшись только на закате. Покинув гостиницу, я отправился в резиденцию лорда-шерифа искать управляющего. Я нашел его у входа в винный погреб, где почтенный господин руководил разгрузкой повозки, груженной бочками.

— "Красные Камни"? — переспросил он. — Это ведь бывшее поместье рода Чирсов. Последний из Чирсов умер пятьдесят шесть лет назад, с тех пор усадьба стояла заброшенной.

— Мне нужно посетить это место, сэр. — Я достал карту, развернул ее. — Покажите, как туда добраться.

— Владения Чирсов находились вдоль границы с Монхэмом. — Управляющий подслеповато сощурился, разглядывая карту, потом ткнул пальцем. — Это где-то здесь, эрл Сандер.

— Севернее фермы "Яблочная Башня"? — Меня ожгло волнением. — Это точно?

— Ручаюсь, что да. И хотя я никогда не бывал в тех краях, географию Вальзерата я знаю неплохо. Еще что-нибудь, эрл Сандер?

— Нет, сэр. Благодарю вас.

Я покинул двор резиденции в великолепном расположении духа. Все это время поиски шли в верном направлении. Еще немного — и я нанесу визит Боргу. Не думаю, что он сильно

мне обрадуется, но я готов к любому приему...

Тут мое внимание привлекла странная процессия, поднимающаяся по улице к крепости. Возглавляла ее невысокая хрупкая женщина лет тридцати, облаченная в одежды жрицы Вечных — черное длинное платье и белое покрывало с кистями. Следом за женщиной шли полтора десятка мальчиков и девочек от пяти до двенадцати лет. Все дети были пострижены в скобку и одинаково одеты — мальчики в широкие курточки и штаны до колен из серого сукна и грубые сандалии, девочки в длинные платья из того же серого сукна, а на головах белые платочки, повязанные как у старушек. У каждого ребенка в руке была деревянная кружка. Смотрелась эта группа детей необыкновенно трогательно.

— Добрый сэр! — Жрица поклонилась мне с таким достоинством, что я просто не мог не поклониться ей в ответ. — Прошу вас, сотворите милостыню, и Вечные наградят вас стократ.

— Милостыню? — Я перевел взгляд на детей, столпившихся за своей наставницей, потом вновь посмотрел на жрицу. — Я приезжий в этом городе, сестра. На что вы собираете деньги?

— На этих малышей и прочих питомцев Дома призрения в Эттбро, — ответила жрица. — Даже один коппер, пожертвованный на сирот, станет вкладом в их будущее, добрый сэр.

— Один коппер? — Я запустил руку в сумку и вытащил мешок Клемана. — Я дам больше, сестра. Возьмите.

Она приняла мешок с поклоном, и я, улыбнувшись настороженно разглядывавшим меня детям, поспешил уйти. До моего слуха еще донесся изумленный возглас жрицы — видимо, она заглянула в мешок. Но я не собирался давать ей объяснения. Мне просто стало хорошо на душе, я нашел для грязных денег Клемана самое лучшее применение. И это было уже второе радостное событие за день.

Глава одиннадцатая: Дочка кондитера (окончание)

Странно все-таки устроены некоторые хомо сапиенсы. Это я о себе говорю. Вот чего мне, человеку двадцать первого века двадцати одного года от роду может не хватать в средневековье? Инстаграмма, твиттера, кабельного телевидения, возможности поболтать с девушками по сотовому, кофе-эспрессо и свежего тирамису?

Будете смеяться — мне не хватает лапши "Роллтон" и комфортного бритья.

За время пребывания в Десятигорье у меня отросла борода, но я не рискую побриться у местных цирюльников. Если бы вы видели эти заведения, поняли бы. Ну а "Роллтон" — испорченный у меня вкус, признаю. Но хочется, блин, аж вкус во рту стоит.

Но без "Роллтона" и станков "Жилетт" в мире Десятигорья можно обойтись, а вот без навыков обращения с оружием — вряд ли. Поэтому одним из пунктов моей программы было посещение Элии Колтерса.

Хозяин фехтовальной школы был удивлен моим вторым визитом, я прочитал это на его физиономии.

— Все-таки надумал? — протянул он.

— Надумал, — я положил на стол золотой.

— Мечи у тебя знатные, — сказал Колтерс. — Я еще в первый твой приход обратил на них внимание.

— У нас, у барчуков, все знатное.

— Да уж. Позволишь полюбопытствовать?

Я подал ему Солер рукоятью вперед. Колтерс взял оружие, ловко подбросил, поймал, взмахнул несколько раз, попробовал пальцем лезвие.

— Если это настоящий клинок, а не подделка, тебе повезло, джеппи, — сказал он. — Серьезный меч.

— Это Солер, — ответил я. — А второй меч Селенар. Слышал о таких?

— Я же говорю, если они настоящие, то ты владеешь настоящим сокровищем. Это и удивительно. Про парные клинки Торна только полный невежда не слышал. Будем считать, что мне повезло, и я их увидел воочью. И как можешь видеть, лужу под собой от восторга не наделал. — Колтерс вернул мне оружие. — Знаешь, пойдем со мной. Хочу тебе показать кое-что.

Мы пришли в тот самый фехтовальный зал, где я уже побывал несколько дней назад. На этот раз Колтерс провел меня в маленькую оружейную с весьма внушительной коллекцией разнообразного оружия, от метательных и охотничьих ножей до глевий и двойных секир.

— Вот мой меч, — наемник снял с подставки простой стальной меч с крестообразной гардой в черных кожаных ножнах. — Менестрели не споют про него свои куплеты. У него нет имени, и до меня им никто не владел. Этот клинок сковал кузнец, который работал в имении моего отца. Он был крепостным, и права ставить клеймо на оружие у него не было. Меч был выкован, когда я был пятнадцати лет от роду, а через год отец подарил его мне. И это был самый лучший подарок в моей жизни. Еще через полгода на нашу усадьбу напала шайка разбойников. Мои отец, мать и два брата погибли, а я спасся только потому, что отец

за два дня до нападения отправил меня с поручением к нашему сеньору, барону Лебелю. Чувствовал что-то или знал о готовящемся налете — не знаю... Короче, вернулся я на пепелище, похоронил тела родных и поехал искать убийц. За три года нашел всех. Это было трудно, но я справился. Этот меч отведal их крови — всех семнадцати подонков, вырезавших мою семью. Самый простой стальной меч без красивой истории, без легенд.

— Да уж, — произнес я, впечатленный его историей. — Наверное, ты дорожишь этим клинком.

— После того, как я рассчитался с душегубами, я нанялся на службу к одному серьезному человеку в Лотремоне, — продолжал Колтерс, опершись на меч. — Пришлось мне тогда постранствовать, посмотреть на мир и в самых разных переделках побывать. И все эти годы при мне был этот меч. Работа простого деревенского кузнеца, парень. Пожелай я его сейчас продать какому-нибудь оружейнику, ублюдок важно надует губы и скажет, что больше полутора денариев за него не даст — мол, простой слишком, отделка не та, мастерского клейма нет. А мне вот насрать, что он скажет. Для меня лучше этого меча нет во всем мире. Он десятки раз спасал мне жизнь. Можешь про свои это сказать?

— Пока нет. Они у меня недавно и...

— Понятно. — Колтерс ухмыльнулся. — Подарок богатенького папаши. Щедрый дар, честно скажу. Нет в наших краях мечника, который не знал бы историю первого владельца этих мечей, Десмонда Торна, стража Красного Замка. И про его героическую гибель в Ростхольдском ущелье мне не раз на попойках менестрели пели. Как попал он в засаду, которую устроили на него дикие горцы, как рубил их бессчетно своими мечами, пока не оставили его силы, и горцы не убили его. И про то, как король Сэлден Благородный выкупил у вождя горцев Одвальда тело героя, чтобы похоронить с почестями. Двести марок чистого золота отдал за тело и двести за мечи. Говорят, эти мечи сами выбирают себе хозяина. Станный у них выбор на этот раз, но теперь они твои. Гордись этим, но помни, что Десмонда Торна, легенду пяти королевств, прикончили дикари, вооруженные деревянными палицами, лошадиными челюстями на веревках и длинными ножами из дрянного железа.

— В моих краях говорят "Против лома нет приема", — заметил я. — Похоже, это как раз тот случай.

— Это как сказать. Восемь лет назад наш отряд оказался как раз в тех местах, где погиб Торн. Нанял нас один купец, который вез в Лотремон из Висланда очень ценный груз. А горцы, как понимаешь, со времени героической кончины сэра Торна ничуть не изменились. Ночью они решили зайти к нам на огонек, глянуть, чем мы богаты и от этого богатства избавиться. Нас в лагере было тридцать человек, включая пять караванщиков, сколько было их, только Вечным известно. Но бой был жаркий, парень, самый кровавый из всех, в которых я побывал! Уж не помню сколько атак мы отбили. К утру нас осталось восемь человек, прочие или пали, или из-за ран не могли сражаться. Но весь лагерь был завален трупами горцев! — Глаза Колтерса засверкали, на губах появилась улыбка. — Уж наверняка не меньше двух сотен мертвецов. Только я двадцать восемь дикарей зарубил. И опять при мне был этот меч без имени и без клейма. Меч, про который никто никогда не сложит легенду.

— Красивая история, — сказал я. — Жаль, что о ней никто не знает.

— Менестрели-пьянчуги и разные стихоплеты, что кормятся из рук знати, воспевают подвиги благородных вертопрахов, и большинство этих подвигов — чертов вымысел для наивных дураков. А вот о честных наемниках, кладущих жизни на чужой войне, никто и куплета не спел. Но мне этого не надо. Знаешь, почему я рассказал тебе все это, парень? Ты

должен понимать, что легенды творят не мечи, а люди. И если легендарный клинок окажется в руках труса или неумехи, он перестанет быть оружием, превратится в простую железку. И что хуже — будет опозорен.

— Я не неумеха, и не трус!

— Я не хочу сказать, что ты никчемный засранец с шальными деньгами, в руки которого волею случая попали мечи героя. — По улыбке Колтерса я понял, что я в его глазах богатый засранец и есть. — Речь о другом, джеппи. Настоящий воин будет драться до последнего вдоха, насмерть. В умелых руках не только добрый меч, но и крестьянская мотыга, шпакет из ограды или даже булыжник становятся грозным оружием. В умелых, джеппи. Так что помни об этом. И учись, уж если надумал стать таким воином.

— Затем и пришел.

— Тогда три правила: выполнять все, что я говорю, платить наличными по первому требованию и не опаздывать на уроки, — Колтерс поместил меч обратно на подставку. — И не смотри на меня волком. Десмонд Торн мечтал о мечах, которые могут сразить любую тварь. В легенде говорится, что Фьюри Монхэмский выковал для него клинки, напитанные магией Солнца и Луны и смертоносные для всех порождений магии. Волшебные они, или нет, но тебе досталось отличное оружие, так будь его достоин. Или отдай мечи настоящему бойцу, а себе купи позолоченную зубочистку, которой будешь щеголять перед барыньками на пирах или турнирах. А теперь, если не передумал, давай работать. У меня не так много времени...

***

Свой первый урок у Колтерса я, наверное, запомню до конца жизни. И пускай мы фехтовали не на мечах, а на палках, вроде тех, что используются в японском кендо — это неважно. Я действительно понял, что владение оружием настоящее искусство, и я в нем полнейший дилетант. Колтерс велел мне надеть под куртку еще и нечто вроде ватника с красивым названием "акетон" для гашения ударов, однако даже несмотря на такую защиту я чувствовал себя, как кусок мяса после пяти минут знакомства с тяпкой для отбивания. Колтерс буквально засыпал меня ударами, и хорошо, если я умудрялся отразить хотя бы один из пяти! Впрочем, Колтерс прекрасно понимал, с кем имеет дело, поэтому давал мне отдышаться, перемежая избиение теорией.

— Да, давненько я не имело дела с таким рохлей. — насмешливо заявил он. — В настоящем бою ты долго не продержишься. Начну с того, что ты пытаешься отбивать удары, а не уворачиваться от них. Хороший боец стремится увернуться, ускользнуть от удара, особенно если его противник — здоровый бугай с тяжелым оружием. Бережет свой меч, не допускает сцепления с клинком противника, а уж тем паче с тяжелым ударным оружием. Парировать мечом хорошо поставленный удар боевого молота, булавы или тяжелого топора дело почти безнадежное — или запястье вывихнешь, или клинок переломится, или просто не удержишь удар. Ты же не хочешь, чтобы в разгар боя твой меч сломался? Потому запомни хорошенько — лучше увернуться, уклониться от удара, чем отразить его. Теперь второе: ты очень плохо двигаешься. Медленно, предсказуемо, вперед-назад по прямой. Передвигаться в бою надо быстро и разнообразно — вбок, назад, вперед, потом снова вбок, снова назад. Танцуй вокруг противника и не давай ему просчитать, куда, в какую сторону ты двинешься в следующее мгновение. Неповоротливый неуклюжий боец — пропащий боец, особенно, если

противников несколько. Я предпочту встретиться в поединке с закованным в латы тяжелооруженным кавалером, чем с парой наемников в коже и с короткими мечами. И еще, всегда сбивай темп движений. Ломай планы своего противника, навязывай ему свой бой. Но это не основное. Есть четыре правила, парень, которые ты должен запомнить, как главные молитвы. Правило первое: ты должен научиться крепко стоять на ногах и сохранять равновесие в любой ситуации. Если тебя собьют с ног, ты покойник. Правило второе: ты должен чувствовать оружие. Худшее, что ты можешь сделать — это вцепиться в свой меч, как деревенская дура в первого попавшегося жениха. Оружие должно стать продолжением твоей руки, а еще лучше рук, потому что хват двумя руками удобнее, надежнее, и удар с двух рук всегда сильнее. Правило третье: не позволяй себя обойти. Правильно выбирай позицию, чтобы тебе не зашли во фланг или не зажали в угол. И четвертое правило: всегда смотри противнику в глаза. Читай в них его мысли, угадывай, что и как он будет делать.

— Разве такое возможно?

— Могу показать. Сейчас я буду только парировать твои удары. Атакуй!

Я с готовностью пошел вперед, и с изумлением понял, что Колтерс прав — в последующие десять секунд он с издевательской легкостью отбил все мои хитрые выпады, прикрикивая при этом "Голова!", "Правое плечо!", "Левый бок!" — называл именно те места, куда я собирался ударить.

— Видишь, все просто, — заявил он, сделав мне знак остановиться. — Ты смотришь в то место, куда собираешься бить, и я это вижу. Вот почему важно смотреть врагу в глаза. Это вопрос твоей жизни и смерти, джеппи. Хороший воин всегда предугадывает действия врага. Хитрость и тактика так же важны, как сила и ловкость. Запомнил?

— Да, запомнил. Еще полезные советы будут?

— Конечно, будут, и не только советы. Сейчас я покажу тебе один хороший удар. Становись в позицию.

Хотя я знаю, чем удар оберхау отличается, например, от цорнхау, и что есть удары засечные и подплужные, однако же мало разбираюсь в историческом фехтовании, так что не смогу правильно и подробно описать, что именно показывал мне Колтерс в этот час. Досталось мне крепко: все мои промахи и неправильные действия он немедленно наказывал больным ударом по рукам, причем делал это так точно и молниеносно, что не было никакой возможности увернуться. В конце концов, загоняв меня даже не до седьмого, а до семьдесят седьмого пота, Колтерс заявил, что для начала достаточно, и урок окончен.

— Пару дней будешь страдать от болей во всем теле, но это пройдет, — заявил он напоследок. — Жду тебя через неделю, джеппи. С деньгами.

На улице у меня закружилась голова, пришлось сесть на каменную тумбу на обочине и ждать, пока не пройдет. Придя в себя, я побрел в гостиницу и первым делом потребовал себе в комнату много горячей воды. Сняв с себя куртку и насквозь промокшую рубаху, я ахнул — мои плечи и руки были сплошь покрыты синяками и кровоподтеками. Ничего себе тренировка! За мои деньги меня же и отметили по первому классу. А с другой стороны...

— "Ты же сам этого хотел, — съязвил внутренний голос. — Ты наконец-то понял, в какой мир попал. Понты с коллекционными мечами и курткой из драконовой кожи прокатят где-нибудь в военно-историческом клубе в нашей реальности, но только не здесь. Тебя уже несколько раз почти убили. Ведьмы в Адовой пасти, еще одна ведьма в Альдре, бандиты у источника, кадавр в Ланфрене — тебе мало? И все четыре раза ты уходил благодаря

удачному стечению обстоятельств, чужому вмешательству, а не собственным умениям. В пятый раз рядом не окажется никого, и тогда все, конец фильма. А то, что ты прирезал парализованного Клемана или вышиб мозги одержимому в корчме, совершенно ничего не значит. Это опасный мир, чертово глухое средневековье со всем набором милых средневековых развлечений, от разбойников на дорогах и наемных убийц, подкупленных твоим как бы родственником, до демонов, бродячих мертвецов и ведьм. И самое интересное ждет тебя впереди. Так что учись, студент!"

И ведь не возразишь, реально, нечего сказать. В книжках про попаданцев, которые я читал в своем мире, все было просто и эффектно. Не успел попасть в чужой мир, как завалил какое-нибудь монстрозное мурло, и его кровь сделала тебя сверхчародеем или сверхвоином. Или наш герой, офисный батан-очкарик из Нижнедрищенска выпивает эдакий чудо-эликсир, враз становится непобедимым и одной левой выносит полчища эльфов, орков, драконов, зомбаков и некромантов. Смешно, блин. Так было в книжках, а вот в жизни все совсем не так. А мне ведь эти романы нравились, я их захлеб читал...

Кое-как умывшись, я, охая и ругаясь, лег на спину и закрыл глаза. Все тело горело огнем, мышцы будто окаменели, но постепенно боль стихала, и я задремал. Снилось мне что-то совершенно лихорадочное, и я проснулся на закате, совершенно разбитый, будто по мне танковый полк проехался. Ясен пень, в таком состоянии никуда ехать нельзя. Так что я вынужден был отказаться от поездки в Донкастер.

Я проболел целые сутки, облегчение наступило только к вечеру следующего дня. Обеспокоенный хозяин несколько раз порывался позвать лекаря, но я не дал — лишних денег у меня не было. Лишь утром третьего дня я почувствовал, что вроде как отошел от последствий "тренировки" и отправился в Донкастер.

Магазин Окана я нашел без особых хлопот — он располагался на первом этаже старого каменного дома, обращенного фасадам к серым высоким стенам главной городской тюрьмы Дэдхаус. На мой вкус, очень уж мрачное соседство. Хозяин лавки, худой сидящий длинноволосый аскетичного вида мужчина лет сорока, даже не посмотрел на меня, когда я вошел — он стоял ссутулившись за прилавком, взвешивал какие-то порошки на аптекарских весах.

— Мэтр Окан? — осведомился я, подойдя ближе.

— Зальбер Окан к вашим услугам, — ответил мужчина, продолжая возиться с гирьками и порошками. Говорил он с легкой картавинкой. — Хотите что-нибудь купить?

— Я ищу пояс из змеиной кожи.

— Любопытно, — Окан все же поднял на меня глаза. — Я торгую травами и целебными составами из них, добрый сэр. Я не торгую галантереей.

— Мне про пояс Эплбери сказала, и я...

— Не нужно называть имен, добрый сэр, — оборвал меня Окан. — Особенно когда говоришь с незнакомыми людьми.

— Понимаю. Наверное, я ошибся. — Я поклонился и шагнул к двери.

— Погодите! — окрикнул меня аптекарь, заставив остановиться. — Я лишь сказал, что незнаком с вами. Но, возможно, у нас действительно есть общая знакомая. Должен сказать, что ее сейчас нет в Донкастере.

— Жаль. Я бы хотел с ней встретиться.

— Эплбери девушка милая, но несколько взбалмошная, как все кан. Она неосторожна, привлекает к себе ненужное внимание. И хотя свободных магов в Вальзерате не объявили

пока вне закона, у них много недоброжелателей.

— Вы про Трибунал говорите?

— Добрый сэр, вы очень неосторожны. Есть вещи, которые лучше не произносить вслух.

— Спасибо за совет. Так как насчет пояса из змеиной кожи?

— Сейчас у меня нет ничего, что могло бы вам подойти. Зайдите через неделю, может быть, вы найдете то, что ищете.

— Благодарю. И все же очень жаль, что Эплбери покинула Донкастер. Мне очень нужна помощь мага.

— Единственное место, где вы найдете в Донкастере человека, знакомого с магией — это университет. Там читают лекции мастер Савват и мастер Альгист, советник по магии самой герцогини Вальзератской. Правда, их услуги стоят огромных денег. Хотя у обладателя таких превосходных мечей и прекрасной куртки наверняка найдется чем заплатить. Больше ничем не могу помочь вам. Разве только вы захотите купить какой-нибудь эликсир. Цены у меня очень умеренные, а выбор неплохой.

— Я бы купил информацию об одном зелье. Слышали об эликсире Борга?

— Может и слышал, — Окан выпрямился, вышел из-за прилавка. — Как ваше имя?

— Хоть вы и считаете, что не нужно называть имен, я представлюсь — Сандер Сторм.

— Вы Преследователь, призванный магами Санктура. Мне Эплбери про вас рассказала. Когда я увидел вас, то сомневался. А потом вы упомянули Эплбери, и я все понял.

— Туше, — я развел руками. — К чему тогда было все это притворство?

— Просто хотел составить о вас собственное мнение, — Окан прошел мимо меня к двери лавки и закрыл ее на засов. — Пожалуй, нам стоит поговорить по душам. Следуйте за мной.

***

— Почему вы заинтересовались Боргом?

Вопрос был резонный и ожидаемый. Я решил не темнить.

— Борг похитил девушку, и ее отец попросил меня вернуть ее, — ответил я.

Окан покачал головой.

— Не ожидал такого ответа, — сказал он. — Вы, верно, хотите успеть все сразу.

— Я хочу помочь хорошему человеку.

— Должен вас предупредить — Борг не шарлатан. Он маг, и очень могущественный.

— Поэтому я и ищу помощи.

— В Эттбро есть маг, который мог бы вам помочь. Его зовут Эдерли.

— Не пойдет, — отмахнулся я. — Я с ним знаком. Этот Эдерли хитрый сукин сын. И он работает на Трибунал.

— Понятно. Вы не хотите иметь дел с Трибуналом и ставите на друидов.

— Я просто хочу понять, что тут происходит.

— Война, юноша. Постоянная, то затихающая, то разгорающаяся вновь. Когда глава Синклита и Архимать Элия Марджана предали друг друга проклятию, они определили судьбы этого мира на столетия.

— Расскажите мне об этих войнах. Я мало что о них знаю.

— Что ж, рассказчик я неважный, поэтому постараюсь излагать кратко. Еще до начала Первой войны Двух Вершин маги уже знали, к каким последствиям может привести

неконтролируемая магия и предостерегали от ее применения. Санктур предложил всем правителям Десятигорья принять законы, запрещающие использовать некоторые виды магии всем, кто не состоял в Синклите. Исключение делалось лишь для целительства и зельеварения. Причиной такого решения стала гиблая чума в Эсане, вызванная вторжением демонов из запредельного мира. По легенде именно Пророк спас тогда Десятигорье, остановив чуму. Против предложения сообщества Санктура выступили ведьмы Тойфельгартена. Это и был повод к началу войны. Она шла много лет и привела к гибели многих магов и тысяч простых людей. Целые области были разорены и отравлены остаточной магией. Ведьмы тогда побеждали, их союзникам удалось осадить Санктур, но взять цитадель Синклита они не смогли. После этого был подписан мир. Он был нарушен семьдесят лет назад, когда ведьмы нашли себе нового союзника — Черный Орден. В Десятигорье вновь появилась гиблая чума. Маги Санктура говорили, что это они остановили Черных и спасли Десятигорье от чумы, но были те, кто считал, что наш мир в то темное время был спасен только потому, что явился ученик Пророка Джозеф Джаримафи и открыл Дар Пророка. После Второй войны многие маги разочаровались в Синклите и присоединились к друидам, а кое-кто решил, что не примет ничью сторону. Сейчас в воздухе опять пахнет войной, и сохрани нас Высшие, если она начнется. Синклиту в этой войне не победить, у них просто не осталось сил. Некогда Санктур был могущественным сообществом, ныне в нем осталось не более двух десятков магов. Ходят слухи, что уже много лет никто не входил в ворота Санктура и не выходил из них.

— Почему друидов преследуют?

— Две Вершины видят в существовании сообщества угрозу для себя, поэтому мира между Синклитом, Ковеном и друидами быть не может. Светские же власти считают, что друиды могут поднять против них мятеж, хотя это полная глупость.

— Все-то запутано слишком, — пробормотал я. — И есть еще свободные маги?

Такие как Борг или Эдерли?

— Вы сами сказали, юноша, что Эдерли работает на Трибунал. А вот на кого работает Борг, неизвестно. Когда-то он был магом Санктура, но позже выбрал иной путь. Знать бы, какой.

— Борг заключил союз с демонами, — сказал я.

Окана аж передернуло от моих слов.

— Откуда вы это знаете? — спросил он с удивлением в голосе.

— Я говорил с демоном, который попал в этот мир благодаря магии Борга.

— Странно, — Окан с подозрением посмотрел на меня. — Вы или лжец, или везунчик. Демоны бесплотны, они вынуждены вселяться в чье-то тело, чтобы существовать в нашем мире. Но я не слышал о том, что одержимые демонами могут говорить.

— Однако это так. Он рассказал мне, что Борг заключил союз с одним из демонов в обмен на исцеление от чумы магов.

— Вот даже как? Благодарю вас, добрый сэр, вы сообщили очень важные сведения.

— Могу еще кое-что сказать. Эликсир Борга как-то со всем этим связан. Люди, которые выпивали его, превращались в ходячих мертвецов.

— Это мне известно. Но мы считали, что Борг использует рецептуру зелья Черных... — Окан глубоко вздохнул. — Я помогу вам найти Борга.

— Вы сказали, вы просто аптекарь.

— Иногда и аптекарь может быть полезным. И у меня есть свой интерес в этом деле. Ну

как, согласны?

— Конечно, — я пожал протянутую руку Окана. — Я знаю место, где может скрываться Борг. Только нужно спешить, иначе с девушкой может случиться беда. Нам нужно успеть до окончания лунного месяца.

— Значит, в запасе у нас всего пять дней. Через час встречаемся возле часовни у Больших ворот. И никому ни слова о нашем разговоре.

***

Начало путешествия оказалось вполне заурядным. Мы покинули Донкастер, еще до темноты добрались до большого мужского монастыря, где гостеприимные монахи позволили нам заночевать, а на рассвете продолжили путь. Зальбер Окан оказался незавидным попутчиком — весь свой запас красноречия он растратил во время нашей встречи в Донкастере и ничего не оставил на дорогу. Ехал с закрытыми глазами, будто дремал в седле, и все мои попытки завязать с ним разговор заканчивались неудачей. Пара фраз ни о чем — и все. Единственным достижением стало то, что к концу дня мы стали на "ты". Я был разочарован. Как-то невежливо это, мы же вроде попутчики. Мог бы поболтать со мной из элементарной вежливости, пусть бы даже о своих чертовых настойках и пилюлях. И еще один прикол: Окан прихватил с собой из дома объемистый мешок со всякими вкусностями. Во время привалов он усаживался поодаль от меня, доставал из мешка какую-нибудь снедь, вроде ванильных сухарей или вяленых фруктов, и наворачивал все это в полном молчании, запивая эликсирами из разноцветных бутылочек, которые хранились все в том же мешке. И ни разу мне не предложил попробовать. Наверное, странности свойственны всем, кто так или иначе соприкасается с магией.

Так что настроение у меня становилось все хуже и хуже, и окончательно испортил его мелкий противный и не по-весеннему холодный дождь, который начался на закате второго дня. Поскольку никакого жилья поблизости не оказалось, мы укрылись в небольшом лесочке под раскидистыми дубами, которые совершенно защитили нас от противной мороси. Расседлывать и чистить свою лошадь Окан не собирался — просто привязал ее к дереву, расселся возле костра на раскатанной циновке и снова взялся за мешок с припасами. Ну, я и не выдержал.

— Неплохо бы поужинать, — заметил я, задав Бресу корм.

— Я обойдусь легким ужином, — сухо ответил аптекарь, роясь в мешке.

— Еще бы, ты весь день втихаря хомячишь, — сказал я холодно. — Просто не успеваешь проголодаться.

— У меня сахарная болезнь, — ответил Окан. — И еще возраст. Мне ведь сорок пять. Силы уже не те, их надо поддерживать. И поясница болит нестерпимо. Еще вопросы?

— Если ты больной, старый хрыч, то какого хрена поперся за мной?

— Ты очень непочтителен.

— А ты ноешь, как баба. И на мой вопрос не ответил.

— Поперся, потому что так нужно.

— Конечно. Тебя ведь рецепты Борга интересуют.

— И на то есть причина, — Окан хрустнул галетой. — Особенно, если связать все это с твоим рассказом о демоне.

— Может, поделишься?

— Я все думаю об эликсире Борга. Зачем он все это делает.

— Разве это важно?

— Оживить труп может любой маг. Для этого не надо много ума. Но и некромантия создает свои шедевры. — Окан подбросил хворосту в костер. — Еще до чумы в Эсане жил в Осслане великий некромант, Винон из Эккельберга. Говорят, он оживил свою умершую возлюбленную Аверию и прожил с ней после этого много лет. Тайну прекрасной Аверии раскрыли случайно маги Санктура. Они уничтожили нежить. Винону удалось бежать, и след его потерялся. Борг мог найти утраченные записи Винона.

— Причем тут какой-то Винон? Люди, выпившие эликсир Борга, умерли от гиблой чумы.

Все верно. Их души покинули тело, и вместо них в него вселилась иная сущность. Но лишенное истинной души тело неминуемо будет разлагаться, вызывая ужас людей и заражая их чумой. Не думаю, что такой сильный маг, как Борг, всегонавсего разносит по Десятигорью заразу. Он ищет способ бесконечно долго сохранять оболочку одержимого. Добиться того, чтобы ожившего мертвеца невозможно было отличить от живого человека. Повторить страшное чудо, некогда сотворенное Виноном. Ради этого он и травит своим зельем несчастных поселян.

— И на кой леший ему это нужно?

— Ты же неглупый человек, Преследователь. Ничего не приходит в голову?

— Мне сейчас не до ребусов, мэтр Зальбер.

— Боргом движет не только жажда познания и тщеславие. Им управляет воля демона. Демоны хотят, чтобы мы до поры до времени не догадывались об их присутствии среди нас.

Эта фраза была сказана таким тоном, что я ощутил холод по спине.

— Если это так, то это скверно, — сказал я.

— Воистину, — отозвался Окан. — Но ты и впрямь голоден. Как насчет хлеба с сыром?

— Слишком легкий ужин, но сойдет.

— Нам не придется спать ночью, — продолжил аптекарь, извлекая из мешка ломоть хлеба и завернутый в холстину кусок твердого сыра. — Места тут дикие, до ближайшего жилья далеко. И зверье разное водится. Так что будем отдыхать по очереди. Сперва ты подежуришь, потом я.

— Мне без разницы.

— Вот, держи, — Окан подал мне бутылочку с какой-то желтой жидкостью внутри. — Выпей прямо сейчас. Настой поможет тебе сопротивляться усталости и сну и даст хорошую способность.

— Что это?

— Микстура дозорного. Я прихватил пару флаконов. Пей, не бойся.

Я откупорил бутылочку и сделал глоток. Настой имел крепкий запах полевых трав и напоминал по вкусу дешевое белое вино.

— Недурно, — сказал я.

— Пей до дна. Не бойся, не отравишься.

— Если мы найдем Борга, то что с ним сделаем? — спросил я, допив настойку.

— Пока не знаю, — Окан поворошил угли в костре. — Лучше всего, конечно, прикончить поганца, но это вряд ли входит в твои планы. верно?

— С чего ты взял?

— Ты ведь ищешь Борга не столько из-за девчонки, сколько из-за секрета его эликсира.

Если ты Преследователь, это снадобье должно очень интересовать тебя. Мертвый он точно тебе ничего не скажет.

— Возможно, — я удивился пронизательности Окана. — Но и девушку мне жаль.

— Ходят слухи, что в Вальзерате, Орандуре и Инковарне какой-то человек похищает детей. Кто знает, может это и есть Борг. Будем надеяться, что нам удастся вытащить бедняжку из лап этого негодяя. Ты чего не ешь?

— Ем, — я сделал себе бутерброд и с удовольствием откусил большой кусок. — Отличный сыр.

— Если тебя и впрямь призвали маги Санктура, твоя задача найти Джозефа Джаримафи, — продолжал свою мысль Окан, — но это пока еще никому не удавалось. Может, Боргу это удалось?

— Ты сам с собой разговариваешь?

— Вроде того, — Окан затянул горловину своего мешка. — Давай спать. Микстура дозорного уже должна подействовать.

Я и впрямь почувствовал прилив бодрости и сил. После целого дня, проведенного в седле, я не чувствовал никакой усталости. Плюс интересная вещь стала происходить с моим зрением — я начал отчетливо различать стволы деревьев и кусты, прежде скрытые ночной темнотой.

— Твое зелье помогает видеть в темноте? — осведомился я.

— И это тоже. Оно будет действовать несколько часов, а потом я тебя сменю, — Окан завернулся в плащ и растянулся на циновке. — Спокойной ночи.

— Спокойной, — буркнул я, продолжая наслаждаться тем, как темная ночь вокруг меня превращается в серые осенние сумерки. Хорошая микстурка, надо будет у Окана еще попросить. Такой эликсир всегда пригодится.

Дождь кончился. С ветвей еще капало помаленьку, но стало теплее и не так сыро, как еще совсем недавно. Я доел бутерброд, запахнул поплотнее плащ, подбросил еще хвороста в костер — он не намок и потому неплохо горел, — и, положив меч на потник рядом с собой, заступил в караул, как сказали бы военные.

Нет, интересные вещи со мной происходят! Вот расскажешь кому — не поверят. Скажут, совсем у Мезенцева крыша поплыла. Да и некому рассказать: все мои родные и друзья остались там, за порогом новой реальности. Увижу ли я когда-нибудь их вновь? Лучше не думать об этом, а то мутно на душе становится. Надеюсь, что увижу. Вся эта фантастика обязательно кончится однажды, я вернусь обратно в свою квартиру на Фестивальном проспекте, встречу с отцом и Ленкой, может быть, восстановлюсь в университете и Мурлыку свою обниму и поцелую, конечно же, потому что...

— "А дождется ли она тебя? — проснулся внутренний голос. — Ты уверен, что за это время она не найдет себе другого? Решит, что ты без вести сгинул и не станет терять время, оплакивая своего бывшего? Она ведь девушка красивая, эффектная, самостоятельная, к чему ей горевать, даже если она тебя в самом деле любит?"

Поганые мысли лезут в голову — лучше думать о чем-нибудь другом. Не хочу впадать в отчаяние. Надо думать о хорошем. Выберусь я из этой дыры. И Элина меня дождется. И близких я увижу, обязательно увижу. Не может быть по-другому. Никак не может.

Пламя в костре пляшет, гипнотизирует. Мой папаша любит говорить, что есть три вещи, на которые можно смотреть бесконечно — как горит огонь, как течет вода и как работают другие. Шутит, конечно. Но если серьезно костер как-то убаюкивает. Прямо призывает

прилечь, согреться и забыть обо всем.

Соблазнительно, но спать нельзя. Хрен его знает, что за живность по ночам по этому лесу бродит. Может, тут и оборотни водятся.

Я протер глаза, огляделся. Лес был тих и спокоен, лишь где-то наверху, в верхушках деревьев вздыхал ночной ветер. Наши кони тоже стояли смирно. Наверняка, спокойно спят и видят свои лошадиные сны.

Все хорошо. Цель нашего пути совсем близко, завтра к полудню доберемся до фермы "Яблочная Башня" и вот там...

И там все получится. Я оптимист. Запросто сожрать я себя не дам. И пусть этот Борі хоть самый растакой супер-пупер маг, я ему покажу, кто тут рулит ситуацией...

— Саша! Санечка!

Блин, да это же Ленка, моя сестрица! Лицо серьезное, глаза встревоженные. Смотрит на меня, будто со мной что-то не так.

И меня почему-то совсем не удивляет, что я сижу на диване в моей комнате, у включенного компа, и в руках у меня тетрадка Кузнецова. Все как в тот вечер, когда я собирался почитать записки прадедушки.

— Сань, ты что?

— Что? — Я невольно отшатнулся от протянутой ко мне руки. — Чего так смотришь на меня?

— Ты еще спрашиваешь? — Из глаз Ленки брызнули слезы. — Да я чуть с ума не сошла! Я все участки, все больницы, все морги обзвонила! Отец в предынфарктном состоянии в больнице лежит, а ты... Ты где был?

— Нигде, — я подумал, что рассказывать Ленке про Десятигорье не стоит. — Тут сидел.

— Сидел? — Ленка сорвалась на крик. — Говнюк ты, понял? Знаешь, сколько тебя не было?!

— Лен, не кричи. Я все тебе расскажу, честно. Только не сердись.

— Не сердись, не сердись! — Ленка бросилась ко мне, обняла, залилась слезами. — Мы уже думали... думали, что ты...

— Умер? Какая глупость! Я ж говорю, я просто вышел из дома и...

— Врун чертов! Думаешь, я не знаю, что произошло? Ты же... ты...

— Что я? Ну отсутствовал недолго, чего истерики устраивать? Или пилить было некого?

— Дурачок ты великовозрастный! А кого мне пилить, если не тебя, чужого дядьку? Я же мечтаю видеть тебя самым лучшим, воспитанным, собранным, безупречным. А ты номер отколол, за который убить мало. Пропал, никому ничего не сказал. У меня сердце чуть не разорвалось. Разве так можно?

— Ладно, ладно, — я почувствовал, что у меня тоже слезы на глаза навернулись. — Прости меня. Я же не нарочно. Я тут такое испытал... Не ругайся только, пожалуйста.

— Вот послал Бог братца! Хорошо, хорошо, не буду тебя ругать. Главное, ты живой, ты здесь, родненький мой, хороший! Слава Богу! — Ленка прижалась головой к моей груди, и мне вдруг так хорошо на душе стало, так здорово, что и не опишешь. Я понял, что моя сестра любит меня и всегда любила. И как же хорошо, что мы сейчас вместе, вдвоем, в этой комнате с красными занавесками, которые когда-то купила мама, и которые будут в ней всегда, потому что я так хочу. И Ленка будет рядом со мной. И папа.

— Я совсем забыла, что мальчишки вырастают и становятся мужчинами, — сказала

Ленка, вытерев ладонью мокрые глаза. — Но ты должен был сказать мне. Если бы ты знал, что мы с отцом пережили! Поросенок бессовестный!

— Лен, ну успокойся. Ну что мне сделать, чтобы ты меня простила?

— Эй, не спи!

Я вздрогнул, открыл глаза и увидел недовольное лицо Зальбера Окана.

— Я что, уснул? — пробормотал я.

— Храпел на весь лес, — аптекарь усмехнулся. — Скверный из тебя часовой. Ложись, я покараулю. До рассвета еще есть время.

***

Остаток ночи я проспал без снов. Пробуждение было неприятным — то ли микстура дозорного давала эффект, похожий на похмелье, то ли в лесу было так холодно, но я никак не мог согреться. После легкого завтрака мы поехали по лесной дороге, которая вскоре вывела нас на тракт, обозначенный на карте. Еще через несколько сотен метров мы оказались на развилке с маленькой часовней Высшим (или Вечным; я заметил, что местные называют своих богов то Вечными, то Высшими) и указателем, сообщавшим, что до фермы "Яблочная Башня" ехать всего две мили.

Утренний холод ушел, стало солнечно, тепло, и при свете начинающегося дня открывшаяся за лесом долина, по которой мы ехали, поражала своей красотой. Справа и слева от дороги раскинулись зеленеющие поля и яблочные сады, а потом и виноградники с безукоризненно ровными рядами шпалер, тянувшихся до самого горизонта. Кто бы ни владел фермой, ему было чем гордиться. Стайки мелких пестрых птичек, порхавших над всем этим природным великолепием, добавляли пейзажу особенную праздничность. Но вот Окану было не красот. Когда впереди за деревьями показалась группа каменных домов под красными и желтыми черепичными крышами, он осадил коня и сделал мне знак остановиться.

— Что-то не так? — спросил я.

— Я думаю, нам не стоит ехать туда вместе, — неожиданно сказал аптекарь. — Слишком рискованно.

— Странно, мне казалось...

— Лучше будет, если ты отправишься на ферму один, — перебил меня Окан. — Я буду рядом и в случае чего тебя подстрахую. И вот, возьми это, — он протянул мне маленький холщовый мешочек. Я взял его вытряхнул на ладонь желудь и вопросительно глянул на аптекаря.

— Пригодится, — сказал он. — На случай, если окажешься в месте, откуда нельзя выбраться.

— Что-то ты темнишь, папаша. Не нравятся мне твои слова.

— Не будь самоуверенным идиотом и делай, что говорю. А сейчас поезжай вперед, не надо, чтобы нас видели вместе.

— Ты уверен?

— Уверен. Помни, что здесь на каждом шагу тебя подстерегает смерть. Не расслабляйся.

Удивленный странным поведением Окана, я пожал плечами и подчинился, пустив Бреса быстрым шагом. Дорога пошла в гору, вскоре из-за крон деревьев показалась и каменная башня, та самая, изображение которой я видел на этикетке бутылки с кальвадосом. Она стояла на возвышенности, прямо над домами, и выглядела очень живописно. Сердце у меня забилось быстрее. Не то, чтобы я боялся — правильное сказать, почувствовал волнение.

Я не доехал до ворот фермы метров тридцать, когда из ворот вышел человек в красной куртке и широкополой шляпе. Он увидел меня и помахал рукой, приглашая к себе.

— Добррро пожаловать! — поприветствовал он, когда я подъехал ближе. Голос у чувака был громкий, и звук "р" он выговаривал как-то особенно раскатисто. — Милости прошу на ферму "Яблочная Башня", лучшее винодельческое хозяйство в этой части Вальзерррата!

— Кто вы? — спросил я.

— Я Озррек, упррррправляющий фермой. А как имя почтенного господина?

— Сандер Сторм.

— Рррродственник барона Сторрррма? Вечные, какая честь! Наслышаны, как же! — Управляющий самым учтивым образом поклонился. — Чувствуйте себя как дома, милорррд. Надеюсь, вы останетесь довольны нашим гостепрррриимством. И помните, что жизнь наша ничто, если виногррррадная лоза не окррропляет ее своим живительным соком.

— Поэтично. — Я спешился, кивнул Озреку и вошел в открытые ворота, ведя за собой коня.

Большой двор был вымощен каменными плитами и чист, каменные одноэтажные постройки — видимо амбары или хозяйственные пристройки, — выглядели очень ухоженно, уж не говоря о большом двухэтажном доме с красными ставнями, перед фасадом которого я оказался. Во дворе стояло несколько повозок, запряженных длинногривыми пони и груженых бочками, скорее всего, винными. У одной из повозок стоял человек и деревянными молотком аккуратно и неторопливо набивал железный обруч на бочку. Две женщины в длинных платьях и больших белых чепцах с корзинками в руках беседовали в дальнем конце двора — мое появление не отвлекло их от беседы. Прибежавшие мальчишки приняли моего коня, и Озрек повел меня в дом.

— Мы делаем лучшие вина, бррренди и кальвадосы во всем Десятигорррье, — сообщил он, открывая передо мной двери. — Если вы их еще не пррробовали, то обязательно оцените их великолепие.

— Надеюсь, — ответил я и вошел в просторную трапезную с дубовой мебелью и огромными бочками вдоль стен. Здесь было довольно темно. Озрек подвел меня к столу, предложил сесть на лавку.

— Жанин! — крикнул он.

Я сразу узнал девушку, появившуюся на зов управляющего. Это была она, дочка кондитера из Эттбро. Я все-таки нашел ее.

— Вина для господина! — продолжал Озрек с самым важным видом. — Пррринеси бланшен позапрррошлогодного урожая. И к нему черррный виногррад.

— Впечатляет, — сказал я, провожая Жанин взглядом. — А кто владелец этого замечательного хозяйства?

— Очень достойный человек, — Озрек расплылся в улыбке. — Может, желаете покушать?

— Не откажусь.

— Пррревосходно, только пррридется немного подождать. Нашему поваррру нужно

время, чтобы приготовить что-нибудь достойное такого высокородного гостя. Посоветую вам утку с черносливом и фиговыми ягодами, Лансей ее чудесно готовит.

— На ваш выбор, добрейший господин Озрек.

— Позволю себе спросить благородного господина: что привело вас в наши края?

— Любопытство, — ответил я. — Попробовал кальвадос "Яблочная Башня" и решил посмотреть, где в Вальзерате изготавливают такой чудесный бренди.

— Я так и подумал. Вы останетесь довольны нашим гостеприимством, обещаю... Жанин!

Девушки вышла из подсобки, неся на подносе бутылку и стеклянный стакан. Мне показалось, что она выглядит испуганной.

— Попробуйте, — Озрик налил белое вино в стакан. — Это мое любимое. Вам должно понравиться.

Я не любитель вин, в той, земной жизни, практически не пил — ну, разве бокал шампанского или стакан пива в компании, — в винах совершенно не разбираюсь. Кроме того, мне слишком хорошо помнилось, во что превратились несчастные, выпившие эликсир Борга. Потому я лишь коснулся вина губами. Стакан был из мутного непрозрачного стекла, так что вряд ли Озрек что-то заметил.

— Восхитительно, — похвалил я, отщипнув от кисти несколько виноградин. — Отличное вино.

— Жанин, побудь с господином, а я принесу кое-что особенное, — Озрек с самой загадочной улыбкой направился к дверям в подсобку.

— Мадемуазель, — зашептал я, когда управляющий ушел, — вы ведь дочь Майрона Гроу, не так ли?

Она замотала головой, я увидел ужас в ее глазах. Странная реакция на мой вопрос.

— Ничего не бойтесь, — продолжал я, вставая. — Я ваш друг. Отец попросил найти вас и вернуть домой.

— Умоляю вас, сударь, уезжайте отсюда! — Ее ужас был неподдельным, искренним, и это пугало. — Вам нельзя здесь оставаться! Передайте отцу, что я...

— Допивайте ваш стакан, мессир! — Озрек уже шел к нам с бутылкой в руке. — Ручаюсь, ничего подобного вы никогда не пили.

— Так уж и не пил? — спросил я, быстро и незаметно выплеснув вино из стакана под стол.

— Нет. Это наша новинка. Еще не поступала в торговлю. Вы будете первым дегустатором, если, конечно, не считать меня... Ну как?

— Отличный бренди, — сказал я, опять же симитировав дегустацию. — Я не очень хорошо разбираюсь в спиртных напитках, но это просто чудесный бренди. Отдает вишней и еще чем-то.

— Это не вишня, это особый сорт винограда, который растет только в нашей долине, — сообщил Озрек. — Этот бренди мы только собираемся пускать в продажу. Давайте, я еще налью.

— Вы очень добры, — я подставил стакан. — Наверняка хозяин всех этих угодий очень богатый человек.

— Богатство не всегда выражается деньгами, — заметил Озрек. — Отличный бренди, не так ли?

— Восхитительное.

— Если желаете, могу показать вам один из погребов. Оцените, как мы работаем.

— Было бы интересно. — Я покосился на Жанин, которая вернулась к стойке и стояла к нам спиной. Мне подумалось, что девушка чего-то боится. Чего именно?

— Прошу вас, мессир.

Озрек повел меня в подсобку, где оказалась лестница, ведущая в погреб. Зрелище и впрямь впечатляло — вдоль стен погреба выстроились огромные бочки, скрывавшие в себе не одну тысячу литров алкоголя. Борг поставил производство бухла на широкую ногу, в этом ему не откажешь. Не сомневаюсь, что это бизнес приносит ему немалый доход. так какого черта он разъезжает под Десятигорью и косит по коробейника? Странное амплуа для такого небедного господина.

— Здесь выдерживаются элитные сорта бренди, — сообщил Озрек, продолжая лучезарно улыбаться. — Семнадцать тысяч галлонов.

— Да-с, размах у вас, — пробормотал я, оглядывая бочки. — Странно, что я никогда не слышал о владельце такой замечательной винокурни. Он должен быть богаче всех герцогов вместе взятых.

— Позвольте, я угощу вас брррендри Коль-Франден пятилетней выдержки, — Озрек очень технично ушел от ответа. — Следуйте за мной. Да-да, вон туда, в дальний конец погrrрреба.

Я еще успел подумать, что Озрек, который с первой секунды нашей встречи непрерывно улыбался, вдруг стер эту наклееную улыбку со своей физиономии. Наклонил голову, чтобы пройти под низкой притолокой — и будто потолок рухнул мне на макушку. В кровавом тумане передо мной промелькнула отталкивающая рожа — бледная дряблая кожа, мутные, в черных прожилках глаза, сизые губы, покрытые кровавистой пеной. Тварь глянула на меня мертвым, остановившимся взглядом, и больше я ничего не помню.

Глава двенадцатая: Vervogler

Первым ощущением было чувство холода. Он пронимал до костей, буквально наполнял все тело. Я вздохнул, попробовал повернуть голову. Движение отозвалось сильной болью в затылке.

Да уж, неплохо меня приложили! Знать бы, какая сволочь...

— Будь внимателен, Дуда, — донесся откуда-то сверху знакомый мне голос. Вроде как Озрек говорит. — Негодяй мог быть не один.

— Как вы распознали его, господин? — ответил тот, кого называли Дудой. Говорил он странно, будто паралич перенес.

— Он не назвал паррроль. — Озрек сделал паузу. — Надеюсь, он доживет до приезда господина Цоллеррра.

— Надо было его сразу убить, господин.

— И не узнать, кто его послал? Ничего, господин Цоллеррр ррразвяжет ему язык. Это не прррстой наемник, клянусь адом. Ты видел его оррружие и доспех? Стррранно, что за тррри дня это уже вторррой лазутчик. У обоих отличные кони. Сегодня ближе к вечеррру хочу прррокатиться на них. Надеюсь, господин Цоллеррр подаррит мне одного из этих жеррребцов. Он будет доволен нами. Стеррреги их хорррошо, Дуда. И следи, чтобы к темнице никто не подходил.

— Да, господин.

Я уже понял, что нахожусь в какой-то глубокой яме с бетонированными стенами, закрытой решетчатой крышкой. Дневной свет, проникающий в яму сквозь эту решетку был единственным освещением. Послышался металлический лязг — похоже, мои тюремщики проверяли запор на решетке, а потом стало тихо. Собравшись с духом, я повернул голову и посмотрел вверх. Озрек и его подручный ушли. Видимо, решили, что птичка попала в клетку.

— Не думал, что мы встретимся, — сказал негромкий голос за моей спиной.

Я вскрикнул от неожиданности и перекатился на спину. Человек сидел, привалившись спиной к стене и смотрел на меня с улыбкой.

— Не узнаешь? — спросил он.

— Джи Кей? — Я был удивлен и, честно сказать, обрадован. — Что ты здесь делаешь?

— Дурацкий вопрос, мой друг. Сижу, как и ты.

— Это я понимаю. Как ты попал сюда?

— Говори потише, — Джи Кей беззвучно подался ко мне. — Я шел по следу Борга и оказался здесь. Дальше было примерно так же, как и с тобой. Я недооценил проклятого Озрека. Меня оглушили и бросили в эту яму.

— Давно ты здесь?

— Третий день. Сидел и гадал, как мне выбраться, но ничего не приходило в голову. — Тут Джи Кей протянул мне руку. — Рад видеть тебя, айслинг.

— Здесь не самое лучшее место для дружеской встречи, не находишь?

— Место скверное, согласен. — Джи Кей поднялся на ноги, посмотрел вверх, на

решетку. — Даже если я встану тебе на плечи и вытяну руки вверх, до решетки останется еще футов два. Глубокая яма. Прежние хозяева фермы выкопали ее под резервуар для вина, а эти скоты превратили в тюрьму. Отсюда не выбраться.

— Должны быть варианты, — я едва не сказал об Окане, но решил не торопиться. — Мы обязательно выберемся отсюда.

— На ферме полно Порченных, вроде тех, что мы видели в Альдре, — ответил Джи Кей. — Есть и простые мужики-земледельцы, странно, что они еще не стали одержимыми. Противники они слабые, но их много, и у нас нет оружия. Даже если выберемся из этой ямы, далеко не уйдем.

— Значит, без вариантов? — Я почувствовал отчаяние.

— Не все так мрачно. Главное, мы живы и отделались ушибами. Могло быть хуже. Ты можешь ходить?

— Могу. И драться смогу, если что.

— Тогда все совсем неплохо. Что-нибудь придумаем.

— Звучит обнадеживающе, — я попробовал встать. Голова кружилась, и подташнивало, но вроде я был в порядке. Только вот проклятые уроды обообрали меня до нитки. Мечи, куртка, кольца, флаконы с эликсирами, деньги — все исчезло. А главное, исчез мой смартфон, твари и его забрали. Как говорят в народе — "полная жопа". Второй раз в этом мире меня оставляют ни с чем.

— Так здесь прячется Борг, или нет? — спросил я рассеяно, продолжая ощупывать карманы.

— Я не слышал про Борга. Ферма принадлежит какому-то Цоллеру, если я правильно запомнил его имя. Он тут главный.

— Да, Озрек только что упоминал этого Цоллера. Но Жанин Гроу тут, а это значит, Борг был на ферме.

— Кто такая Жанин Гроу?

— Девушка, которую я разыскивал. — Я достал из кармана желудь, который мне дал Окан. На него никто из наших поработителей не позарился. Лучше бы его забрали, а смартфон оставили. Хотя...

— Слушай, Джи Кей, я кажется, знаю, что делать, — сказал я, захваченный волнением. — Окан говорил: "Если окажешься в месте, откуда нельзя выбраться". Наверное, это желудь волшебный.

— Возможно, — равнодушным голосом ответил кан. — Но я предпочел бы кинжал.

— Кинжала нет, так что будем копать руками, — я встал на колени и начал раскапывать мягкую землю в середине ямы. Джи Кей вначале смотрел на меня с сочувствием, как на сумасшедшего, а потом все же присоединился, и дело пошло быстрее. Очень скоро мы выкопали ямку глубиной сантиметров в пятнадцать, я опустил туда желудь и засыпал землей.

— Полить нечем, — сказал я, глядя на аккуратный земляной холмик. — Разве что помочиться на него.

— И что дальше? — спросил Джи Кей.

— Не знаю. Наверное, надо еще какое-нибудь заклинание сказать, но я волшебных слов не знаю, — я чувствовал себя полным идиотом. — Будем ждать, выбора у нас нет.

Страхнув с рук налипшую землю, я сел у стены и обхватил колени ладонями, чтобы согреться. Джи Кей последовал моему примеру. Минуту мы молчали, не зная что друг другу

сказать.

— Самое смешное будет, если выбраться из ямы не так сложно, как мы считаем, — наконец, прервал тишину кан.

— Ага, как в анекдоте про индейцев, — ответил я. — Поехали индейцы на охоту и пропали. Неделью нет, две нет, третья пошла, все племя на ушах, женщины плачут, дети плачут, все думают, что мужчины погибли. А они в конце третьей недели возвращаются, живые и невредимые. Естественно, в племени по этому случаю праздник. Съели целого оленя, сели у костра, закурили трубку мира, и старики спрашивают вождя: "Скажи нам, о Серый Медведь, где вы пропадали столько времени? Мы думали, вы погибли, или бледнолицые взяли вас в плен". "Истинно так, — отвечает вождь, — мы были в плену у бледнолицых. Они застали нас врасплох, обезоружили, связали и посадили в огромный каменный вигвам". Все племя в ужасе вздыхает "О!". Старики спрашивают: "Как же вам удалось спастись?" "Мы сидели девять дней и спокойно ждали смерти, как и подобает храбрым воинам нашего племени, — ответил вождь, — но на десятый день Зоркий Сокол заметил, что у каменного вигвама нет одной стены".

— Ух ты! — воскликнул Джи Кей удивленно, но это восклицание не было реакцией на мой вообще-то бородатый анекдот.

Я хотел спросить, в чем дело, но тут сам увидел, что из земли появился зеленый росток, который тянулся вверх с невероятной скоростью. За считанные секунды росток превратился в молодой дубок, и он продолжал расти. Мы как зачарованные следили за тем, как утолщался ствол, как шелестящая листьями крона подбиралась к решетке, закрывающей яму.

— Ни хрена себе! — вырвалось у меня.

Дуб уперся ветвями в решетку. Раздался громкий треск, затем скрежет металла, и дерево сорвало решетку, будто она была сделана из бумаги.

— Давай! — крикнул Джи Кей, хватаясь за один из боковых сучьев. Я последовал его примеру и почувствовал, как дерево увлекает меня вверх, к выходу. Меня охватила сумасшедшая радость: елки-палки, такое и во сне не приснится! Удивительный дуб спасал нас из заточения. Еще несколько мгновений, и в глаза мне ударили лучи заходящего солнца. Я увидел двор фермы и обладателя той самой отвратной рожи, которая привиделась мне за мгновение до потери сознания — это парень ковылял в нашу сторону, держа наготове большие вилы. Видимо, пытался нам помешать. Физиономия его, и без того страшная, была перекошена, глаза бешеные. Отпустив сук, я спрыгнул на землю и приготовился защищаться, но Джи Кей меня опередил — эффектным ударом ноги в челюсть опрокинул урода на землю, а потом пригвоздил его к земле его же вилами.

Впрочем, радоваться было нечему: со стороны повозок к нам с угрожающими криками бежали еще двое, один с топором, второй с мотыгой. Джи Кей бросился им наперерез, а я метнулся к стене амбара, пытаюсь найти что-нибудь для самозащиты. Мне попались на глаза приставленные к стене длинные палки, вроде как опоры для шпалер. Я схватил одну из них, и вовремя — из дверей прямо на меня выскочил мордатый крепыш в войлочной шляпе, вооруженный косой. Я опередил его, ткнул концом в палки прямо в живот, заставив остановиться, а потом съездил ему по черепу, да так, что раздался треск то ли кости, то ли дерева. Парень издал мычащий звук и попытался занести косу, но я успел наддать ему по руке, и коса со звоном упала на землю. Пока вражина пучил глаза, я подхватил косу и вогнал ему ее в грудь до середины, после чего он навзничь опрокинулся на землю. Джи Кей между тем успел расправиться со своими противниками, вооружился топором и бежал мне на

выручку.

— В дом, быстрее! — крикнул он.

Мы ворвались в холл, где я уже был, пронеслись по лестнице наверх, на второй этаж, и в коридоре столкнулись с Озреком, выбежавшим на шум. Он завопил, увидев нас, но Джи Кей ударил его концом топорика в грудь, и управляющий упал, стукнувшись затылком о дверь.левой рукой кан вцепился ему в воротник, правой приставил лезвие топора к горлу Озрека.

— Где наши вещи? — спросил он таким зловещим тоном, что я сам почувствовал страх.

— На помощь! — прохрипел управляющий.

— Говори, тварь, где наше оружие!

Озрек запрокинул голову, показывая глазами на дверь в торце коридора. Джи Кей врезал ему кулаком в зубы, и управляющий отключился. Добротная дверь из резного дерева оказалась прочной и запертой на ключ, но мой канский друг, орудуя топором, вскрыл ее меньше чем за десять секунд. За дверью оказалась просторная обставленная со вкусом подобранной отличной дорогой мебелью комната — спальня и кабинет одновременно, с двумя книжными шкафами, письменным столом, широкой кроватью и угловым камином с кованой декоративной решеткой. А еще в комнате были высокое напольное зеркало в бронзовой раме и большой сундук, запертый на висячий замок. Джи Кей несколько раз ударил по замку топором, и дужка с щелканьем открылась.

Мои вещи (слава Богу!) оказались в сундуке, как и кольчуга Джи Кея и его пояс с кинжалами. Я так понял, каналья Озрек решил порадовать своего хозяина дорогими подарками. Мелкие вещи и деньги лежали в металлической коробке без замка, и мы их быстро рассовали по карманам и сумкам. Во дворе между тем началась какая-то движуха: выглянув в окно, я увидел с десятков вооруженных молодцов, окруживших дуб, который уже был в два обхвата толщиной и накрыл своей кроной чуть ли не половину двора.

— Уходим! — крикнул Джи Кей, держа в каждой руке по кинжалу.

Я хотел ответить, но тут язык прирос у меня к небу, и ноги ослабли. В сундуке, под нашими вещами, были аккуратно сложены вещи хозяина фермы господина Цоллера. И на самом верху лежал черный мундир офицера Ваффен СС. Выглаженный, новехонький, прикрытый чистым полотном.

— Ах ты, мать твою чирлидерша! — только и мог вымолвить я.

— Надо уходить, айслинг, — поторопил меня Джи Кей, наблюдая за происходящим внизу. — Врагов слишком много. Нельзя медлить.

— Да, конечно. Я сейчас...

Я не мог не поворошить содержимое сундука. Схватил белоснежную, пахнущую лавандой и корицей рубашку, нашел ярлык портного — рубашку сшил Георг Дюстерберг в Страсбурге. Среди предметов одежды в сундуке не меньше половины были вещами, созданными в моем мире! Рубашки, галстуки, носки, пара отличных костюмов — все было пошито в Рейхе. На самом дне сундука оказались эсэсовский кинжал в ножнах, пустая коробка от сигар и толстый блокнот в переплете из черной кожи с тисненным золотом имперским орлом. Большинство страниц были исписаны, и это был немецкий язык. Я засунул блокнот в сумку, преодолев соблазн начать чтение прямо тут. Мне не хотелось заставлять Джи Кея ждать.

— Иду, иду! — бросил я, захлопывая крышку сундука и осматривая комнату в поисках чего-нибудь важного. Мне ужасно не хотелось уходить, пока я тут все как следует не осмотрю. Я почти не сомневался, что найду в кабинете таинственного господина Цоллера

много такого, что поможет мне разобраться с загадками, на которые я искал ответы с первого дня пребывания в Десятигорье. И я бы наверное, тянул до последнего, но тут на улице раздались громкие крики и я, подняв раму окна, выглянул наружу. К нашим врагам подошло подкрепление, не меньше трех десятков народу, причем минимум двое были вооружены арбалетами. А еще они тащили большие лестницы, чтобы забраться в дом через окна.

Покидая комнату, я не удержался и посмотрел в зеркало. Физиономия у меня была бледная, измазанная грязью, на лбу надулась большая сизая шишка. И вот тут случилась удивительная вещь: мое изображение в зеркале заколыхалось, и вместо отражения себя самого и комнаты за моей спиной, я увидел богато убранный покой и женщину в кружевной рубашке, сидящую на низкой банкетке ко мне спиной. Незвестная дама расчесывала длинные русые волосы гребнем.

— А, это вы, Преследователь! — сказала она, не оборачиваясь. — Позвольте, я закончу свой туалет. Вы ведь не торопитесь?

Я вздрогнул — голос женщины был мне знаком. Очень знаком. Где я мог слышать его?

Незнакомка продолжала расчесывать волосы. Я знаю еще одну девушку, у которой такая же великолепная шевелюра. Почему-то мне стало очень страшно.

— Должна вам сказать, что Ковен очень беспокоит то, что случилось в Эммене, Лектуре и Альдре, — говорила она. — Преследователь Санктура ускользнул от нас трижды. Он не такой идиот, каким казался вначале. Сестры Эвгена и Салима не справились с заданием, сестра Джетта едва не погибла, потому что у паршивца непонятным образом оказался один из мечей Торна. Кто дал ему это оружие? У санктурских магов не было мечей Торна. Значит, у него есть другие союзники. Ему помогли уйти из Лектура, и вы его не обнаружили. Это очень плохо. Вы слушаете?

Я молчал, чувствуя, что воздуха мне определенно не хватает. Сердце у меня колотилось, как сумасшедшее. Женщина сняла волосы с гребня и продолжила туалет.

— Книга и записи вашего противника у нас, но это ничего не значит — наши враги смогли призвать Преследователя через новый портал. — В ее голосе отчетливо зазвучало раздражение. — Не мы одни теперь владеем пространственной магией. Поэтому у Ковена для вас будет новое задание, Преследователь. Мы отправим вас в прошлое, вы найдете Андре в своем мире и уничтожите его. Только так мы сможем окончательно избавиться от досадной помехи в лице этого нового пришельца, ведь он потомок Андре. Как вам мой план?

Она обернулась. Наши взгляды встретились, и я подумал, что это какой-то невозможный кошмар.

— ЭЭЭЭ...ЭЛИНА?!!!

Ее лицо помертвело, исказилось в жуткой гримасе, и зеркало погасло, осыпав меня зелеными искрами. А я просто не мог сдвинуться с места. И только Джи Кей, резко рванув меня за рукав, вернул мне возможность осознавать реальность.

— Чего застыл? — крикнул он. — Они уже в доме!

То, что произошло в следующие мгновения, я запомнил смутно. Слишком сильным было потрясение от того, что я увидел в зеркале пару секунд назад. Мы выскочили из кабинета Цоллера, побежали к лестнице — по ней уже поднимались несколько вооруженных парней. Джи Кей ударами кинжалов сбросил их вниз. Что-то пролетело мимо моего уха — наверное, это был арбалетный болт, — я с воплем двинул какому-то малому эфесом меча прямо в физиономию, перепрыгнул через упавшего и выбежал на улицу, прямо

на толпу, которая поджидала нас. И был бы нам трындец, если бы не дуб, который уже спас нас сегодня.

Неприятели побежали прямо на нас, но миг спустя разлетелись в разные стороны, сбитые, как кегли могучими ветвями дуба — дерево-спаситель, оказывается, не только вызволило нас из ямы, но теперь дралось на нашей стороне, размахивая сучьями, как боксер руками. Восторгаться новыми чудесами друидской магии не было ни времени, ни желания — все, чего я хотел, так это выбраться со двора фермы. Пока враги поднимались с земли, мы добежали до ворот и выскочили на дорогу. С полдюжину отчаянных голов решили нас преследовать, однако мы и здесь не оказались без помощи — пролетевший мимо нас с Джи Кеем файерболл попал точнехонько в толпу преследователей и разорвался, разбросав по обочинам дороги обугленные клочья тел и дымящиеся тряпки.

Я посмотрел в ту сторону, откуда прилетел огненный шар и увидел метрах в десяти от нас Зальбера Окана. Аптекарь стоял, разведя руки в стороны, и на его пальцах плясали язычки пламени.

— Ко мне, скорей! — крикнул он.

Нас не надо было просить дважды, тем более что из ворот уже появилась вторая группа преследователей. Новый огненный шар покончил с ними так же, как и с первыми.

— Ну что, пригодился желудь? — с усмешкой спросил Окан, когда мы подбежали к нему. — Рад видеть тебя целым и невредимым.

— Воистину, — я помотал головой, пытаюсь прийти в себя. — Чудом ушли.

— Твой друг? — Окан с подозрением посмотрел на Джи Кея. Вытащил из-за кушака какой-то зеленоватый кристалл и направил его на моего приятеля. Кристалл наполнился зеленым сиянием. — Все в порядке. Надо уходить отсюда.

— Моя лошадь осталась там, — заявил я. — Нельзя оставлять им Бреса.

— Моя тоже, — заметил Джи Кей. — Но мы не можем туда идти.

— Чудо-дуб задержит их, — ответил Окан. — А за лошадей не волнуйтесь.

Аптекарь коротко свистнул, и из-за деревьев появилась его лошадь. Окан что-то прошептал ей на ухо. Лошадь тряхнула гривой и заржала так, что я невольно отшатнулся. С фермы раздалось ответное ржание, послышались грохот и удары, и из ворот "Яблочной Башни" на дорогу вынеслись мой Брес и вороной конь Джи Кея.

— Все, можем уходить, — заявил Джи Кей, забравшись в седло.

— Нет, не можем, — возразил я. — Жанин осталась на ферме.

— Боюсь, ей уже не помочь, — сказал Окан. — Она во власти зла, и нам ее не спасти.

— Я обещал отцу вернуть ее, — отрезал я. — Уезжайте, я сам справлюсь.

Окан посмотрел на меня с состраданием и собрался было сказать мне, какой я идиот, но тут раздался крик, и мы увидели Жанин, бегущую в нашу сторону от ворот. За ней гнались пять человек, вооруженных кто чем. Не дожидаясь, пока Окан применит свои заклинания, я вытащил из ножен Солер и бросился навстречу девушке. Блеснуть своими фехтовальными талантами мне, однако, не пришлось: Окан применил против преследователей Жанин новое заклинание — просто разорвал землю поперек дороги глубокой трещиной, в которую бедняги благополучно свалились, после чего трещина закрылась, будто пасть насытившегося чудовища. Страшная смерть, однако.

— Добрый сэр, спасибо вам, спасибо! — Жанин кинулась мне на шею, и мне стало неловко от такой эмоциональной реакции девушки. — Я вечно буду вас помнить!

— Все так говорят, — меланхолично заметил Окан, счищая с рукава куртки засохшую

грязь. — Но все равно приятно.

Смартфон у меня за пазухой издал мелодичную трель. Черт, черт, да как же я рад этому звуку! Высвободившись из крепких объятий Жанин, я достал смарт. Сообщение касалось моего задания:

Задание "Исчезновение" обновлено.

Найди способ избавить Жанин Гроу от проклятия черной магии.

Помни, у тебя только три дня.

— Плохие новости? — усмехнулся Окан.

— Не вижу повода для веселья, — огрызнулся я, пряча смарт. — Все, едем искать Борга. Из-под земли его достану.

— Если так, то я с тобой, айслинг, — отозвался Джи Кей. — Ты помнишь мою историю.

— И я с вами, сэр! — заявила Жанин, сияя глазками. — Я теперь ваша должница по гроб жизни.

— Конечно, конечно, — пробормотал я с идиотской улыбкой, думая о том, какое количество проблем я себе заполучил.

— Без меня вам крышка, — заявил Окан, поправляя седло. — Так что едем втроем.

— Вчетвером, — поправил я.

— А, ну да, вчетвером. — согласился Окан и добавил: — Надо же кому-то ухаживать за лошадьми.

***

я уже упоминал, загадочное поместье "Красные Камни" находилось судя по карте милях в двадцати севернее злополучной фермы, но Окан выбрал другую дорогу — повел нас на восток, через лес. Вскоре мы добрались до одинокого, укрытого в чаще бревенчатого сруба с маленьким заросшим сорняками огородиком и колодцем под окнами. Похоже, хозяева домика давно тут не жили. Здесь мы и остановились на ночлег.

В пути я очень плохо воспринимал все, что со мной происходит — все мои мысли были о виденном в зеркале. Я пытался убедить себя, что это была иллюзия, что я обознался, приняв женщину в зеркале за Элину, что она всего лишь иномирская двойница моей Мурлыки, что меня обманул и испугал неведомый дьявольский морок. Но еще я вспомнил, что случилось со мной перед тем, как я попал в Десятигорье, странный звонок загадочной Кристины, похищение записок Кузнецова, и то, как это объяснил мне Гаттскон. Выводы напрашивались самые пугающие и невероятные. Думая обо всем этом, я понимал, что отныне не буду знать ни сна, ни покоя, пока не узнаю правды. Впрочем, в запутавшей меня паутине загадок появился определенный просвет. Черный Человек из Лектура и владелец "Яблочной Башни" Цоллер, походу, один и тот же человек (человек ли?), и он связан с ведьмами Тойфельгартена. Кто он, как оказался в этом мире, почему жив до сих пор? Это были вопросы, на которые я не мог дать ответы. Оставалось надеяться, что найденный в сундуке Цоллера дневник даст мне хоть какие-нибудь подсказки.

Английский у меня на неплохом уровне — в выпускном классе я изъявил желание основательно изучить язык Чосера и Шекспира, и мама, Царство ей Небесное, нашла мне

отличного репетитора, свою подругу по институту, которая за каких-то полгода так выучила меня с самых азов, что на первом курсе меня сразу определили в английскую реферативную группу, а еще через год я на отлично сдал TOEFL- тест. А вот немецкий я год назад начал изучать по переписке. Познакомился в Интернете с девушкой из Берлина, вначале переписывались на английском, а между делом я ее немного учил русскому, а она меня немецкому. Продолжалось все с полгода, потом я познакомился с Элиной, и переписка была заброшена. Так что кое-какие познания в немецком у меня есть, но хватит ли их для того, чтобы понять хотя бы главные моменты в дневнике нациста? Ладно, попытка — не пытка, надо попробовать.

Пока Жанин готовила ужин и варила на открытом очаге глнтвейн для всей компании, Джи Кей приводил в порядок свое снаряжение, а Окан, развалившись на единственной в доме кровати, единолично хомячил из своего мешка какие-то вкусняшки, я запалил найденную в домике свечу, устроился у окна, раскрыл дневник Цоллера и принялся читать. Задача оказалась легче, чем я предполагал, все-таки английский и немецкий очень похожи, и будь у меня под рукой немецко-русский словарь, я бы без труда перевел все записи в дневнике. Но даже от того, что мне удавалось прочесть, волосы на голове вставали дыбом.

20 апреля 1944 года.

Сегодня день рождения фюрера. Бёме (комендант лагеря "Объект 43") накрыл стол. Собрались все — Энгель, Шлегер, доктор Бахманн, начальник охраны Вольф, Ева Хаан. Пили "Вдову Клико" и отличный марочный довоенный "Камю" за здоровье фюрера, скорую победу Рейха и обсуждали новости и слухи. У всех отличное настроение. Позавчера Ева и доктор отобрали еще 25 голов из числа восточных скотов и провели новый эксперимент с установкой. Наши успехи радуют. "Прямая линия" действует в штатном режиме. За это тоже выпили, тем более что Энгель уже должен в Берлин о последних удачных запусках. Пусть это будет нашим подарком фюреру!

Вечером написал письмо Хелене и читал "Фауста" Гете. Свежий весенний вечер за окнами удвоил удовольствие от чтения.

1 мая 1944 года.

Энгель и Хаан провели очередной эксперимент. Нет никаких сомнений, что установка работает как надо. Контрольные приборы не фиксируют никаких опасных отклонений. На обед сегодня подавали суп из бычьих хвостов, жаркое по-венски и штрудели с яблоками. Во время обеда Энгель намекнул, что хочет поручить мне очень ответственное задание. Я готов. Я давно ждал, что мое начальство оценит мои способности и желание послужить Рейху. Так что настроение у меня отличное. Сегодня заходил к Еве, подарил ей коллекционную фарфоровую куклу от Леона Брю. Эта милашка оказалась в вещах одного еврея, которого вчера перевели в Освенцим. Наша Рапунцель в восторге! Посмотрела на меня так, что я, пожалуй, готов изменить моей Хелене с нашей умной докторшей (Шучу). Надо расспросить Еву о планах Энгеля. Мне самому интересно, что там приготовил для меня старик.

5 мая 1944 года.

Беседовали с Энгелем в его кабинете, и шеф разоткровенничался. То, что я узнал от него, с трудом укладывается в голове. Энгель празднует успех и считает, что пора кому-то из офицеров СС воспользоваться установкой. С одной стороны, это честь, что выбрали меня, а с другой... Уж не хочет старикашка Удо избавиться от меня?

Я своими глазами видел, что происходило во время первых экспериментов. При попытках транспортировки от подопытных оставалась только бурая вязкая жижа. Шлегер был уверен, что гибель заключенных происходила из-за воздействия неведомой нам силы, связанной с оккультными схемами из книги Августа Вюртембергского. О них я вообще ни черта не знаю — работа с мистическим наследием прерогатива Шлегера и Хаан, они специалисты по оккультизму. Шлегер как-то проговорился, что Август умел открывать проходы в иные миры, но насколько это реально? Вряд ли средневековое чернокнижие хоть как-то связано с наукой. Мне это непонятно, я специалист по электротехнике, а не оккультист. Но не в этом суть вопроса. Группа ничего не знала о том, какой эффект может возникнуть при синтезе средневековой магии и техники. Но Шлегер, наш многомудрый доктор Фауст, наверное, заключил сделку с Мефистофелем и разгадал эту загадку. Во-первых, нам удалось, как считает Энгель, найти переход в иной мир, во-вторых, теперь войти в установку не означает неминуемо погибнуть. Во время последних трех переходов все подопытные заключенные были переправлены туда и обратно живыми и невредимыми. Позже, когда их ликвидировали, и доктор провел вскрытие, выяснилось, что их внутренние органы в полном порядке. Это большое достижение, теперь мы знаем, как обойти эту опасность....

Вечером присутствовал на экзекуции. Вольф лично расстрелял пятерых французов, пытавшихся организовать побег. Зрелище было малоприятное.

14 мая 1944 года.

Я дал согласие на участие в эксперименте. Конечно, меня тревожат возможные последствия, но я, в конце концов, офицер СС, а не какая-то тыловая крыса! Энгель доволен. Старик явно чего-то не договаривает, это читается на его хитрой физиономии.

В последующие дни нужно составить подробные инструкции для Пауля. Он способный парень, но силовая установка Flucht — это не мотоцикл и не кофеварка. Я должен быть абсолютно уверен в моем заместителе.

20 мая 1944 года.

На завтра назначен эксперимент с моим участием. Сегодня полдня проторчал в медпункте, где Бахманн обследовал меня с головы до ног. Моему здоровью, как он заявил, можно только позавидовать. Я настоящий образчик сверхчеловека. Детали перехода уже согласованы, он будет проходить в два этапа. Сначала в установку отправят пятерых поляков, которые примут на себя возможный энергетический удар,

потом пойду я. Энгель говорит, что все под контролем, при малейшей нештатной ситуации, установка будет немедленно отключена. Хочется верить, что все пройдет нормально.

21 мая 1944 года.

Всю ночь не сомкнул глаз, казалось волнение. В 7 утра узнал, что Энгель отменил эксперимент. При проверочном запуске выяснилось, что из-за неполадок системы водяного охлаждения сильно греется внешний контур установки. Райхманн получил выговор от Энгеля. Черт его знает, сколько времени уйдет на ремонт и отладочные работы, так что мой подвиг во имя Рейха и фюрера пока отложен как минимум на несколько дней. Есть возможность спокойно дочитать "Фауста".

25 мая 1944 года.

Получил письмо от отца. Он пишет, что дела идут хорошо. В наше поместье прибыли остарбайтеры из Бессарабии и Крыма, и отец считает, что они будут работать с полной отдачей. У отца большие планы, он собирается в этом году предложить на рынок наше вино с классификацией QbA. Если это случится, семейное предприятие "Цоллер и сын" получит новое дыхание. Меня эта новость так взволновала, что я целый час молился за отца и просил Господа помочь ему. Жаль, в такое важное для семьи время я нахожусь не дома! Написал ответ отцу и позже черкнул несколько слов Хелене.

Вечером играли в карты с Шлегером и интендантом Хюбнером. Я выиграл десяти марок.

30 мая 1944 года.

Ремонт установки неожиданно затягивается — доставленные из Страсбурга запчасти не подошли. В документах неправильно указаны электротехнические характеристики. Это или бюрократическая ошибка, или вредительство. Энгель в ярости, теперь придется ждать еще минимум неделю. Надеюсь, что мерзавцев, допустивших такую халатность, расстреляют по законам военного времени.

Сегодня Отто (Данцигер) сказал мне, что есть секретная информация о возможном десанте англичан через Ла-Манш во Францию. Добро пожаловать! Роммель устроит островным крысам теплый прием.

5 июня 1944 года

В ночь с 4 на 5 запустили установку. Сегодня случилось интересное событие. Энгель вызвал меня к себе в кабинет, и там я увидел хорошенькую юную фройляйн, которую Удо представил как Элину Дули...

Тут я остановился — меня снова покрыл холодный пот, началось сердцебиение.

— Ты чего, айслинг? — Джи Кей заметил мое смятение.

— Ничего. Все хорошо.

— Выпейте, сударь, — Жанин подала мне кружку горячего вина с пряностями. Напиток оказался в тему: после пары глотков тепло разлилось по телу, и я продолжил чтение.

... Фройляйн Дули была весьма странно, я бы сказал, театрально одета — готов поспорить, что так одевались дамы-наемницы во времена Тридцатилетней войны (если, конечно, таковые когда-нибудь существовали!) Однако то, что сообщил мне штандартенфюрер буквально шокировало меня — загадочная дама оказалась во-первых жительницей того самого мира, куда вывели нас эксперименты с установкой, во-вторых, ведьмой, представительницей весьма могущественного в своем мире сообщества, которое, как я понял из ее слов, готово заключить с нами союз. Детали, по ее словам, я должен буду обсудить со штандартенфюрером. После этого Энгель и странная гостья ушли, оставив меня в кабинете одного.

Значит, это правда! Мы действительно бросили вызов старому доброму трехмерному миру и победили его. Гений Рейха сокрушил время и пространство и...

Бла-бла-бла, не буду я переводить эту нацистскую похвальбу, вряд ли она имеет отношение к делу. Посмотрю-ка лучше, что там дальше.

...Штандартенфюрер вернулся через полчаса, весьма оживленный и в отличном настроении. Он сообщил мне, что в наш прежний план внесены некоторые изменения, и намечается поворот, который может радикально изменить не только наше будущее, но и будущее Рейха.

— А пока отдыхайте и набирайтесь сил, Генрих, — сказал он мне напоследок. — Очень скоро вам предстоит выполнить чрезвычайно ответственную миссию. Зиверс уже в курсе, и он полностью одобряет все, что мы делаем. Может быть, это громко звучит, но мы с вами на пороге величайшего открытия, которое сделает Рейх непобедимым.

Я ушел от Энгеля со странным чувством. Я верю в могущество арийского гения, но неужели нам **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО удалось преодолеть границу между мирами? Мне не хочется думать, что Энгель в каких-то своих мелких карьерных интересах устроил бесстыдную мистификацию. Это было бы отвратительно. Устраивать клоунаду в то время, когда наши товарищи гибнут на фронтах — невозможно! Если это розыгрыш, я непременно сообщу в Берлин.**

6 июня 1944 года

Весь день прошел в разнообразных текущих делах. В 17.00 меня вызвали на срочное совещание к Энгелю. Пришли тревожные вести из Нормандии — там началось крупное наступление англичан и американцев. Своим приказом Энгель ввел на "Объекте 43" режим особой охраны. Из Берлина пришла директива, предписывающая не допустить захвата врагом документации и оборудования, связанных с проектом "Прямая линия". Полный отчет для Берлина о результатах проекта должен быть готов не позднее 1-ого сентября. Меня эта новость не обрадовала. Если проект будет закрыт, меня отправят на фронт, и не дай Бог, на восточный!

11 июня 1944 года

Весь день приходят скверные новости с севера. Шлегер сообщил по секрету, что англоамериканцы задействовали в операции огромные силы. На душе тревожно. Сегодня присутствовал в Зоне "X", наблюдал за отправкой очередной партии человеческого материала в установку. Доктор Хаан настроена оптимистично, но мне почему-то не до веселья.

— А ты оказался трусоватой сволочью, Генрих Цоллер! — пробормотал я, прочитав этот фрагмент дневника. — Что ж, это хорошо. Учтем на будущее...

19 июля 1944 года

Новости приходят одна хуже другой. Англоамериканские войска заняли Шербур, Роммель тяжело ранен. Наши войска отступают, враг вот-вот выйдет к Парижу. Наш конвой, вывозивший часть оборудования и документации, попал под бомбежку. Погибло девять человек, ранено двадцать шесть, Данцигер контужен, без вести пропал инженер Райхманн (черт возьми, мой сон один в один! Как такое вообще может быть?!) Энгель ходит злой, как черт. Ждем приезда Зиверса. Со мной о таниственной миссии никто не заговаривает. Почему?

21 июля 1944 года

Сегодня узнал, что на фюрера было совершено покушение! Слава Богу, он жив! У Энгеля руки тряслись, когда он сообщал о событиях в Берлине. Говорят, заговор устроили те, кому фюрер беззаветно верил. Проклятые предатели!

Настроение ужасное. Ничего не хочется писать. Вечером обязательно напьюсь в одиночку.

24 июля 1944 года.

Утром в лагерь прибыл штандартенфюрер Зиверс. Почти четыре часа он осматривал лагерь, бараки, мастерские, служебные помещения, медицинский блок и

лабораторию, побывав в Зоне "Х", затем проводил совещание в резиденции Энгеля. Сообщил новости о заговоре, о том, что в Берлине и прочих местах идет настоящая охота на предателей. Затем слушали отчет Энгеля и Евы Хаан о результатах эксперимента с установкой. Ева преподнесла всем сюрприз — продемонстрировала Зиверсу пробирку с некоей "субстанцией", полученной от "ведьм". Если верить ее докладу, эта "субстанция" может стать основой для медикаментов, придающих человеку невероятные возможности. Испытания на заключенных дали положительные результаты. Зиверс потребовал продолжить работы на "Прямой линии" до особых распоряжений. Бёме дал праздничный обед с олениной, фуа-гра и отличным коньяком. Но главное, что в мой адрес не было никаких замечаний. Энгель даже похвалил меня за рвение и компетентность.

1 августа 1944 года

В лагерь прибыли неожиданно прибыли следователь оберабшнита "Рейн-Вестмарк" Аушбах и представители гестапо — два господина в штатском, которые беседовали со всеми нами по очереди. Меня допрашивали после Шлегера. Гостей очень интересовали мои связи в Берлине, связи моего отца, история нашей семьи и тому подобная информация. Назывались фамилии — много фамилий, но я со всеми этими людьми незнаком и никогда не встречался. После допроса отправился к себе: зашел Шлегер и шепнул, что офицеры гестапо прибыли разыскивать предателей. После покушения на фюрера это происходит везде. Выпили бутылку коньяка на радостях, что не попали в число подозрительных.

3 августа 1944 года

Сегодня в 9.00 был вызван к Энгелю для важного разговора. Штандартенфюрер выглядел мрачнее обычного.

— Садитесь, Генрих, — приказал он, не глядя на меня. — Выслушайте, не перебивая. Мы начинаем операцию "Преследователь". Пару месяцев назад я намекнул вам, что готов отправить вас в другую реальность. Вам говорили, что все дело в неисправностях портала, но это не так. Ключевую роль в операции должен сыграть офицер, абсолютно надежный и преданный великой Германии и фюреру. Ваша кандидатура утверждена на самом верху, и я вас поздравляю, Генрих.

Я понял, что он хотел этим сказать. Меня почти два месяца проверяли, и теперь проверка окончена. Я признан лучшим. Это действительно честь для меня.

— Хочу сразу вас предупредить, гауптштурмфюрер — миссия чрезвычайно ответственная, и ее важность даже не подлежит обсуждению, — продолжал Энгель. — Вам придется действовать в интересах Рейха в очень необычном мире. Вот, возьмите, — он подал мне папку с отпечатанными на машинке бумагами, — здесь краткое описание мира Десятигорья, так он называется. Скажу честно, у нас были две кандидатуры, вы и оберштурмфюрер Шафт. Остановились на вас. Вам оказано

высочайшее доверие на самом верху, Генрих. Вы обязаны вывернуться наизнанку, но оправдать его.

— Я готов, господин штандартенфюрер, — ответил я.

— Обстановка очень тяжелая, Генрих. Вы солдат, и я солдат, и мы не должны скрывать друг от друга горькую правду. Англичане и американцы захватили Кан, Авранш и движутся к Парижу. Наши войска сражаются героически, но силы слишком неравны. Мы отступаем. Враг господствует в воздухе, мы несем огромные потери. Если Париж падет, их удар будет направлен на нас. На восточном фронте дела обстоят еще хуже, там большевики тоже перешли в наступление. Они буквально перемололи наши армии в Белоруссии. Времени у нас немного, от силы два-три месяца. Поэтому я буду с вами предельно откровенен. Вы пробыли на "Объекте 43" девять месяцев, вы активно участвовали в проекте. И вы соавтор нашего успеха. Теперь мы должны пожать плоды наших трудов. То, что я сейчас скажу вам — высшая государственная тайна. Никто не должен знать о том, что вы сейчас услышите. Мне тяжело это говорить, но Рейх обречен. В Берлине это понимают. Нас спасет только чудо. И это чудо должны сотворить мы с вами, Генрих. Во имя Германии, во имя нашей победы. Мы сделаем это, и я вернусь к своей жене и детям, а вы к невесте и прекрасным винам вашего отца. Мы не можем проиграть.

В мире Десятигорья у нас есть союзник. Это сообщество чернокнижниц, которые называют себя Ковеном. Они тоже ведут борьбу с врагами и хотят, чтобы мы помогли им. Нашим призом за эту помощь может стать та самая субстанция, которую показывала Зиверсу доктор Хаан. Это могущественный эликсир, способный творить чудеса. Я организую вам встречу с госпожой Дули, она объяснит вам, что Ковену нужно от вас. А сейчас скажу, что нужно нам. Если мы получим стабильный проход в другой мир, мы сможем укрыться там от врагов в день, когда все будет потеряно. Уйти за грань миров, чтобы отдышаться, накопить силы и вернуться для новой битвы. Понимаете, что поставлено на карту? Вам доверена судьба Рейха, Генрих, его будущее. Сам рейхсфюрер Гиммлер поручает вам выполнить задание. Не подведите его и меня...

— Будете ужинать? — Жанин стояла возле меня с дымящейся миской в руках и улыбалась. — Гороховый суп с ветчиной по-деревенски. Поешьте, пока горячий.

— Спасибо, я не хочу, — я покосился на догорающий огрызок свечи в плошке. — Лучше свечу новую дайте.

— Интересное чтение? — поинтересовался Окан.

— Очень интересное.

— Лучше бы тебе поспать, завтра будет трудный день.

— Грызи свои сухари и отстань от меня.

— А-а-а, ну ладно, — протянул он и вытянулся на кровати, закрыв глаза.

— Надеюсь, друг, твои исследования помогут нам найти эту крысу, — сказал Джи Кей и направился к лестнице на чердак. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил я и вернулся к дневнику Цоллера. Я обратил внимание, что несколько страниц из дневника были вырваны: похоже, Цоллер боялся, что его записки может прочесть кто-то, кому их читать не стоит. Следующая запись была сделана только

пятнадцатого октября.

15 октября 1944 года

Мне все труднее и труднее сдерживать себя. Дела идут из рук вон плохо. Шестого числа была ночная бомбардировка. Несколько бомб легли рядом с территорией лагеря, и залетевший осколок повредил силовую станцию установки. Энгеля едва не хватил удар. Мое второе путешествие в Десятигорье становится невозможным, пока не закончим ремонт, а он займет время. Берлин торопит, нервы у всех взвинчены до предела. Мы работаем днем и ночью. Враг уже на севере Эльзаса и вот-вот двинется на нас. Только бы нас успеть довести начатое дело до конца!

Беседы с фройляйн Дули многое мне объяснили. И главное — мне ясна поставленная задача. Я не слишком верю в мистику, но моя наставница весьма убедительна... Одно я понимаю ясно: судьба войны и Рейха зависит сейчас во многом от моих усилий. Всего-то нужно найти этого Вечного Жида, этого мага, который знает секрет воды жизни. И еще поразительно, что события в разных мирах развиваются так похоже...

24 октября 1944 года

Установка готова к работе. Энгель сказал, что этот запуск планировался вместе с союзницами из Ковена. Завтра я встречусь с самой Архиматерью, главой этого сообщества. Фройляйн Дули говорит, что встреча с ней необходима, только Архимать может снабдить меня силой, необходимой в поисках Джаримафи. Из Берлина пришло указание закончить эвакуацию к 20-му ноября. Бёме получил приказ организовать отправку человеческого материала в Освенцим, но Хаан просит его подождать — она все еще надеется получить, как она выражается, "изначальную субстанцию".

2 ноября 1944 года

Я был там! Я видел все своими глазами! Архимать говорила со мной, и я теперь могу выполнить свою миссию до конца.

Утром Энгель устроил совещание. Пришла секретная информация, что сегодня в восемь вечера английская авиация будет бомбить Страсбург, и среди целей значится наш объект. Поэтому будет задействован план "Курьер". Хаан, Шлегер и Данцигер уже получили приказ. Я пока остаюсь на "Объекте 43" вместе с Энгелем. Мой новый визит в Десятигорье отложен до возвращения научной группы. Энгель разрешил мне написать письма отцу и Хелене. Шлегер возьмет их с собой.

Мне страшно. Я не знаю, вернусь ли я обратно, сколько понадобится времени, чтобы заново смонтировать и запустить "Прямую линию", и будет ли она вообще работать? Если с установкой что-то случится, я навсегда останусь в Десятигорье. Может быть, это та цена, которую я должен заплатить за победу Рейха. Что ж, я готов. Пусть будет, что будет.

3 ноября 1944 года.

Катастрофа. Иначе это никак не назвать. Французские партизаны подстерегли научную группу на дороге в Сен-Лазар. Все убиты. Энгель готов лезть в петлю. Он уже сообщил Зиверсу о случившемся. Остается ждать реакции Берлина и молиться.

Состояние у всех подавленное. Пили и вспоминали наших товарищей. Наш проект обезглавлен. Без Евы, Климента и Отто нам не закончить работу, на которую возлагалось столько надежд.

6 ноября 1944 года.

Сегодня последний день моего пребывания в этом мире. Завтра в 6.00 я отправлюсь в путешествие, из которого, возможно, не будет возврата.

Но страха больше нет, есть только решимость довести свою работу до конца.

Если я погибну... Нет, не стоит думать о худшем варианте. У нас все получится. Мы немцы, мы раса гениев. Все будет хорошо.

Писать нет ни сил, ни желания. Коньяк уже не помогает, поэтому лягу спать пораньше. Да смилуется Бог надо мной!

Прости меня, отец.

Прости меня, Хелена.

Хайль Гитлер!

Заметки на последних двух страницах дневника были сделаны разными чернилами и не имели дат написания. Я сразу подумал, что Цоллер делал их через очень большие промежутки времени, и не ошибся.

Мы опоздали. Мой враг сумел ускользнуть. Он прятался в Лектуре под самым носом у меня — и все равно смог уйти. Дули говорит, ему некуда бежать, мы обязательно отправим его вслед за Артобеллой. Но я все равно готов рвать на себе волосы от бешенства. Записи Артобеллы уничтожены, все мои труды пошли прахом. Это все маги, эти проклятые маги! Однажды я рассчитаюсь с ними за все...

Но откуда он взялся здесь, этот пес?

И еще одна запись, последняя:

Наверное, это то, что могло бы сделать счастливым моего отца. Я всегда мечтал продолжить его дело. Впереди у меня вечность, дарованная мне ведьмами Ковена. У меня есть это имение, доходное предприятие, которое крепнет с каждым годом, и надежда, что в моем мире победа осталась за Рейхом. И еще вера, что однажды я снова вернусь в наше старое поместье близ Ганновера и войду в свою комнату, из которой ушел на войну апрельским утром тысяча девятьсот сорок второго года. Почти семьдесят лет назад. Я часто вижу эту комнату во сне. Сохранилась ли она?

Они бросили меня. Предали. И боль от этого предательства не пройдет никогда.

Тренькнул смарт. Я вытащил его из сумки и прочитал следующий месседж:

Задание "Проклятие" обновлено.

Узнай больше о Преследователе Ковена.

Я закрыл дневник и положил его на лавку перед собой. Заметил, что у меня дрожат пальцы. В доме было достаточно тепло, но меня знобило. Приготовленный Жанин глинтвейн остыл, я с жадностью выпил его в несколько глотков. Мысли, устроившие в моей бедной голове настоящую толкучку, начали понемногу проясняться. Сегодня я узнал очень важные вещи, но в моей задаче осталось предостаточно иксов и игреков.

Во-первых, как могло случиться такое, что я увидел во сне во всех деталях и подробностях операцию, в которой участвовал в 1944 году Андрей Кузнецов? Генетическая память? Скорее всего, других объяснений просто нет. Записи эсэсовца подтвердили, что мой сон не был простой игрой спящего разума. Все это было, все случилось именно так, как мне приснилось. А потом случилось все остальное — находка в квартире Кузнецова, встреча с Ильиным, переход между мирами. Невероятная, фантастическая цепь событий, в которую я оказался вовлечен.

Свеча погасла, выпустив струйку дыма. Я посмотрел на Окана — аптекарь растянулся на кровати и мирно посапывал во сне. Сегодня я увидел в его исполнении некоторые магические кунштюки. Если рядовой маг способен на такое, то чего ожидать от могущественных ведьм Ковена — да они меня в порошок сотрут, не напрягаясь! И потому непонятно, почему именно меня выбрали маги Санктура. Или же есть что-то такое, чего я еще не знаю?

И это видение в зеркале. Я по-прежнему отказывался верить увиденному. Но есть еще записи Цоллера, где упоминается ведьма по имени Элина. Черт, а может, у меня просто разыгралось воображение, и я поверил тому, что в принципе невозможно?

Так, минуточку, а магия возможна? Файерболлы и разверстая заклинанием земля, поглощающая врагов? Ведьма-оборотень, превращающаяся в мантикору? Бродячие мертвецы и воплощенные демоны? Нацистский Преследователь, проникший в этот мир благодаря непостижимому синтезу германской техники и германского же средневекового оккультизма? Пришелец из прошлого, которому должно быть за сто лет? Это все возможно?

Я тут за последние недели такого насмотрелся, что говорить о невероятности чего бы то ни было в этом мире просто смешно

— Милорд даже не притронулся к еде, — Жанин вывела меня из размышлений. — Вы хорошо себя чувствуете?

— Да, — я помотал головой точно человек, который никак не может избавиться от остатков неприятного сна. — Я в порядке. Спасибо за заботу. Я бы еще горячего вина выпил.

— Все вино кончилось, — Жанин смущенно улыбнулась. Когда она улыбалась, у нее на щеках появлялись очаровательные ямочки. — Очень жаль, я бы тоже выпила с вами.

— Тогда я посплю. — Я посмотрел вокруг себя и понял, что подвинуть сопящего Окана мне не удастся, поэтому придется лезть на чердак, чтобы найти место для ночлега. Глянул на улыбающуюся Жанин. — Да и вам поспать не мешало бы.

— Я не хочу спать.

— Можно один вопрос? Как вы оказались в "Яблочной Башне"?

— Я бы и сама хотела это знать, — по выражению глаз Жанин я понял, что она не врет.

— То есть, вы не помните, как туда попали?

— Не помню. Ничего не помню. — Жанин отвела взгляд. — Это как кошмар. Я даже объяснить вам ничего не могу.

— Но ведь вы уехали из Ланфрена вместе с магом по имени Борг, так ведь?

— Я помню, что была в Ланфрене. Отец хотел, чтобы я привела в порядок принадлежащий нашей семье старый дом. Я наводила там порядок, наняла работников, чтобы они починили крышу и вынесли из дома весь хлам. А потом темнота какая-то. До той минуты, когда я увидела вас, и вы сказали, что я дочь Майрона Гроу. И мне стало страшно. Очень страшно. Я испугалась, что с вами и со мной случится несчастье.

— Все это очень странно, — я взял ее за руку. — Не беспокойтесь, мадмемуазель. Все хорошо. Теперь мы обязательно вернемся к вашему отцу.

Миг спустя я пожалел о своей вольности — Жанин буквально кинулась мне на грудь.

— Умоляю, милорд, помогите мне! — зашептала она. — Я не знаю, что это такое, но мне очень плохо. Внутри меня будто живет что-то, и оно не дает мне покоя. Оно радуется, когда мне страшно, больно, одиноко, оно все время преследует меня. Я боюсь лечь спать, потому что знаю, что этот ужас придет ко мне во сне! Я знаю, вы необыкновенный человек, и у вас отважные спутники. Я очень хочу избавиться от живущего во мне страха. Вы ведь можете мне, да?

— "Конечно, помогу", — подумал я, но понял что не стоит давать таких радикальных обещаний и потому сказал: — Наверное, есть способ помочь вам, мадемуазель. У меня есть знакомый, он прекрасный маг. Уж он-то наверняка знает, как помочь вам.

— Вы такой добрый! — Она отстранилась от меня, глянула странно, исподлобья, и в полутьме глаза ее зажглись красными огоньками. — Но это вам уже не поможет.

Наверное, меня спас инстинкт самосохранения. Жанин — или то, во что она в одно мгновение превратилась, — прыгнула на меня, пытаясь вцепиться пальцами в горло, и ей бы это без всякого сомнения удалось (моя чудо-куртка была расстегнута, и шея была открыта), если бы я не успел отскочить назад и встретить одержимую красотку ударом обеих рук в грудь. Жанин отлетела назад и упала прямо на Окана. Я схватил свои мечи, вытянул Селенар из ножен, схватил Жанин за руку и буквально стянул ее с ошеломленного таким необычным пробуждением аптекаря. Жанин завывала, затряслась как бесноватая, и у меня екнуло сердце, когда я увидел, какие у нее появились клыки. Вот уж не знаю, смог бы я ударить ее мечом — скорее всего, смог бы, поскольку выбора у меня не было, — но Окан меня опередил. Он выбросил вперед обе руки, что-то выкрикнул, и сорвавшаяся с его пальцев магическая сеть в один миг спеленала нашу одержимую. Жанин билась в магической паутине, выла, рычала, клала зубы, выкрикивала самые мерзкие ругательства, но вырваться не могла. Наконец, она вроде как выбилась из сил и притихла, вытянувшись на полу.

— Я должен был это разглядеть, — сказал Окан, глядя на бесчувственную Жанин. — Но не разглядел. Это плохо.

— Да уж ничего хорошего, — согласился я, вытерев ладонью пот, заливающий мне глаза. — Она чуть не прокусила мне горло.

— Она Порченная, — замогильным тоном объявил присоединившийся к нам Джи Кей. — То же самое было с Альмарой. Мы должны отрубить ей голову, а тело сжечь.

— Нет! — категорически отказался я. — Старик у источника в Бэкуотере сказал, что если убить мага до конца лунного месяца, Жанин исцелится.

— Осталось всего два дня, — заметил Окан. — Очень мало времени.

— Я обещал отцу найти его дочь, — ответил я. — Я не могу нарушить слово.

— Такая дочь ему вряд ли нужна. Но это твой выбор. И как мы повезем ее дальше? Она опасна.

— У меня в седельных сумках есть веревка, — заявил Джи Кей. — Разорвать ее не под силу даже медведю.

— Хорошая идея, — одобрил я. — Давай ее сюда.

Джи Кей кивнул, вышел. Через пару минут он вернулся с волосяной веревкой в два пальца толщиной, и мы этой веревкой самым добросовестным образом связали руки и ноги Жанин. Теперь она даже пошевелиться не могла. Когда мы закончили, Окан снял заклинание. Светящаяся паутина исчезла, но Жанин в сознание не пришла. Мы с Джи Кеом затащили ее на кровать к неудовольствию мэтра Окана, который лишился возможности проспать остаток ночи с комфортом.

— Только не говори мне, что это любовь с твоей стороны, — заявил он мне, извлекая из своего мешка очередной ванильный сухарик. — Чтобы ее спасти, нужно найти Борга, а это не так просто.

— Мы найдем его и убьем, — ответил за меня Джи Кей.

— Мне нравятся кан, им лишь бы кого-нибудь прирезать, и они сразу счастливы, — буркнул аптекарь. — Но я, заberi вас демоны, хочу спать. И я буду спать, пока не высплюсь. До полудня или дольше. — Тут он внимательно посмотрел на меня. — Забыл спросить, что написано в книге, которую ты так усердно читал. Судя по тому, какие у тебя были при этом глаза, что-то не очень хорошее.

— Разное. Так что если ты передумал мне помогать...

— Я не из тех, кто останавливается на полдороги. И у меня в этом деле свой интерес.

— У каждого из нас свой интерес, — отозвался Джи Кей.

— Знаю. Перерезать этому сукиному сыну горло. Но вот что я вам скажу, господа — смерть Борга спасет эту девчонку. Однако мы никогда не узнаем рецепт его снадобья. Поэтому дайте мне всего пять минут поговорить с Боргом, если мы найдем его. А там уж делайте, что хотите.

Глава тринадцатая: "Красные Камни"

— Это старая история, и я слышал ее в разных пересказах, но суть одна — последним хозяином усадьбы "Красные Камни" был сэр Филеор Чирс, седьмой барон Холшем. — Окан покашлял в кулак. — В то время Вальзератом правил герцог Оттон, отец герцога Румальда Второго и дед ее высочества Ульрики-Индигерды. Суровый был человек, властный и совсем без симпатии относился к магии вообще и к магам в частности. А говорю я это потому, что про Филеора Чирса ходили разные темные слухи. Что там было правдой, а что нет, теперь доподлинно не узнать, но говаривали, будто последний владелец "Красных Камней" был черным колдуном. Говорят, уже в детстве будущий седьмой барон Холшем был нелюдимым и злобным. В юности Филеор Чирс участвовал в походе в Фарагию и побывал в Эсане, том самом городе, где некогда проявил себя Пророк и где до сей поры живут могущественные маги. Может быть, там молодой барон и познакомился с темным искусством фарагийских некромантов. Вернувшись из похода, молодой барон совсем перестал появляться на людях, что для человека светского и дворянина очень уж необычно. Скупал по всему Десятигорью старинные магические гримуары и платил за них очень щедро. Как раз в то время началась вторая война Двух Вершин, в ее разгар старый барон Холшем умер, и сэр Филеор стал новым владельцем замка. По слухам, состояла при бароне Филеоре придворным магом одна странная особа. Все об этом знали, но никто эту даму не видел, даже те из немногих знакомцев барона, кто в его поместье бывал. Никому ее сэр Филеор не показывал. Еще болтали, что эта женщина не только личный маг сэра Филеора, но и его любовница, единственный близкий ему человек, ибо семьи, законной жены и детей у седьмого барона Холшема никогда не было. И еще дошли до столицы слухи, что барон Чирс связался с бандой торговцев людьми в Монхэме и покупает у них живой товар, и что-то страшное с этими беднягами, а также со своими собственными вилланами, вызвавшими его гнев, творит. Герцогу Оттону обо всем этом доложили, и он вызвал сэра Филеора в столицу, чтобы получить объяснения и, если обвинения подтвердятся, предать его суду. Но герцогская грамота даже не успела отправиться в путь — вперед пришло известие, что в землях Чирса случился большой крестьянский бунт. Мол, доведенные лютой жестокостью Филеора Чирса и его поллюбовницы-ведьмы до отчаяния крестьяне во владении Холшем восстали, вооружились, захватили замок и убили мучителя. Герцога известие о восстании привело в ярость: он послал коронного судью с войском в земли Чирсов, чтобы подавить бунт. Судья Пэгман прибыл в земли Чирсов, похватал с полсотни смутьянов и начал допрашивать, да только арестованные крестьяне такое ему рассказали, что судья, известный на весь Вальзерат своей суровостью, отпустил задержанных и позже перед герцогом ходатайствовал о помиловании для всей общины Холшем, чем едва на себя самого герцогский гнев не навлек. Тела сэра Филеона и его магички так и не нашли, но с тех пор о Филеоре Чирсе никто не слышал, и замок "Красные Камни" стоит заброшенным уже пятьдесят шесть лет.

— И что, никому этот замок после смерти сэра Филеора не достался? — спросил я.

— Почему же, герцог Румальд Второй пожаловал замок своему фавориту, молодому

лорду Белору, но Белор спустя два дня умер от жестокой колики, якобы был отравлен. Потом замок отошел маркизам д'Арки, но и они даже не переступили порог "Красных Камней" — д'Арки-младший внезапно сошел с ума, вообразил себя обезьяной и голышом лазил по деревьям, а потом совершенно взбесился и задушил собственного отца. "Красные Камни" и раньше считался дурным местом, а после всех этих несчастий и вовсе не стало желающих его заполучить. Там уже давно никто не живет, люди стараются селиться от него подальше. Будь я чернокнижником, лучшего места для убежища не нашел бы.

— И почему ты раньше это все не рассказал? Я и не предполагал, что ты так осведомлен.

— Оказии не было. Да и нужды особой.

— Ну-ну, — проворчал я. — Из всех вас, господа маги, правду надо клещами тащить.

— Мне кажется, мы уже недалеко, — объявил Джи Кей, всматриваясь в горизонт. — Я вижу за лесом какие-то башни.

— Ну вот, мы почти приехали, — заявил Окан и ударил коня пятками.

Я посмотрел на Жанин, которую все эти часы вез поперек седла, как подстреленную коосулю. Наверняка это было очень неудобно, но девушка так и не пришла ни разу в сознание — видимо, Окан наложил на нее очень сильное заклятие. Оно и хорошо, мало приятного в том, чтобы общаться с одержимыми. А вот что будет, когда заклинание перестанет действовать? И вообще, смогу я снять с девчонки проклятие? Я поймал меня на мысли, что ради тридцати денариев, обещанных отцом Жанин, подвергаю себя огромному риску. В конце концов, я ничем не обязан кондитеру. Не проще было бы просто избавить бедняжку от мучений и...

Да нет, не смогу. Еще есть время до заката. А там будет видно.

Дорога пошла через густой, темный и сырой лес, где я почувствовал себя очень неуютно. Копыта коней выжимали из покрытой прелой прошлогодней листвой земли бурую вонючую воду, и я всерьез начал опасаться, не заедем ли мы в какое-нибудь непролазное болото, гибельную трясину, из которой не сможем выбраться. Впрочем, через какое-то время дорога пошла в гору, стала сухой, лес поредел, и между деревьями начали мелькать обгоревшие остатки деревянных строений и заборов. Здесь когда-то жили люди, а потом лес захватил эти земли. Что заставило местных жителей бросить свои дома и уйти, я не знал. Возможно, это были следы карательного похода, о котором только что рассказал Окан, а может, жители бежали отсюда в страхе перед неведомым злом, обосновавшемся в замке Чирса. Так или иначе, предчувствия у меня были самые нехорошие.

Наконец, лес кончился, и мы смогли увидеть поместье "Красные Камни" во всей красе — прямо впереди, на возвышающемся над равниной холме в паре километров от нас. Хоть замок и пустовал полвека, стены и башни из серого камня выглядели вполне прочными. Дорога вела прямо к воротам крепости, а по обочинам на крепких каменных столбах были подвешены на цепях ржавые клетки, вроде тех, в которых держат птиц. Клеток было много, наверное, несколько десятков: часть из них сорвались с цепей и лежали у дороги, еле различимые в высокой траве. И в каждой клетке был скелет. Некоторые костяки рассыпались в кучи иссохших темных костей, другие навечно замерли в самых причудливых позах, протягивая через ржавые решетки истлевшие руки.

— Жутковато, — сказал я. — Этот барон Чирс и в самом деле был кровожадным парнем.

— Может, то работа судьи Пэгмана, — возразил Джи Кей и добавил: — Айслинги даже

женщин и детей не пощадили. Кан бы не опустился до такого зверства.

Я хотел было спросить, каким образом Джи Кей определил, какие скелеты мужские, а какие женские или детские, но Окан сбил меня с мысли.

— Прибавим ходу, — предложил он.

Мы проехали по мосту — очень осторожно, поскольку в настиле зияли огромные дыры, и дубовые доски угрожающе скрипели под копытами, — и оказались у замковых ворот, перекрытых лишь покосившимся и проржавевшим герсом, так что мы смогли беспрепятственно въехать внутрь замка. Наше появление спугнуло стаи ворон, обсиравших стены, и они с недовольным карканьем принялись кружить над нашими головами.

Веселенькое местечко, мать его...

Мы остановили коней в центре внутреннего двора, у колодца под конической, похожей на большую китайскую шляпу крышей. Прямо перед нами был двухэтажный дворец хозяина, слева часовня, справа — четырехугольная башня-донжон, высотой метров пятнадцать с пешеходным мостом на арках и боевыми балконами. Двор был засыпан мусором, строения выглядели запущенными, камни покрывали пятна лишайника, в крышах зияли дыры. Тем не менее, ощущения ветхости эти постройки не вызывали.

— Примечательно, что в замке даже герцогского управляющего нет, — сказал Окан, спешиваясь. — По законам герцогства это выморочное имущество и принадлежит короне, но до сих пор...

— Тут недавно кто-то был, — сказал я. — Совсем недавно.

— С чего ты взял? — насторожился мэтр Зальбер.

— Ведро, — я показал на деревянное ведро для воды на парапете колодца. — Оно влажное. Кто-то совсем недавно черпал из колодца воду.

— Надо соблюдать осторожность, — Джи Кей обнажил кинжалы. — Я чувствую себя в этом дворе неудобно.

— Давайте войдем в дом, — предложил Окан.

Он поднялся по лестнице к дверям, толкнул их, и створки со скрипом разошлись. Мы вошли внутрь. Аптекарь активировал заклинание Света, и мы смогли осмотреться. Огромный холл некогда отличала изысканность и роскошь, но за минувшие годы все здесь пришло в упадок. Гобелены на стенах и ковры на каменном полу изъели моль и грибок, запыленная и рассохшаяся мебель потеряла цвет и блеск, оружие в пирамидах заржавело, остро пахло плесенью, сыростью и мышами.

— Пыль на полу лежит ровным слоем, — сказал я, осматриваясь по сторонам. — Сюда давно никто не входил. И камин уже много лет не топили.

— Значит, надо искать в донжоне, — ответил Окан. — Девушку оставим в холле, здесь она будет в безопасности.

— Скорее, это мы будем в безопасности, оставив ее тут, — поправил Джи Кей. — Но не будем медлить.

Вдвоем с Джи Кеем мы сняли Жанин с седла и внесли в дом. Одна из кушеток у стены выглядела достаточно прочной и чистой. Мы уложили на нее бесчувственную девушку и вышли во двор.

Вход в донжон перекрывала мощная окованная железом дверь, запертая на замок. Аптекарь достал зеленоватый кристалл и поднес к двери. Раздался лязг железа, и дверь отворилась.

— Ловко! — только и сказал я.

Нижний этаж донжона когда-то был складом, большая часть обширного помещения была заставлена ящиками и мешками: мешковина от времени прохудилась, бывшее в мешках зерно сгнило и превратилось в черную пыль. Аптекарь выразительно поднес палец к губам, а потом показал на люк у дальней стены склада.

Спустившись по лестнице, мы оказались в замковом подземелье, и здесь же некогда была тюрьма. Высеченные в скале камеры, забранные массивными железными решетками, были устроены по обе стороны от прохода. Все вокруг покрывали плесень и ржавчина. Здесь даже крысам было нечем поживиться. Мы дошли до двери в противоположном конце коридора — она оказалась открытой. За дверью оказалась вырубленная в камне лестница, ведущая в узкий низкий коридор. Окан послал вперед светящийся шар, чтобы осмотреть наш путь. Ничего подозрительного мы не заметили.

В дальнем конце коридора свет магического шара выхватил из темноты потемневшую дощатую дверь, окованную железной решеткой. За дверью начинался новый тоннель, уходящий с большим уклоном вглубь земли. Он оказался довольно длинным и таким низким, что пришлось согнуться едва ли не вдвое, и меня начала мучить клаустрофобия. Да уж, шахтера или спелеолога из меня определенно не получится! Я еще успел подумать, что мы нашли подземный ход, прорытый на случай осады, как Окан удивленно вскрикнул, и мы, выбравшись из тоннеля, увидели уж очень зловещую картину.

была не природная пещера — рукотворный чертог, огромный, скрытый в глубине скалы каземат со сводчатым потолком, опирающимся на восемь каменных колонн, к каждой из которых был привешен магический светильник. Их свет некогда заливал все помещение. Окан на ходу поджег их заклинанием, осветив весь чертог. Мы пришли в пыточную. Справа и слева от нас красовались изъеденные временем и ржавчиной, но от этого выглядевшие еще более зловещими орудия пыток — станки для растягивания, железные рамы с цепями для свежевания, дыбы, крючья для подвешивания, вмонтированные в потолок, жаровни для углей, столы с разложенным на них палаческим инструментом, большой котел на тагане, на стенках которого еще сохранились подтеки кипевшей в нем смолы. Украшением этой коллекции инструментов живодера была настоящая "железная дева": ее дверца была открыта, и усеивающие внутреннюю камеру острейшие шипы, казалось, стали красными от крови, а не от ржавчины. И хотя в подземелье было очень душно, я невольно поежился, разглядывая весь этот инструментарий. Дальше, в конце прохода между двумя рядами колонн, находилась каменная лестница, ведущая на помост в виде усеченной пирамиды высотой около трех метров, на котором стояла высеченная из угольно-черного жирно лоснящегося камня статуя человекоподобного существа с головой ящерицы и длинным хвостом. Станный идол был изображен в позе бегуна на старте — одна рука упиралась в пол, вторая указывала на глубокое жерло в камне перед статуей. Фигура поражала невероятным мастерством исполнения, можно было различить даже мельчайшие чешуйки на голове идола. Глаза статуи с вертикальными зрачками, сделанные из цветного камня, казались поразительно, до жути живыми.

— Ух ты! — Окан был явно взволнован. — Никогда не видел ничего подобного!

— Это мирк, — сказал Джи Кей и шумно вздохнул. — Это статуя мирка.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— В древних легендах моего народа говорится о незапамятных временах, когда наш мир был покрыт водой. Потом великие воды начали уходить, и обнажилась суша. Мирки могли жить и в воде, и на суше, поэтому они первыми вышли из первозданных Вод и владели

миром от Мрачных до Руатских гор до того, как на великие равнины пришел народ Шен-Шен.

— Ты раньше видел что-то подобное? — осведомился Окан.

— Нет, только слышал от стариков о таких идолах. Их можно встретить в самых древних святилищах. Во времена, когда весь континент принадлежал моему народу, наши предки почитали мирков, считали их Прародителями.

Я хотел что-то спросить у Джи Кея, но тут ощутил звон в ушах, да такой сильный, будто кто-то совсем рядом коснулся целой связки бронзовых колокольчиков. Окан разинул рот — верно, он тоже услышал этот звук.

— Этого не может быть! — воскликнул он. Поспешно вытащил из своей сумки уже знакомый мне зеленоватый кристалл и поднес к идолу. Кристалл немедленно засветился неярким зеленым свечением. — Он живой! Да будь я проклят, он живой!

— Преследователь, — услышал я странно звучащий негромкий голос, — ты Преследователь, я знаю.

— Оно... говорит! — вскрикнул я. — О, черт!

— Не бойся, Преследователь, — вновь зазвучал голос. — Я не причиню зла. У меня есть много слов для тебя.

— Мэтр Зальбер, Джи Кей, он хочет говорить со мной! — Я невольно сделал шаг назад, пятясь от статуи.

— Я тоже слышу это... — Окан замолк, потому что идол повернул голову и посмотрел ему прямо в лицо. Джи Кей охнул. Я почувствовал, что покрываюсь потом.

— Три человека не слуги черного мага, — сказала статуя. — Три человека враги мага и пришли разгадать тайну. Черный маг хотел знать, но ничего не нашел.

— Ты о Бorge говоришь? — спросил я.

— Я не запоминаю человеческие имена. Но ты — Преследователь. Я почувствовал это. Нам должно говорить.

— Хорошо, говори, — я вполне пришел в себя и был готов продолжать этот поразительный диалог. — Кто ты?

— Пленник. Я должен рассказать. Слушай меня, Преследователь, и пусть мои слова лягут на твое сердце...

***

— Древность. Великая древность. Так давно, что никто не может даже сказать, было это на самом деле, или только приснилось богам в их снах. В начале времени Вечные строили мир из огня, ветра, и камня, но в нем не было жизни. Пустой и мрачный мир, где черное небо беспрестанно пронизывали молнии, а по земле ползли реки огня. И Вечные поняли, что не хватает четвертой стихии, без которой жизнь не может зародиться — воды. Они создали великие воды, которые покрыли землю и погасили бушующее пламя. Прошли века, и из взаимодействия Четырех начал и Духа Созидания возникла жизнь. В водах Великого океана она затеплилась и обрела силу. А потом Вечные создали нас. Они хотели, чтобы мы следили за нарождающейся жизнью и хранили ее. Наш народ жил в Первозданных водах много, много тысячелетий. Но однажды пришел час, и великие воды спали. Мы первыми вышли из бескрайнего моря и ступили на вершину Двуглавой горы — первой свободной от вод суши в

Десятигорье.

было великое время. Вечные даровали нам силу созидания, которую вы называете магия. Мы знали секрет воды. Мы были хранителями вечных источников. Вечные любили то, что мы делаем. Они благословили нас. Мы ухаживали за новым миром, и это было хорошо. был красивый мир, полный жизни и гармонии. Мы радовались, глядя на шумящие бескрайние леса, на прекрасных животных и птиц, которые жили бок о бок с нами. В этом мире не было зла. Да, животные охотились друг на друга, но только потому, что такова была их природа и ради потребности в пище. Мы называем это время Эпохой Первой Жизни.

Уже тогда проявился наш враг — существа из мира, скрывающегося рядом с нашим, которых вы называете демонами. В их мире не было воды, и на его безжизненных равнинах возвышались лишь раскаленные каменные шпильи, а воздух был полон огня и пепла. Демоны были чуждой расой, они ненавидели нас, завидовали нам и жаждали завладеть нашим миром, но мы знали все уловки нашего врага и держали врата миров надежно запертыми. Ни силой, ни хитростью враги не могли проникнуть через эти врата.

Новая эпоха началась, когда в наш мир пришли люди. Мы не знали, кто их создал — наверное, Вечные. Наши маги говорили, что люди пришли из далеких мрачных и холодных земель за горами. Они были слабые и глупые, эти первые люди. Они бродили по земле стадами, ничего не умели и всего боялись. Страх перед всем на свете был их главным чувством. Они боялись ночи и грозы, ветра и огня. Всего боялись. И еще, они всегда хотели есть. Их постоянно мучили холод и голод. Они ели сырое мясо и падаль, собирали червяков и корни водяных растений, спали на голой земле и постоянно дрались между собой насмерть из-за добычи. Маги говорили, это плохо, но мы не должны за это убивать людей. Мы должны учить их стать лучше.

Мы стали заботиться о людях. Делали им подсказки, как и что лучше сделать. Мы дали им Знание. Научили их строить дома и выращивать растения, приручать животных и обрабатывать камень и металл. Мы дали им огонь и письмена. Люди быстро учились, и это было хорошо. Они стали почитать нас. Они боялись и уважали нас. Век проходил за веком, и наша власть была незыблема...

Между тем люди становились умнее и умнее. Малое дитя выросло, возмужало, и люди хотеть жить своим умом. Они построили большие города, их стало много. Десятигорье стало землей людей. Мы были не против. Мы радовались, что люди стали такими умными.

Я не знаю, где мы совершили ошибку. Мы забыли о темном животном начале в человеке, не искоренили его. Мы полагали, что чем мудрее станет человек, тем дальше он будет уходить от своей животной природы, но мы ошиблись.

Люди начали задавать себе трудные вопросы. Их интересовало, как устроен мир, какое место они сами занимают в мире, что ждет их после смерти, и как обрести могущество, равное могуществу богов. Они хотели научиться управлять природой и познать самих себя. Они хотели разгадать тайну жизни и смерти. Им было мало того знания, которое они уже обрели. Мы говорили им, что это плохо, что овладение запретными знаниями не дадут им счастья. Но они были упорны. Они обманом узнали наши секреты, прочитали наши древние тексты, которые мы легкомысленно высекали на каменных плитах. Люди познали магию, и золотой век кончился. А главное — они, как и на дикой заре человечества, враждовали между собой. Они враждовали из-за пищи, из-за женщин, из-за земли, из-за различий в языке, вере или обычаях, и эта вражда возвращала их в то животное состояние, из которого мы их с таким трудом пытались вывести тысячелетиями. Самое страшное было в том, что

люди почувствовали вкус крови и начали убивать не из необходимости добыть пищу или защитить себя, а ради удовольствия.

Однажды люди пришли на вершину Двуглавой горы — в место, откуда пошла жизнь. Там били источники, которые некогда поили животворной водой все Десятигорье. Они называли эту воду Абсолютной водой. Люди думали, эта вода сделает их равными Вечным. Хранители источников пытались остановить их, и люди убили хранителей. Оскверненная кровью хранителей вода изменилась, перестала быть водой Жизни, потому что Вечные разгневались на людей за их алчность и жестокость, за темные желания, которые помutilили их разум. Но и наш Золотой век подошел к концу. Мы больше не могли жить вечно, потому что наша Сила была связана с источниками. Наше время кончилось.

Мы видели, как магия все больше и больше уродовала мир, в который мы вложили столько сил и стараний. Потом пришла болезнь магов, расплата за скверну, которую породило человеческое легкомыслие. Но самое страшное случилось потом. Я уже говорил тебе, что рядом с нашим миром есть темный мир демонов, которые всегда быть нашими врагами. Демоны не могли победить нас, но они сумели соблазнить людей обещаниями всезнания и всемогущества. Они научили людей запретной магии смерти, которая открыла демонам дорогу в этот мир. Демоны научились проникать в тела людей — так пришла гиблая чума. И мы все умерли бы, если бы не Пророк, который вернул Первозданной воде силу и открыл своему ученику секрет воды Жизни. Но люди убили Пророка. Они утратили разум и продолжали творить злое дело. Маги стали воевать друг с другом, и это еще больше уродовало мир.

Так пришли последние времена для моего народа. Когда погибал родник, оскверненный темной магией, вместе с ним погибал и один из нас. Источник, у которого вы стоите, оставался один из последних, но и ему суждено было исчезнуть. Некогда сюда пришли маг и Преследователь, которые искали мой источник. В их душе был свет, и я дал им Знание, то, что я передаю тебе. Они ушли, унося мой секрет с собой. После них здесь побывал Преследователь, призванный ведьмами Ковена. Он был человеком, но душа его была подобна душе демона. Он ушел ни с чем.

— Послушай, как звали того, первого Преследователя? — не удержался я. — Ведь ты знаешь его имя, правда?

— Я говорил тебе, что не запоминаю человеческих имен. Но я чувствую силу крови. Тот Преследователь и ты одной крови, это очевидно.

— Какой секрет ты им открыл?

— Тайну, которую мой народ хранил от сотворения мира. Тайну источников, некогда напивавших Десятигорье жизнью. Маги не ведают ее. Они призвали тебя найти ученика пророка и выдать им его. Маги хотят узнать тайну Изначальной воды. Они знают о постигшей их каре, они охвачены ужасом и предчувствуют свою гибель. Этого же хочет чародей, прислужник демонов, который нашел убежище в этих руинах. Он много раз приходил сюда и пытался войти в мое сознание, но это ему не дано. Им всем никогда не узнать этой тайны.

— Почему же?

— Потому что в них нет света. Маги считают себя великими мудрецами, знакомыми со всеми тайнами этого мира, в своей гордыне желают уподобиться Вечным, но в сути своей остались такими же дикими и жалкими существами, как их древние звероподобные предки. Они не смогут правильно распорядиться наследием Пророка, это выше их разума. Или ты

хочешь, чтобы последние Изначальные воды стали гибельным ядом?

— Как я могу помочь тебе?

— Ты мне не поможешь. Я никогда не стану прежним. Некогда этим замком владел человек, который призвал к себе темную ведьму, и она хотела завладеть водой моего источника. Я сделал так, что воды ушли вглубь земли. Чтобы вернуть воды обратно, владелец замка по совету ведьмы превратил мое святилище в пыточную, где зверски мучили безвинных людей. Ведьма знала, что мы не можем равнодушно наблюдать за страданиями живых существ и решила, что я верну воды источника обратно. Они оставляли измученных пытками людей на орудиях, чтобы я мог видеть их мучения. Я нашел способ помочь несчастным, не возвращая воду в родник — каждую ночь я вызывал из источника туман, который оседал каплями на своде чертога, и эти капли падали на страдальцев, исцеляя их. Ведьма так и не заполучила воду моего источника. Потом восстал народ, уставший от зверств лорда-колдуна, захватил замок и убил владельца замка и служившую ему ведьму. Но я больше не мог покинуть это святилище — мое тело, лишенное живительной силы источника, превратилось в уголь, я стал узником собственной оболочки. Я утратил свою силу и навсегда остался у пересохшего источника.

— Разве тебя это не пугает?

Нет, Преследователь. Я знаю, что придет час, когда я вновь обрету себя, погрузившись в Изначальные воды. Я долго ждал встречи с тобой, и вот, эта встреча случилась. Теперь дух мой спокоен, даже мертвые тени прошлого больше не пугают меня. Я знаю, что есть надежда. Найди ученика Пророка только он укажет тебе истинный источник. Все остальное обман. И прошу тебя, скажи ученику, когда встретишь его, что мы в чертогах богов благословляем его имя и имя его Учителя. Помни, Преследователь, только ты можешь защитить его от зла, которое уже стоит у межмирных врат.

— Где мне его искать?

— Этого никто не знает. У тебя есть лишь один способ встретиться с ним — пусть слух, который пройдет о тебе по землям людей будет таковым, что ученик сам захочет встретиться с тобой....

Голос в моей голове замолк. Я расценил это, как окончание беседы, которая, впрочем, больше походила на монолог, и решил прояснить у идола, а что же я такое должен совершить, чтобы обо мне, как он выразился, "прошел слух", но тут камень у меня под ногами задрожал. Раздались гулкие удары из-под земли, будто в глубине кто-то мерно и медленно бил в колоссальный барабан.

— Землетрясение! — воскликнул я.

По угольному идолу побежала сеточка трещин. Поразительно живой взгляд статуи еще раз пересекся с моим, а потом она рассыпалась за несколько мгновений. На возвышении осталась лишь кучка угольной пыли.

Времени размышлять над тем, что случилось с идолом, не было — в подземелье из туннеля ворвался густой яростный звук боевого рога. Неведомый часовой поднимал мертвое население замка на битву с нами.

Я какое-то время — наверное, совсем недолго, несколько секунд, — простоял в оцепенении, глядя на рассыпанный на возвышении черный порошок, оставшийся от идола, потом обернулся, и совсем не вовремя — меня ослепила ярчайшая вспышка, будто кто-то прямо в глаза сработал фотоблицем. Когда ослепление прошло, я увидел, что Окан и Джи Кей отбиваются от трех непонятно откуда появившихся скелетов в лохмотьях. Останки

четвертого рассыпались по полу между колоннами.

Понятное дело, я бросился им на помощь. Добежал до поля боя как раз в тот момент, когда Джи Кей, подняв обеими руками одну из жаровен, швырнул ее в кощеев, сбив двоих из них. Третий насадил на Окана: я с размаху треснул его мечом по черепу, и чудище осыпалось на пол кучей высохших мослов. Между тем праздновать победу было рано — из туннеля, которым мы пришли в каземат, со стуком и костяным щелканьем выбралось еще несколько оживших скелетов, причем эти были вооружены ржавыми мечами и палицами.

Окан уже восстановил магическую силу и атаковал кощеев огненным шаром, однако огонь почти не причинил им вреда. Взрывом у одного из скелетов оторвало голову, но он и без черепа чувствовал себя вполне боеспособным и продолжал размахивать своим мечом. Джи Кей подхватил один из тяжелых бронзовых канделябров, стоявших по сторонам книжного шкафа. Это оружие оказалось куда эффективнее его кинжалов, в несколько секунд молодой кан так разделал одного из нападавших, что нас осыпало костяной пылью. Я рукоятью Селенара двинул в зубы костяному парню с палицей, который пер прямо на меня — скелет попятился назад, и я взмахом клинка снес ему голову. Оставив обезглавленного кощея кружить на месте, я поспешил на помощь Окану, которого прижали к колонне два трупа. Одного из них я ударил мечом в плечо, разрубив грудную клетку, и скелет развалился. Второй развернулся в мою сторону и занес меч для удара, но Окан поднял телекинезом тяжелый табурет и сбил у кощея голову этим табуретом. Два обезглавленных скелета наткнулись друг на друга, обменялись обоюдными ударами, и на полу двумя кучами костей стало больше.

Еще один оживший мертвец, вооруженный булавой и треугольным щитом, вылез из туннеля, но нас было трое против одного, и мы с ним быстро разделались.

— Дубовая ветвь и жаворонок, герб Чирсов, — заявил Окан, посмотрев на щит. — Стражники замка восстали из мертвых.

— Меня это совсем не радует, — сказал я.

— Надо уходить отсюда, — предложил Джи Кей.

— Отсюда есть другой выход? — Я огляделся по сторонам: уж очень мне не хотелось сражаться с восставшими мертвецами в низком тесном и темном туннеле.

— Нет.

— Плохо, — резюмировал я, ныряя вслед за Джи Кеем в туннель.

В замковой тюрьме нас встретили еще четыре неживых защитника замка. Окан атаковал их цепной молнией, которая буквально расщепила иссохшие кости. Дальше мы выбрались в донжон, и я уже было вздохнул с облегчением, но тут шедшего впереди Окана какая-то необъяснимая сила отбросила прямо нас нас, сбив с ног. А потом я услышал, как Джи Кей взвыл от ярости — он первым выскочил из донжона и сразу узнал человека, стоявшего на башне прямо перед нами.

— Борг! — завопил он.

— Ты знаешь мое имя, а я твоего не знаю, кан, — ответил маг. Он выглядел намного моложе, чем я ожидал — на вид лет двадцать пять. Эдакий красавчик, покоритель женских сердец, длинноволосый блондин с наглыми глазами и злой улыбкой. — Буду вспоминать тебя, как безымянного покойника. И твоих спутников тоже. Но сначала хочу узнать, какого демона вы делаете в моем замке.

— Рано хвалишься, Борг, — Окан, тяжело дыша и шатаясь, выбрался из донжона и встал на мосту рядом с нами. — Разговор только начался.

— Хочешь схватки, друид? — Борг перестал улыбаться. — Так получи!

Так уж вышло, что оба мага выкрикнули заклинания одновременно, и посланные ими друг в друга молнии столкнулись на полпути к целям. И грянул такой взрыв, что ударная волна сбила меня с ног, а грохот взрыва совершенно оглушил. Когда ко мне вернулась способность воспринимать реальность, я увидел совершенно фантастическую картину — Борг и Окан, окруженные мерцающим защитным полем, швырялись друг в друга огненными и электрическими шарами, сгустками Силы, похожими на огромные разноцветные амебы, а в темнеющем небе над местом схватки двух магов (и над моей головой, соответственно!) клубилась темно-серая, искрящаяся электричеством туча, которая, казалось, вот-вот прольется на нас градом испепеляющих молний. В воздухе сильно запахло окалиной и озоном.

Наверное, мы с Джи Кеем еще долго бы смотрели на этот магический пинг-понг, но на площади появилось несколько вооруженных кощеев, выбравшихся из донжона про нашу душу. У одного из них был арбалет, и пущенный из этого арбалета болт пролетел мимо меня и угодил в ногу Окану. Друид с криком боли упал на одно колено: защитное поле вокруг него распалось. Борг тут же атаковал нашего друга новым заклинанием — поймал его в огромный прозрачный пузырь, и Окан оказался в положении невольного зорбонавта.

Джи Кей бросился вперед, к лестнице, ведущей на стену. Однако чародей атаковал его заклинанием Невидимого Кулака, и бедняга кан, отброшенный сильнейшим ударом, ударился спиной в стену донжона и упал лицом вниз, совершенно ошеломленный и парализованный болью.

— А этот малый мне незнаком, — тут Борг посмотрел на меня. — Слишком хорошо вооружен для бродяги-приключенца.

Я встретился с чернокнижником взглядом и понял, что живым отсюда не уйду. Оно и понятно — меня окружили сразу четыре кощея. Те костяки, что атаковали нас в пыточном подземелье, были совершенно истлевшими, на этих сохранились части кольчужных и кожаных доспехов и остатки иссохшей плоти, что делало их особенно страшными и отвратительными на вид. У одного из кощеев отличный стальной шишак с бармицей и переносом был нахлобучен на башку, у второго с черепа свисали остатки белоснежных волос и бороды. Вряд ли эти нежити желают моей смерти меньше, чем Езекия Борг. А со стороны донжона к нам ковыляли еще скелетины в лохмотьях, вооруженные самым разным оружием. Один даже держал потемневшее от грязи и изодранное знамя с уже знакомым мне гербом — жаворонок над дубовой ветвью.

— Какого черта! — крикнул я, все еще пытаюсь решить дело миром. — Если ты и впрямь Борг, то я приехал к тебе. У меня поручение от Клемана из Бэкуотера.

— Не только поручение. Еще и девка, которую я оставил на ферме у Озрека. — Борг скрестил руки на груди. — Клеман нашел любопытного посыльного. Что вас в нем удивляет, Этьен?

— Куртка из драконовой кожжжжи и мечи Торна, гошшшшподин, — прошипел кощей в шлеме. — Хорошшший подарок моему лорду.

— Этот чужак ваш, Этьен, и кан тоже, — ответил Борн. — А с магом я еще позабавлюсь.

развел руки — верно, собирался прочитать какое-то заклинание чтобы лишить меня жизни, но не успел этого сделать. Я уже упоминал про тучу, которая клубилась над замком прямо над нашими головами. Так вот, туча разродилась таки нехилой молнией, которая с

оглушительным треском ударила в донжон. По всем законам физики эта молния должна была испепелить нас — но почему-то не убила, больше того, пузырь, в который Борг заключил Окана, разлетелся светящимися искрами, а окруживших меня кощеев посбивало с ног, как кегли в боулинге. Надо было видеть физиономию Борга в ту секунду, когда Окан достал его заклинанием Обращения в камень. Не опасаясь больше магической атаки с башни, я напал на кощеев и первым делом обрубил кисти рук скелету, вооруженному самострелом. Седоволосый кощей попытался достать меня ударом моргенштерна, но я разгадал его атаку, ушел от удара и махнул Солером, как заправский палач. Череп твари со стуком упал на каменные плиты двора. А тут и Джи Кей подоспел на выручку — ударом ноги сбил наземь скелета в шлеме и крикнул:

— За мной!

Я бросился за ним, таща хромающего Окана за руку, и вовремя — за нашими спинами с грохотом разорвался файерболл, обдав нас жаром и осыпав искрами и костяной пылью, оставшейся от попавших под огненный удар скелетов. Влетели в дверь дворца, которую Джи Кей тут же замкнул на засов.

Какое-то время мы пытались отдышаться и прийти в себя. В холле было очень темно, и пришлось подождать, пока глаза не привыкнут к темноте. А потом нас ждал сюрприз, и не скажу, что приятный.

Жанин в холле не было. Она исчезла.

Я хорошо помнил, на какой из кушеток мы оставили бесчувственную Жанин. Саму кушетку мы с Джи Кеем определили в баррикаду, и на полу осталось большое свободное от пыли прямоугольное пятно. Так вот, там лежала спутанная веревка. Та самая, которой была связана Жанин.

— Джи Кей! — Я замахал воину рукой. — Тссс!

Надо было видеть выражение лица Джи Кея, когда я показал ему на веревку.

— Она не могла сама развязаться, — запинаясь, вымолвил молодой кан. — Никак.

— Однако развязалась. — Я присел на корточки рассматривая пол. — А вот и следы. Первые — это следы самой Жанин, явно женские, ножка маленькая. А эти мужские, большие. Смотри, они идут от двери — кто-то подошел к Жанин со стороны входа. Так что ты прав — не сама она развязалась. Ее освободили. И случилось это, думаю, в то время, когда мы были в подземелье донжона. А вот уже ее следы. И ведут они... — Я посмотрел вглубь зала и увидел в дальней левой его части вход в подвал. И как мы его раньше не заметили.

Мой смарт тренькнул и выдал следующее сообщение:

Задание "Исчезновение" обновлено.

Поговори с Жанин Гроу.

И еще один месседж, который я не прочитал вовремя — скорее всего, в горячке боя просто не услышал сигнала:

Задание "Проклятие" обновлено.

Узнай рецепт эликсира Борга.

Активные задания:

Задание "Ведьмы".

Задание "Друиды".

Задание "Друг Трибунала"

Задание "Друг свободных магов"

***

Отлично, наконец-то мы на правильном пути! Столько времени потеряли напрасно...

Даже начатый Боргом и его мертвым воинством приступ не мог омрачить нашей эйфории от такой находки. Под акомпанемент гулких свирепых ударов в дверь мы на цыпочках, как три забравшихся в чужой дом грабителя, быстренько пробежали к подвалу. Дверь оказалась незапертой. Мы скользнули внутрь, Окан тут же активировал заклинание Света, Джи Кей припер тяжелой балкой дверь. Помещение, в котором мы оказались, было кухней и кладовой одновременно. Пройдя его, мы оказались в винном погребе, а за ним открылась еще одна кладовая с большими цистернами для воды. Здесь Окан попросил передышки.

— Нога болит, — пояснил он. — Меня бесит этот чертов болт.

Окану очень сильно повезло: попавший в бедро болт не повредил бедренную артерию, иначе наш друг давно бы истек кровью, и никакая магия не спасла бы. Кость тоже оказалась не задетой. Короче, я держал Окана, а Джи Кей вытащил болт. После этого Окан залил рану эликсиром из своего мешка и сам перевязал ее.

Джи Кей протянул мне фляжку. Я сделал глоток и едва не задохнулся — напиток во фляжке был чудовищной крепости.

— Зурка, — пояснил Джи Кей. — Водка из сладкого тростника.

— Дай мне, — потребовал Окан и тоже приложился к фляжке.

— Не слишком ли мы беспечны? — спросил я. — Для Борга и его кадавров двери в холл слишком слабое препятствие.

— Резонное замечание. — согласился Окан, вставая с помощью Джи Кея на ноги. — Мы сделали много глупостей, а сейчас делаем еще одну. Идем по следу одержимой, которую непонятно кто освободил.

— Есть варианты? — спросил я.

— Нет, пожалуй. Только держите оружие наготове, а то красотка прыгнет на нас из темноты.

Опасения Окана не оправдались — Жанин мы в подвале не встретили. Потные, запыхавшиеся, облепленные паутиной, которая висела повсюду целыми занавесями, мы добрались до не приметной деревянной двери — за ней оказался подземный ход. Когда мы прошли по нему метров десять, Окан заклинанием обвалил вход. Путь обратно нам был отрезан, но и наши преследователи теперь не смогли бы догнать нас этой дорогой.

— Теперь можно вздохнуть спокойно, — заявил маг. — Борг и его свора нас точно не догонят.

— И Жанин спасти нам не удастся, — резюмировал я со вздохом. — Плакала моя награда.

— Так ты ради денег вызвался ее спасать? — скривился мэтр Зальбер. — Я-то думал...

— Чего ты думал? — рассердился я. — Меньше думай, больше делай.

ход вывел нас в анфиладу небольших природных пещер, а уже оттуда мы, наконец-то, выбрались в лунную и тихую ночь. Темная громада замка "Красные Камни" нависала над холмом позади нас, а прямо перед нами открывалась узкая дорога с холма в сторону леса.

Идти быстро мы не могли, так что Джи Кей, придерживая Окана, двинулся вперед, а я с оружием наготове следовал в арьергарде. Шли впотьмах, и потому дорогу приходилось выбирать с великой осторожностью. Через какое-то время Окан попросил о привале.

— Надо разобраться, куда мы идем, — сказал он, усаживаясь на поваленное дерево.

— У меня есть карта, — я достал карту из сумки. — Только темновато тут для чтения.

Окан молча достал из сумки бутылочку, глотнул из нее и предложил нам сделать по глотку. Это была уже знакомая мне микстура дозорного. Через некоторое время мы смогли читать карту во всех подробностях.

— Борг сказал, что мы вышли с западной стороны холма, а на запад от замка "Красные Камни" лес тянется на несколько миль по обе стороны от тракта, — сказал я. — То есть, мы сейчас идем туда, откуда пришли в замок.

— Ты удивительно догадлив, эрл Сандер, — заметил Окан, и по его тону было непонятно, издевается он надо мной, или говорит серьезно. — И на дорогу нам выходить ни в коем случае нельзя, потому что наши мертвые друзья рыщут сейчас по ней, как стая голодных волков. А вот в лес они не сунутся, магия леса враждебна им. Так что идем через лес.

— Это ведь чертовски далеко.

— Не больше пяти миль, если по прямой. — Окан посмотрел на звездное небо. — Вон Небесное Око, а запад, стало быть, там. К утру доберемся до лесного домика.

— Всегда мечтал о ночной прогулке по лесу, — заявил Джи Кей.

Возразить было нечего. Дождавшись, когда наш друид отдохнет, мы двинулись дальше. Я подумал, что до утра мы вряд ли доберемся до человеческого жилья и вообще до места, где можно поесть, сменить мокрую одежду и отдохнуть в тепле. Если бы не разговор в подземелье с окаменевшим мирком, как назвал его Джи Кей, наш поход в "Красные Камни" окончился бы полным фиаско. Рецепт зелья Борга не узнали, Жанин не спасли, лошадей потеряли и сами едва унесли ноги (унесли ли, ночь еще не закончилась!). Меня морозило, я чувствовал себя уставшим и несчастным, ужасно хотелось есть и спать.

— Джи Кей, — спросил я, — у тебя осталась еще водка? Нет? Плохо, я бы сейчас выпил. И поел бы.

— Да, хорошее жаркое было бы сейчас кстати, — согласился со мной Джи Кей. — Я даже на краюху хлеба согласен.

Окан громко запыхтел, остановился, скинул с плеча мешок и долго рылся в его глубинах, а потом вручил мне и Джи Кею по сдобной, посыпанной маком лепешке.

— Больше ничего нет! — заявил он.

Признаться, я оценил его жертву. И сразу вцепился в лепешку зубами. Так и съел ее на ходу. И даже недовольное ворчание друида за нашими спинами не испортило мне аппетит.

— Вы слышите? — Джи Кей остановился, прислушался. — Что это?

Я не слышал ничего, кроме шума ветра и шелеста листьев на деревьях, но мне почему-то стало жутко. Молодой кан опустился на колени, приложил ухо к земле.

— Земля гудит, — заявил он. — Не к добру это все.

— А вот и причина, — Окан показал на группу странных уродливых окруженных плотным клочковатым туманом деревьев впереди нас. — Адова Пасть, вот что это.

Мы сделали несколько шагов вперед и остановились. Маг вытащил из сумки кристалл — теперь он светился красным.

— Вот так да! — воскликнул он. — Это переход на Тропы Посвященных, и открыт он не так давно. Отличная находка, я бы сказал.

— Да? — спросил я. — И что в нем отличного?

— Нам не придется совершать многомильный поход по лесу, дорогой эрл Сандер. Если я не ошибся, мы сможем выйти в нужную нам точку пространства. Но сначала нужно будет разблокировать защиту портала. Мне нужно немного времени. Не отвлекайте меня, господа.

Маг раскинул в стороны руки, что-то заговорил нараспев, и вокруг нас появилось множество светляков — они окружили нас настоящим облаком, что твоя мошка в летний вечер на болоте. А потом светляки опустились на траву, заключив нас в светящуюся окружность, и погасли. Туман начал редеть, стало заметно светлее. Между деревьями зазмеились искры, и появился колеблющийся световой занавес. В воздухе появился резкий запах озона.

— Можно входить! — крикнул Окан. — По одному.

Джи Кей не заставил себя упрашивать, вошел в портал первым — и исчез. Я не сразу решился: чувство было такое, будто заряженный пистолет к башке приставляешь. Но вошел и обнаружил, что стою в тускло освещенном сводчатом подземелье, окруженный книжными шкафами, столами, заставленными алхимическими приборами и резко пахнущими связками трав, привешенных к балкам потолка.

Из ниоткуда появился Окан, вполне довольный собой.

— Превосходно! — провозгласил он, подняв руки к потолку. — Мы прошли прямо в мою лабораторию! Лучшего исхода дела я и представить не мог.

— Это получается, мы в Донкастере? — спросил я, несколько ошарашенный таким поворотом событий.

— Именно. Дом, милый дом! Лечение и отдых — вот что мне сейчас нужно. Да и вам господа, не помешало бы отдохнуть. Могу порекомендовать гостиницу "Ключи и звезды", она в двух кварталах отсюда.

— Нет, мы пойдем в "Добрый покой", — сказал я. — Я так и не попробовал стряпню дядюшки Париса.

— Я с тобой, айслинг, — вызвался Джи Кей.

— Лошадей потеряли, задание не выполнили, Борг жив, а девушка стала вампиром, и мне от души жаль несчастного Майрона Гроу. — вздохнул я. — Пойдем, Джи Кей. выпьем. А то у меня до сих пор поджилки трясутся.

Глава четырнадцатая: Бутылочка из белого стекла

***

Никогда не понимал выражения "чувствовать себя, как побитая собака". А вот теперь понимаю. И чем больше времени проходит, тем острее я чувствую, как же пролетел в "Красных Камнях". И что самое противное — поезд ушел, ничего не исправишь. Остается только лежать на кровати, задрав ноги на спинку и называть себя лузером.

Пойдем по списку: Жанин Гроу я не помог. Проклятый колдун жив и здоров, так что чары не разрушены. Девушка теперь навечно останется одержимой, превратится в конце концов в нежить, и в этом есть частичка моей вины. Тридцать денариев награды, на которые я так рассчитывал, не попадут в мой карман, а ведь мне через четыре дня отдавать долг оружейнику Ансельмо. В банке Гуффера, куда я заходил, мне выдали только восемь денариев, нужны еще двенадцать. Где взять, ума не приложу. Разве что идти к Неллеру или Эдерли на поклон, брать очередную работенку, но опять же не успеваю. Да и не хочу видеть этих людей. Но Бог с ними, с деньгами, девчонку жалко. И отца ее тоже.

Пункт второй — я снова остался без лошади. Бедняга Брес остался в "Красных Камнях" и я не думаю, что ожившие мертвецы в замке задали ему сена и напоили водичкой. Скорее всего, сожрали бедолагу. Лишившись коня, я добирался от Донкастера на повозке, и опять потратил лишний день.

Пункт третий — я не узнал рецепт Борга. Словом, все просто отлично. Небо синее солнышко светит, птички поют, и я в полном дерьме.

Единственное утешение — это найденная мной информация о Цоллере. Но я пока не представляю, как ее можно использовать.

Сообщений я больше не получал, а это значит, что все мои задания оказались в подвешенном состоянии, я не продвинулся в их выполнении ни на йоту. И самое противное, я не знаю, что делать. А время идет. Мне все время вспоминался сон про Ленку. Очень горько думать, что я доставил своим близким, своим любимым людям столько боли. Но с другой стороны, был ли у меня выбор?

Хватит посыпать башку пеплом. Надо найти себе занятие. Мы с Оканом еще не закончили наши дела. Маг подтвердил, что ему по-прежнему важно заполучить рецепт зелья Борга. И Джи Кей сказал на прощание, что пока останется в Донкастере, в гостинице "Добрый покой", где будет ждать известий от меня.

— Пока Борг жив, покоя мне не будет, — добавил он, — Если ты не присоединишься ко мне, я сам его убью.

Что я мог ему сказать? Что Борг вряд ли будет ждать нашего возвращения в "Красных Камнях", и найти его теперь будет нелегко? А тут еще и зловещий призрак Цоллера маячит на горизонте. И ведьмы, которые за ним стоят. Сдюжим ли?

После "Яблочной Башни" и заброшенного замка Чирсов самоуверенности у меня сильно поубавилось. Мы унесли ноги только благодаря мэтру Зальберу, и никакие супер-пупер мечи и драконовые куртки не спасли бы меня и Джи Кея, не будь с нами друида. Правда, я

разжился сувениром — дневником эсэсовца. Уже второй нацистский артефакт в моей коллекции: первым был контейнер, который я нашел у Цельса в Монсальвате. Наверняка отравы, бывшая в этом контейнере, и была той самой "субстанцией", о которой написано в дневнике нациста.

Так, а контейнер с бутылочкой был у мэтра Вендо. И Цельс украл его, причем по приказу Эдерли.

Эдерли, получается, мог интересоваться именно этим контейнером, так?

Ах ты, мать твою чирлидерша!

Вот и подсказка, которую я так долго искал, подумал я, бегая по комнате и подбирая разбросанную одежду. Это то, до чего я сам дотукал. А остальное мне объяснит Эдерли, потому что я очень-очень попрошу его это сделать.

***

Дверь башни Сакре-Муклен была как всегда заперта. Но я был настойчив и колотил в дверь так, что собаки в окрестных дворах недовольно залаяли. И Эдерли сдался.

— Какого демона? — Голос говорившего за запертой дверью волшебника дрожал от ярости. — Если не открывают, значит, никого не хотят видеть, да-да, никого!

— Это я, Эдерли. Открой дверь.

— А-а, пришли просить прощения за свою гордыню? А может, уже поздно?

— Есть разговор. Очень важный. Так что открывай, если не хочешь, чтобы я выломал дверь.

— Вы мне угрожаете, эрл Сандер? Мы не прощаем тех, кто смеет нам угрожать.

— Ты неясно расслышал? Открой дверь, иначе я поеду к Неллеру и кое-что ему расскажу о тебе. Ручаюсь, старику это совсем не понравится.

На этот раз гневных речей не последовало. С полминуты было тихо, а потом я услышал лязг засова. Дверь открылась, и Эдерли встал передо мной, уперев руки в бока.

— Говорите, с чем пришли, — заявил он.

— Не здесь. Не люблю говорить на пороге.

Эдерли презрительно фыркнул, но все же предложил идти за ним.

— Итак, — начал он, но я не дал ему говорить. Молча, без предупреждения врезал ему прямой правой в челюсть. Эдерли грянулся навзничь. Не давая магу опомниться, я навалился на него всем телом, рванул плетеный шнур, открывающий гардину, сорвав при этом эту самую гардину вместе с карнизом, этим шнуром обмотал Эдерли и заткнул ему рот его же кожаной перчаткой. Теперь маг не то что заклинание прочитать — слова не мог вымолвить, и только пучил на меня полные ужаса и боли глаза.

— Это была первая часть Мерлезонского балета, вводная, — сказал я, поднявшись на ноги. Обнажил меч, придвинул один из стульев и уселся напротив Эдерли. — Переходим ко второй, доверительно-разговорной. Поскольку говорить ты не можешь, будешь отвечать на мои вопросы только "Да" или "Нет". Опускаешь веки — ответ положительный, не опускаешь — отрицательный. Я понятно говорю?

Эдерли замотал головой, промычал что-то и несколько раз поморгал. Начало беседы было положено.

— Начнем с предыстории, — заговорил я. — Я долго не мог понять, какого дьявола вам

от меня нужно, пока не вспомнил один эпизод нашей самой первой встречи. Это когда ты показывал мне чертежи своих биомеханических устройств и болтал о Железном Джоне, который принесет тебе славу великого мага и кучу бабосов. Помнишь?

Эдерли усердно заморгал. Я усмехнулся.

— Ты тогда сболтнул лишнего, — продолжил я. — Решил, что я полный дебил, захотел порисоваться передо мной своей ученостью. "Как нам оживить идеального солдата, эрл Сандер? Некромантия не годится, да-да, эрл Сандер. Нужно другое средство, эрл Сандер." А вот какое? И поскольку эрл Сандер не является законченным идиотом, кое-какие мысли на этот счет пришли ему в голову. Сказать, какие?

Эдерли заморгал. Он, похоже, решил, что убивать я его не стану, и теперь смотрел на меня с любопытством.

— Скажу тебе честно, Эдерли, я никогда бы не догадался, что именно ты затеял, если бы не один ночной разговор, который я поневоле вел в Ланфрене. Разговор с воплощенным демоном, Эдерли. Так уж случилось, что незадолго до моего визита в Ланфрен там побывал один ушлый парень по имени Езекия Борг. Продал местным жителям разные микстурки собственного изготовления. Нет идей, что случилось после?

На этот раз Эдерли не моргнул. А вот его взгляд стал холодным и злым.

— Можно не отвечать, мне и так все понятно, — я подался вперед, опершись на обнаженный меч. — Я знаю, что Борг заключил с демонами сделку в обмен на исцеление от чумы магов. И теперь он, ради собственных интересов или по заданию неведомых сил, бродит по Десятигорью и вселяет демонов в тех бедняг, которые имели несчастье выпить его отраву. А ведь демона можно вселить не только в человека или животное. В Железного Джона работы мастера Эдерли, верно? И продать его за огромные деньги. Я правильно все понимаю?

Эдерли не моргнул. Если бы он мог убить меня взглядом, я был бы уже десять раз мертв.

— Так что ты солгал мне, когда сказал, что не знаешь Езекию Борга, — продолжил я. — Ты не мог не знать о нем, потому что о делишках Борга наверняка известно в Трибунале, а ты в нем не последний человек. Если Борг безнаказанно творит свои дела в Десятигорье, это означает только одно — у него есть очень влиятельные покровители. Уж не Трибунал ли? А может, Борг купил себе индульгенцию, заключив сделку не только с демонами, но и с тобой, а в твоём лице — со всем Трибуналом? Ну же, Эдерли, признайся, что это так!

Маг начал извиваться, трясти головой и мычать, пытаясь освободиться из пут, но я крепко его связал. К тому же, чтобы Эдерли не особо усердствовал, я приставил к его горлу острие меча.

— Не надо дергаться, — предупредил я. — И еще я знаю, что не ты был нужен Боргу, а Борг тебе. Он опытейший маг, настоящий мастер. А ты так, подмастерье на понтах. Борг не стал бы при тебе мальчиком на побегушках, как это ничтожество Цельс. Однако такая сделка была выгодна вам обоим. Борг получал возможность спокойно продолжать свои исследования, а ты взамен получал кое-какие его наработки. Видишь, я обо многом догадался.

Эдерли зашипел в перчатку. Физиономия у него стала багровой, зенки полезли из орбит.

— Договоримся так, волшебник, — сказал я, глядя Эдерли в глаза, — или ты скажешь мне правду, или я перережу тебе глотку. Выбирай.

Эдерли глазами показал на торчащую у него изо рта крагу перчатки. Я понял.

— Где гарантия, что ты не попытаешься колдовать? Имей в виду, реакция у меня

хорошая.

Маг вновь показал глазами на перчатку. Я решил рискнуть.

— Хорошо, — я встал на колени рядом с Эдерли, приставил лезвие меча к его кадыку и вытянул перчатку изо рта мага. Пришлось подождать, пока мой приятель прокашляется и отплюется. — Теперь говори.

— Я ошибся... — прохрипел он. — Принял тебя... за дурака.

— Я тебя прощаю. Что ты узнал от Борга?

— Он... сам нашел меня. Сказал, что находится на пути к великому открытию... попросил помочь.

— Замолвить словечко в Трибунале за него?

— Да. Сказал, что... иначе попросит о помощи ведьм или друидов. Я ему не поверил, но... кто знает, что было у этого мерзавца на уме.

— И ты предложил ему сделку — неприкосновенность в обмен на рецепт эликсира?

— У него тогда не было готового рецепта. Он...экспериментировал.

— Поил своим дерьмом ни в чем не повинных людей?

— У него не получалось. Конечные свойства эликсира зависят...уфф... от главного ингредиента. И он искал варианты.

— Искал уцелевшие источники мирков? Или субстанцию Черного Ордена?

— Да, ты... многое знаешь!

— Много, но хочу знать еще больше.

— Мы знали, что друиды, как и Санктур, ищут средство от гиблой чумы. Я... договорился с Цельсом, чтобы он добыл это средство. Нужны были... гарантии. Я хотел... полностью контролировать процесс изготовления моих воинов.

— Цельс прокололся в Монсальвате, выморил целый город, и ты послал меня выручать его. Это я помню. Но мы сейчас о Борге говорим.

— Он... прислал мне письмо.

— Где это письмо?

— Сначала поклянись, что не убьешь меня.

— Больно ты мне нужен! Где письмо?

— Сначала поклянись!

— Черт с тобой, клянусь!

— Хорошо. Оно в шкатулке на полке со свитками. Ключ у меня в нагрудном кармане.

— Прекрасно, — я снова запихал перчатку Эдерли в пасть, вытащил ключ и направился к полке, поглядывая на притихшего мага боковым зрением. Нашел на полке ларчик из кованого железа и отпер замок. В ларчике оказались деньги и перевязанный шнурком свиток. Я развернул его и прочитал следующее:

"Ты выполнил свое обещание, и это радует. Теперь я могу работать в общих интересах, зная, что ищейки из Трибунала не сядут мне на хвост. Ты просил рецепт — вот он. Ингредиентов у меня нет, ищи их сам. Остаток обусловленной платы буду ждать в гостинице "Железный грифон" на дороге из Эттбро в Лотремон до конца этого месяца. Твой человек должен приехать один и без оружия. Если обманешь меня, пожалеешь. Не ищи меня, я сам тебя найду."

Подписи не было, но я не сомневался, что письмо написано Боргом. Ниже текста

пергамент был испещрен странными знаками, напоминающими египетские иероглифы — фигурки животных и людей соседствовали с астрологическими знаками, изображениями огня, воды, звезд и деревьев. Я подумал, что это шифр, и в следующее мгновение мой смартфон впервые за последние три дня подал голос и порадовал меня следующим сообщением:

Задание "Проклятие" обновлено.

Узнай больше о Преследователе Ковена.

Найди того, кто сможет расшифровать рецепт эликсира Борга.

— Сегодня твой счастливый день, Эдерли, — сказал я, пряча бумагу в сумку. — Ты вел себя хорошо, поэтому третьей части балета, членовредительской, не будет. Я шел сюда с намерением прирезать тебя, как свинью, но ты сумел вернуть мне любовь к людям, даже таким гнилым, как ты. Да еще и клятва, а своего слова я не нарушаю. Я так понимаю, что человек, который должен был отвезти Боргу деньги — это я? Можешь не отвечать, я догадался, что таково было одно из моих заданий. Что ж, засим откланиваюсь и оставляю тебя живым и невредимым. Вот, — я взял со стола хлебный нож и положил в паре метров от волшебника. — При известной сноровке ты сумеешь сам освободиться. И хочу сразу предупредить тебя: задумаешь мне мстить, пожалеешь — я сделаю так, что письмо Борга попадет к Неллеру. И про Цельса и его фокусы старик тоже узнает. Так что не буди лиха, пока спит тихо. Адьос, мучачо!

Я покинул башню Сакре-Мулен в отличном расположении духа. Вот как быстро все в жизни меняется — еще час назад я пребывал в унынии, а теперь готов горы своротить! План действий уже готов: возвращаюсь в гостиницу, обедаю, беру напрокат какую-нибудь лошадь и еду в Донкастер к мэтру Зальберу Окану — я даже не сомневался, что он сможет разобраться с зашифрованным рецептом.

Трактирщик Абель распекал молоденькую подавальщицу, когда я вошел в холл.

— Вина! — крикнул я. — И обед в комнату!

— Милорд, я прошу прощения, — трактирщик шагнул мне наперерез и склонился в глубоком поклоне. — Я очень виноват, недосмотрел.

— В чем виноват? — не понял я. — Чего недосмотрел?

— Письмо, милорд. Его принесли, пока вы отсутствовали.

— Какое еще письмо?

— Вот оно, — трактирщик вручил мне большой квадратный конверт из серой плотной бумаги, запечатанный пятью красными сургучными печатями. На поверхности конверта были заметны жирные пятнышки.

— Изольда коснулась пакета жирными пальцами, милорд, — тут же пояснил Абель.

Теперь понятно, почему он ее ругал. Я махнул рукой, сломал печати и прочитал письмо — всего три строки, написанных безупречным каллиграфическим почерком, с завитушками и надстрочными знаками:

"Господин, называющий себя эрлом Сандером Стормом, приглашается ждя беседы в замок Вальзерат в пятницу, в 6 часов вечера."

Опаньки! Вот это поворот! Похоже, моя персона привлекла внимание очень больших людей. Вот только знать бы, к добру это или к худу...

— Мэтр Абель, кто принес это письмо? — спросил я.

— Жезлоносец магистрата в сопровождении двух стражников, милорд, — ответил трактирщик. — Я еще подумал...

— У вас можно взять напрокат лошадь? — перебил я его.

— В конюшне есть чалая кобыла, но она не очень резвая.

— Меня устроит. И приготовьте мне что-нибудь в дорогу. Бутерброды, пирог, бутылку вина. Я уезжаю в Донкастер.

***

Мэтр Зальберт был очень удивлен. И обрадован.

— Где... где ты это взял? — наконец, вымолвил он, оторвав взгляд от пергамента.

— У одного старого знакомого. Оказалось, что он знаком с Боргом, более того, сумел заполучить этот рецепт. Странно, не так ли?

— Очень странно, — согласился Окан. — Честно сказать, я сомневаюсь, что Борг поделился рецептом своего эликсира с другим магом. Волшебники свято хранят свои секреты. Если Борг пошел на сделку с этим твоим знакомцем, у него на то были очень серьезные причины. Или этот рецепт — фальшивка.

— Полагаешь, Борг схитрил?

— Мы узнаем это очень скоро. Мне уже приходилось видеть подобный шифр. Это беррейская алхимическая тайнопись, некогда ей пользовались маги Санктура. Думаю, я смогу расшифровать текст, но мне нужно время. Скажем, две недели.

— Прекрасно. Тогда удачи и до встречи.

— Ты торопишься куда-то?

— Мне нужно в Данмут. Кто-то в Вальзератском замке хочет побеседовать со мной.

— Это может быть ловушка, — забеспокоился Окан. — Тебе не следует туда ехать.

— Я должен.

— Ты отважен и глуп. Что ж, желаю удачи.

Мой смарт издал веселую трель. Я вытащил его и прочитал новое сообщение:

Задание "Проклятие" обновлено.

Узнай больше о Преследователе Ковена.

Вернись к мэтру Окану через две недели.

— Вот видишь, — я показал аптекарю сообщение, — мои небесные покровители знают, что со мной ничего не случится. Так что не беспокойся обо мне.

— И все равно, возьми-ка на всякий случай, — мэтр Зальбер протянул мне маленькую бутылочку, запечатанную сургучной пробкой. — Это зелье временной невидимости. Поможет сбежать, если возникнет угроза. Однако помни, что собак твоя невидимость не обманет, они все равно тебя почуют.

— Спасибо, Зальбер.

— Джи Кей заходил и спрашивал про тебя. — Аптекарь улыбнулся. — Чем-то ты этого кана заинтересовал.

— Тем, что мы с ним постоянно попадаем в какие-то переделки. То он меня спасает, то я его. Он все еще в Донкастере?

— Да, и вроде никуда не собирается уезжать.

— Отлично. Вернусь из Данмута, встречу с ним. Я пойду.

— Насчет пояса из змеиной кожи. Скоро тебе назначат встречу. Жди.

— Буду ждать, — ответил я и направился к выходу.

В Данмут я приехал рано утром в пятницу. До назначенного времени оставалось несколько часов, так что я, сняв номер в гостинице, занялся собой и своим платьем. А заодно плотно пообедал — кто знает, может следующий раз мне придется есть тюремную похлебку в каземате Вальзератского замка? Но не будем думать о плохом, все будет отлично. Ничего противозаконного я не совершил. Почти ничего — ну, побил Эдерли немножко, так вряд ли маг успел бы на меня настучать, приглашение в Вальзерат я получил сразу после разговора с поганцем.

Так что все хорошо, сэр Сандер Сорм, пэр и семнадцатый барон Россарт.

От гостиницы, где я остановился, до ворот Вальзератского замка, было не больше пяти минут ходьбы, так что лошадь я оставил на конюшне и отправился в замок пешком. В воротах меня встретила стража — увидев письмо, стражники тут же с самым любезным видом пропустили меня в замок и пожелали хорошего дня. За воротами меня встретил пышно одетый господин с нарумяненным лицом и великолепными, закрученными кверху усами — оказывается, он ждал именно меня. В это мгновение начали бить большие куранты на надвратной башне замка.

— Вы сама пунктуальность, сэр, — заявил усач и повел меня в замок.

Уже в огромном и роскошно отделанном холле замка, когда за моей спиной стража закрыла высокие позолоченные двери, я ощутил новый приступ страха — мне вдруг показалось, что дороги назад уже не будет. Но я быстро взял себя в руки. Усач предложил мне подняться по широкой парадной лестнице, а сам с поклоном удалился в одну из боковых комнат. Я прошел два пролета мимо застывших неподвижно стражников в золоченных доспехах и с бердышами в руках, и поднялся на второй этаж, где меня ожидал другой слуга, чопорный, седой, сухой, прямой как черенок лопаты, в лиловой одежде и с жезлом в руке.

— Милорд Сандер Сорм, эрл Россарт? — осведомился он ледяным тоном.

— Да, это я.

— Я Жакен д'Амберак, секретарь ее высочества герцогини. Напоминаю вам, что вы имеете право входить в тронный зал с оружием, однако вам запрещено обнажать его в присутствии ее высочества. Согласно статье 210 Высочайшего Уложения о дозволенном и надлежащем, обнажение оружия в присутствии преставителей правящего дома Герцогства Вальзерат приравнивается к государственной измене и наказывается смертью.

— Я понимаю, сударь.

— Превосходно. Прошу следовать за мной.

Секретарь шествовал впереди, манерно отставив руку с жезлом, я следовал за ним. Мы прошли через анфиладу комнат и остановились у больших двустворчатых дверей. Секретарь трижды стукнул в нее своим жезлом, и двери отворились. Мы вошли в тронный зал.

Сам трон был пока пуст. Справа и слева от него стояли два десятка пышно одетых придворных, которые с любопытством уставились на меня. Я кивнул им и получил легкие учтивые поклоны в ответ. Впрочем, лица у этих расфуфыренных павлинов остались каменными, я понял, что ко мне они не испытывают ни малейшей симпатии. Однако на суд это не похоже — уже хорошо. Подождем, что будет дальше...

Едва мы обменялись любезностями, как боковая дверь в зал открылась, в нее вошел

человек в роскошном платье и шляпе с плюмажем, ударил посохом в пол и провозгласил:

— Ее высочество, августейшая герцогиня Вальзератская, хранительница веры и порядка, источник благоденствия и милосердия!

Мы склонились в глубоких поклонах. А потом послышался звонкий женский голос:

— Это и есть человек, называющий себя бароном Стормом?

Я поднял глаза и увидел сидевшую на троне полную белокурую женщину лет сорока с выпуклыми голубыми глазами и двойным подбородком. Женщина была облачена в бирюзовое расшитое золотом бие, на лбу сверкала драгоценными камнями диадема. Однако короны на герцогине не было, и никаких регалий она в руках не держала. Это означало, что этот прием не является официальным. Оно и понятно — ради такой незначительной особы, как я, герцогиня Ульрика-Индигерда не стала бы надевать герцогскую корону. Слева от герцогини уселся ее шут, пучеглазый карлик в красной одежде и колпаке с кисточками: в руках он держал палку с лошадиной головой и игрушечную саблю. Справа от трона стоял низенький беловолосый старичок в черном со сверкающим драгоценными камнями орденом на груди. Видимо, какой-то знатный царедворец.

— Именно так, ваша светлость, — сказал он, отвечая на вопрос герцогини. — Это он.

— Подойдите ближе, сударь, — велела мне герцогиня.

Я сделал несколько шагов и остановился.

— Вам известно, почему вас пригласили в замок Вальзерат? — спросила Ульрика-Индигерда.

— Нет, ваша светлость, — ответил я совершенно искренне. — Я получил письмо и...

— Разумеется, этот молодой человек не знает, почему заинтересовал столь высоких особ, — перебил меня старичок с орденом. — А стоило бы узнать. Вы истинно сын Джернона Сторма, шестнадцатого барона Россарта и пэра Орандура?

— Да, сударь, это так.

— У вас есть какие-либо доказательства вашего высокого происхождения?

— Если вы говорите о грамотах или других документах, у меня их нет, сударь.

— Тогда откуда вы знаете, что являетесь младшим сыном барона Сторма?

— Со слов отца Дроммарда, капеллана барона.

— Вы ссылаетесь на свидетельство человека, который не может быть допрошен по вашему делу, — ответил старик. — Отец Дроммард скончался месяц назад.

— Мне очень жаль это слышать, — сказал я совершенно искренне.

— Получается, что у вас нет никаких доказательств вашего благородного происхождения, — продолжал старик в черном, — тем не менее вы путешествуете по Вальзерату и представляетесь носителем славной фамилии, требуя к себе соответствующего отношения. Вы знаете, что это преступление?

— Милорд, до сих пор у меня были все основания считать себя наследником фамилии Сторм, — ответил я. — Когда я покинул монастырь Грейвул, у меня было рекомендательное письмо, амулет матери и фамильный кинжал дома Стормов. Однако случилось так, что все эти реликвии были похищены.

— Фамильные реликвии, та-та-та-та! — Шут вскочил со своего места, оседлал свою "лошадь" и начал скакать вокруг меня, размахивая саблей. — У меня есть конь и меч! Я барон, мать вашу! А еще я умею делать так, — и дурак громко пукнул, отчего в мою сторону пошла волна зловония.

Герцогиня засмеялась, и придворные подобострастно похватили этот смех. Если она

смеется над такими шутками, значит, дура набитая. Что ж, попробуем поговорить на ее языке.

— Это все, конечно, очень смешно, ваша светлость, — сказал я, помахав у лица ладонью. — Но я не собираюсь поступать так, как ваш шут. Не стану рвать задницу, пытаюсь доказать свою знатность.

Ответом мне была тишина, а потом герцогиня даже не засмеялась — захохотала в голос. И придворные опять поспешили присоединиться к ней.

— А у вас острый язык, сударь мой, — сказала Ульрика-Индигерда, переводя дыхание. — Но по сути дела вам нечего сказать, не так ли?

— Нечего, ваша светлость.

— Тогда вам стоит знать, что у нас есть свидетельства того, что вы самозванец, — сказал старик в черном, — и самозванец очень опасный. Что вы скажете в свою защиту?

— А кто представил вам эти свидетельства? — спокойно спросил я. — Пьерен Сорм, который выставил меня бастардом, стремясь лишиться наследства? Так по завещанию отца я его лишен. Пьерен получил то, чего хотел. Я не претендую на титул и деньги дома Сормов, пусть успокоится. Или у меня есть другие враги, о которых я должен знать?

— У вас много врагов, сэр, — заявил старик. — Поэтому у нас возникли вопросы.

— Не пугайте молодого человека, канцлер, — вмешалась герцогиня. — А то он еще подумает, что мы тоже настроены к нему враждебно.

— Я не смею так думать, ваше высочество, — сказал я с поклоном. — Но с некоторыми свидетельствами против меня я бы охотно познакомился.

— Вас обвиняют в сговоре с магами-ренегатами и черной волшбе, которая выморила жителей славного города Монсальват, — произнес канцлер.

— Я не удивлен этому, сударь. И знаю, кто меня в этом обвинил — некто Абенезер Цельс. Человек, которому я спас жизнь по просьбе одного достойного человека, хотя он является вором, укравшим чужие зелья, и виновником той самой эпидемии, в которой он смеет обвинять меня. Что же до сговора с ренегатами, то скажу вам прямо — я был готов пойти на сговор с кем угодно, чтобы остановить заразу и спасти уцелевших жителей от бродячих мертвецов, которые по ночам атаковали их лагерь.

— Бродячие мертвецы, оооо! — пропищал шут. — Это страшнее бродячих пердунов.

— У вас есть доказательства ваших слов? — осведомился канцлер.

— Только одно, милорд — Абенезера Цельса нет в этом зале. Думаю, этот трус не рискнул бы повторить свои наветы, глядя мне в глаза.

— Хорошо сказано, порви меня демоны! — выдал шут.

— Помолчи, Коко, — сказала герцогиня. — Однако, барон Сорм, до нас дошли другие слухи. Нам сообщают, что вы совершили ряд преступлений в землях барона Белзона Кадуорса. Не имея на то никаких прав, вы выдали себя за герцогского посланника. Вас обвиняют в занятиях запрещенной магией, в том, что вы напустили на земли Кадуорса демонскую стаю. Вы виновны в гибели нескольких наших подданных, а главное, духовного лица, служителя Вечных. Это очень серьезные обвинения. Можете что-либо сказать в свое оправдание?

— Я догадываюсь, кто может меня обвинять, и поэтому промолчу, ваша светлость, — ответил я. — Не хочу компрометировать даму. Я могу подробно описать все, что случилось во владениях барона Кадуорса, но это не моя тайна, поэтому на моих устах печать молчания. Скажу лишь, что все эти обвинения — наглая ложь, с первого слова до последнего.

— Вот как? Вы не хотите свидетельствовать в свое оправдание?

— Да, ваша светлость.

— На ваше счастье — или несчастье, — здесь присутствует конюший барона Каудорса, мессир Лука Фрезон, который привез ответ барона на наш запрос о вас, — сказала герцогиня. — Прошу вас, мессир.

Чернобородый мужчина в расшитом серебром камзоле шагнул к трону, поклонился герцогине, извлек из сумки запечатанный свиток, сломал печати и развернул его. Я почувствовал, что мне не хватает воздуха.

— "Сим свидетельствую, — читал Фрезон, — что молодой дворянин, именующий себя Сандером Стормом, сыном барона Джернона Сторма, оказал мне неоценимые услуги в частном деле, связанном с событиями страшными и сверхъестественными, происходившими в моих владениях. Объявляю, что вышеозначенный юноша Сандер Сторм проявил себя, как в высшей степени благородный человек и воин, чем заслужил мою признательность, награду и особое расположение. Писано в десятый день месяца Зарниц и собственноручно подписью и печатями барона Белзона Кадуорса, шестнадцатого барона Орвика, скреплено."

По залу прошел удивленный шепот. У меня отлегло от сердца. Барон Кадуорс оказался Человеком с большой буквы. Поклеп его бывшей женушки не сработал.

— Что скажете? — спросила герцогиня.

— Что правда и справедливость всегда торжествуют, ваша светлость, — ответил я.

— Мне все больше и больше нравится этот пройдоха! — воскликнул шут.

— У вас талант выходить сухим из воды, — сказал канцлер, вцепившись в меня взглядом. — Однако главное обвинение против вас никем не опровергнуто. Обвинение в том, что вы незаконно присвоили себе баронский титул, являясь при этом человеком подлого происхождения.

— Я думаю, что его преподобие аббат Ульфилла, настоятель Грейвульского монастыря, и мессир Брен Неллер, ректор школы военных капелланов в Донкастере, могли бы замолвить за меня слово. Но я не вижу их в этом зале. Единственным доказательством моего знакомства с милордом Неллером может служить подаренный им меч Солер, который сейчас при мне, однако я понимаю, что нужны более веские аргументы. Так что мне нечего ответить вам, милорд. Простите, если разочаровал вас.

— Вы ошибаетесь, юноша! — Неллер вошел в зал из соседней комнаты, поприветствовал меня кивком, и я поклонился в ответ. — Я здесь, и вижу, что не ошибся в вас.

— Вы так уверенно говорите, мессир Брен, что я подозреваю — вы привезли нам неопровержимые доказательства в пользу этого юноши, — сказала герцогиня.

— Ваша светлость, я знал барона Джернона Сторма. Мы были друзьями. И я был бы слеп, как крот, если бы не заметил сходства между Стормом-старшим и этим молодым человеком. Причем не только внешнего.

— Кажется, я многое поняла, — произнесла герцогиня. — Господа, оставьте нас наедине с сэром Сандером.

— Вы... шутите, ваша светлость? — Канцлер аж рот открыл от изумления.

— Нисколько. Подождите за дверью. И ты, Коко, ступай.... Господин канцлер, пошлите за лордом Крамером и господином Жакеном. Я хочу их видеть.

Придворные, кланяясь и шепчась, выскользнули из зала, оставив нас с герцогиней с

глазу на глаз. Это была очень странная минута. Наверное, я смотрел герцогине Вальзератской в глаза и пытался понять, о чем она думает. И герцогиня наверняка пыталась сделать то же самое.

— И что теперь? — внезапно спросила герцогиня.

— Ваша светлость? — не понял я.

— Что нам теперь с вами делать, юноша? Слишком много уважаемых людей свидетельствуют в вашу пользу. — Герцогиня перестала улыбаться. — Вы говорите и ведете себя, как знатный человек. Мы оценили вашу прямооту, вашу искренность и ваше мужество. Если и были какие-то сомнения в вас, они рассеялись. Но теперь мы не знаем, как поступить с вами. Не хотите что-нибудь сказать напоследок?

— Предоставляете мне последнее слово, ваша светлость? — Сердце у меня рухнуло в пятки, но я постарался сохранить спокойствие и невозмутимость. — Если я поблагодарю вас за ваше внимание ко мне и приглашение в Вальзератский замок, вы сочтете меня трусом и подхалимом. Если попрошу о прощении и снисхождении, брошу тень на достойных людей, которые выступили на моей стороне. Так что мое положение очень щекотливое. Право, мне лучше ничего не говорить.

— Вы невежливы, сударь. Могли бы хоть что-нибудь сказать. Ведь мы с вами вдвоем, и наш разговор никто не услышит.

— Ну разве только то, что вам, ваша светлость, идет голубой цвет. И вам следует иногда пороть вашего шута, потому что от его шуток временами разит сортиром. Я бы порол.

Герцогиня улыбнулась, откинулась на спинку трона и крикнула:

— Пусть войдут придворные! — велела герцогиня.

Зал наполнился людьми. Лица у всех были сосредоточенные, напряженные. Я понял, что сейчас решится моя дальнейшая судьба.

— Лорд Крамер!

В тронный зал размашистой походкой вошел человек лет тридцати, облаченный в одежду из тончайшей черной кожи и в черном бархатном плече с вышитым золотом коронованным львом на плече. Он поклонился герцогине, бросил на меня быстрый изучающий взгляд и встал рядом.

— Господин Жакен!

Уже знакомый мне лиловый старичок приблизился к герцогине. На этот раз жезла у него не было, в руках он держал свиток и прибор для письма.

— Вы подготовили приказ? — спросила герцогиня.

— Да, ваша светлость, — с поклоном ответил Жакен.

— Прочтите, — велела Ульрика-Индигерда.

— "Мы, Ульрика-Индигерда де Сассен-Деррик, милостью Вечных и по праву наследования великая герцогиня Вальзерата, хранительница веры и порядка, источник благоденствия и милосердия, выслушали дело человека, называющего себя Сандером Стормом, младшим сыном барона Джернона Сторма, пэра и шестнадцатого барона Россарта, и, пользуясь нашим правом суда над подданными нашими, равно как и над подданными прочих государей, совершивших свои деяния на землях Вальзерата, приняли решение:

— По требованию барона Пьерена Сторма из Орандура признать вышеозначенного Сандера Сторма самозванцем и выдать его Пьерену Сторму..."

— Отказать! — провозгласила герцогиня. — Впишите в рескрипт.

— Слово ее высочества! — воскликнул старикашка и с самым торжественным видом

выполнил приказ герцогини.

— Вот, сэ́р Сандер, мы приняли решение, — сказала герцогиня, когда смолкли аплодисменты придворных. — Отныне Вальзерат берет вас под свое покровительство. Лорд Крамер, подарите мне ваш кинжал.

Крамер отцепил с перевязи кинжал, приблизился к трону, встал на колени и протянул герцогине оружие рукоятью вперед. Ульрика взяла кинжал.

— Вы сказали, у вас украли фамильный кинжал дома Стормов, — начала она, — и я хочу возместить эту потерю. Мессир Неллер подарил вам меч, я же дарю этот клинок: такие носят воины моей личной гвардии. Возьмите и носите с честью.

— Благодарю, ваша светлость, — я принял клинок и прижал его к сердцу. — Я бы обнажил его и поцеловал лезвие, но помню, что в вашем присутствии обнажать оружие нельзя.

— Если вы понадобитесь нам, мы вас найдем, — ответила герцогиня. — Продолжайте помогать нашим подданным, и однажды вас найдет достойная награда. А пока ступайте, и пусть Вечные хранят вас, лорд Сандер!

***

— Вот так прямо и сказала? Серьезно?

— Да, именно так: "Пусть Вечные хранят вас, лорд Сандер"! — Я поднял кубок. — За нас!

— Твое здоровье! — Джи Кей осушил кубок. — Удача любит тебя, айслинг. И женщинам ты по сердцу. Они дарят тебе отличные подарки.

— Хороший кинжал, — я протянул кану подарок герцогини. — Теперь я вооружен до зубов.

— Он не просто хороший, он великолепный. Поверь, я неплохо разбираюсь в оружии. Такой кинжал стоит не меньше двадцати денариев, и дело не только в отделке. Узорная сталь, из которой он откован, не знает равных. Но мои кинжалы не хуже.

— Даже не сомневаюсь. Давно хочу спросить — откуда они у тебя?

— Это давняя история, — Джи Кей внезапно помрачнел. — Давняя и грустная.

— Прости, я кажется...

— Нет-нет, я, наверное, сам бы рассказал тебе, но... Эти кинжалы отковал Джуки-саин, кузнец в нашей деревне. И моя кольчуга тоже его работы. Пусть тебя не удивляет, что деревенский кузнец сковал такие замечательные клинки и такой доспех. Он был отличным кузнецом. Его подковы не изнашивались по нескольку лет, а серпы, ножи, косы и лемехи для плуга никогда не тупились и не ломались. Мои односельчане верили, что Джуки-саин колдун и знает секреты огня и металла, а он... Он был просто хорошим мастером, который с душой делал свою работу. Его жена была тяжело больна, у нее отказали ноги, она не могла ходить и работать. Я помню, как кузнец выносил ее в большом плетеном кресле на солнце, и бедняжка наслаждалась солнечным теплом и светом. И еще, у него была дочь Эсена. Самая красивая девушка в нашей деревне. Гибкая, как тростник, грациозная, как молодая тигрица, с волосами, подобными шелку и взглядом косули. Конечно, все парни были влюблены в нее. И я был влюблен. Так сильно влюблен, что мечтал жениться на ней. Но я не знал, как привлечь внимание Эсены на себя. Вокруг нее всегда были поклонники, и я не мог к ней подойти.

— Если нравится девушка, почему бы не послать к черту ее поклонников? — сказал я, наполняя кубки. — Не стоило тебе быть таким робким.

— Да, не стоило. Но слушай дальше. Мне как раз исполнилось восемнадцать, и в нашей деревне праздновали уборку урожая. В честь праздника девушки исполняли ритуальные танцы, и Эсена танцевала вместе с ними. Даже среди прочих девушек она выделялась своей красотой. И в это время на площади появились всадники. Это были сын нашего лорда Бонджу и его дружки. Они были пьяные и начали приставать к девушкам. Я видел, как Бонджу схватил Эсену и потащил ее к амбару, намереваясь совершить над ней насилие. Я не мог позволить, чтобы этот мерзавец обидел Эсену. Догнал их и как следует надавал Бонджу по морде.

— Отличный поступок, Джи Кей. Давай выпьем за тебя.

— Я думал, что поступил правильно. Но, оказывается, в нашем мире правда на стороне того, у кого больше денег. На следующее утро в наш дом пришли помощник судьи и стражники. Они сказали, что я совершил преступление, поднял руку на благородного человека и должен за это ответить. В суде я рассказал правду, говорил, что вступился за честь девушки, которую Бонджу хотел обесчестить. Но после судья вызвал Эсену, и она сказала, что это я набросился на нее пьяный, а Бонджу ее защищал. Мне трудно вспомнить, что я чувствовал в те минуты. Я и не подозревал, что женская душа может быть такой подлой. Будто весь мир погрузился в черноту.

Судья приговорил меня к штрафу в сто денариев в пользу потерпевшего. Это были огромные деньги, у моей семьи не было и десятой части этой суммы. Меня спас старинный друг моего отца, офицер в армии Гинцу. Он внес деньги, но с условием, что я три года буду служить ему. Конечно, я согласился. Штраф был заплачен, и я уехал из родной деревни с горьким чувством.

Военная служба быстро меняет человека. Став солдатом, я быстро забыл свои недавние горести. Все мои дни были заполнены обязанностями, и мне некогда было вспоминать о былой жизни. Лишь ночью я думал о том, как ошибся в той, кого, казалось, любил всем сердцем. Нет ничего страшнее предательства, особенно если самый дорогой тебе человек предает тебя.

Я прослужил пять или шесть месяцев, и вот однажды вечером меня вызвал мой командир и сказал, что меня хочет видеть какой-то купец-айслинг. Гадая, кто бы это мог быть, я направился к воротам крепости. Там меня действительно ждал пожилой человек в хорошей шубе. Он не назвал своего имени, лишь передал мне тяжелый кожаный мешок, в котором позвякивал металл. Вернувшись в казарму, я развязал мешок и нашел в нем великолепную кольчугу и два канских кинжала очень искусной работы. Больше в мешке ничего не было — ни письма, ни записки, которая бы объясняла, кто и зачем подарил мне такие замечательные вещи. Подарок был просто королевский, но я понятия не имел, кто мог сделать его. Лишь много позже я понял, кто.

через месяц я получил письмо, написанное отцом. Он сообщал мне, что Творцы наказали моих обидчиков. Вскоре после моего отъезда Джуки-саин отказался от всех заказов, однако днями и ночами запирался в своей кузне и что-то там делал. Пошли слухи, что старик сошел с ума. Его жена вскоре умерла, а парни, которые прежде не давали Эсене прохода, стали ее сторониться. Еще пошли слухи, что Бонджу хвастался в трактире, что лишил девчонку девственности. А полгода спустя случился оползень, который похоронил кузницу и дом Джуки-саина. Когда из грязи извлекли тела кузнеца и его дочери, люди

шептались, что это Творцы наказали их за причиненное нашей семье зло. Почему-то меня это письмо не обрадовало, и я сжег его в печке, хотя остальные письма от родственников хранил в своем сундуке.

Служба оказалась для меня хорошей школой. Я выучился воинскому делу, приобрел большой опыт и повидал мир от безводных, полных ядовитых гадов степей Гинцу до ледяных пустошей Вулафторна. Три года пролетели очень быстро, и мой сеньор освободил меня от клятвы, еще и денег мне заплатил. Конечно, я поспешил домой — мне очень хотелось увидеть отца, мать, сестру, моих родственников. Я думал о том, как обрадуется мама, увидев, каким я стал. Родители писали мне, что нашли для меня хорошую достойную невесту, и я мечтал поскорее увидеть мою суженую.

Мое возвращение стало для семьи настоящим праздником. Я был счастлив вернуться домой. Семейный пир затянулся до глубокой ночи, и я сильно напился. Когда мама и сестры ушли спать, мы с отцом вышли на свежий воздух, чтобы освежиться.

— Ты стал настоящим мужчиной, Джи Кей, — сказал мне отец. — Я уже стар, и скоро ты женишься и возьмешь в свои руки наше хозяйство.

— Спасибо тебе, отец, но я бы не хотел здесь жить. Слишком много печальных воспоминаний.

— Чепуха, сынок. Все наши беды в прошлом. Скоро мы заживем богато и счастливо.

— Да, отец, — ответил я, думая о другом.

Я остался. Женился на моей милой Альмаре, начал строить дом, а потом случайно узнал, кто подарил мне кинжалы и кольчугу. Вот, взгляни, айслинг, — Джи Кей обнажил оба кинжала и положил на стол так, чтобы свет от свечей падал на клинки. — Видишь эти письмена, выгравированные на лезвиях? На нашем языке они означают "Прощение" и "Покаяние". Теперь понимаешь?

— Понимаю. Кузнеца мучила совесть.

— Да, мой друг. Старый Джуки-саин хотел заслужить мое прощение. Позже я узнал, что Бонджу пообещал старику денег на лечение жены, если Эсена даст в суде показания в его пользу. Он сдержал обещание, но жене Джуки-саина не стало лучше. И старый кузнец решил загладить свою вину. Он задорого купил лучшую в канских королевствах сталь, отковал для меня кольчугу и кинжалы и нашел способ передать мне их. Вот почему я никогда не расстаюсь с ними, айслинг. Они напоминают мне о моей первой любви и о предательстве, которое я никогда не забуду. И еще о том, что я никогда не смогу поблагодарить старого Джуки-саина.

— Ты благородный человек, Джи Кей. Давай еще по одной.

— Знаешь, айслинг, я бы хотел вернуться в родную деревню и посетить могилы старого кузнеца и Эсены. Сказать им, что больше не держу на них зла.

— Ты сделаешь это, поверь.

— Иногда я думаю, что случившееся с Альмарой — это расплата за то, что я не простил старика. Я пользовался его подарками, но продолжал держать в сердце зло на него и его дочь. Что-то я сильно опьянел, — Джи Кей тряхнул волосами и с отвращением посмотрел на свой кубок. — Хватит мне на сегодня. Жалко, что ты уезжаешь, айслинг. Видят Творцы, я привязался к тебе.

— Я еще вернусь в Донкастер, обещаю.

— Не забудь, Борг еще ходит по земле. А я дал клятву убить его.

— Да уж, ходит. — Я помрачнел. — Спасибо за исповедь, Джи Кей. Я желаю тебе от

сердца, чтобы твое прошлое тебя больше не беспокоило. Никогда.

***

Замечательно. Вот просто слов нет, как замечательно. Я же просил хозяина не беспокоить меня! Нет, нужно колотить мне в дверь ни свет, ни заря, а все потому, что я задолжал ему денег аж за три дня. Ну погоди, каналья, я тебе все выскажу!

Шлепая босыми ногами по холодному полу, я добежал до двери и отпер засов. Мэтр Абель с самым сияющим видом подал мне сложенный листок бумаги и тяжелый бархатный кошелек.

— Что это? — спросил я охрипшим спросонья голосом.

— Ваша награда, милорд. Мэтр Майрон просил вам передать. Я бы еще вчера...

— Погодите, какая награда? Разве Жанин вернулась домой?

— О да, еще три дня назад! С той поры Майрон места себе не находил, все ждал, когда вы вернетесь из Донкастера, чтобы отблагодарить.

Совершенно ошалевший от таких новостей, я заглянул в кошелек — он был полон золотыми монетами. Черт, а ведь мне это не снится!

Бросив кошелек на стол, я развернул записку. Несколько строчек, написанных мелким убористым почерком:

Дарагой лорд Сандер!

Нежайше благодарю Вас заподвиг, савершенный Вами. Вы, благаслави Вас Вечные, вернули мне мою любимую дачурку Жанин, за что я Вам буду абязан па гроб жизни! Ждем вас снитерпением в моем доме что бы засведетельствовать пачтение и вернуть Вашего коня, о катором заботемся как о члене нашей семьи.

Ваш пакорный слуга,

Майрон Гроу, негоциант.

— Хозяин, мне бы вина покрепче, — сказал я, отложив записку. — Что-то мне нехорошо.

— Сей же час, милорд! — Мэтр Абель вылетел из комнаты напуганной перепелкой.

Наверное, способность соображать здраво вернулась бы ко мне нескоро, если бы не ожил мой смарт, получивший очередное сообщение. На этот раз пришла целая простыня, да еще и весьма информативная:

Поздравляем, Преследователь! Ты достиг седьмого уровня. Со следующего уровня ты сможешь выбрать себе новую специализацию.

Прибавка к талантам: Благородное происхождение + 10, Кулачный боец + 5, Ношение доспехов + 10, Милый собеседник + 10.

Активные задания:

Задание "Проклятие"

Задание "Исчезновение"

Задание "Ведьмы".

Задание "Друиды".

Задание "Друг Трибунала"

Задание "Друг свободных магов"

Статус на момент достижения 7-ого уровня.

Всего пунктов опыта начислено: 4450

Предметов получено: 9

Денег получено: 279,5 денариев

Заданий выполнено: 10

Активных заданий: 6

Постоянная способность "Благословение Торна" (ловкость +5, холодное оружие +5, урон оборотням +5)

Достижение "Встречают по одежке". При надевании любых доспехов Репутация увеличивается до 50 единиц, а харизма до 30.

Базовые качества:

Ловкость — 35

Скорость — 30

Сила — 10

Интеллект — 30

Здоровье — 30

Харизма — 30

Хитрость — 30

Удача — 30

Репутация — 35

Таланты:

Благородное происхождение — 20

Милый собеседник — 20

Травы и корни — 10

Крепкий парень — 10

Маскировка — 10

Стихосложение — 10

Жокей — 10

Кулачный боец — 15

Мастер по замкам — 10

Сила духа — 15

Ношение доспехов — 35

Образованность — 30

Дальнобойное оружие — 10

Знатока капканов — 10

Отношения с фракциями:

Трибунал — настороженное

Друиды — нейтральное

Ведьмы — враждебное

Синклит — дружественное

Так вот, полный тебе отчет, не дать не взять — игровая статистика. Только все это не в игре происходит, а на самом деле. И события так развиваются, что ах.

Делать нечего, собираемся и топаем в гости к мэтру Майрону. А то ведь беда может случиться, бедняга ни сном, ни духом, в кого превратилась его доченька.

Дом Майрона Гроу я нашел без особых проблем — вполне ухоженный и даже по современным меркам представительный особняк кондитера находился на Золотой улице, совсем недалеко от моей гостиницы. Хозяин был в лавке и чуть ли не бросился руки мне целовать, но я быстро остановил этот поток эмоций.

— Как и когда твоя дочь вернулась домой, мэтр? — спросил я кондитера.

— Три дня тому назад, милорд, приехала на вашем коне прямо к ужину. Ох и радости в нашем доме было, ох и было! Целая-невредимая вернулась, а уж как рассказала про вас, как спасали вы ее, ээээх! — тут мэтр Майрон раскис, захлюпал носом и с шумом высморкался в платок. — По гроб жизни ваш слуга, добрый сэра, и старуха моя...

— Где сейчас Жанин?

— Туточки, в доме.

— Пойдем, я хочу поговорить с ней. Это очень важно для всех.

Доброго кондитера немного насторожили мои слова. Да и выражение моего лица наверняка было под стать. Он с готовностью побежал вперед, показывая дорогу, и мы прошли из лавки в просторную прихожую, а оттуда в кухню, где мамзель Жанин как ни в чем не бывало месила на дощечке сдобное тесто. Увидев меня она радостно воскликнула, опустила сияющие глазки и присела в книксене.

— Милорд! — промурлыкала она.

— Вы! — Я подошел ближе, заглянул ей в лицо. — Как вам удалось уйти из замка? Да еще моего коня найти.

— Милорд, я так рада вас видеть! А ушла я благодаря этому старику, вашему другу.

— Какому еще старику? — не понял я.

— Ну старенькому такому, с бородой и длинными волосами. Мне было очень плохо, все тело горело, и что-то темное жгло меня изнутри. А потом появился этот старик, поднес к моим губам бутылочку и сказал: "Не бойся, я друг сэра Сандера и твой. Я пришел помочь. Выпей, дитя, это хорошее лекарство". И я выпила. И мне сразу стало так хорошо, что и словами не высказать!

— А потом что было?

— Старик развязал веревки, которыми вы меня связали и повел меня из замка через подземелье. Когда мы вышли на дорогу, на ней стоял конь — ваш Брес, сударь. Старик помог мне сесть в седло, подал мне бутылочку и сказал: "Допей остатки лекарства и поезжай домой с милостью Вечных и благословением Пророка!" Я так и сделала. Выпила воду и поехала по дороге.

— Как же вам удалось добраться до Эттбро?

— Не знаю, — с самым простоудшным видом ответила Жанин. — Я просто ехала вперед и добралась до дому.

— А бутылочка, которую дал старик — она осталась?

— Конечно, — Жанин вытерла руки о передник, улыбнулась. — Я сейчас.

— Милорд, как же мы благодарны вам за ваши труды, да по гроб жизни... — забубнил у меня за спиной мэтр Майрон, но я не дал ему договорить.

— Послушай, любезный, — сказал я, — с той поры, как твоя дочка вернулась, ничего странного не замечал за ней?

— Замечал? А чего надо было замечать, не в обиду вам будет сказано?

— Ну, странности какие-нибудь. Может, ночами не спит, по стенам ползает, говорит чужим голосом или сырого мяса хочет.

— Вечные с вами, какие ужасы вы, милорд, говорите! — Майрон сделал жест, отворачивающий зло. — Ничего не видел такого, и чтоб мне до последнего часа этого не увидеть!

— Хорошо, если так. Ты не беспокойся, я ведь спрашиваю потому, что у очень скверного человека Жанин в плену была.

— Да понимаю я все, милорд... Нет, все хорошо с ней. Ожила моя птичка, радуется нас с матерью, прямо сердце поет...

— Вот, — Жанин показала в дверях и сразу протянула мне маленькую каплевидную бутылочку из непрозрачного белого стекла. — Я ее сохранила. Возьмите, коли нужна она вам.

Я невольно поднес бутылочку к носу, понюхал — запаха не было. Интересно, что за лекарство было в ней?

— Странно все это, — я пристально посмотрел на Жанин, пытаюсь разглядеть признаки страшной порчи, которая проявилась в лесной усадьбе и так напугала нас. Но нет, передо мной стояла цветущая миленькая, хоть и несколько простоватая на мой вкус девушка, которая явно чувствовала себя здоровой.

Точку в моих сомнениях поставил смарт-Наставник, который трелью сообщил о полученном сообщении. Оно было коротким, но все объяснило:

Задание "Исчезновение" выполнено.

Добавлено задание "Ученик Пророка"

Узнай больше о Джозефе Джаримафи.

— Так значит... — Я посмотрел на Жанин и понял все. Кто был загадочный старик, что содержалось в маленькой бутылочке из белого стекла, и почему семье Гроу не стоит опасаться за здоровье дочери. — Да, я все понимаю. Мне пора.

— Позвольте, я пришлю вам свежие пироги, милорд, — с собачьей преданностью в глазах попросил мэтр Майрон. — Сегодня же к ужину. С клубникой, со сладким сыром и майораном, с курагой...

— Да, пришлите. Я... я очень рад, что сумел помочь вашей семье. Прощайте.

На улице я остановился, посмотрел на погасший экран смарта и сунул его за пазуху. Еще одно задание было выполнено, но впереди оставалась полная неопределенность. Чем дальше я шел по дороге моих приключений в Десятигорье, тем больше возникало вопросов, и я понимал, что ответы на многие из них я получу еще очень нескоро. Хотя...

Мне грех жаловаться, у меня многое получилось. И впервые за последние дни появилось предчувствие, что я наконец-то иду в правильном направлении, и сворачивать с него не стоит.

А мое предчувствие меня никогда не обманывает. Проверено временем.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net